

Родная ДАДОГА

№ 2(12)' 2010

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России;

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России;

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга;

ЗАО «Утро»

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Зам. главного редактора
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Шеф-редактор
электронной версии журнала
Николай СТАНКЕВИЧ

*Зарегистрировано УФС
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного
наследия по Северо-Западному
Федеральному округу ПИ № ФС-2-8531*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Архиепископ Курганский и Шадринский КОНСТАНТИН (Горянов).
АГАФОНОВ Николай, протоиерей (Самара) — член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель правления Союза писателей России, доктор исторических наук, заместитель Главы Всемирного Русского Народного Собора.

ГРОМОВ Александр Витальевич (Самара) — председатель Самарской писательской организации, гл. редактор журнала «Русское эхо».

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДЕНИСОВ Николай Васильевич (Тюмень) — председатель Тюменской областной писательской организации, гл. редактор газеты «Тюмень литературная».

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — главный редактор газеты «Российский писатель», секретарь правления СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КАЗИН Александр Леонидович (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, член Союза писателей России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КОНЯЕВ Николай Михайлович (Санкт-Петербург) — секретарь правления СП России, главный редактор журнала «Аврора».

КОРОЛЬКОВ Александр Аркадьевич (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, академик РАО, член Союза писателей России.

КОРЫТИН Сергей Николаевич (Санкт-Петербург) — генеральный директор ЗАО «Утро».

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — депутат Законодательного Собрания СПб, председатель постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь правления СП России, гл. редактор журнала «Благодатный огонь».

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат литературной премии Александра Солженицына, зав. отд. поэзии журнала «Новый мир».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь правления СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

ОРЛОВ Борис Александрович (Санкт-Петербург) — председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, член правления СП России.

ПОПОВ Геннадий Андреевич (Орел) — сопредседатель правления СП России, руководитель Орловской писательской организации.

СДОБНЯКОВ Валерий Викторович (Нижний Новгород) — гл. редактор журнала «Вертикаль. XXI век», член СП России.

СЕМЁНОВ Валентин Евгеньевич (Санкт-Петербург) — директор НИИ социологических исследований СПбГУ, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России.

СМОЛЬКИН Игорь Александрович (Псков) — председатель Псковской писательской организации.

ШВЕЧИКОВ Алексей Николаевич (Санкт-Петербург) — директор Межвузовского центра по религиоведению, кандидат философских наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Русский Паломник

Юрий Лощиц. Пасха красная.....	5
--------------------------------	---

ПОЭЗИЯ

Геннадий Иванов.....	10
Егор Исаев	44
Валентина Ефимовская	74
Николай Рачков	105
Анатолий Аврутин	110
Александр Кердан	195
Василий Забелло	199
Марш Победы. Стихотворения петербургских поэтов, посвященные 65-летию Великой Победы	229

Наша ИДЕОЛОГИЯ

Наталья Нарочницкая. О Великой русской Победе.....	15
--	----

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов). Священный долг перед Родиной и верой. О патриотической деятельности Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны.....	20
Сергей Куличкин. Ленинградская битва. О трехлетнем противостоянии советских и немецких войск на подступах к Ленинграду.....	55
Леонид Ивашов. Геополитические аспекты Второй мировой	84

ПРОЗА

Юрий Бондарев. Память войны. Мгновения	35
Алексей Логунов. Куликовские притчи	183

Актуальное ИНТЕРВЬЮ

Ветераны в строю. Интервью с генералом армии М. А. Моисеевым К 65-летию Великой Победы	47
---	----

Точка ЗРЕНИЯ

Александр Казин. История как политика. Бесконечные споры о прошлом ставят под вопрос наше будущее	68
Михаил Леонтьев. «Священная наша Держава».....	99
Никита Михалков. Полоса отчуждения	131
Николай Коняев. «Исцели сокрушение душ...» или инвентарный номер ДРЖ-2093	152
Иван Сабило. Предчувствие.....	242

Знакомый ГОЛОС

Михаил Ножкин. «Россия была офицерством горда и тверда». Стихи и песни ..	78
---	----

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Евгений Примаков. Причины «Операции Косово» 94

ВЕХИ

Побывали, чтобы вернуться... *Поездка российских писателей в Сирию.*
Дамаск-Москва. Март 2010 года..... 113
Гордое слово Патриот. Петербургскому театру «Патриот» — 20 лет! 203
Премия им. Александра Невского за 2009 год вручена
петербургскому журналу «Родная Ладога» 282

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Дмитрий Rogozin. «Чтобы нашему роду не было переводу» 119

ЛИРОВОЗРЕНИЕ

Николай Бурляев. «Любовью и единством спасаемся...»..... 136
Александр Дугин. О моем отношении к религии. Вынужденные пояснения 141

Родная РЕЧЬ

Владимир Крупин. Хранители нравственности 146

Великая ПРОВИНЦИЯ

Анатолий Грешневиков. «Любя и помня...». *Очерки*..... 161

НАСЛЕДИЕ

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы 170

Петербургский ПИСАТЕЛЬ

Валентина Ефимовская. «...Потерявшему пути свои».
О книге стихов В. Марухина «На распутье»..... 207

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вячеслав Улыбин. Ранние стихи Ольги Берггольц.
К столетию со дня рождения..... 218
Игорь Изборцев. Грусть, облаченная в тогу Сократа.
О книге Юрия Перминова «Свет из маминого окна»..... 225

ДОСПЕХИ

Реформа в обеспечение традиции. Интервью с генерал-майором
А. Ф. Голобородовым. *К 65-летию Великой Победы*..... 235

Связь ВРЕМЕНИ

Александр Раков. Великая неизвестная. *Былинка.*
К 65-летию Великой Победы 248

Стихи ДУХОВНЫЕ

Николай Переяслов. «Молитесь и мы победим...».
Фрагмент поэмы «Пяточка матушки Матроны»..... 260

ЛЕСТВИЦА

Царская Пасха. *Материал подготовлен и составлен Натальей Харламовой* 264

Русский ПАЛОМНИК

Юрий ЛОЩИЦ

ПАСХА КРАСНАЯ

Юрий Михайлович Лошиц — родился в 1938 в селе Вале-гоцулово (ныне Долинское) Одесской обл. в семье кадрового военного. В 1962 году окончил филологический факультет МГУ. На протяжении многих лет работал корреспондентом, литсотрудником, редактором в различных литературных журналах и издательствах. Секретарь правления СП России, лауреат многих литературных премий. **Живет в Москве.**

До начала еще полчаса. Поднимаемся по ступеням в полумглу Голгофы, к тихому дыханию ее лампад, замерших перед Распятием. Теперь здесь почти никого, а среди ночи с трудом удавалось протиснуться к Престолу.

В нишу под его каменную плиту опустилась на колени маленькая пожилая женщина в черном. Там, я знаю, круглое углубление в камне — место, где стоял Крест. О, есть еще на земле люди с таким молитвенным даром! Она будто всю жизнь сдерживалась, чтоб не зарыдать, но когда, наконец, дошла сюда, как задрожало старое согбенное деревце ее тела. Но не вопль, не стон, а тихий плач осиротевшего ребенка разлепил ее губы...

И что-то нам, кажется, враз передалось, пусть по самой ничтожной капле, от этого ее мироносного горя. Я потом буду искать ее глазами во время заутрени и литургии, но не увижу больше. «Тебе, на водах повесившего всю землю неодолимо, тварь видевши на лобном висима, ужасом многим содрогшися, несть Свят, разве Тебе, Господи, взывающе»... И вот мы, тварь, созданная Тобою, повесившим неколебимо на водах всю землю, видя Тебя на лобном месте висающим, ужасом многим содрогаемся, взывая: никто не Свят кроме Тебя, Господи.

Вслед за ушедшей женщиной я опустился в том же месте на колени. Рука невольно потянулась внутрь углубления, ушла по локоть в цилиндрическое отверстие. Так принято, мне сказали, опускать туда руку. Пальцы почти сразу ощупали шероховатые стенки и близкое дно. И почему-

то тут же, не собираясь пока в слова, возникло чувство облегчения и благодарности за то, что это все-таки еще не самое то дно. А ты бы как хотел? Сразу до самого того дотянуться? Да если бы посмел дотянуться до того самого, тут же всю руку бы и сожгло.

Скоро уже, совсем скоро спустится от алтаря крестный ход и запоют «Воскресение Твое, Христе Спасе...» А затем и праздничный тропарь грянет: «Христос воскрес...»

Конечно, петь будут по-гречески. Наши женщины, с намерением подпевать, еще вечером переписывали друг у дружки слова тропаря русскими буквами: «Христос анести...» Но дальше, кажется, получалось не вполне складно, потому что присоединяли предлоги и артикли к существительным. Я не стал мешать переписыванию. Но теперь, пусть и задним числом, все же, думаю, имеет смысл внимательней вчитаться в греческий текст тропаря.

Итак, воскресение — по-гречески «анастасис». Глагол воскресе — «анести». Полностью же тропарь на греческом (но в русской транскрипции) выглядит так:

*Христос анести ек некрон
фанато фанатос патисас
ке тис ен тис мнимаси
зоин харисаменос.*

А теперь, для сравнения, и наш общеизвестный церковнославянский стих:

*Христос воскресе из мертвых,
смертию смерть поправ
и сущим во гробех
живот даровав.*

Даже человек, только пробуящий самостоятельно читать и разумеать по-гречески, видит из этого сопоставления, с какой безукоризненной точностью наши святые Кирилл и Мефодий перевели (а это именно их перевод) с греческого на старославянский этот самый часто и повсеместно звучащий в христианском мире гимн. Причем, перевели без каких-либо вольных дополнений и «улучшений», а, что называется, пословно, — смысл в смысл, слово в слово, ничего не поменяв в последовательности словесного ряда. Но мало этого, они еще придали своему шедевру совершенную самостоятельность мелодического строя и образа, — именно в соответствии со славянским представлением о красоте звучащего слова...

...Сверху, от Голгофской часовни, видно, что храм быстро заполняется народом. Спустившись по лестнице, проходим к Кувуклии, чтобы успеть передать внутрь свои поминальные записки. Сестра Спиридония заметила нас и предупреждает, что в половине второго

собираемся на площади, у храмовых врат, чтобы пешком идти к Русской миссии.

Дело в том, что в нашем Троицком соборе праздничная заутреня начнется в два ночи. Понятно, почему такая сдвижка на два с лишним часа. Все русское духовенство теперь здесь, будут служить вместе с греками. В такую ночь как же не быть всем верным вместе? И именно здесь, где смертью попрана смерть.

Царские врата распахнуты. Зашевелились от солеи пурпурные хоругви, золоченые кресты на высоких древках. Все! Пасхальный крестный ход поплыл в сторону Гроба Господня. Впереди шествия — патриарх Ириней, как обычно, внешне спокойный, задумчиво-сдержанный в движениях. Но в воспаленном блеске глаз — усталость от сугубых служб истекшей только что Страстной.

Духовенство выступает в сияющих парчой облачениях, с крестами и свечами в руках, будто воинство в кольчугах и латах. Бородачи, согбенные и величавые старцы, сосредоточенные лица молодых. Тут, наверное, не только греки, русские, сербы, сирийцы... Похоже, тут весь цвет Православия, теснимого в мире, но не отступающего. Глядя на них, догадываешься, что вот она олицетворена перед нами — великая правда преемственности апостольского служения, порученного Христом ученикам и от тех дней донесенного до нынешних, несмотря на все внутренние смуты и внешние пагубы.

От Кувуклии, перед которой шествие замерло, понеслись первые пасхальные возгласы — и первые, от всего живого собора, ответы:

Христос анести!

И почти тут же:

Христос воскресе!

И неожиданно мощное, раскатистое, как выдох освобожденной от смерти души:

Воистину воскресе!

Греческие выносные кресты на высоких древках и тяжелотканые хоругви быстро-быстро завращались, будто в ликующем поднебесном хороводе. Все зачарованно любят эту детскую пасхальную игру, руководимой, кажется, уже не людьми, а самими херувимами и серафимами.

Мы стоим на том самом месте, где стояли всю прошлую ночь и все субботнее утро в ожидании огня. Почему-то захотелось и теперь побыть именно здесь, на своем месте. Но удивительно: сейчас — никакой усталости! Будто вся жизненная тяжесть, накопленная годами, отступила навсегда.

Поглядываем на часы. Да, уже пора идти к условленному месту сбора. Толпа, наблюдающая за праздником извне, все еще заполняет площадь... Ночь свежая, но не холодная, как две предыдущие. Говорят, наше духовенство во главе с архимандритом Елисеем, только что отбыло в миссию. Ждем, когда вся группа подтянется к воротам. И вдруг спохватываемся: да что это мы? Надо же запеть — прямо здесь, под небом Иерусалима. Обязательно надо! И не как-нибудь, не вполголоса, а всю силу, все чувство вкладывая в великую песнь Христовой победы над смертью!.. Ну же, братцы, Христос воскрес из мертвых...

Плывут над площадью светлые размытые облачка. Глядят из-за них на город звезды Воскресения. О, Пасха! Новая, святая, таинственная, какое счастье! Как хочется поделиться им со всеми, в том числе с этими любопытствующими. Они, наверное, сейчас пошучивают над нами: ну вот, мол, русские уже выпили по стакану и запели.

Между тем, шутки в сторону, все в сборе, и теперь предстоит самым быстрым шагом выдвигаться в сторону угловых Новых ворот. Кто-то, правда, робко предложил идти через Дамасские, но знатоки тут же оспорили: зачем делать лишний крюк?

У светофора на улице Яффы сейчас пусто, а на днях, возвращаясь вечером из миссии, чуть не четверть часа простояли тут, пропуская, «страха ради иудейска», воинскую автомобильную колонну. Откуда они пригрохотали, куда следуют? Может, из Вифлеема, который так и оказался для нас недостижимым.

...В сияющем, щедро украшенном цветами Троицком соборе — шелест волнующего ожидания. А все же как-то не хватило воображения, чтобы наперед представить себе и такое: светлый праздник Воскресения Христова на пяди русской земли в Иерусалиме. Даже когда прилетели сюда, еще не догадывались, что в одну ночь будут у нас сразу две Пасхи — греческая и русская.

Кажется, мы не обидели греков. Мы радовались с ними, восклицали и подпевали как умели. Но мудрые греки поймут, что мы соскучились и по своему. По иконам своим, по своему пению, по своей священной славянской речи.

Сколько же нас тут всего — паломников, духовенства и мирян из миссии, монахинь и послушниц из Горней, соотечественников, волею судьбы на время (или навсегда) прибитых, будто волнами, к стенам великого города?

Все мы теперь — из Москвы и Киева, из Томска и Тамбова, из Полоцка и Костромы — соборяне, малый собор от великого русского собора, простирающегося в ночи к северу и востоку отсюда. Там — наши здравствующие, чьи имена сейчас пишем в поминаниях, и наши почившие, под старыми или свежими могильными холмиками. Там — наши родные, наши друзья; они сейчас вспоминают нас, они переживают, что мы собрались в путь в такое опасное время; кто-то на алой заре уже возвращается домой

из своей церкви, и заря эта румяным пасхальным яйцом катится дальше на запад.

«Пасха священная нам днесь показася», — радостно звучат под сводами собора слова самой первой из пасхальных стихир. Великая, поистине святая поэзия! И вдруг приходит догадка: а ведь создатель этих гимнов Иоанн Дамаскин, скорей всего, именно здесь их и написал, — или в самом Иерусалиме, или в монастыре Саввы Освященного. Будто само это небо, чистое, таинственно розовеющее на заре, играющее хороводом солнечных лучей, подсказывало ему слова: «Пасха красная, Пасха, Господня Пасха! Пасха всечестная нам возсия! Пасха! Радостию друг друга обьемем!...»

Пасха красная пришла, прекраснейший день года, жизни. Сияет верным сердцам Воскресение, которым когда-нибудь — после несметных скорбей, смертей и преступлений — завершатся судьбы всей земли и всего сотворенного.

ВОЕННЫЙ ЛЕНИНГРАД

*Фотографии
Ленинграда
времен Великой
Отечественной
войны*

ПОЭЗИЯ

Геннадий ИВАНОВ

«ВСЕ В РОССИИ НАПОЛНИТСЯ СВЕТОМ...»

Геннадий Викторович Иванов — родился в 1950 году в г. Бежецке Тверской области. Окончил Литературный институт. Работал в издательствах. Автор десяти поэтических книг. О своей малой родине написал и издал трехтомник «Знаменитые и известные бежечане». Первый секретарь Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Редакция журнала «Родная Ладога» поздравляет известного современного поэта Геннадия Иванова с 60-летием. Многими словами можно определить особенности его творчества и личности, но главное определение — это русская поэзия, это исконно русский поэт. Даже не определение, это звание, это мировоззренческая позиция писателя, на долю которого выпало жить в стране, насильно отрываемой от своих исторических корней. Он любит Россию современную и во имя ее будущего обращается в своем творчестве к России древней, исторической, глубинной. Оттуда он черпает вдохновение, образность, свою поэтическую философию, считая лучшими качествами человеческой души веру, жертвенность, любовь к родной земле, особое уважение к человеку, обрабатывающему и хранящему эту землю. Христианским миропониманием проникнуто все творчество Геннадия Иванова. Вдумчивое обращение к его поэзии в целом позволяет увидеть постепенный, целенаправленный духовный подъем, трудный творческий путь на Пасхальный Свет. Видно, как поэт по призванию своей души постепенно восходит от воспетого им мира чувственного, хоть и прекрасного, но подверженного тлению, в мир истинный, вечный, сопричастный Богу. Как достижение этого поэтического творчества следует отметить редкое поэтическое мастерство изображения гармонии этих миров, к каждому из которых поэт принадлежит по естеству тела, облаченного зримой красотой Божиего мира, и души, стремящейся в идеале к слиянию с Божественным Логосом. И само стремление-восхождение, и поэтическое отражение его требуют особой силы духа, или по богословско-

му определению — «жизненной силы души», питаемой духовными энергиями, и отражающейся в творчестве в виде неиссякаемого чувства любви во многих ее проявлениях. С вершины любви — любви к Богу — любовь поэта изливается на Божий мир, в котором особое место занимает его Родина — его Россия. Геннадий Иванов в своей поэзии уважительно и вдумчиво относится к любому периоду истории страны, не разделяет русский народ ни по каким признакам, кроме одного — любви к Отчизне. Он уверен в великом будущем своей Родины, которой ее враги уже не одну тысячу лет пророчат погибель. Поэт уверен в исторической правде, ведь «уж было написано «Слово о погибели Русской земли». Но ведь выжили, превозмогли». Будучи на посту первого секретаря Союза писателей России, Геннадий Викторович и сам показывает пример этого превозмогания, преодоления, бесстрашно участвуя в жесточайшей современной войне нравственных ценностей, в войне за русскую литературу, за русскую душу. Дай Бог ему сил во имя победы.

ВЕТЕРАН

Русланову слушает старый солдат,
И вольно в душе, как в долине.
Да, он консерватор, и он ретроград,
Но был в сорок пятом в Берлине.

И песня как ветер летит сквозь года
Из дали поверженной прусской —

Русланова пела в рейхстаге тогда
С великою удачью русской.

Шумите, витии, не знавшие бед,
В герои себя возводите.
Не знали ни бед, ни великих побед,
Что вам остается — шумите.

* * *

Вот и осталась неделя,
Только неделя — а там
В синюю полночь апреля
Пасха пожалует к нам.

Да, на исходе недели,
Что там ни говори,
Самые темные ели
Будут сиять изнутри!

* * *

Началась неделя Страстная.
Неделя страданий Христа.
Апрель. Дорога лесная.
Еще нет ни одного листа.

И все в России наполнится светом,
Верой в доброе торжество.
Повеет победой, повеет летом,
И Господь не забудет никого.

Вот Христос пронесет
Свой крест тяжелый
На место казни, на кресте умрет,
А потом воскреснет — и лес веселой
Жизнью наполнится, оживет.

Только надо пройти
эту неделю Страстную,
Пройти, прося прощенья у Бога.
На Пасху мы все сидим
у Господа одесную,
Это потом будет грозно и строго.

ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ

Моление о Чаше

В Гефсиманском саду Он упал на колени.
«Отче!» Он говорил, как простой человек.
Обступали Его, как распятия, тени.
И в ответ ничего Ему Бог не изрек.

Эта Чаша страданий Его не минует.
Значит, видимо, нету другого пути.
А иначе — великое зло торжествует.
А иначе — никак нас, людей, не спасти.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

С детства мне в душу запали
Два этих слова. Они
Тайной меня волновали
В давние-давние дни.

Вербы росли в перелеске.
Я полюбил их тогда
Сердцем доверчиво-детским
И полюбил навсегда.

Словно сейчас это вижу:
Вербы принес я домой —
Бабушка крестится, рада
Мама, довольная мной.

Вербы всегда на божнице
Были в деревне у нас...
Славили Господа Бога,
Славят Его и сейчас.

* * *

Завтра Пасха, завтра Воскресение,
Завтра радость мира без границ.
А сегодня, значит, освящение
Куличей да крашенных яиц.

Завтра православное веселье,
Я его со всеми разделю.

А теперь в московском подземелье
Еду в храм, который я люблю.

Собрала пасхальную поклажу
Мне жена — и осторожно с ней
Еду я. И под землю даже
Радостно душе моей.

НА ПАСХУ

Храм обошли — и вот минута близко:
Мы засвидетельствуем чудо из чудес,
«Христос воскрес!» — произнесет епископ,
Народ как выдохнет: «Воистину воскрес!»

Идут с хоругвями, звон колокольный льется,
Уже открыли Царские врата...
— Христос воскрес! — громко раздается,
Мы празднуем бессмертие Христа!

С высоким духом примирился разум.
Разрушен ад и дьявол посрамлен.
Христос воскрес — и путь душе указан!
Вот наш оплот среди земных времен.

ВОСКРЕСЕНЬЕ В ГОРОДКЕ

В морозный день звонят в колокола,
И белый иней, осыпаясь с меди,
Летит на крыши и на купола...
А тихий звон вещает о победе.

О той победе: «Смертью смерть поправ...»
О Воскресенье нам напоминая.
Играет солнце радужно с утра,
Идет народ, тропинки уминая.

В АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЕ

Душа сегодня мечется, болит:
Что делать среди мерзости и срама?
«Быть русским! — говорит митрополит. —
Не отступать от веры и от храма».

Мы отошли, мы заблудились, мы,
Безумные, испили чашу яда —
И помрачались многие умы...
К себе самим
Теперь вернуться надо.

Опять народом православным стать.
.....
Господь зовет уныние отринуть
И о Руси Святой
Возревновать.

* * *

Теперь все как бы утопает в иле,
Теперь здесь трудно даже тракторам.
Где крепкий берег? Где конец могиле?
Конечно, на холме, где Божий храм.

К нему идти, к нему душой стремиться.
Вот в чем спасенье, понял я вполне.
И ничего, что грязь все длится, длится...
Дожди шли долго в нашей стороне.

* * *

В сердце утомленном затихает битва,
Только я ступаю на родимый путь.
Хорошо читается во поле молитва,
«Господи Иисусе...» — выдыхает грудь.

Этот путь привычный, этот путь не страшен —
Поле да кустарник, птичьи голоса...
Так бы вот и шел я средь лугов и пашен
По холмам лучистым
Прямо в небеса.

* * *

Поставили стражу у гроба Господня убийцы,
Ко гробу печати кругом приложили они,
Чтоб тело не выкрали, чтобы потом не сказали,
Мол, вот Он воскрес...
«Он не может воскреснуть вовек».

Россия родная, ты вся запечатана тоже.
Как трудно идет возрождение к свету твое
И камень такой, что со скрежет тяжким, со скрипом
Он нам поддается...
Без Бога его не отнять.

ВОЕННЫЙ ЛЕНИНГРАД

*Фотографии
Ленинграда
времен Великой
Отечественной
войны*

Наша ИДЕОЛОГИЯ

**Наталья
НАРОЧНИЦКАЯ**

О ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ ПОБЕДЕ

Наталья Алексеевна Нарочницкая — доктор исторических наук, окончила с отличием МГИМО, специалист по США, Германии и общим проблемам и тенденциям международных отношений. В 1982–1989 гг. работала в Секретариате ООН. Автор фундаментального труда «Россия и русские в мировой истории», опубликовала более 40 научных трудов. Одна из инициаторов и сопредседателей форумов и объединений русской общественности. Президент «Фонда исторической перспективы». Живет в Москве.

Сколько бы русские ни спорили о Великой Отечественной войне, суждения титанов западной политики (Черчилль, де Голль), вся западная стратегия и обширная литература по международным отношениям свидетельствует: после мая 1945 года СССР в западном мире рассматривался как «опасная» геополитическая предпосылка к потенциальному самовосстановлению России. Понятно, что без осознания смысла Великой русской Победы, этого важнейшего события нашей многострадальной истории в XX веке, невозможно понять суть и современных мировых процессов, и судьбу послевоенного СССР. Ибо Великую Отечественную войну СССР выиграл в своей ипостаси Великой России. Став Отечественной, война востребовала национальное чувство русского народа и его солидарность, разрушенные классовым интернационализмом, очистила от скверны братоубийства и воссоединила в душах людей, а, значит, потенциально и в государственном будущем разорванную, казалось навеки, нить русской и советской истории.

Никого уже не удивляет, что каждая годовщина Победы в Великой Отечественной войне сопровождается попытками ее развенчать. Началось это в конце 80-х годов, когда нация раздавала поругаемые отеческие гробы своей тысячелетней истории под флагом прощания с тоталитаризмом. Злобные комментарии, акценты на «заградотрядах», якобы

стрелявших везде и всегда в спину бойцам, сопровождали и юбилей Сталинградской битвы.

Воинствующим западникам ненавистна любая форма русского великодержавия, и они стремятся обесценить его, увязав с репрессиями. Однако, напомним, что вовсе не репрессии создали великую державу: вся территория России была собрана до революции, и Потемкин стал Таврическим, а Суворов — Рымникским не при Сталине, а при Екатерине Великой. Петр I, а не Ленин прорубил окно в Европу на Балтике. Более того, до революции территорию России, собранную в полном соответствии с юридическими нормами своей эпохи, не оспаривали даже самые жесткие соперники.

И советское великодержавие было оплачено вовсе не репрессиями. Ни революция, ни пресловутый 1937 год не придали СССР роли на мировой арене. Великой державой СССР стал только после жертвенной борьбы народа против фашистской агрессии. Без осознания смысла Великой русской Победы невозможно понять судьбу послевоенного СССР.

Отозвавшись на «Братья и сестры!» и на церковное благословение «православных на защиту священных рубежей нашего Отечества», в окопах Сталинграда в партию вступили обыкновенные почвенные русские люди. И те, кого в 20-е учили глумливо называть Святого Благоверного Александра Невского классовым врагом, на Прохоровском поле умирали «за советскую Родину» в танке «Александр Невский», получая орден его имени.

В общественном сознании противостояние Запада и СССР после войны было намеренно сведено к демагогии о борьбе коммунизма и демократии. Это нужно для того, чтобы обосновать правомерность замены итогов Второй мировой войны, которую СССР выиграл, на итоги «холодной войны», которую СССР проиграл, причем проиграл в роли носителя коммунистической идеи. Идея и носитель были повержены с афишируемым треском.

Теперь задумаемся: ведь это ликование на Западе странно не соответствовало абсолютной безвредности идеи коммунизма для Запада в силу ее уже полной непривлекательности в конце XX века. Празднование триумфа связано с тем, что под видом коммунизма, казалось, удалось еще раз похоронить в зародыше потенциальную возможность исторического возрождения России.

Либералы-западники и сегодня упорно навязывают нам версию о воевавших «двух монстрах», о тождестве всемирных целей Гитлера и Сталина, о войне как схватке двух тоталитаризмов, соперничавших за господство. Обратим внимание на то, что такая трактовка появилась вовсе не во время холодной войны. Она возникла неслучайно лишь в 80-е годы для подготовки разрушения СССР. Именно тогда США стали объяснять свою войну против Гитлера не как за независимость европейских народов от фашистского завоевателя, а за торжество «американской демократии».

Распространение этого «торжества» стало идеологическим мотивом американской стратегии в Европе в 80-90 годы, цель которой была замена итогов Второй мировой войны на итоги «холодной войны», в связи с чем и продолжалась «борьба за вселенские идеалы» против «оставшихся тоталитарных режимов» — сначала СССР, потом Югославии, затем Афганистана, Ирака — далее везде...

Под этот припев США и НАТО сами устремились на Восток, причем точно по следам и даже расписанию фашистского рейхсвера. Карта расширения НАТО как две капли воды похожа на карту пангерманистов 1911 года, когда перед Первой мировой войной Кайзер Вильгельм ставил практически те же цели, что потом Гитлер — Прибалтика, Украина, Крым, Кавказ — отсечение от двух морей — Балтийского и Черного, которые сделали Россию в свое время державой, без которой ни одна пушка в Европе не стреляла.

Похоже, борьба с Гитлером со стороны США была семейным спором о владычестве в Европе, еще не объединенной мировым ростовщиком. Это сокрушительный удар по всей доктрине поклонников Власова и его «освободительной» армии. Его адвокаты из русского зарубежья желали победы оккупантам и поражения собственному правительству — как и Ленин в 1914.

Абсурдны рассуждения о «лучшем» исходе для русских в случае завоевания фашистской Германией. Гитлер имел план Ост — сокращение русских, белорусов и украинцев — общерусской нации на 40 млн. человек, насильственное перемещение рабской рабочей силы. Также несерьезны и рассуждения о временности союза с Гитлером и будущей борьбе жалкой армийки Власова (танки и пушки откуда возьмутся?) уже против Рейха и его колоссальной военной машины, чтобы сломить которую потребовались миллионы жизней и четыре года невиданного духовного и физического напряжения.

Наконец, главное, — нравственная и мировоззренческая сторона вопроса: нельзя оправдать попытки развязать войну гражданскую за спиной войны Отечественной, в которой на своей Земле против чужеземцев народ во все времена сражается только за Отечество, какие бы символы не были на знаменах.

В современной России было внедрено в качестве «демократии» глумление над государством как ценностью и отождествление в сознании государства — земного института, всегда греховного и несовершенного, и Отечества.

Слово Отечество идет из Послания апостола Павла: «Преклоняю колена мои пред Отцем Господа нашего Иисуса Христа, от которого именуется всякое отечество на небесах и на земле» (Еф. 3, 14-15) Переживание Отечества — есть производное от переживания Отца небесного. В переводах на европейские языки это слово дано как «земля» — land, а не как государство — state. Вот почему русские князья клялись русской землей за несколько веков до того, как сложилось единое русское государство.

Отечество — это Дар Божий, врученный для непрерывного национально-исторического делания с его взлетами и неизбежными падениями, которые не отчуждают от своей страны даже глубоко разочарованного в конкретной власти. Христианское православное сознание рождает чувство исторической преемственности, острое переживание принадлежности не только и не столько к конкретному этапу или режиму в жизни своего народа, которые могут вызывать жестокую критику, но ко всей многовековой истории Отечества, его будущему за пределами собственного жизненного пути.

Среди первых христиан тщетно искать тех, кто призывал бы подобно Ленину в 1914 году и Власову в 1943 году, к поражению собственного правительства в войне на том основании, что государство не соответствует идеалам. Хотя языческая Римская империя совершала на христиан гонения, они не призывали к дезертирству или пассивизму — порождению атеистического и индивидуалистического сознания. Доблестные воины-христиане Святой Георгий Победоносец, Андрей Стратилат, Прокопий, Феодор Стратилат, не сомневаясь, служили мечом языческому римскому государству и принципиально отказывались обнажить меч ради себя.

В таком переживании Отечество — это вовсе не обожествляемое конкретное государство с его институтами, несовершенствами и грехами. Но именно с ними «эту варварскую страну» или «проклятый капиталистический режим» отождествляют и либеральные, и ультра-красные «граждане мира» — ведь у либералов «где хорошо, там и отечество», а у «пролетариев и вовсе нет отечества» кроме социализма.

В ходе Великой Отечественной войны проявилось, что «унесенные ветром» либералы, в свое время приветствовавшие разрушение православной России и революцию, больше ненавидели Россию, желая ее поражения, чем «большевиков», отнявших у них плоды этой революции.

Но почвенники, например, А. Деникин, С. Рахманинов, никогда не симпатизировавшие революционным идеям, тем не менее, желали победы Красной Армии, ибо сохранение любимого Отечества в грядущих веках для них было выше желания увидеть при жизни крах ненавистного «режима». Любовь оказалась больше ненависти, как и требует заповедь... Но в течение последнего десятилетия XX века именно против такого традиционного единства национального организма в привычном сознании была направлена проповедь совершенно ложной интерпретации «гражданского общества».

Как идеологическая, так и геополитическая схема нового раздела мира напоминает не только Первую и Вторую мировые войны. Сегодня встают в единую логическую цепь и наполеоновское нашествие, и крестовые походы и время великих географических открытий, сопровождавшихся чудовищными даже по тем меркам избиениями туземцев. Так что гитлеровский эпизод немецкой истории в значительной степени был уродливым выражением глубинного исторического сознания Запада в целом.

При этом растиражированные сегодня образы двух тоталитарных монстров фашистской Германии и СССР, попеременно порабоцевавших народы вплоть до сегодняшней эры вселенской демократии, становятся инструментом международной стратегии, которая должна увенчать все, достигнутое Западом в последние годы. Стратегия заключается в полной и окончательной демонизации коммунистического «сталинского» СССР. Для этого нужно отождествить коммунистический Советский Союз с гитлеровским нацистским режимом, привести уже несуществующий СССР задним числом к некоему виртуальному Нюрнбергскому процессу и уже открыто объявить Ялтинско-Потсдамскую систему — итогом борьбы равно отвратительных тоталитарных режимов, результатом «пакта Молотова-Риббентропа», с которым Запад вынужден был временно смириться.

Почему мы допускаем это? Ведь СССР, вплоть до его распада был всемирно признанным государством, основателем ООН и подписантом Хельсинкского акта ОБСЕ. Россия признана мировым сообществом его правопреемницей, унаследовавшей его права и обязанности по договорам. Как бы мы сами ни относились к своей истории, оскорбления иностранцами, тем более официальными лицами, в отношении СССР и его символики являются вопиющим нарушением не только дипломатической этики, но и международного права, и должны быть пресечены раз и навсегда.

Иначе, следующий этап — обесценивание подписи СССР под важнейшими международно-правовыми актами и всем юридическим основанием территориальных реалий и военно-стратегических симметрий, включая оставшуюся договорную систему вооружений и Устав ООН с его принципами невмешательства и суверенитета и правом вето, отторжение Калининградской области, вытеснение России с Балтики, Черного моря и Тихого океана.

Противодействие этой стратегии накануне 65-летия Великой Победы — есть не дань оскорбленной гордости, а неперемное условие сохранения России как самостоятельного и значимого субъекта международных отношений и должна стать задачей ответственного политического руководства и всего общества.

Мы — русские не должны забывать свою историю.

Вечная память героям, положившим жизнь за Отечество!. Вечная слава тем ветеранам, что живы!

И простите нас, что не уберегли то, что Вы защитили!

История и современность

**Архиепископ
Курганский
и Шадринский
КОНСТАНТИН
(ГОРЯНОВ)**

СВЯЩЕННЫЙ ДОЛГ ПЕРЕД РОДИНОЙ И ВЕРОЙ

*О патриотической
деятельности Русской
Православной Церкви
в годы Великой
Отечественной войны*

Всем известно, что Великая Отечественная война началась 22 июня 1941 г. Но не столь многие знают, что это воскресенье было по церковному календарю «неделей всех святых, в земле Российской просиявших». Этот праздник был установлен в преддверии жестоких гонений и испытаний для Русской Церкви, и явился своеобразным эсхатологическим знаменем мученического периода в истории России, но в 1941 г. он промыслительно явился началом освобождения и возрождения Церкви. Русские святые стали той духовной стеной, которая остановила бронированную немецкую машину с оккультной свастикой.

Вторая мировая война явилась страшным бедствием для всего мира и особенно для России. Но, по неисповедимым путям Божия промысла, умеющего обращать зло в добро,

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов) — родился в ауле Кэнессы Джамбульской обл. Казахстана. В 1974 г. окончил лечебный факультет Винницкого мед. института и работал участковым врачом, затем ст. врачом бригады интенсивной терапии. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1983 г. поступил в МДС, продолжал заниматься мед. практикой. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. Окончив МДА, получил степень кандидата богословия. В 1990 г. возведен в сан игумена, зачислен в братию Жировицкого монастыря, затем назначен ректором МинДС и возведен в сан архимандрита. В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член Синодальной богословской комиссии, редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН, АПОБ и др.). Ныне правящий архиерей Курганской епархии.

она подала возможность возрождения для Русской Православной Церкви (РПЦ). На 1914 г. в Российской империи было 117 млн. православных христиан, которые проживали в 67 епархиях, управляемых 130 епископами, и 50 с лишним тысяч священников и диаконов служили в 48 тыс. приходских храмов. В ведении Церкви находилось 35 тыс. начальных школ и 58 семинарий, 4 академии, а также больше тысячи действующих монастырей с почти 95 тыс. монашествующих¹. В результате коммунистического уничтожения Церкви, на огромной территории Советского Союза к 1 сентября 1939 г. осталось всего 100 храмов, 4 архиерея, 200 священников. Но уже к середине 1940 г., в результате присоединения Западной Украины и Белоруссии, Прибалтики, где церкви не закрывались новой властью по политическим соображениям, число храмов увеличилось до 4000, что давало возможность Русской Православной Церкви хотя бы отчасти возродиться от пережитого ею ужасного погрома. Правительство не могло не считаться с новыми массами православного населения².

Во время войны Церковь не поддавалась искушению рассчитаться за нанесенный ей жесточайший удар. Патриотизм православного духовенства и мирян оказался сильнее обид и ненависти, вызванных долгими годами гонения на религию.

В первый же день войны, за 11 дней до знаменитой сталинской речи, без всякого нажима властей, сугубо по своей инициативе, Патриарший местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский) написал свое знаменитое «Послание пастырям и пасомым христианской православной Церкви».

«Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству...

Плакат военной поры

¹ Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 35.

² Там же. С. 183.

*Митрополит Сергей
(Старогородский)*

время практически безмолствовали. Восстанавливался в своем значении русский православный патриотизм, гонимый, оплевываемый и осмеиваемый космополитами-коммунистами, вспомним знаменитые слова Ленина: «На Россию мне наплевать, потому что я большевик». Вспомним также статью и призывы Ленина к поражению России в Первой мировой войне,

Орден Александра Невского

Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о **священном своем долге пред Родиной и верой** и выходили победителями. Не посрамям же их славного имени и мы православные, родные им по плоти и вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом... Вспомним святых вождей русского народа, например Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших души свои за народ и родину... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины»³.

Значение этого Послания трудно переоценить. Гонимая Православная Церковь сама протягивала руку помощи, но не столько атеистической власти, сколько заблудшему и несчастному русскому народу. В Послании местоблюстителя митрополита Сергия речь идет только о народе и о всенародном подвиге, ни слова о вождях, которые в это

время практически безмолствовали. Восстанавливался в своем значении русский православный патриотизм, гонимый, оплевываемый и осмеиваемый космополитами-коммунистами, вспомним знаменитые слова Ленина: «На Россию мне наплевать, потому что я большевик». Вспомним также статью и призывы Ленина к поражению России в Первой мировой войне, когда русские солдаты сражались на германском фронте. От воспоминания Местоблюстителем святых вождей русского народа — Александра Невского и Димитрия Донского красная нить протягивается к соименным правительственным орденам и к сталинским словам из речи от 3 июля: «Под знаменами Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского — вперед к победе!». Митрополит Сергей вдыхал в души русских людей веру в победу и надежду на Божий промысел: «Но не в первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божиею помощью

³ Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник документов. М., 1943. С. 3-4.

и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу... Господь нам дарует победу». Устами Патриаршего местоблюстителя Церковь объявляла судьбу народа своей: «Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет он небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг...»

В Послании изъяснялся духовный смысл не только воинского подвига, но и мирного труда в тылу. «Нам нужно помнить заповедь Христову: Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положит за други своя». Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой, свои здоровьем или выгодой ради родины». Митрополит Сергей определял и задачи духовенства: «Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда Отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией»⁴.

К. Васильев. Парад на Красной площади 7 ноября

Митрополитам Сергию, Алексию, Николаю не препятствовали распространять свои патриотические воззвания, хотя это и являлось нарушением закона. Митрополит Сергей прозорливо разглядел сатанинскую сущность фашизма. Свое понимание он выразил в Послании от 11 ноября 1941 года: «Всему миру ясно, что фашистские изверги являются сатанинскими врагами веры и христианства. Фашистам, с их убеждениями и деяниями, конечно, совсем не по пути за Христом и за христианской культурой». Уже позднее, в Пасхальном послании 1942 г., митрополит Сергей напишет: «Тьма не победит света... Тем более не победить фашистам, возымевшим дерзость вместо

⁴ Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник документов. М., 1943. С. 9.

Креста Христова признать своим знаменем языческую свастику... Не забудем слов: «Сим победиши». Не свастика, а Крест призван возглавить христианскую культуру, наше «христианское жительство». В фашистской Германии утверждают, что христианство не удалось и для будущего мирового прогресса не годится. Значит Германия, предназначенная владеть миром будущего, должна забыть Христа и идти своим, новым путем. За эти безумные слова да поразит праведный Судия и Гитлера, и всех соумышленников его»⁵.

Действительно, Советский Союз был антихристианским, но не антихристовым, был атеистическим, но не оккультным. Напротив, система государственной власти Третьего рейха, выстраиваемая Гитлером, была оккультной и антихристовой по своей сути. «Потрясающая новизна нацистской Германии в том, что магическая мысль впервые взяла себе в помощники науку и технику... Гитлеризм — это, в известном смысле, магия плюс бронированные дивизии»⁶. Но дело здесь не только в обращении к германским языческим образам и в оккультных программах типа Аненербе, на которые в Третьем рейхе тратились огромные деньги и силы. Опасно было то, что языческий оккультизм гитлеровские пропагандисты стремились смешать с христианством: образ Неизвестного солдата кощунственно совмещался с ликом Христа, сам Гитлер являлся своим adeptам в облике Мессии⁷, т. н. копье сотника Лонгина, пронзившее сердце Христово, в руках Гитлера стало магическим талисманом, а на пряжках ремней солдат, шедших убивать, грабить и зверствовать над мирным населением были написаны слова из мессианского пророчества Исайи: «с нами Бог» (Исайя. 8, 8). Крест на немецких самолетах, бомбивших школы и госпитали, явился одним из омерзительнейших кощунств над Животворящим Крестным Древом в истории, но также и знаменем псевдохристианской, а на последней глубине — антихристовой Западноевропейской цивилизации. То, что одной из конечных целей нацистов являлось провозглашение Гитлера Мессией и признание его таковым покоренными народами всей земли, показывает следующая кощунственная молитва по подобию «Отче наш», активно распространявшаяся в листовках: «Адольф Гитлер, ты наш вождь, имя твое наводит трепет на врагов, да придет третья империя твоя. И да осуществится воля твоя на земле»⁸.

Весьма значимо то, что по большому счету только представители большинства Православных Церквей осудили фашизм: Ватикан хранил молчание и по поводу нацистских захватов (в т. ч. — католических стран), и по поводу истребления целых народов, прежде всего славян — русских, сербов, белорусов. Более того, некоторые католические иерархи не только благословляли нацистский террор, но и активно участвовали в нем, например, хорватский кардинал Загреба Кватерник. Не случайно то, что именно православные страны — Югославия, Греция, Россия и православные народы стали объектами нацистской агрессии: в этом сказался антиправославный и христорборческий дух Западной Европы, шедшей под предводительством

⁵ Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник документов. М., 1943. С. 9.1

⁶ *Повель Л., Бержье Ж.* Утро магов. Пер. сфр. К.: «София», 1994. С. 295.

⁷ *Вейс И.* Адольф Гитлер. М., 1993. Т. 2. С. 243.

⁸ *Сергий* (Ларин). Православие и гитлеризм. Одесса, 1946-47. Рукопись. С. 23.

Гитлера в крестовый поход на Восток. Нельзя сказать, что рядовые католические или протестантские священнослужители не страдали от фашизма, вовсе нет, напротив, в одной Польше только до января 1941 было убито 700 католических священников, 3000 было заключено в концентрационные лагеря⁹, но Ватикан никак не реагировал на доклады Польского архиепископа Глонды. Что же касается руководителей некоторых протестантских церквей, в особенности в Германии, то они прямо признали Гитлера как богодарованного вождя. Хотя, впрочем, и там были единичные случаи сопротивления. На этом фоне осуждение фашизма с христианских позиций было исключительно важным.

Русская Православная Церковь сыграла большую роль не только в мобилизации русского народа, но и в организации помощи со стороны союзников, а косвенно — и в открытии второго фронта. Уже в Послании, посвященном первой годовщине нападения фашистской Германии на СССР, митрополит Сергей пишет: «В борьбе с фашистами мы не одиноки. На днях из Америки — из Нью-Йорка к нам

Фотография военной поры

поступила телеграмма от Комитета по военной помощи русским. Пятнадцать тысяч религиозных общин США устроили 20–21 июня (канун начала войны) особые моления за русских христиан, чтобы запечатлеть память о сопротивлении русских фашистским нашествникам и чтобы поддержать в американском народе помощь русским в их борьбе против агрессоров»¹⁰. Русская Православная Церковь в немалой степени способствовала созданию положительного образа Советской России среди союзников. Даже немецкая разведка отмечала успешность воздействия на союзников фактора возрождения Церкви в СССР.

Особо следует говорить о многих видах патриотической деятельности Русской Православной Церкви. Прежде всего это богослужебная и проповедническая деятельность, зачастую в прифронтовой полосе и под вражеским обстрелом. В решающие моменты Сталинградской битвы митрополит Киевский и Галицкий Николай служил молебны перед Казанской иконой Божией Матери¹¹.

Особенно велик был подвиг ленинградского духовенства. Богослужения в соборах и кладбищенских церквях совершались под артобстрелом и бомбежками, но по большей части ни клир, ни верующие не уходили в убе-

⁹ Руденко Р. А. Нюрнбергский процесс. Т. 2. М., 1966. С. 130.

¹⁰ Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сб. документов. М., 1943. С. 31.

¹¹ Саулкин В. Очистительное испытание // Радонеж, 1995. № 3. С. 5.

жища, только дежурные постов ПВО становились на свои места. Едва ли не страшнее бомб были холод и голод. Службы шли при лютом морозе, певчие пели в пальто. От голода к весне 1942 года из 6 клириков Преображенского собора в живых осталось лишь двое. И тем не менее, оставшиеся в живых священники, по большей части преклонного возраста, несмотря на голод и холод, продолжали служить. Вот как вспоминает И. В. Дубровицкая о своем отце — протоиерее Владимире Дубровицком: «Всю войну не было дня, чтобы отец не вышел на работу. Бывало, качается от голода, я плачу, умоляя его остаться дома, боюсь — упадет, замерзнет где-нибудь в сугробе, а он в ответ: «Не имею я права слабеть, доченька. Надо идти, дух в людях поднимать, утешать в горе, укрепить, ободрить»¹².

Фотография военной поры

Фотополковник царской армии) носил образ святителя Николая и молился: «Господи, спаси Россию и мой народ». Г. К. Жуков всю войну возил с собою Казанскую икону Божией Матери, которую он затем пожертвовал в один из киевских храмов. Свою веру прилюдно выражал маршал Л. А. Говоров, командующий Ленинградским фронтом. Часто храмы посещал герой Сталинградской битвы генерал В. И. Чуйков.

Особенно поразительны были случаи прихода к вере из комсомольского атеизма, показательное стихотворение, найденное в шинели простого русского солдата Андрея Зацепы, убитого в 1942 году:

¹² Каноненко В. Поправка к закону сохранения энергии // Наука и религия, 1985, № 5. С. 9.

¹³ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 125.

Послушай, Бог, еще ни разу в жизни
 С тобой не говорил я, но сегодня
 Мне хочется приветствовать Тебя...
 Ты знаешь, с детских лет мне говорили,
 Что нет Тебя. И я, дурак, поверил.
 Твоих я никогда не созерцал творений.
 И вот сегодня я смотрел
 Из кратера, что выбила граната
 На небо звездное, что было надо мной.
 Я понял вдруг, любуюсь мирозданием.
 Каким жестоким может быть обман...
 Не странно ль, что средь ужасающего ада
 Мне вдруг открылся свет и я узнал Тебя.
 На полночь мы назначены в атаку,
 Но мне не страшно. Ты на нас глядишь...
 Но, кажется, я плачу, Боже мой. Ты видишь,
 Со мной случилось то, что нынче я прозрел.
 Прощай, мой Бог. Иду и вряд ли уж вернусь.
 Как странно, но теперь я смерти не боюсь¹⁴.

О массовости подъема религиозных настроений в армии свидетельствует, например, такая просьба, направленная телеграммой в Главное политуправление РККА с 4-го Украинского фронта, заверенная подполковником Лесновским: «По встретившейся надобности, в самом срочном порядке выслать материалы Синода для произнесения в день празднования годовщины Октября, а также ряд других руководящих материалов Православной Церкви»¹⁵. Подобное, казалось бы, парадоксальное сочетание советского и православных начал было нередким для тех лет; вот письмо солдата М. Ф. Черкасова: «Мама, я вступил в партию... Мама, помолись за меня Богу»¹⁶.

Многие священники не только своим церковным служением, но и воинским подви-

В. Яковлев. Портрет
 Маршала Георгия Жукова

¹⁴ Простите, звезды Господни. Фрязино, 1999. С. 256.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). ф. 6991. Оп. 2, д. 3. л. 45.

¹⁶ Советская Россия, 1990, 13 сент. С. 2.

*Маршал
Б. М. Шапошников*

*Маршал
Л. А. Говоров*

гом внесли свой вклад в победу. Следует отметить прямое участие сотен священнослужителей в боевых действиях, в том числе и тех, кто до войны отбыл срок в лагере и ссылке, или шел прямо из лагеря. Здесь может возникнуть несколько щекотливый вопрос: насколько это соотносится с канонами, запрещающими священнослужителям, совершающим Бескровную Жертву, проливать кровь. Следует отметить, что каноны создавались для конкретной эпохи и конкретной ситуации Восточно-Римской империи, когда недопустимо было смешивать священнослужение и военное ремесло, но превыше канонов стоят евангельские заповеди, в том числе и следующая: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоанн 15, 13). В истории Церкви было немало случаев, когда священнослужителям приходилось брать в руки оружие: оборона Троице-Сергиевой Лавры и Смоленска, вооруженная борьба сербских и черногорских священников, и даже митрополитов против турецких поработителей и т. д.

В обстановке нацистского вторжения, несшего в конечном счете оккультизм и физическое уничтожение славянских и других народов, оставаться в стороне от вооруженной борьбы было недопустимо, к тому же большинство священников шло в армию по послушанию властям. Многие из них прославились подвигами и были отмечены наградами. Вот хотя бы несколько портретов. Уже побывав в заключении, С. М. Извеков, будущий Патриарх Московский и всея Руси Пимен, в самом начале войны стал заместителем командира роты, прошел всю войну и за-

вершил ее в звании майора. Наместник Псково-Печерского монастыря в пятидесятые — первой половине семидесятых годов XX века архимандрит Алипий (Воронов) талантливый иконописец; и деятельный пастырь — будучи уже в сане, оборонял Москву, воевал все четыре года, был ранен несколько раз, награжден боевыми орденами. Будущий митрополит Калининский и Кашинский Алексей (Коноплев) на фронте был пулеметчиком, в 1943 году он вернулся к священнослужению с медалью «За боевые заслуги». Протоиерей Борис Васильев, до войны диакон Костромского Кафедрального собора, в Сталинграде командовал взводом разведки, а затем воевал в должности заместителя начальника полковой

разведки¹⁷. В отчете уполномоченного совнаркома по делам религии Г. Карпова указывался ряд награжденных священнослужителей: так священник Ранцев (Татарская АССР) был награжден орденом Красной Звезды, протоиерей Зверев и диакон Хитков — каждый четырьмя боевыми медалями и т. д.¹⁸

Священнослужители принимали активное участие в партизанском движении,

особенно в Белоруссии, и многие из них заплатили за это жизнью. В одной только Полесской епархии более половины священников (55 %) было расстреляно за содействие партизанам¹⁹. Некоторые священники, такие как о. Василий Капычко «партизанский поп» (которого автор знал лично) священнодействовали в белорусских партизанских отрядах, исповедовали, причащали. Формы содействия были самыми разнообразными: священники укрывали отставших при отступлении от частей красноармейцев, бежавших военнопленных, как например священник Говоров в Курской области, скрывавший у себя бежавших из плена летчиков²⁰. Духовенство вело патриотическую агитацию, и занимались сбором средств на танковую колонну «Дмитрий Донской».

Духовенство участвовало в рытье окопов, организации противовоздушной обороны, в том числе и в блокадном Ленинграде. Вот всего один из примеров: в справке выданной 17 октября 1943 г. архимандриту Владимиру (Кобецу) Василеостровским райжилуправлением говорилось: «Состоит бойцом группы самозащиты дома, активно участвует во всех мероприятиях обороны Ленинграда, несет дежурства, участвует в тушении зажигательных бомб».

Зачастую священнослужители своим личным примером призывали прихожан к

Генерал В. И. Чуйков

*Святейший
Патриарх Пимен*

¹⁷ Священники на фронте // Наука и религия, 1995. № 5. С. 4–6.

¹⁸ Якунин В. Н. Свидетельствует спецхран // Наука и религия. 1995. № 5. С. 15.

¹⁹ Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в 1927–1943 // Вопросы истории, 1994. С. 43.

²⁰ Российский центр хранения и изучения документов Новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 73.

*Боец Иван Воронов,
будущий архимандрит
Алипий*

*Архимандрит
Алипий (Воронов)*

наиболее неотложным работам, прямо с воскресных служб отправляясь на колхозные работы.

Одним из направлений патриотической работы явилось шефство над госпиталями и попечение о больных и раненых. В прифронтовой полосе при храмах существовали убежища для стариков и детей, а также — перевязочные пункты, особенно важные в период отступлений 1941—42 г., когда многие церковные приходы взяли на себя заботу о брошенных на произвол судьбы раненых.

Сразу после освобождения Киева (6 ноября 1943 г.) Покровский женский монастырь исключительно на свои средства и своими силами оборудовал госпиталь, который целиком обслуживали в качестве медсестер и санитарок сестры монастыря. Когда монастырский госпиталь стал военным эвакуогоспиталем, сестры продолжали работать в нем до 1946 г. За этот подвиг монастырь получил ряд правительственных благодарностей. И это — не единственный случай²¹.

Особой страницей является деятельность выдающегося хирурга архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). Во время своей Красноярской ссылки, в начале войны он, по собственному почину, встречая сопротивление властей, стал работать в эвакуогоспитале в Красноярске, впоследствии заняв должность главного хирурга. С 1943 года, став епископом Тамбовским, возглавил Тамбовский эвакуогоспиталь, где работал вплоть до 1945 года, ежедневно делая по несколько операций. Благодаря его трудам были спасены и вылечены тысячи красноармейцев.

Особое значение имели сборы средств Церковью на помощь армии, а также на помощь сиротам и восстановление разоренных областей страны. Митрополит Сергей прак-

тически нелегально начал церковные сборы на оборону страны. Пятого января 1943 года он послал Сталину телеграмму, прося его разрешения на открытие Церковью банковского счета, на который вносились бы все деньги, пожертвованные на оборону во всех храмах страны. Сталин дал свое письменное согласие и от лица Красной Армии поблагодарил Церковь за ее труды.

Так, например, православные жители Ленинграда пожертвовали около 16 миллионов рублей. Известна история о том, как неизвестный палом-

²¹ Тихие обители // Наука и религия. 1995 № 5. С. 9.

ник положил во Владимирском соборе под иконой Святителя Николая сто пятьдесят золотых николаевских червонцев: для голодающего города это было целое сокровище²².

Наименование танковой колонны «Дмитрий Донской», равно как и эскадрильи «Александр Невский» не случайно: в своих проповедях митрополит Ленинградский Алексий постоянно подчеркивал, что эти святые одерживали победы не просто благодаря своему патриотизму, но благодаря «глубокой вере русского народа, что Бог поможет в правом деле... так и теперь мы верим поэтому, что все небесные силы с нами». На церковные деньги шесть миллионов — было построено 40 танков, составивших колонну «Дмитрий Донской». Средства на нее собирались не только в блокадном Ленинграде, но и на оккупированной территории.

В достаточно сложных условиях оказалась иерархия на территории, оккупированной немцами. Неправильно говорить о том, что немцы открывали церкви на оккупированной территории: на самом деле они лишь не препятствовали верующим их открытию. Вкладывали же силы и средства, часто последние, русские, украинцы и белорусы — жители оккупированных территорий. В политике немцев на оккупированных территориях сталкивались две линии: одна от представителей средних (лишь отчасти и высших) военных кругов, заинтересованных в лояльности населения оккупированных областей, а, следовательно, и в единой канонической церковной организации. Другая линия, исходившая от Розенберга и Гитлера, была нацелена на деморализацию, разобщение, в конечном счете, уничтожение русских людей и, следовательно, инициировала религиозный хаос и церковный раскол. Вот что говорил Гитлер на совещании 11 апреля 1942 года: «Необходимо запретить устройство единых церквей для сколько-нибудь значительных русских территорий. Нашим интересам соответствовало бы такое положение, при котором каждая деревня имела бы собственную секту, где развивались бы свои особые представления о Боге. Даже если в этом случае в отдельных деревнях возникнут шаманские культы, подобно негритянским или американо-индейским, то мы могли бы это только приветствовать, ибо это лишь увеличило бы количество факторов, дробящих русское пространство на мелкие

Священноисповедник Лука

²² *Поспеловский Д. Н.* Русская православная церковь в XX веке. М, 1995. С. 187.

единицы»²³. Цитата достаточно красноречивая и весьма злободневная. Не то же ли происходит сейчас на территории Российской Федерации, Украины и Белоруссии, когда лишь по официальным данным насчитывается несколько сотен сект с числом адептов до миллиона, и большинство из них создано на западные деньги?

Самым значительным событием была передача Церкви Тихвинской иконы Божией Матери. Икона была спасена из сгоревшего храма в Тихвине и передана Церкви немцами, которые постарались использовать передачу в пропагандистских целях. На соборной площади Пскова была воздвигнута платформа, а на ней аналой, куда водрузили икону. Там, при огромном собрании народа секретарь миссии священник Георгий Бенигсен бесстрашно произнес проповедь, в которой говорил о подвиге св. князя Александра Невского, освободившего Псков и Новгород от иноземного нашествия²⁴. Просуществовала миссия с августа 1941 г. по февраль 1944 г. Сам митрополит Сергей был убит офицерами СД весной на кануне Пасхи 1944 года за свою патриотическую деятельность.

Все причастные к деятельности миссии, оставшиеся на территории СССР, были впоследствии арестованы и направлены в лагеря на верную смерть. «И сегодня, — справедливо писал один из миссионеров, — нашу борьбу хотят изобразить как сотрудничество с фашистами. Бог судья тем, кто хочет запятнать наше святое и светлое дело, за которое одни из наших работников, в том числе священники и епископы, погибли от пуль большевистских агентов, других арестовывало и убивало гитлеровское гестапо».

Как и весь русский народ, Русская Православная Церковь тяжело пострадала во время Великой Отечественной войны. По далеко неполным и неточным оценкам комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний немцами было уничтожено или разрушено 1670 церквей и 69 часовен. Если с одной стороны, под это число подпало большое количество храмов, разрушенных коммунистами до войны, то с другой стороны, в нем не учитывались все скромные деревенские церкви, сожженные вместе с народом карателями в Белоруссии и на Украине. Зачастую немецкие зондеркоманды собирали в белорусских деревнях весь народ в церковь, отфильтровывали молодых и крепких и угоняли на работу в Германию, а оставшихся запирали в церкви и сжигали. Такая трагедия произошла, например, 15 февраля 1943 года в селе Хворостово Минской области, когда во время Сретенского богослужения, немцы загнали всех жителей в храм, якобы на молитву. Предчувствуя недоброе, настоятель церкви о. Иоанн Лойко призвал прихожан всех усердно молиться и причаститься Святых Христовых Тайн. Во время пения «Верую» стали силой выводить из церкви молодых женщин и девушек для отправки в Германию. О. Иоанн попросил офицера не прерывать богослужения. В ответ фашист сбил его с ног. А затем двери храма были забиты и к нему подъехало несколько саней с соломой... Позднее поллицаи показывали на суде, что из горящей церкви раздавалось всенародное

²³ *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 1. Подготовка и развертывание фашистской агрессии в Европе 1933-41 гг. М., 1973.

²⁴ *Раевская-Хьюз О.* О Псковской миссии // Бенигсен Г., протоиерей. Не хлебом единым. М., 1997., С. 233.

пение «Тело Христово примите, Источника Бессмертного вкусите». И это лишь один из многих сотен подобных случаев.

Личным примером духовенство РПЦ призывало к мобилизации всех сил в помощь обороне и укреплению тыла. Все это не могло не оказать воздействия и на религиозную политику советского правительства. В начале войны полностью прекратилась антирелигиозная пропаганда, была свернута деятельность «Союза воинствующих безбожников».

Переломный момент в отношениях между Церковью и государством произошел в 1943 г., когда во время приема имела место беседа Сталина с Патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием, Ленинградским митрополитом Алексием и экзархом Украины, Киевским и Галицким митрополитом Николаем. Во время беседы митрополит Сергей довел до сведения Председателя Совнаркома, что в руководящих кругах Православной Церкви имеется намерение в ближайшее время созвать Собор епископов для избрания Патриарха Московского и всея Руси и образования при Патриархе Святейшего Синода. Глава Правительства товарищ И. В. Сталин сочувственно отнесся к этим предложениям и заявил, что со стороны Правительства не будет к этому препятствий²⁵.

А. И. Лактионов. Речь товарища Сталина 7 ноября 1941 г.

Число убитых священнослужителей в войну не поддается подсчету, тем более что трудно отделить погибших в войну от репрессированных, и, по большому счету, до последнего пятидесятилетия никто подобными исследованиями не занимался. Лишь изредка в литературе о Великой Отечественной войне мелькали сведения о погибших священнослужителях, чаще всего — одной, двумя строчками.

Более того, хрущевско-брежневская власть и ее пропагандисты зачастую оказывались неблагодарными к тем, кто сражался за Родину и полагал за нее жизнь, если они были священнослужителями. Одним из свидетельств этого является памятник сожженным в селе Хворостово (Полесье), где среди всех поименно названных жертв нет только одного имени — священника Иоанна Лойко. Из военно-документальной литературы целенаправленно изымались свидетельства о священниках-воинах, священниках-партизанах. Например, в книге И. Шубитыдзе «Полесские были» (Минск, 1969) имена

²⁵ Прием И. В. Сталиным митрополита Сергия, митрополита Алексия и митрополита Николая // Известия. 1943 г. 9.5.

священнослужителей упоминались, а в издании 1974 г. — нет. В обширных трудах по истории Великой Отечественной войны вклад Церкви в победу целенаправленно замалчивался, а иногда писались и явно клеветнические книги типа «Союз меча и креста. М., 1969». Только в последнее время стали появляться публикации, правдиво и объективно освещающие роль Русской Православной Церкви в войне, которая и сегодня для нас не кончилась, а продолжается с огромными людскими потерями, только пока без бомбежек и артобстрелов. Каждый год в России убивают шесть миллионов не родившихся детей. И в прошлом году число смертей на миллион превысило число рождений. Каждый год в России только от алкогольных отравлений погибает 300000 человек, в стране не менее семи миллионов хронических алкоголиков и четырех миллионов наркоманов. И в этой войне современная Русская Православная Церковь продолжает свой невидимый подвиг во имя спасения России, русского народа и русской веры, — подвиг, достойный памяти наших героических предков, в том числе — миллионов верующих и сотен священнослужителей, причастных к Великой Победе в Великой Отечественной войне.

ВОЕННЫЙ ЛЕНИНГРАД

*Фотографии
Ленинграда
времен Великой
Отечественной
войны*

Юрий БОНДАРЕВ

ПАМЯТЬ ВОЙНЫ

Мгновения

Юрий Васильевич Бондарев — родился в 1924 г. в Орске Оренбургской обл. Воевал в Сталинграде, был контужен, получил обморожение и ранение в спину. После лечения служил командиром орудия. Участвовал в форсировании Днепра и штурме Киева, и снова был ранен. Фронтовой путь отмечен боевыми наградами. После войны окончил Литинститут. Произведения переведены более чем на 70 языков. Избирался депутатом Верховного Совета РСФСР. Действительный член Русской, Международной славянской и Пушкинской академий, и д. р., почетный профессор Гос. педагогического университета. Герой Соц. Труда, лауреат Ленинской премии, двух Гос. премий СССР и РСФСР и др. Награжден двумя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, Октябрьской Революции и др. **Живет в Москве.**

Не могу понять, почему через «тысячу лет» (в 1944 году) захотел увидеть эту ночь и этот рассвет, когда началась страшная война, закончившаяся, к счастью всего человечества, нашей победой.

А ведь мы были в позиции зыбкой, слабой, если вспомнить лето сорок первого и триумфально-победные для Германии дни.

Я смотрел на рассветное небо, а оно нежно зеленело, нежно розовело за деревьями, пустынно-чистое, обещающее вечную молодость, любовь, безмятежную жизнь. Ветви берез четко вырисовывались среди светлеющего востока, проступая листвою в своей тихой неподвижности. Не было ни звезд, ни месяца. Как в околдованной белой воде, стояла ночь на хрупком переломе, еще длился час нерушимости всего земного.

И в этот час непорочного рассвета началось то, что стоило нам миллионы жизней.

Запахи войны

В жаркий июльский день шел по дороге среди желтеющей пшеницы, овеванный парным теплом, тишиной, нежным пением жаворонков, то справа, то слева весело взмывающих в синеву, и думал о том, что жизнь прекрасна, когда можно видеть, чувствовать вот такое легкое небо, радость птиц, мягкое прикосновение воздуха к лицу и эти полевые запахи середины лета, напоенного солнцем.

Потом впереди на дороге увидел сельский грузовик с обшарпанными бортами, похожий на фронтовой «зисок», серо-грязный от засохшей грязи; возле спущенного колеса, невнятно ругаясь, возился с домкратом

загоревший дочерна паренек в майке, облупившийся нос сердито ерзал, морщился, всклоченные волосы торчали, как у молодого петуха.

— Понятно, — сказал я, останавливаясь около машины. — Помощь нужна?

— Ни хрена подобного, — отозвался неприветливо паренек. — Сам обойдусь. И откуда он, черт плешивый, под колесом оказался? В поле на дороге — гвоздь! Вроде понарошку! Смехота в шляпе!

А я смотрел на этого загорелого паренька в пропотевшей майке, на его потрепанный грузовик и, кажется, улыбался, чувствуя нечто знакомое, близкое мне, как воспоминание, принесенное полузабытым детством в уральской степи или войной.

От грузовика пахло пыльными проселками, горячей сухостью соломы, каким-то масляным теплом, словно бы машинным потом, как пахли фронтовые ЗИСы на дорогах России в те далекие годы, которые были моей военной молодостью. Да, тот же запах издавали полуторки, подвозившие снаряды к нашим орудиям, так же пахло от медсанбатских машин, только здесь примешивался душок пропитанных кровью бинтов и йода.

Но почему вдруг я почувствовал разные запахи, с которыми была связана война?

Я и сейчас помню сернистые ожоги стужи в сталинградских степях, холод орудий, так за ночь прокаленных морозом, что металл чувствовался сквозь рукавицы, помню пороховую вонь стреляных гильз, жаркий газ от горячего казенника и ледяное безмолвие звездного неба по ночам, пахнущим угрозой и предчувствием беды. Это и сейчас я порой ощущаю в декабрьские ночи, едва опухнет неожиданно жгучим ветром, будто прилетевшим оттуда...

В моей памяти навсегда остался запах мерзлого хлеба, твердого, как камень, ржаных солдатских сухарей, несказанный аромат солдатской «пшенки» из открытого котла наконец-то прибывшей кухни, такой сладостный аромат в застылой фиолетовости зимнего рассвета.

А весна? Чем она пахла? Оттаявшим черноземом, безобразным месивом разбитых колесами проселков, холодком вместе с наплывами тепла из полей, талым снегом в кюветах, возбуждающе терпким дымком махорки в ветерке над головами, нагретыми припекающим солнцем шинелями, захлюстанных грязью, подоткнутыми за ремень на маршах весенних наступлений. И всех будто радостно охватывало голубыми далями с дрожащим над обнаженными полями парком, когда война отдалена за тридевять земель апрельским солнцем, голубизной простора, теплом, отступлением немцев.

Весенние дни пахли томительной надеждой, неизъяснимой верой в то, что наступит пора, и я вернусь в свое милое Замоскворечье, в свой дворик со старыми купеческими липами и голубятней в тихом переулке.

В знойном же пекле украинского лета прочно стояло горькое удушье черных дымящихся пепелищ, невыветрившийся угарный запах уцелевших печей, торчащих черными столбами среди углей и пепла. И все лето была духота сосновых урочищ, в воздухе тек запах разогретой солнцем смолы, горячего песка и — преследовала химическая приторность выхлопных газов, наносимых от немецких танков, непрерывно атаковавших нашу батарею на подступах к Днепру.

И до сих пор помню осенний Житомир, оставленный внезапно немцами. Город был пуст, продут ветрами, холоден по-ноябрьски. Везде на вымерших улицах поздняя сырая ночь, мокрые мостовые блестели. Из-за лиловых облаков над куполом темной церкви расплылось ослепительное сияние уже предзимней высокой луны, и в этом лунном свете я видел, как жестяные листья обрывались с деревьев, падали нам под ноги, под копыта лошадей, под колеса орудий. Мы входили в нежданно-негаданно занятый нами Житомир в полной тишине. Нигде не слышно было ни голосов, ни смеха, как бывало всегда, когда удачно брали города. Солдаты молчали, ошеломленные затаенным безмолвием улиц, оголенно залитых луной, и влажным запахом осенней ночи, заполнившей все тихой тревогой, которую иногда в предзимнюю пору я ощущаю и сейчас.

И ясно помню серый промокший день в Польше, с утра моросило, далекие тополя мутно проступали в тумане. Наша батарея, утопая колесами орудий, двигалась через разрытое картофельное поле к железнодорожной насыпи, возле которой дымились огромные бурты пшеницы, издали показавшиеся нам холмами. Дым, прибываемый водяной пылью, полз в нашу сторону, и скоро я почувствовал тепловатый запах тлеющего зерна, смешанный с дымком, сыростью развороченной земли, на которой узлами лежала картофельная ботва. А за смутными тополями, на краю поля, почти беззвучно рвались снаряды, звук их поглощался влагой осени. Не знаю почему, этот сложный запах того тихого сентябрьского дня не забыт мною спустя много лет.

Но чем все-таки объяснить, что чувственная память моя охотно выделяет сейчас столь немного, неразительное, выталкивая из себя хаос запахов невезения и несчастья, острых, давящих, тошнотных: липкую сладковато-гнилостную вонь разлагающихся трупов; вызывающий озноб солоновато-пресный запах крови; гнойный запах бинтов; чесночно-луковый яд немецкого тола; забивающий дыхание пыльный ветер от танковых гусениц; прогорклость горелой брони...

Законы памяти неисповедимы, неподвластны нам.

Память

Человеческая память несет в себе огромную энергию. Она прочно сохраняет в себе то, чего уже нет, что прошло и было. Время старательно и ревниво формирует и отшлифовывает наш опыт.

Бывает так: ты душевно спокоен, в весенних сумерках идешь по улицам, читая мокрые афиши, ощущая влажный пахучий ветер апреля; зыбко блестит асфальт на мостовой, отражая вечеряющее небо и уже освещенные, как зеленые аквариумы, троллейбусы; движутся толпы на тротуарах, мимо витрин магазинов — мир, будни, смех, тот особый нестеснительный смех людей, когда в их жизни умиротворение, тишина, покой. Это стоит обычный, теплый вечер весны в Замоскворечье, и сиреневые пролеты улиц начинают зажигаться светом в окнах, вспыхивают рекламы кинотеатров, в переулках шуршат велосипедные шины и прыгают по асфальту желтые мячики света; а от перронов уставших за день вокзалов уходят поезда в затянутую дымкой даль с мигающими фонарями стрелок.

И вдруг прощальные гудки паровозов, и вечерние облака, багрово подсвеченные снизу закатом, и запах нефти и шпал, и дымы по горизонту, и купы деревьев за вокзальными зданиями, черным, вырезанные по красному, — все словно толкнет в грудь.

Но как давно это было...

Мохнатые зарева широко прорезают тьму на горизонте, багровый отблеск дрожит на проселочных дорогах, в зрачках солдат, шагающих по обочине... Зарево ближе; разваливаются, трещат, будто выворачиваются в пламени дома, дымом затянуты сады, остро, горячо пышет в лицо жаром, и везде этот огонь смерти: на брусчатке уже забытых по названию городов, на осколках витрин, на пряжке ремня безобразно раздутого трупа немецкого солдата, лежащего на площади со странно подвернутой под голову рукой; с красным от пожара стеклом часов на запястье... Город горит, он пуст.

Мы входим в этот пылающий город. На нас дымятся влажные плащ-палатки, дымятся холки лошадей. Мы прикрываем их попонами. Мы идем вперед.

Потом выкатываем орудия на прямую наводку. Немецкие танки, мрачно блестя в зареве брони, точно облитые кровью, медленно отходят за посадку, на шоссе, поджигают окраины. Видно, как зажигательные трассы впиваются в крыши деревянных домов и занимаются огнем стропила.

Мы идем на запад от Сталинграда по снежным степям, металлически скрипящим под ногами в стужу, пестро-черным от воронок, проходим по земле Украины, где помидоры имеют привкус пороховой гари, а яблоки запеклись на обуглившихся яблонях. В темные, осенние, ветреные ночи мы форсируем Днепр, эту реку, озаренную ракетами, по которой плывут трупы, касаясь наших плотов. И между боями, во время короткого отдыха, «на пятачках» правобережных плацдармов лежим, греясь на осеннем солнце, видим, как в желто-золотистых лесах Левобережья встают дымы разрывов, разрушая первозданный покой осени, и листья вместе с осколками летят в густо-синюю воду. Мы думаем: хорошо, если бы в эту воду шлепались поплавки удочек. После лежим на краю окопов, черные, закопченные толовой гарью, в пропотевших гимнастерках, и видим, как косяк «юнкеров» с тугим гулом разворачивается над переправой.

Мы идем через Польшу; весь горизонт в пожарах; с карпатских высот улицы городов казались нам огненными реками, площади — пылающими озерами. Отступая, гитлеровцы хотели оставить после себя безлюдные пространства.

Если горе имеет свой запах, то война пахнет огнем, пеплом и смертью.

Война — это горький пот и кровь, это после каждого боя уменьшающиеся списки у полкового писаря, это последний сухарь во взводе, разделенный на пятерых, оставшихся в живых, это котелок ржавой болотной воды и последняя сигарка, которую жадно докуривает, обжигая пальцы, наводчик, глядя на ползущие танки.

Война — это письма, которых ждут и боятся получать; и это особая обнаженная любовь к добру и особая жгучая ненависть к злу и смерти; погибшие молодые жизни, непрожитые биографии, это несбывшиеся надежды, ненаписанные книги, несовершившиеся открытия, невесты, не ставшие женами.

Иногда я вижу, как дети играют в войну; в их понимании война — лишь романтика и подвиги. У детей нет той памяти-опыта, что есть у взрослых.

В войну мое поколение научилось и любить и верить, ненавидеть и отрицать, смеяться и плакать. Мы научились ценить то, что в силу привычки теряет цену в мирные дни, что становится обыденным: случайно увиденная на улице улыбка женщины, парной майский дождик в сумерках, дрожащий отблеск фонарей в лужах, смех ребенка, впервые сказанное слово «жена» и самостоятельное решение.

Мы научились ненавидеть фальшь, трусость, ложь, ускользающий взгляд подлеца, разговаривающего с вами с приятной улыбкой, равнодушные, от которого один шаг до предательства.

Наша память — это душевный и жизненный опыт, оплаченный дорогой ценой.

Вот почему, когда по случайным ассоциациям — то ли скрежет трамвая на поворотах, напоминающий свист тяжелого снаряда, то ли похожая на пульсирующий огонь пулемета вспышка автогена в каркасе строящегося дома — память возвращает нас к дням войны, мы начинаем больше ценить тишину, спокойный блеск солнца, прозрачность воздуха.

Сталинград

В аккуратном чистеньком номере мюнхенской гостиницы мне не спалось. Фиолетовый сумрак декабрьской ночи просачивался сквозь густо залепленное снегом окно, вкрадчиво-дремотно пощелкивало в тишине электрическое отопление, а мне казалось чудовищным, невероятным, что я нахожусь в немецком, страшном своей славой городе, откуда началось все: война, кровь, концлагеря, газовые камеры.

Я вдруг отчетливо вспомнил утренний разговор с мюнхенским издателем, включил настольный свет и стал просматривать газеты. И тотчас в глаза бросился крупный заголовок — «Сталинград», а под ним несколько фотографий: суровая сосредоточенность на лицах немецких солдат за пулеметом среди развалин города, танковая атака в снежной степи, высокий, молодецкватый автоматчик, расставив ноги в сапогах-раструбах, хозяином стоит на берегу Волги.

В статье выделялись давно знакомые имена и названия: Паулюс, Манштейн, Гитлер, группа армий «Дон», 6-я полевая армия.

И лишь тогда я понял, почему издатель попросил меня просмотреть эту газету.

Утром во время встречи с ним, узнав, что я интересуюсь материалами Второй мировой войны, издатель развернул передо мной газету, сказал: «Хотел бы, чтобы вы встретились с фельдмаршалом Манштейном. Да, он жив, ему восемьдесят лет... Но думаю, что он побоится разговора с вами. Солдатские газеты много пишут о нем в хвалебном тоне. Называют его стратегом и даже не побежденным на поле боя. Задайте ему несколько вопросов, чтобы старый пруссак понял, что он участник преступления. А впрочем, сейчас...»

Издатель довольно решительно подошел к телефону и через справочную узнал номер фельдмаршала. Я хорошо слышал последующий разговор.

Старческий голос в трубке надолго замолчал, как только издатель сказал, что господину фельдмаршалу хочет задать несколько вопросов русский писатель, занятый изучением материалов Второй мировой войны, в том числе, конечно, и Сталинградской операции.

Длилась томительная пауза, потом старческий голос не без удивления переспросил: «Русский писатель? О Сталинграде? — и опять после паузы, с пунктуальностью военного: — Какие именно изучает он вопросы?» Затем, после осторожного молчания: «Пусть изложит письменно вопросы». Затем, после длительной паузы: «Я все сказал в своей книге «Потерянные победы». О себе и о Паулюсе». И наконец: «Нет-нет, я никак не могу встретиться, я простужен, господин издатель. У меня болит горло. Я плохо себя чувствую».

— Я так и думал, — сказал издатель, положив трубку. — У этих вояк всегда болит горло, когда надо серьезно отвечать.

В сущности, я не очень хотел бы этой встречи с восьмидесятилетним гитлеровским фельдмаршалом, ибо испытывал к нему то, что испытывал двадцать пять лет назад, когда стрелял по его танкам в незабытые дни 1942 года.

Но я понимал, почему фельдмаршал, этот «не побежденный на поле боя», опасался вопросов о Сталинградской операции...

Нет, я никогда не забуду жестокие холода под Сталинградом, когда все сверкало, все скрипело, все металлически звенело от мороза: снег под валенками, под колесами орудий, толсто заиндевевшие ремни и портупены на шинелях.

Наши лица в обмерзших подшлемниках почернели от сухих метелей, от ледяных ветров, беспрестанно дующих по степи. Мы своим дыханием пытались согреть примерзавшие к оружию руки, но это не помогало. Потом мы научились согревать руки о горячие стреляные гильзы. Мы стреляли по танкам и лишь согревались в бою и хотели боя, потому что лежать в снегу в мелком выдолбленном окопе возле накаленного холодом орудия было невыносимо. Но в те жестоко морозные дни мы ощущали в себе нечто новое, чего не было в первый год войны.

Шел декабрь второго года войны. Двухсоттысячная 6-я армия фельдмаршала Паулюса была сжата в тесном кольце тремя нашими фронтами вокруг превращенного в развалины Сталинграда. Кольцо все сдавливалось, все сужалось, но армия Паулюса сопротивлялась с тупым неистовством обреченных на гибель. Она еще держалась в развалинах города. Она еще была на берегах Волги. А мы уже ощущали знаки победы в горящих танках, в ночных пожарах за немецкой передовой, даже в ищущем гудении транспортных «юнкерсов», сбрасывающих контейнеры с боеприпасами и продовольствием в тылах 6-й армии. Наша пехота в звездные декабрьские ночи короткого затишья чувствовала в морозном воздухе запах пепла. И это тоже был запах ожидаемой победы — в немецких штабах жгли бумаги, бросали в печи корпусные и дивизионные печати, наградные листы, копии донесений, плавилась в огне Железные и Рыцарские кресты, которые уже потеряли свою ценность. Иногда мы слышали крики, одиночные выстрелы в близких окопах — это свершался суд над обезумевшими от боев солдатами, пытавшимися бежать куда-то из смертельного «котла».

Никто из нас в те дни не видел немецких медпунктов, пропахших гниющими бинтами и потом, трехъярусных нар, забитых обмороженными и ранеными. Никто из нас, кроме разведчиков, не видел очервивших трупов немцев на дорогах в окружении каменных от мороза трупов убитых лошадей, искромсанных финками голодных солдат 6-й армии.

Тогда мы не знали всего этого. Но если бы и знали, то не испытали бы жалости. Мы стискивали кольцо с одним желанием уничтожения. И это было справедливо, как возмездие. Жестокость врага рождает ненависть, и она неистребимо жила в нас, как память о сорок первом годе, о Смоленске, о Москве, о том надменном воинственном веселье викингов «третьего рейха», когда они подходили к Сталинграду после непрерывных бомбежек, в поднятых танками завесах пыли, с пилотками за ремнем, с засученными по локоть рукавами на загорелых руках — завоеватели, дошедшие до Волги, с наслаждением после боя пьющие русское молоко в захваченных станицах, в двух тысячах километрах от Берлина. Они продвигались с огромными потерями, но они все-таки продвигались к Волге.

В ликующей Германии звучали фанфары. Гремели марши по радио. Впервые в истории немецкий солдат вот-вот почерпнет своей плоской алюминевой кружкой волжскую воду и с чувством победителя плеснет ею на потную шею. Немецкие танки, войдя в прорыв на юге, прошли за лето сотни километров, ворвались в Сталинград, на его улицы. Эти танки были накалены русским солнцем, русская пыль густым слоем покрывала крупновскую броню. И этот горячий запах русской пыли, запах выжженных приволжских степей сильнее порционного рома опьянял солдат и наркотически опьянял Берлин, на весь мир шумевший победными речами. В рейхсканцелярии ежедневно устраивались роскошные, почти древнеримские приемы, на которых высшие чины рейха и генералы с самоуверенными выбритыми лицами, внушительно сверкая орденами на парадных мундирах, жали друг другу руки между глотками шампанского, а женщины, обольстительно улыбаясь, блистали драгоценностями, награбленными в павшей Европе и на завоеванных территориях «жизненного пространства». Весь мир затаил дыхание: казалось, еще шаг немецкой армии — и Россия падет. В те же опьяняющие победой месяцы хромающий, сухощавый человек с сильными надбровными дугами — рейхсминистр Геббельс, как бы забыв о великих «идеалах немецкого народа», о которых он так наигранно-страстно любил говорить, уже нестеснительно заявил на весь мир, что цель войны — «набить себе брюхо», все дело в нефти, пшенице, угле, руде.

В те месяцы молниеносно повышались генеральские и офицерские звания «героям летнего наступления», «беспримерным воинам», танкистам и летчикам вручались Рыцарские и Железные кресты. Тогда в Берлине ждали день падения Сталинграда, мнилось — победоносная армия рейха заканчивает войну на берегах Волги.

И быстрое окружение 6-й армии Паулюса в почти захваченном, казалось бы, почти завоеванном Сталинграде представилось сначала в Берлине невозможностью, мифом, результатом ошеломляющей таинственности неожиданно возникшего русского военного потенциала и тайной славянского характера.

Но это не было ни мифом, ни таинственностью. Это было проявлением закономерности. До предела сжатая пружина стала разжиматься с неудержимой разрушительной силой. Война вошла в новую свою фазу.

Проклиная дни отступлений, мы тогда, конечно, не могли со всей очевидностью предполагать, что наше успешное наступление в ноябре, в декабре, наши атаки, удары бронейных снарядов по танкам в окруженной группировке — все это было началом конца этой страшной войны, битвой в глубине России на уничтожение.

Мы лишь чувствовали нечто новое, долго ожидаемое, наконец с ощущением собственной силы начатое, — и, видимо, ощущение это было предзнаменованием Победы. Но впереди еще были неисчислимые километры наступления, бои, потери, и мы зрительно представляли этот тяжелейший путь сражений в сталинградских степях.

Окруженная группировка Паулюса получала одну за другой радиogramмы Гитлера с приказом держаться до последнего солдата. Он, Гитлер, понимал, что потерять Сталинград — значило потерять инициативу, навсегда уйти с берегов Волги, то есть из самых глубин России. Он обещал интенсивное снабжение с воздуха и мощную помощь четырьмя танковыми дивизиями из района Котельникова.

И вот тогда командующий группой армий «Дон» фельдмаршал Эрих фон Манштейн получил приказ начать операцию деблокирования, прорыва с юга к окруженным войскам. Эта операция могла решить многое, если не все. Только теперь я понимаю, что весь исход битвы на Волге, вся каннская операция трех наших фронтов, может быть, даже сроки окончания всей войны как бы зависели от успеха или неуспеха начатого в декабре Манштейном деблокирования. Танковые дивизии были тараном, нацеленным с юга на Сталинград.

Я хорошо помню неистовые бомбежки, когда небо чернотой соединялось с землей, и эти песочного цвета стада танков в снежной степи, ползущие на наши батареи. Я помню раскаленные стволы орудий, непрерывный гром выстрелов, скрежет, лязг гусениц, распахнутые телогрейки солдат, мелькающие со снарядами руки заряжающих, черный от копоти пот на лицах наводчиков, черно-белые смерчи разрывов.

В нескольких метрах ударная армия Манштейна — танки генерал-полковника Гота — прорвала нашу оборону, приблизилась к окруженной группировке Паулюса на шестьдесят километров, и немецкие танковые экипажи уже увидели багровое зарево над Сталинградом. Манштейн радировал Паулюсу: «Мы придем! Держитесь! Победа близка!»

Но фельдмаршал Манштейн не выручил Паулюса. Остатки танковых дивизий, видевших ночью зарево на горизонте, откатывались к Котельникову. Наши армии все теснее сжимали в кольцо напрасно ожидающую помощи окруженную группировку под Сталинградом. И одновременно часть войск, сдержав танковый натиск, начала активное наступление на юге.

Тогда и Гитлер, и Манштейн, точно улавливающий каждое желание фюрера, пришли к единому выводу: окруженную двухсоттысячную армию следует принести в жертву — погибнуть без капитуляции, стрелять до последнего патрона. Среди солдат и офицеров распространялся неписанный свыше приказ — кончать жизнь самоубийством. Фельдмаршал Манштейн,

которому непосредственно подчинена была окруженная армия, прекратил сношения со штабом Паулюса, перестал отвечать на его радиogramмы. Потом холодно и расчетливо фельдмаршал прекратил снабжение с воздуха, прекратил вывоз раненых, хотя в то же время из окружения вывозились «имеющие ценность специалисты», необходимые для продолжения войны. Остальные обрекались на гибель. Армия была как бы списана.

Утром 31 января пришла последняя радиogramма из ставки Гитлера — с пышным текстом о производстве Паулюса в генерал-фельдмаршалы. Это было скрытое приглашение к самоубийству. Паулюс все понял, но нашел другой выход — плен.

В этот же день была отправлена Гитлеру радиogramма чрезвычайно короткого содержания: «У дверей русский...»

Наш генерал с переводчиком стояли возле двери штаба в подвалах разбитого универмага.

Так закончилась эта невиданная в истории войн битва, эти первые Канны целой немецкой армии. Это поражение было символическим могильным крестом, замаячившим над ореолом непобедимости фашистской Германии.

...Вот почему у фельдмаршала заболело горло, когда издатель позвонил ему по телефону и заговорил о Сталинграде и русском писателе.

Каждый новый день

Его взвод погиб в лесу под Веной в ночь на одиннадцатое мая. Но до того, как в ту весеннюю ночь, разорванную автоматными очередями, стало ясно, что наткнулись на засаду, он еще не знал, что покойная солнечная тишина, теплый брусчатник, воркованье голубей по утрам на карнизах, благодатные, с мягким дождичком дни в озвученных вальсами старинных городках, одурманивающий запах сирени в старинных парках — все лгало ему обещанием навсегда остановленной войны, вечной молодой радости.

Невыносимо было то, что его солдаты в ночь гибели находились на том проклятом шоссе, рядом с ним, в одной машине, и последняя мысль о спасении была, вероятно, обращена к нему, лейтенанту, а он, тяжело раненный в грудь налет первой же очередью, лежал в кювете, истекал кровью и ничем не мог им помочь. Ему, в общем-то, повезло, и он прожил потом еще целую жизнь, постепенно забывая подробности случившегося тогда: фамилии, лица, голоса солдат, напрасно ждавших от него помощи.

И только изредка, в светлые весенние ночи, он вспоминал ту далекую, обманувшую его ночь — и ему становилось не по себе. Но вдвойне горше было оттого, что большинство людей, встреченных им после войны, не хотели помнить и понимать, что каждый новый день — это не продолжение, а начало, которого могло и не быть, что каждый новый день — это вся жизнь между рождением и смертью.

Егор ИСАЕВ «В КАРАУЛ У ЗНАМЕНИ ПОБЕДЫ...»

Георгий Александрович Исаев — родился в селе Коршево Воронежской обл. После начала Великой Отечественной войны вместе со взрослыми рыл противотанковые рвы. В Красную Армию призван в 1943 г. Накануне своего 19-летия в составе войск 1-го Украинского фронта участвует в Берлинской наступательной операции, а затем в освобождении Праги. В 1950 году поступает в Литературный институт им. М. Горького и заканчивает его с отличием, работает в издательстве «Советский писатель», его избирают секретарем СП СССР. Произведения переведены на многие языки мира. Лауреат Ленинской премии, удостоен звания Героя Соц. Труда, награжден орденами Красного Знамени, Отечественной Войны и др. В период 1984–1989 годов избирался депутатом Верховного Совета СССР. Автор многих книг стихотворений. **Живет в Москве.**

НА ФРОНТ

Едем, песни распеваем,
По-геройски грудь вперед,
И как знать про то не знаем,
Что он есть такое, фронт.
И как будто страху нету:
Выполняй, солдат, приказ.
А убьет кого, так это
Не кого-нибудь из нас,
А кого-то в промежутке
Между нами, чью-то тень.
Едем. Шутки-прибаутки,
Но уже на третий день
Голоса все глуше, тише,
Вздых тревожней, строже взгляд...
Фронт все ближе, ближе, ближе.
Руки ищут автомат.

* * *

Дворец за оградой
готическим шпилем
Вонзается в небо
на сером рассвете.
Здесь принцы
когда-то австрийские жили,
И пенились шлейфы
принцесс на паркете.
Так было когда-то.
И вот в сорок пятом
Сюда заглянул
старшина с автоматом.
Не очень парадный,
не очень вельможный.
И нам здесь,
пожалуй, устроиться можно, —
Сказал.

А как только про это сказал он,
Простынные ветры
промчались по залам...
Патрульная служба
не как боевая,
А почта
по-прежнему все полевая.

* * *

Весна, весна! Лучей поток,
Снега уже растаяли,
И дует теплый ветерок
Со стороны Италии

В лицо бойцам и в рядовом
И в генеральском чине.
И все по той же в основном
Лирической причине:
Весна идет! Вблизи-вдали
Со стороны рассвета.
Идут по небу журавли,
А по земле Победа.

* * *

Снежинки кружатся доверчиво, мерно,
Должно быть, над Гжацком, над Курском,
наверно.
Над лесом, над полем — просторно и свейно.
Кружатся, кружатся снежинки над Веной,
Садятся на башни, на крыши, на плацы,
На кепи французу, за ворот британцу,
На плечи, на шляпы тирольцу и венцу,
А русскому прямо — на память, на сердце.
А в сердце солдатском, как солнце в оконце,
Родная с ведерком стоит у колодца
И смотрит, и смотрит за горы Карпаты.
И нет у любви материнской заката.

ГОЛОС ВО СНЕ

«А яблонька, Коля, уже зацвела, Что ты посадил на рассвете, Когда на войну я тебя собрала, Она доросла до повети.	Как солнце закатится, станет темно, За выгоном ветер проснется, Она подойдет, постучится в окно. Не ты ли вернулся, сдается».
--	--

* * *

В нашей иль в другой какой округе Мало стариков, одни старухи. В сумерки идут — идут, не жалуются.	Так их вдовья жизнь и продолжается. Стариков не видеть им седыми, Старики погибли молодыми.
--	---

СЕДОЙ АККОРДЕОН

За годом год идет, идет за вехой веха...
И вдруг как будто я свернул за угол века
И замер вдруг на переломе света:
Передо мной она — сама Победа! —
Сидит на стульчике у каменных ворот.
Вокруг Москва торопится, снует, —
Гудят машины, плещется неон...
А он, солдат, седой аккордеон,
Кричит во все лады и ордена:
Не забывайте, что была война!

* * *

Согласен, друг: клин вышибают клином
И не простым причем, а журавлиным.
Такое тоже иногда бывает.
Беспамятство тем клином вышибают
В пути от человека к человеку
Под сводом времени от века и до века,
От войска Невского у озера Чудского
До сталинградской армии Чуйкова
У волжских круч в окопах и руинах.
Такой размах у крыльев журавлиных.

* * *

Михаилу Алексееву

Мое седое поколение —	Мы — старики, но мы и дети,
Оно особого каленья,	Мы и на том и этом свете,
Особой выкладки и шага	А духом все мы сталинградцы.
От Сталинграда до рейхстага.	Нам Богом велено: держаться!

* * *

Мне на минутку бы туда,	В землянки те и в те окопы...
В давно прошедшие года,	Но врач сказал: — Нельзя туда.
В пожары вздыбленной Европы,	Туда уходят навсегда.

* * *

Вчера одна мне женщина сказала:
«Вас на земле осталось очень мало.
Фронтовиков». А я ей так ответил:
«Да, мало нас, но мы еще посветим
Своими боевыми орденами
И попоем, поплачем вместе с вами.
А край придет — посветим вам оттуда
Прощальным светом звездного салюта».

ПРОСЬБА ВЕТЕРАНОВ

Площадь наша Красная, порадуй
Молодым лицом своих парадов.
Превеликой памятью повеи
С наших вечно фронтовых полей
И позволь нам встать, хоть мы и деды,
В караул у Знамени Победы.

Актуальное ИНТЕРВЬЮ

ВETERАНЫ В СТРОЮ

Интервью
с генералом армии
М. А. Моисеевым

К 65-летию
Великой Победы

Моисеев Михаил Алексеевич родился 22 января 1939 года в селе Малый Ивар, Свободненского района, Амурской области. В 1958 году призван в ряды ВС, в 1962 году окончил с отличием Дальневосточное танковое училище. По окончании в 1972 году Военной академии имени М.В.Фрунзе служил в войсках БВО начальником штаба полка, командиром танкового полка, командиром дивизии. После Военной академии Генерального штаба (с золотой медалью) был направлен в войска ДВО, где служил на должностях заместителя командующего армией и командующего общевойсковой армией. В 1985 году назначен начальником штаба — первым заместителем командующего войсками ДВО. С 1987 года командовал войсками ДВО. В 1988 году назначен начальником Генерального штаба ВС СССР — первым заместителем Министра обороны. Генерал армии. С 1991 года находится в запасе. С 1992 по 1993 гг. работал консультантом Председателя Верховного Совета Российской Федерации. С 1993 по 1998 гг. занимался общественной работой, руководил ветеранским движением в Генеральном штабе. С июля 1998 г. по настоящее время являлся Генеральным директором ОАО «Всероссийский центр переподготовки офицеров, увольняемых в запас». М. А. Моисеев имеет ученую степень кандидат военных наук. Возглавляет ветеранскую организацию Генерального штаба, является Заместителем председателя Координационного Совета по проблемам социальной защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, пред-

седатель Совета Общероссийской общественной организации ветеранов Вооруженных Сил Российской Федерации. Награжден: орденом «Боевого Красного Знамени», орденами «За службу в ВС СССР» 3 и 2 степени, орденами «Красной Звезды» МНР, Болгарии, орденом «За мужество», более 25 медалями. Живет в Москве.

Корреспондент: *Уважаемый Михаил Алексеевич, наша страна отмечает 65-летие Победы в Великой Отечественной войне. Это знаменательное событие не только для наших граждан, но и для ветеранов стран СНГ и стран Европы. Как на Ваш взгляд происходит подготовка к празднованию 65-летия Победы? Какие общественные организации ветеранов принимают участие в этом процессе?*

Михаил Алексеевич: Да, в этом году наша страна, народы России и стран СНГ, ветераны войны, проживающие в ближнем и дальнем зарубежье, прогрессивная общественность всех стран мира отмечают 65-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов.

Если говорить в целом об этой проблеме, то, прежде всего, следует сказать, что вся работа по подготовке к юбилею проводится в соответствии с «Перечнем основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 65-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», утвержденным Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 16 января 2009 года. Не могу не привести слова Президента РФ на заседании комитета «Победа», который сказал, что «наследие Победы — это не просто наша память, наша история. Это и мощный моральный ресурс развития нашего государства. Историческая правда о войне, уроки войны, связь с современностью также имеют непреходящее значение». «Перечень» охватывает широкий круг проблем и, прежде всего, меры по улучшению социально-экономических условий жизни инвалидов и участников войны.

Великий юбилей — уникальная возможность для всего международного сообщества еще раз осмыслить уроки войны, вспомнить о корнях нацизма, идеология которого не изжита до сих пор, а в некоторых случаях, по сути, процветает. В нашей стране подготовка к юбилейной дате проводится масштабно и многопланово. В ней принимают участие федеральные органы исполнительной власти, субъекты Российской Федерации, общественные, ветеранские объединения, предприятия, организации и учреждения.

В противодействие фальсификации истории большое значение имеет издание фундаментального многотомного труда «Великая Отечественная война 1941—1945 гг.», подготовленного Министерством обороны Российской Федерации. Издание планируется завершить до 2015 года.

Очень важным представляется усиление координации действий по подготовке к юбилейной дате в рамках СНГ. Утвержденный на саммите Содружества в Бишкеке в октябре 2008 г. план основных мероприятий предусматривает целый ряд мер, включая организацию военного парада в Москве, серию церемоний награждения ветеранов единой военной медалью, социальную поддержку ветеранов и увековечение памяти защитников Отечества.

Значительная часть нагрузки, прямое участие в подготовке юбилейных мероприятий лежит на ветеранских организациях. Они вносят ощутимый вклад в военно-патриотическую работу с молодежью, в укрепление в об-

шестве нравственного климата, связи армии с народом, в дело подготовки молодежи к службе в Вооруженных Силах и защите Отечества. Юбилейные торжества, связанные с 65-летием Победы, должны дать мощный стимул развития национального самосознания граждан России, способствовать росту авторитета Вооруженных Сил, престижа военной службы. И в этом неоценимую роль могут и должны сыграть ветеранские объединения всех «силовых» структур и, прежде всего, ветеранские организации Вооруженных Сил. На прошедшем заседании Центрального совета Минобороны России по делам ветеранов эти проблемы были детально рассмотрены, а органы военного управления и ветеранские организации нацелены на решение конкретных задач.

Таким образом, можно с полным основанием утверждать, что подготовка к юбилейной дате — это дело всего народа и каждого гражданина России.

Корр.: *Михаил Алексеевич, о военных парадах бытуют разные мнения. Некоторые считают, что это пустая трата денег, лучше бы их ветеранам раздали. Иные убеждены, что это яркое событие в жизни ВС и страны, важное с точки зрения военно-патриотического воспитания. Есть и такие, кто видит в парадах бряцание оружием, чуть ли не возрождение милитаризма. Как Вы относитесь к возрождению парадов на Красной площади?*

М. А.: Мое отношение к возрождению парадов войск на Красной площади исключительно положительное. Парад войск с военной точки зрения — это проверка выучки и боевой готовности частей и подразделений, состояния боевой техники и оружия, слаженности и единства воинских коллективов, умений и навыков поведения в предстоящих реальных боевых условиях. С этой позиции парады и смотры войск являются неотъемлемой частью боевой подготовки личного состава Вооруженных Сил. Парады войск на Красной площади, помимо сугубо воинской составляющей, несут в себе глубокий, общественно значимый смысл, нравственно-духовный потенциал. С одной стороны — это всенародная, если хотите международная, демонстрация современного уровня развития Вооруженных Сил, с другой — мощный рычаг патриотического воспитания, прямого воздействия на чувства каждого гражданина страны, вызывающие состояние гордости за армию и флот, ощущение сопричастности общему делу защиты Отечества. В лозунге «Армия и народ едины» заложен глубокий смысл, ибо армия — это детище народа и инструмент в руках государства, призванный защитить военными средствами его интересы. Недаром в армиях ведущих стран мира проведение парадов — это давно укоренившаяся традиция. Отрадно, что такая традиция возрождается и в нашей стране.

Корр.: *Михаил Алексеевич, каким образом ветеранские организации ВС РФ принимают участие в обсуждении реформ, проходящих сегодня в армии и на флоте? Востребована ли их помощь?*

М. А.: За последние годы произошли серьезные сдвиги в этом направлении, немало сделано для совершенствования взаимодействия между армией и ветеранскими организациями, армией и гражданским обществом в целом. Первым шагом стало создание в 2005 году Центрального совета

Министерства обороны Российской Федерации по делам ветеранов и системы совещательно-консультативных органов в войсках и органах военного управления. В 2006 году был образован Общественный совет при Минобороны России. Его многоплановая работа в военных округах и на флотах в тесном взаимодействии с Общественной палатой Российской Федерации позволила сделать армию более открытой для общества, улучшить воспитательную работу с военнослужащими, привлечь к решению армейских проблем общественные и ветеранские объединения.

Следующим этапом стало учреждение по инициативе ветеранов в ноябре 2008 г. Общероссийской общественной организации ветеранов Вооруженных Сил Российской Федерации, которая на сегодняшний день имеет свои структуры более чем в 60 субъектах Российской Федерации. Ветераны Вооруженных Сил активно участвуют в жизни и повседневной деятельности воинских частей и подразделений. Среди проводимых ветеранскими структурами мероприятий военно-патриотического характера следует отметить торжественное открытие по всей стране всероссийской «Вахты памяти», посвященной 65-летию Победы; ежегодный конкурс военно-профессионального мастерства среди военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в армиях стран СНГ; спартакиаду дружественных армий стран СНГ и т.д. Огромный жизненный и служебный опыт ветеранов войны и военной службы, их профессиональные знания сегодня востребованы, как никогда. С ними советуются, к ним прислушиваются, они являются активными участниками, а зачастую инициаторами, многих мероприятий, проводимых в армии и на флоте. Сегодня я возглавляю Совет Общероссийской общественной организации ветеранов Вооруженных Сил Российской Федерации и одновременно являюсь членом Коллегии Минобороны России. Аналогичная картина складывается и в видах Вооруженных Сил, родах войск, главных и центральных управлениях Минобороны России, где бывшие видные военачальники работают советниками, консультантами соответствующих должностных лиц. Считаю такое положение справедливым и обоснованным, ибо не использовать ветеранский опыт и знания при решении вопросов жизни и деятельности войск было бы расточительным и неоправданным.

Корр.: Михаил Алексеевич, какие, на Ваш взгляд, общественные организации станут преемниками ветеранов Великой Отечественной войны? На какие новые силы будет опираться общество в выстраивании военно-патриотического воспитания молодежи?

М. А.: Рассматривая эту проблему, могу однозначно сказать, что именно ветеранские организации армии и флота, войсковых формирований других «силовых» министерств и ведомств уже являются по своей сути и функциям преемниками ветеранов Великой Отечественной войны. Идет смена поколений, в одних и тех же ветеранских организациях плечом к плечу работают ветераны Великой Отечественной войны, ветераны Афганистана, других «горячих» точек, ветераны военной службы, генералы и офицеры запаса, не имеющие боевого опыта. Они объединены едиными целями и задачами, общностью интересов, верностью присяге и воинскому долгу.

В настоящее время в Вооруженных Силах создана стройная система ветеранских организаций. Возглавляют их работу Центральный совет Минобороны России по делам ветеранов (председатель Совета — Министр обороны Российской Федерации) и Общероссийская общественная организация ветеранов Вооруженных Сил Российской Федерации. Структурные ветеранские подразделения созданы в видах Вооруженных Сил, родах войск и службах, главных и центральных управлениях Минобороны России, военных округах, на флотах, в соединениях, а также в субъектах Российской Федерации. Такое организационное построение позволяет не только готовить и проводить масштабные мероприятия с участием федеральных и региональных органов государственного управления, общественных организаций, предприятий и учреждений как в центре, так и на местах, но и дойти в практической работе до каждой воинской части, подразделения и отдельного ветерана. Именно в субъектах Российской Федерации, в округах и на флотах, в воинских частях проводится основная работа, имеющая главной своей целью военно-патриотическое воспитание граждан России.

На низовые ветеранские организации армии и флота ложится основная нагрузка в практической работе и именно они наиболее ярко и отчетливо могут увидеть результаты своей многогранной деятельности.

Со страниц вашего журнала я хочу выразить представителям этих ветеранских структур свою глубокую благодарность и признательность за их благородный, неоценимый труд, поздравить с Днем Победы и пожелать здоровья, энергии и благополучия.

Корр.: *Михаил Алексеевич, какие программы по поддержке уволенных военнослужащих, которые сегодня существуют, наиболее эффективны?*

М. А.: Полагаю, что вопрос вполне правомерен и поставлен своевременно. Нет сомнения в том, что программный метод решения социальных проблем военнослужащих наиболее эффективен. Подготовка социальной программы требует глубокой аналитической работы, определения целей и задач, реальной оценки настоящего и четкого видения конечных результатов, привлечения большого числа органов исполнительной власти всех уровней, заинтересованных структур и, что наиболее важно, необходимого финансового обеспечения. Как известно, в 2001 году постановлением Правительства Российской Федерации № 729 была утверждена Государственная программа социальной адаптации военнослужащих «силовых» ведомств, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей на 2002-2005 годы. Можно по-разному оценивать ее результаты, но с полной уверенностью следует сказать, что она сыграла свою положительную роль в военно-социальной сфере. На мой взгляд, основным ее достижением явилась активизация военно-социальной работы в субъектах Российской Федерации на основе разработки региональных программ социальной адаптации военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы. Руководители администраций субъектов Российской Федерации и местных органов управления были сориентированы в сторону социальных проблем военнослужащих, в результате чего социальная работа с ними проводилась целенаправленно, с учетом местных условий и потребностей рынка труда.

К сожалению, после 2005 года военно-социальных программ федерального уровня разработано не было. Вместе с тем, ситуация в стране и в мире объективно заставляет нас вернуться к данной проблеме, особенно в период реформирования Вооруженных сил, так как предстоит решать проблему реализации основных социальных гарантий в отношении значительного количества кадровых офицеров, а именно: обеспечения их жильем и адаптации к условиям гражданской жизни. Серьезным шагом в этом направлении следует признать разработку ведомственной целевой программы Министерства обороны Российской Федерации «Реализация социальных гарантий военнослужащим, увольняемым с военной службы» на 2009-2011 годы, утвержденной Министром обороны Российской Федерации 14 февраля 2009 года. Данная программа носит масштабный и комплексный характер, охватывая такие направления, как реализация жилищной проблемы, выплата единовременного пособия при увольнении, обеспечение вещевым имуществом по установленным нормам, пенсионное обеспечение, консультирование по вопросам увольнения, переподготовка по гражданским специальностям, содействие в трудоустройстве и т.д. При этом, приказами Министра обороны РФ № 94 и № 95 от 18 марта 2009 г. определены порядок направления военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, на профессиональную переподготовку по гражданским специальностям и перечень военно-учебных заведений Минобороны России, осуществляющих такую переподготовку. Финансирование мероприятий программы будет произведено за счет бюджетных ассигнований. Только в 2009 году на эти цели было выделено 71 024,3 млн. руб., а всего до 2011 г. более 110 млрд. руб.

Следует отметить, что впервые в новейшей истории России разработана и обеспечена финансированием ведомственная целевая социальная программа поддержки военнослужащих, рассчитанная на период реформирования Вооруженных Сил. Государство берет на себя заботу и обязанность по социальной защите военнослужащих и можно с уверенностью констатировать, что абсолютное большинство увольняемых офицеров смогут этой помощью воспользоваться и по достоинству ее оценить.

Учитывая отсутствие за последние годы таких программ на федеральном уровне, Общероссийская общественная организация ветеранов Вооруженных Сил Российской Федерации и Всероссийский центр переподготовки офицеров, увольняемых в запас при поддержке соответствующих государственных органов и негосударственных структур разработали «Межрегиональную целевую программу социальной адаптации военнослужащих, подлежащих увольнению из Вооруженных Сил Российской Федерации, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей» на 2009—2011 годы.

Данная программа по своим целям и содержанию является дополнением к ведомственной целевой программе Минобороны России. Ее особенностями является то, что она ориентирована в основном на граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, а ее финансирование предполагается осуществить за счет внебюджетных источников и бюджетов субъектов Российской Федерации.

Таким образом, видно, что процесс оптимизации численности Вооруженных Сил и связанное с ним увольнение значительного числа офицерских кадров, потребует консолидированных действий государственных органов,

негосударственных, коммерческих структур, общественных и ветеранских объединений, направленных на реализацию социальных проблем военнослужащих. Программный метод их решения — наиболее эффективный и надежный путь, гарантия успеха и высокой результативности.

Корр.: *Михаил Алексеевич, в каких областях народного хозяйства, по Вашему мнению, будут наиболее востребованы увольняемые военнослужащие и как задействованы сегодня ветераны Вооруженных Сил Российской Федерации?*

М. А.: Можно с уверенностью утверждать, что нет такой сферы деятельности и области народного хозяйства, где бы не были применимы знания и опыт кадровых военнослужащих. Абсолютное большинство офицеров, увольняемых в связи с сокращением численности Вооруженных Сил, это люди, находящиеся в трудоспособном возрасте, имеющие высокий образовательный и профессиональный уровень, опыт руководства большими воинскими коллективами и готовые реализовать свой потенциал в гражданских условиях. Вместе с тем, полученное ими военное образование и приобретенные за время службы профессиональные навыки зачастую не вписываются в рамки и требования рыночной экономики и не позволяют успешно конкурировать на рынке труда в начальный период после увольнения.

В ходе проведения оптимизации численности Вооруженных Сил планируется увольнение офицеров, имеющих военные специальности, родственные гражданским: медики, строители, финансисты, военные преподаватели, юристы, специалисты по средствам связи, ремонту и обслуживанию авто, бронетанковой, авиационной техники и т. п. Можно предположить, что проблема их трудоустройства будет сведена до минимума.

Оставшаяся часть увольняемых офицеров столкнется с определенными трудностями в процессе трудоустройства. С целью повышения их конкурентоспособности на рынке труда необходимо обеспечить их переподготовку по гражданской специальности. Такая переподготовка уже организована в военно-учебных заведениях Минобороны России на бесплатной основе, продолжительностью до 4-х месяцев, по самому широкому спектру специальностей (управление производством и персоналом; менеджер; подбор и обучение кадров; инспектор по технике безопасности; защита окружающей среды; социальная работа; социология; ряд технических специальностей и т. д.). Однако, здесь существует одна особенность: профессиональную переподготовку офицер проходит по месту службы или по направлению в военно-учебном заведении, а трудоустраивается в регионе, избранном для постоянного проживания.

Частично поправить такое положение призваны региональные учебные центры дополнительного профессионального образования и территориальные органы службы занятости населения. На основе анализа потребностей регионального рынка труда обучение военнослужащих может осуществляться целенаправленно, в том числе по заявкам предприятий, организаций и учреждений различных форм собственности.

Безусловно, приоритетным является использование опыта и знаний офицерского состава в органах управления федерального, регионального и муниципального уровней. Офицер — это руководитель, управленец, менеджер по своей сути и опыту военной службы.

Корр.: Михаил Алексеевич, в начале 2000-х г.г. Вы были инициатором выставок-форумов «Бывшим военным служащим, сотрудникам правоохранительных органов — социальную поддержку». Проводятся ли они сегодня? Если нет, то почему?

М. А.: Да, мы имеем опыт проведения таких крупных межрегиональных, международных социальных мероприятий.

В 2000—2002 годах по поручению Правительства Российской Федерации Всероссийским центром переподготовки офицеров, увольняемых в запас, совместно с «силовыми» министерствами и ведомствами, региональными учебными центрами, администрациями субъектов Российской Федерации, зарубежными партнерами, общественными и ветеранскими структурами были подготовлены и проведены на внебюджетной основе три международных форума по социальным проблемам военным служащим. В чем мы видим общественную значимость и необходимость их проведения?

Во-первых, форум — это благодатная почва, площадка для делового обмена мнениями, положительным опытом работы, выработки методологических основ деятельности в военно-социальной сфере, обсуждения концептуальных подходов в решении поставленных задач, поиска новых, современных форм и методов работы.

Во-вторых, в рамках форумов проводились ярмарки вакансий рабочих и учебных мест с участием органов государственной службы занятости населения г. Москвы и Московской области, предприятий, организаций и учреждений.

В-третьих, на форумах были развернуты экспозиции ряда региональных учебных центров по переподготовке военным служащим и малых предприятий, созданных гражданами, уволенными с военной службы, и членами их семей.

И, наконец, международный аспект. Опыт ряда зарубежных стран в военно-социальной сфере весьма интересен и частично применим в наших условиях с учетом совершенствования нормативной и законодательной базы.

Конечно, подготовка и проведение форума — это длительный и трудоемкий процесс, требующий к тому же серьезных финансовых вложений. Может быть, и по этой причине после 2002 года такие мероприятия не проводились. Но цель в данном случае оправдывает средства. Нужна инициатива со стороны федеральных органов исполнительной власти и, прежде всего, со стороны «силовых» структур, непосредственно заинтересованных в решении социальных проблем военным служащим. Со своей стороны Общероссийская общественная организация ветеранов Вооруженных Сил Российской Федерации и Всероссийский центр переподготовки офицеров, увольняемых в запас, готовы принять участие в подготовке и проведении такого крупномасштабного мероприятия, используя имеющийся опыт и наработки. Необходимость их проведения достаточно актуальна, а практическая польза очевидна.

История и современность

Сергей КУЛИЧКИН ЛЕНИНГРАДСКАЯ БИТВА

*О трехлетнем
противостоянии
советских и немецких
войск на подступах
к Ленинграду*

Сергей Павлович Куличкин — главный редактор Воениздата. Секретарь Союза писателей России, автор книг «Кондратенко» (серия ЖЗЛ), «Генштаб полагают...», «Душа и слава Порт-Артура», «Генерал Ватулин», лауреат ряда литературных премий. Полковник запаса, в прошлом офицер Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. **Живет в Москве.**

Город, поддерживаемый Божией Силой под Покровом Божией Матери стоял нерушимо, как бы подтверждая слова, сказанные святым Митрофаном Воронежским Петру Первому о том, что город Святого апостола Петра избран Самой Божией Матерью и пока Казанская Ее икона в городе и есть молящиеся, враг не может войти в город... И молящиеся молились. В апреле 1942 года, в тяжелейшие дни Любаньской операции в Александро-Невской Лавре состоялся торжественный молебен по случаю 700-летия победы русских воинов на Чудском озере. Примечательно то, что воинские части Ленинградского фронта после благословения митрополитом Алексием под развернутыми знаменами от Лавры двинулись на передовые позиции. Примечательно и то, что блокада Ленинграда была прорвана в День празднования святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии.

Название статьи может показаться напыщенным и претенциозным. Но как еще можно назвать трехлетнее — с 10 июля 1941 года по 9 августа 1944 года — боевое противостояние советских и немецких войск на ленинградских рубежах. В новейшей военной истории, истории Великой Отечественной войны, да и всей 2-й Мировой войны оборона, блокада, ее прорыв и разгром врага под Ленинградом стали и, надеюсь, останутся на века единственным, уникальным примером трагедии и триумфа, высочайшего героизма, духовной силы и стойкости русского человека. Ленинградская битва, особенно ее самый трагический этап — блокада, — особая страница в летописи Великой Отечественной войны. Не случайно, кроме Сталинграда, только Ленин-

Фото военной поры

град наградили союзники во время знаменитой Тегеранской встречи в верхах осенью 1943 года. Не случайно до сего времени блокада Ленинграда, да и вся Ленинградская битва вызывают такие противоречивые высказывания, суждения среди военных историков, политиков, журналистов, одним словом исследователей различного толка и ранга. Действительно, три года непрекращающейся борьбы, невысказанные мучения миллионов людей, не только бойцов, но и мирных обывателей, детей, предпочитавших смерть от осколков снарядов

или авиабомб, смерти от голода и холода, до сих пор вызывают чувства чего-то нереального, невозможного быть в принципе, но бывшего, вопреки логике борьбы, да и просто человеческого общежития. Мы-то, православные люди, знаем, что это произошло Божию промыслу. Чудо спасения Ленинграда — чудо Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Это Он дал силы ленинградцам не только претерпеть жесточайшие муки, но выстоять и победить врага. Для маловеров хочу сразу же привести несколько фактов. Общеизвестно, что немецкое наступление было остановлено на границе круга, который очертил на карте митрополит Ленинградский Алексий, облетевший потом по этому кругу на самолете и окропившему его святой водой. Да и прорыв блокады, как мы узнаем из книги иеромонаха Филадельфа «Заступница Усердная» был осуществлен после того, как из Князь-Владимирского собора вынесли Казанскую икону Божией Матери и обошли Крестным ходом вокруг города. Конечно, армия и флот блокадного города в нем участвовали опосредствованно, командование фронта ограничено советовалось с митрополитом Алексием, но Божия помощь, по молитвам владыки и паствы была дарована городу-герою Господом нашим Иисусом Христом.

Не углубляясь в общеизвестные факты Ленинградской битвы, в 65-летнюю годовщину прорыва блокады хотелось бы остановиться на некоторых, ключевых, на мой взгляд, моментах героической ленинградской эпопеи. Гитлер, по плану «Барбаросса», именно захват Ленинграда считал первейшей, по времени, стратегической задачей. Затем должны были последовать захват Москвы, Киева и выход собственно на рубеж Северной Двины и Волги. Почему Ленинград? Да потому, что это казалось проще всего. Из Восточной Пруссии группа армий «Север» фельдмаршала фон Лееба в составе 16-й, 18-й полевых армий и 4-й танковой группы (всего 29 дивизий, в т. ч. 6 танковых и моторизованных), при поддержке 760 самолетов 1-го воздушного флота, через враждебную Советам Прибалтику, по самому кратчайшему пути, всего-то несколько сот километров, прорывалась к Ленинграду, одновременно охватывая его с юго-запада. Одновременно с севера наносила удар финская армия через Карельский перешеек и в обход Ладоги. Эта задача казалась решаемой именно в короткие сроки, какие-то 5-6

недель. В итоге Балтийский флот должен был быть заперт в портах Прибалтики и уничтожен, а многомиллионный Ленинград, с его мощнейшей оборонной промышленностью, бесценными памятниками культуры захвачен и в кратчайшее время стерт с лица земли при полном истреблении населения. Хочу напомнить, что к началу войны в Ленинграде проживало более 3 млн. человек. В городе действовало более 1000 предприятий, в их числе такие гиганты индустрии гражданской и военной, как Кировский завод, Ижорский завод, Металлический завод, завод «Электросила», Адмиралтейский и Новоадмиралтейский судостроительные заводы могли составить гордость любой страны мира. Ленинград был важнейшим после Москвы промышленным, научным, культурным центром страны, крупнейшим морским и речным портом, железнодорожным узлом и, конечно, колыбелью большевизма. Последнее, для Гитлера как политика, являлось не менее важным.

Одним словом, Ленинград был обречен. Но в жизни так часто гладко бывает лишь на бумаге. С первых же часов атаки немцев на Ленинград начались у них разочарования. В ночь на 23 июня люфтваффе впервые попыталось совершить воздушный налет на Ленинград. Ни один самолет к городу не прорвался. Более того, немецкие бомбардировщики не могли прорваться к Ленинграду, аж до 6 сентября. Поразительно! Сухопутные немецкие части уже прорвались к городу, артиллерия встала на позиции обстрела городских кварталов, а бомбардировщиков все еще отгоняли летчики Балтфлота, фронтовой авиации и средства ПВО. Первые бомбы на Ленинград были сброшены только 6 сентября. Почему-то этого удивительного факта не замечают многие исследователи. А зря. Никак не мог себе представить Гитлер того, что только через месяц его войска прорвутся к Таллину и застрянут под ним аж до 28 августа. Прибалтика-то, может быть, и была враждебна, да воевал на этой земле русский солдат и матрос. А как воевал, может сказать мученическая смерть на костре краснофлотца Никонова. Балтийский флот, уничтожение которого Гитлер не ставил под сомнение, после сдачи Таллина с 28 по 30 августа совершил беспрецедентный для флота любой державы переход в Кронштадт через минные поля, атакуемый снизу субмаринами, а сверху пикирующими бомбардировщиками. Почти треть из 200 кораблей и судов, в том числе несколько эсминцев и сторожевиков, погибла, из 26 тысяч эвакуируемого личного состава утонуло почти 6 тысяч, но остальные корабли и люди дошли. Флот со своими лидерами линко-

Фото военной поры

ром «Марат» и крейсером «Киров» встал на рейде Кронштадта, Ленинграда, сцементировал оборону города, выстоял и победил. Ну, а уж такие бои, как за Моозундский архипелаг и особенно военно-морскую базу на полуострове Ханко — гитлеровские и финские стратеги не могли себе представить даже в страшном сне. Стойкость этих оборонительных районов, пожалуй, впервые с начала войны настолько поразила Гитлера, что он запретил военным упоминать их название в докладах. Да и было от чего беситься. Для германского флота Моозундский архипелаг стоял как кость в горле аж до 22 октября. 24 тысячи бойцов, 6 торпедных катеров, 17 тральщиков и 12 самолетов против всего немецкого Балтийского флота. Ленинград уже был в блокаде, а Моозунд воевал. Немцы потеряли на этих ненавистных Гитлеру островах около 30 тысяч человек, 20 кораблей и судов, 41 самолет. Ханко же стал настоящим кошмаром не только для Гитлера, но и честолюбивых финнов. Для них даже в большей степени, ибо они полгода штурмовали да так и не разбили русских на этом пятачке легендарной Гангутской земли, помнившей победы еще Петра Первого.

Плакат военной поры

25 тысяч солдат и матросов, около 100 орудий, 20 самолетов и 7 катеров до 2 декабря не только удерживали от «умелых» финских бойцов полуостров, но и постоянно их атаковали, били, как говорится, и в хвост и в гриву. Думаю, что, если бы не ледостав в Финском заливе, наши войска могли бы держать Ханко до конца войны. Впрочем, и эвакуированные с Ханко в Ленинград 22 тысячи человек со всем тяжелым и легким вооружением, боеприпасами оказались не лишними в последующих боях. Кстати, если уж мы вспомнили о линии Маннергейма, не грех вспомнить и то, что в советско-финскую войну 39—40 годов мы ее все-таки прорвали, финскую армию разбили и победили, несмотря ни на что. А в Великую Отечественную войну хваленые финские парни так и не прорвали нашу русскую «линию Маннергейма» и на Ханко, и на Карельском перешейке, и Ленинград выстоял. Это сейчас стало модным объяснять финские неудачи якобы нежеланием Финляндии воевать против России, даже каким-то уважением к русским и чуть ли не тайными антигитлеровскими планами. Может быть у бывшего кавалергарда, женатого на русской маршала Маннергейма и оставалось какое-то уважение к России, но в 1942 году на свой день рождения он пригласил Гитлера, а его войска воевали отнюдь не из-под палки, сражались остервенело, мечтали о Ленинграде, Петрозаводске, Великой Суоми и погубили не одну тысячу русских. Прозрели они лишь к лету 1944 года. Да, к тому времени прозрели не одни финны...

Только через три недели после начала войны, 10 июля немцы развернули бои на дальних подступах к городу, и эти бои во многом решили его судьбу, хотя и привели к блокаде и всему тому, что она принесла тысячам и тысячам ленинградцев. В этих боях, длившихся до конца сентября 1941 года, считаю нужным выделить несколько моментов. Прежде всего, бои под Лугой. Созданная на этом направлении Лужская оперативная группа из 6-ти стрелковых дивизий, 2-х дивизий народного ополчения, 2-х ленинградских военных училищ и горно-стрелковой бригады под командованием генерал-лейтенанта К. П. Пядышева впервые, хоть и на короткое время, остановила врага. Пехоты и танков у войск Северо-Западного фронта, противостоящего к тому времени группе армий «Север» было примерно одинаково с врагом. Немцы превосходили нас в артиллерии почти в 4 раза, минометам в 6 раз и авиации почти в 10 раз. Но на лужских рубежах наши бойцы стояли насмерть, отчаянно контратаковали и только слабая подготовка личного состава, неумелое управление (нельзя же всерьез принимать за управление участие в штыковой контратаке самого маршала К. Е. Ворошилова) привели к поражению и дальнейшему отступлению. Но пробивная мощь передовых частей немецкого 41-го корпуса, наступавшего на лужском направлении, ослабла существенно. Не менее, а, может быть, и более важным для судьбы обороны Ленинграда стал контрудар войск Северо-Западного фронта в районе Старой Руссы. В этих боях впервые проявился полководческий талант генерала Н. Ф. Ватутина. Будучи начальником штаба фронта именно он разработал и блестяще провел операцию против 56-го моторизованного корпуса генерала Манштейна. Манштейн рвался к Ленинграду в обход Новгорода, не обращая внимания на фланги, и на этом попался. Прорвав слабые фланговые прикрытия, советские войска отсекли главную группировку корпуса — 8-ю танковую дивизию, 3-ю моторизованную, часть сил дивизии СС «Мертвая голова» и начали ее планомерное уничтожение. За четыре дня боев эти соединения были практически уничтожены, а их остатки отброшены более чем на 60 километров. Следует отметить, что для контрудара Ватутин привлек прибывшие с востока кадровые, полностью укомплектованные и хорошо обученные дивизии. Это вам не лужские ополченцы. Лучший полководец вермахта именно тогда потерпел первое сокрушительное поражение. Мой отец участвовал в тех боях, и через много лет не мог без восторга рассказывать о том, как они гнали немца еще летом 1941 года.

Плакат военной поры

Немецкие удары вдоль берега Финского залива тоже оказались не столь стремительными. Только 16 августа, через полтора месяца с начала войны, они взяли Кингисепп, а 21 августа Красногвардейский УР. Начал образовываться знаменитый Ораниенбаумский плацдарм. Клочок побережья залива от Кернова до Петергофа, 65 километров по фронту и 25 километров в глубину до января 1944 года будет обороняться нашими войсками, обеспечивая незыблемость Кронштадта и всю боевую деятельность Балтийского флота.

Эти бои на дальних подступах, вкупе с обороной Таллина, Моозунда, Ханко, не только ослабили пробивную мощь наступающих частей вермахта, но и позволили выиграть время для организации и строительства многополосной, сплошной линии обороны Ленинграда. Только на территории города было сооружено свыше 4100 дотов и дзотов, в зданиях оборудовано 22 тыс. огневых точек, на улицах установлено 35 километров баррикад и различных противотанковых препятствий. И это не считая линии обороны на границах всего Ленинградского укрепрайона. Свыше 500 тыс. ленинградцев строили оборонительные рубежи, 130 тысяч человек, а ведь это примерно 10 дивизий, ушло в армию народного ополчения. Если бы вся эта сила вместе с частями Ленинградского фронта и огневой мощью Балтийского флота имела боевой опыт, качественное управление, разве смогли бы немцы зажать город в кольцо блокады и не выпускать из него долгие месяцы. Наука воевать и побеждать приходила к ленинградцам с горьким опытом потерь поражений, неимоверных страданий. Поэтому, как не велико было желание сдержать врага, он наступал, все ближе подходя к городу. В конце августа немцы ударили вдоль шоссе Москва-Ленинград и 30 августа вышли к Неве; с прорывом на станцию Мга — они перерезали последнюю железную дорогу, соединявшую Ленинград со страной. 4 сентября начались систематические, варварские артобстрелы города. 6 сентября на город упали первые авиабомбы. 8 сентября противник захватил Шлиссельбург и прекратилось сухопутное сообщение с Большой землей. Немцы стояли под Петергофом, на Пулковских высотах, на Неве до Ладожского озера. С севера город охватили финны. 9 сентября немцы нанесли мощнейший танковый удар в районе Урицка и вышли к городской черте, трамвайным путям. Но 12 сентября командование войсками фронта принял генерал Г. К. Жуков. За какие-то считанные часы он перебросил на угрожающие участки часть войск с Карельского перешейка (там некоторые участки фронта на короткое время оставались просто оголенными), снял с кораблей несколько тысяч матросов, зенитные орудия поставил на прямую наводку против танков, и последний, отчаянный бросок немцев захлебнулся. Остановилось наступление.

И началась знаменитая, страшная 900-дневная блокада Ленинграда.

И все-таки не шторм, который в Сталинграде не прекращался ни на минуту.

О блокаде в нашей историографии, литературе, кинематографе рассказано, пожалуй, больше, чем о любом другом событии Великой Отечественной войны. И, наверное, это справедливо. Ибо ту меру страданий, которую вынесли ленинградцы, до сих пор трудно себе представить. На 12 сентября, после того, как сгорели Бадаевские продовольственные склады, запасы продовольствия для войск и населения составляли: хлеба, крупы и мяса на 35 суток, жиров на 45 суток, сахара на 60 суток. Топлива в городе оставалось в лучшем случае до ноября. Нормы продовольствия практически сразу начали снижаться. 1 октября хлебный паек для рабочих и ИТР составлял 400 г. хлеба в день, для служащих, иждивенцев и детей 200 г. в день. Карто-

чки на другие продукты не отоваривались, поскольку их просто не было. С 20 ноября рабочие стали получать по 250 г. хлеба в день, остальные — по 125 г. Да и хлеб, на две трети состоявший из примесей, с трудом можно было назвать хлебом... Все!... В городе начались цинга, дистрофия, голод. Отключилось электричество, вышли из строя водопровод, канализация, остановился транспорт. И не прекращающиеся бомбежки, артобстрелы. Передовая линия фронта, на которой вместе с войсками гибли мирные обыватели, дети. Последние чаще всего от голода и холода. Только за сентябрь-ноябрь 1941 года в Ленинграде 251 раз объявлялась воздушная тревога. Средняя ежедневная продолжительность артиллерийских обстрелов составляла в ноябре месяце 9 часов. С 25 декабря, когда в полную силу начала функционировать «Дорога жизни» через Ладожское озеро, нормы довольствия немного возросли, но голод остановить было уже невозможно. За время блокады в Ленинграде умерло свыше 641 тыс. жителей, десятки тысяч умерли уже вывезенные на Большую землю. Страшные цифры!... Если к ним прибавить фронтовые потери станет еще страшнее!... И как же горько становится сейчас читать иные «исследования», а то и просто записки, в которых с маниакальной настойчивостью нас пытаются убедить, что жертв в городе было больше, что город погряз в мародерстве и людоедстве, а партийные бонзы и военачальники обжирались в три горла. До чего же может дойти бесстыдство некоторых «ревнителей правды»? Спору нет, были факты и мародерства, и людоедства. Для миллионного умирающего города это не такая уж вопиющая правда. Было все, но не в таких размерах, которые кочуют сейчас по страницам газет, журналов, телепередач. Мне удалось познакомиться с донесениями особого отдела Ленинградского фронта и ежемесячными докладами управления НКВД по Ленинграду. Там до человека и до часа расписаны все эти страшные случаи. Ужасно, но ни о какой массовости и говорить не приходится. Чего только не бывает в человеческом общежитии, погрязшем в грехе и пороке. Ведь и сейчас, в нашем демократическом раю нет-нет да появляются людоеды. Да что там у нас. В сверхблагополучной, процветающей Германии и то некоторые особи поедают друг друга, о чем недавно писали газеты. Так стоит ли так смаковать жуткие факты, происходившие на фоне ленинградской трагедии. И начальство не обжиралось, отнимая последнее у голодающих, как того хотелось бы некоторым нынешним правдолюбцам. Были и среди начальников мерзавцы, а основная часть жила на фронтовом пайке. Это, конечно, не 125 иждивенческих грамм, но далеко, далеко не обжорки. Вообще, с некоторых пор у нас прямо-таки расцвела идея фикс об увеличении числа погибших в боях и жертв среди мирного населения в годы войны, да и нынешних конфликтов. Уймитесь, господа! Разве вам мало того, что дает официальная статистика? Вспомните, наконец, арифметику. Общеизвестно, что в 1943 году в Ленинграде оставалось не более 800 тыс. человек. Из города и пригородов в 1941–1942 годах было эвакуировано примерно 1,7 млн. человек, из них 200 тыс. воздушным транспортом. Перед началом войны проживало 3,1 млн. человек. Вот и посчитайте, хотя бы столбиком. Ну, что тут еще выдумывать. Лучше бы не забывали другой статистики. Голодные, полуживые ленинградцы продолжали бить врага и работать на оборону. В тех нечеловеческих условиях они изготовили и отремонтировали 2 тыс. танков, 1,5 тыс. самолетов, десятки тысяч орудий, сотни тысяч автоматов. И что более всего поражает — из блокадного города часть этого вооружения

поступала на другие фронты. С военной точки зрения, само слово блокада предусматривает статичность и монотонность, хотя попытки штурма города или, наоборот, прорыва блокады предпринимались неоднократно. Гитлер, не сумев сходу захватить Ленинград, довольно быстро согласился с идеей блокады. К осени 1941 года он понимал прекрасно, что здесь, на берегах Финского залива, войны он не выиграет. Основной экономический потенциал большевики сосредоточили на Волге, Урале, в Сибири, вывезя туда и часть ленинградских заводов. Топливные ресурсы также сосредотачивались там и на юге, политическое и военное руководство неизменно оставалось в Москве. Но и отказаться от битвы за Ленинград Гитлер не мог, ибо это был ключ к стабильности всего северного направления Восточного фронта. Вот почему он решил малой кровью, пусть не сразу, но добавить, уничтожить ненавистное ему гнездо большевизма. Только один раз, после того как Манштейн летом 1942 года взял-таки неприступный Севастополь, Гитлер рискнул штурмовать город, для чего и перебросил под Ленинград Манштейна с частью его победоносных войск. Но под Ленинградом не помог и Манштейн. Говоря об оборонительном этапе Ленинградской битвы, чаще всего вспоминают Синявинские операции 1941, 1942 годов, Любаньскую операцию 1942 года, бои на ораниенбаумском пятачке. Если Гитлера и немецкое командование положение, сложившееся к осени 1941 года под Ленинградом, устраивало, то для нас оно было просто недопустимым. Конфигурация фронта сразу сложилась так, что только в районе Синявино, Мги можно было по кратчайшему расстоянию прорвать блокаду. Всего-то два десятка километров. Ох, уж эти несколько километров! Сколь часто они кажутся легко проходимыми и сколь часто остаются непреодолимыми. Под Ленинградом это проявилось в полной мере именно потому, что только здесь и ни в каком другом месте прорвать блокаду было невозможно. Вот и били мы остервенело многие месяцы по этой точке, и также остервенело немцы держали этот ключевой узел своих позиций. Нечто подобное, правда не в таких размерах, происходило под Ржевом, но это уже другая история. А Синявинские высоты, как и «Дорога жизни» навечно войдут в летопись ленинградской блокады.

10 сентября войска 54-й отдельной армии маршала Г. И. Кулика с востока из района Гайтолово нанесла удар на Мгу. Навстречу должны были ударить ленинградцы. Но в это время перед ними стояла одна задача — удержать город. Немцы уже вышли к его окраинам, и маршал Г. К. Жуков предпринимал отчаянные попытки спасти положение. В этих условиях только части 115-й стрелковой дивизии и батальон 4-й бригады морской пехоты ударили навстречу войскам маршала Кулика. Удивительно, как они еще смогли форсировать Неву вблизи поселка Невская Дубровка и ворваться на Синявинские высоты. Ширина Невы составляла здесь 500 метров, наш берег пологий и открытый, простреливаемый всеми видами оружия. Занятый противником левый берег крутой и обрывистый, собственно переходивший в Синявинские высоты, был идеален для обороны. Скорее всего, немцы просто не успели создать здесь должную систему огня и обороны. И, тем не менее, всю мощь своих огневых средств они обрушили на наших бойцов, но так и не сумели сбросить горстку храбрецов с левого берега, на котором образовался плацдарм (да какой там плацдарм — пятачок в 1000 м по фронту и 900 м в глубину. А положили мы там уже в первых боях не одну тысячу бойцов. Я лишь хочу вспомнить о юнгах флотской Вааламской школы боцманов, ко-

торые, совершив 50-километровый марш сходу форсировали Неву и с боем ворвались на левый берег. Из этих 14–16-летних мальчишек в живых остались единицы. Конечно, такая попытка прорыва блокады была обречена на неудачу, тем более что наступавшие навстречу основные деблокирующие дивизии маршала Кулика, в общем-то неплохо укомплектованные, но плохо подготовленные при слабом управлении смогли продвинуться вперед только на 6 километров. Войска проявляли героизм, но воевать по-современному ни солдаты, ни офицеры, ни маршал Кулик не умели.

Ровно через месяц, в конце октября Ставка ВГК предприняла еще одну попытку прорыва блокады. Она была организована несравнимо лучше. Войска 54, 55-й армий и Невской оперативной группы по сходящимся направлениям начали наступать все в том же районе Синявино. На Неве было организовано несколько переправ, через реку пошло тяжелое оружие и танки, но и немцы за месяц основательно укрепили свою оборону, пристреляли все точки переправы, сосредоточения наших войск и накрывали наступающие войска губительным огнем. А тут еще резко похолодало, выпал обильный снег и по реке пошла шуга. В таких условиях и опытные, закаленные в боях, прекрасно управляемые войска, неизбежно бы спасовали. Что уж тут удивляться нашим пока еще не готовым к таким боям, голодным и измученным ленинградцам. И все-таки они шли вперед. На плацдарм переправили более 16 тыс. бойцов и командиров, 128 орудий, 24 танка. Хорошо работала артиллерия, особенно с кораблей Балтийского флота, пусть медленно, но продвигались навстречу части 54-й армии. И, может быть, удалось бы совершить невозможное, но тут вступил в действие еще один парадокс, неизменно сопутствующий активности советских войск под Ленинградом. Именно во время атаки наших войск немцы начали наступление под Тихвиным, а там поражение могло привести к более катастрофическим последствиям — образованием нового блокадного кольца восточнее Ладоги. Стоит только подумать, что Ленинград мог лишиться «Дороги жизни», и все станет понятным. Парадокс же состоял в том, что все наши удары под Ленинградом будут неизменно совпадать с ударами немецких войск. Так на войне бывает. В тот раз войска Невской оперативной группы и 54-й армии задачу деблокирования не решили, но сковали противника тяжелыми боями, чем очень помогли нашим войскам под Тихвиным. К сожалению новые тысячи и тысячи наших бойцов легли на высотах Синявина.

В 1942 году основные события войны происходили на Юге, но трагедия блокадного Ленинграда, даже с открытием «Дороги жизни» через Ладогу, не снимала, а наоборот усиливала вопрос о деблокаде города. Первая попытка весной 1942 года, когда основная задача по деблокаде возлагалась на Волховский фронт, от Ленинградского фронта участвовало лишь часть сил 54-й армии, как известно, кончилась неудачей, финальным аккордом которой стала трагедия 2-й Ударной армии и сдача в плен генерала Власова. Я уже подробно писал об этом. Хочу лишь сказать, что основной причиной неудач стала слабая подготовка войск, отсутствие четкого, умелого управления, недостаток материальных средств и главное — не научились мы еще воевать. Не научились... Ставка и фронтовое командование не учли и того, что немцы, довольно быстро оправившись от декабрьского поражения под Тихвиным, весной 1942 года сосредоточили на этом участке более 11 полнокровных гренадерских дивизий и сами перешли в наступление. Вот он тот парадокс, но кто знает, если бы не наша активность, только ли трагедией

2-й Ударной армии все могло бы кончиться? Осенью же пришел черед Синявинских высот. Как потом стало известно, в сентябре 1942 года Гитлер под влиянием успехов на Юге (был покорен почти весь Кавказ, а немецкий солдат пил воду из Волги) решил штурмовать Ленинград. К операции по взятию города (кодовое наименование «Нордлихт» — «Северное сияние») помимо 18-й армии привлекались части 11-й армии, только что взявшие Севастополь, несколько переброшенных с Запада дивизий, в том числе испанская «Голубая дивизия», саперно-штурмовые батальоны, артиллерия, авиация. Под Ленинград прибыл сам Манштейн. Кстати, раз уж вспомнилась «Голубая дивизия», не могу не заметить: к лету 1942 года станет ясно, что наша страна, как и во времена наполеоновского нашествия вновь воевала едва ли не со всей Европой. Кто только на нас не шел вместе с гитлеровцами: целые армии румын, венгров, итальянцев, дивизии словаков, французов, испанцев, а позднее прибалтов, галичан. Несть числа этой нечисти.... Итак, Гитлер решил штурмовать Ленинград. Как раз в это время, 6 августа, невольно опережая врага, мы и начали очередную операцию по деблокаде города. И опять, в районе Синявинских высот, войска Ленинградского и Волховского фронтов ударили навстречу друг другу. Подробности этих боев широко известны. Я лишь хочу сказать, что наши войска были подготовлены намного лучше, командование фронтов в лице генералов Мерецкова и Говорова, да всех командиров управляли личным составом умело. Хорошо взаимодействовали пехота с авиацией и артиллерией Балтийского флота, блестяще прошли десантные операции в районе поселка Ивановское, но мы практически наткнулись на встречный удар немцев и здесь, что называется, нашла коса на камень. Бои шли отчаянные, опять лилась кровь на высотах Синявина, опять тысячи жертв, но, право слово, если бы не критическое положение под Сталинградом, именно туда были направлены все усилия Ставки, блокаду Ленинграда мы смогли бы прорвать еще осенью 1942 года. К сожалению, пока и мы, и немцы оставались при своих.

Те осенние бои очень помогли нам зимой 1943 года в последней и победоносной деблокирующей операции «Искра», проведенной 12–30 января войсками Ленинградского и Волховского фронтов во взаимодействии с Балтийским флотом. В осенних боях выковалась стойкость и твердость личного состава, наладилось должное управление, взаимодействие всех родов и видов войск, особенно артиллерии. Артиллерия, в том числе Балтфлота, контрбатарейная борьба стали решающей силой Ленинградского фронта во многом от того, что войсками фронта командовал артиллерист, блестящий военачальник и полководец, будущий маршал, а в то время генерал-лейтенант артиллерии Л. А. Говоров. Бывший царский офицер, человек глубоко верующий, он вместе с Василевским, Ватутиным, Антоновым и др. заканчивал академию Генерального штаба, еще тогда выделяясь в среде однокашников, один из героев битвы за Москву. Именно он сложнейший Ленинградский фронт превратил в четко отлаженный военный механизм, умеющий блестяще обороняться и победоносно наступать. И операция 1943 года развивалась стремительно и успешно. 15 километров отделяли войска двух фронтов, те самые километры, которые были для нас непреодолимы. Справедливости ради надо сказать, что изменился не только Ленинградский фронт, но обстановка на всем советско-германском фронте. Поражение немцев под Сталинградом, на Кавказе активизировало войска Красной Армии на других направлениях: под Воронежем,

Ржевом, Великими Луками и, конечно, под Ленинградом. У немцев просто не хватало сил, а главное времени, чтобы сдержать советские войска в зимнем наступлении. О парадоксах можно было забыть. Всего по одной армии с каждого фронта привлекли генералы Говоров и Мерецков для прорыва. 67-я армия Ленинградского фронта и воскресшая из пепла 2-я Ударная армия Волховского фронта при поддержке авиации и Балтийского флота ударили навстречу друг другу на том же узком, тысячу раз обильно политым кровью участке. Немцы были готовы. Они сосредоточили здесь 5 полностью укомплектованных дивизий, посадив их на разветвленную, насыщенную мощнейшими УРаи систему обороны. Еще 4 дивизии противник держал в оперативном резерве. Ни о какой стратегической внезапности не могло быть и речи. Сражение разворачивалось предельно открыто, и его итог показал, насколько возросла мощь Красной Армии, как здорово научились воевать ее солдаты и командиры. 12 января оба фронта перешли в наступление, а уже 18 января соединились в районе Рабочих поселков №№ 1 и 5. В тот же день был освобожден Шлиссельбург и очищено от противника все южное побережье Ладожского озера. Пробитый вдоль берега коридор шириной 8-10 километров восстановил сухопутную связь Ленинграда с Большой землей. Через 17 суток по нему проложили железную и автомобильные дороги. И, по крайней мере, от голода город был спасен. Сейчас нередко встречаются высказывания о том, что операция не достигла своих целей. Да, коридор пробили, дороги построили, но район станции Мга оставался занятым крупной вражеской группировкой, что угрожало новому прорыву к Ладоге и восстановления блокады. Но я уже говорил о тех силах, которые сосредоточили здесь немцы накануне сражения, говорил об открытости, беспощадности схватки, далеко еще не пошатнувшейся мощи вермахта, и итог сражения можно считать вполне удовлетворительным. Нечто подобное нам придется испытать полгода спустя под Курском, поменявшись с немцами местами. Тоже обеим сторонам будет известно все: направление удара, время, силы и средства противника. Сражение волей-неволей выливалось в открытую схватку, очень нетипичную для современных войн. Но под Курском мы выдержали немецкий удар, а под Ленинградом немцы не устояли. Да. Они не дали нам развить успех, но в тот момент это было не так важно. Они должны были, во чтобы то ни стало, удержать в Ленинград в блокаде и не удержали. А мы свою задачу выполнили, связь с Большой землей восстановили и на протяжении всего 1943 года, несмотря на неоднократные попытки, немцы так и не прорвались к Ладоге. А если уж быть точнее, фронт здесь стабилизировался и наступило относительное затишье. И немцы, и мы понимали — решительные сражения 1943 года развернутся на юге и в центре советско-германского фронта, там наращивали свою силу и мощь. Так собственно и произошло. Но в истории Великой Отечественной войны прорыв блокады Ленинграда останется особой страницей и спустя 65 лет вызывает восхищение.

Необычная судьба Ленинграда в Великой Отечественной войне по-особому высветила и роль Православной Церкви в этой всенародной трагедии и всенародном триумфе. К началу войны в Ленинграде оставалось пять действующих церквей: Никольский Морской собор, Князь-Владимирский и Преображенский соборы и две кладбищенских церкви. Все время блокады храмы были переполнены молящимися, причастниками. Голод и холод гуляли под сводами Божия дома, певчие пели в пальто и валенках, от взрывов

Богослужение в Николо-Богоявленском кафедральном соборе в дни блокады. Службу ведет митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей Симанский

дные, холодные дни он посещал остальные храмы, просто верующих, передвигаясь по городу пешком или на попутных военных машинах. Он спешил туда, где по его мнению было крайне необходимо пастырское слово. В блокадном городе голодающий митрополит всегда отстранял принесенные приношения. Того же требовал Владыка и от других пастырей. Проповеди его всегда дышали уверенностью в грядущей победе. «Никогда не забывайте, что только в дружном сотрудничестве фронта и тыла кроется успех полной и скорой победы над врагом», — проповедовал он прихожанам, уповая на Волю Господа нашего Иисуса Христа, на небесное покровительство Ленинграда святым благоверным князем Александром Невским и Покровом Матери Божией. 29 марта 1942 года, в Вербное воскресенье, в Ленинградских храмах было прочитано обращение Ленинградского митрополита к пастве. «Победа, — говорилось в нем, — достигается силой не одного оружия, а

Блокада. Верующие. Архивное фото

силой всеобщего подъема и мощной веры в победу, упованием на Бога, венчающего торжеством оружие правды, «спасающего на от малодушия и бури» (Пс. 54). И само воинство сильно не одною численностью и мощью оружия, в него переливается и зажигает сердца воинов тот дух единения и воодушевления, которым живет теперь весь русский народ.»

Особой заботой в Ленинграде были окружены раненые и дети. С первых дней войны в городской совет Красного Креста поступили десятки заявлений от православной общественности. Прихожане Князь-Владимирского собора писали: «В ми-

нута трудно переживаемых обстоятельств военного времени долг каждого гражданина идти навстречу Отечеству, к облегчению разного рода затруднений. Этому учит нас и религия наша. Исполняя завет Христа о любви к ближнему, представители верующих — «двадцатка» Князь-Владимирского собора — выражает свое желание открыть в тылу лазарет для раненых и больных воинов. На оборудование и содержание лазарета «двадцатка» могла бы представить все имеющиеся у нас средства — свыше 700 000 рублей. В дальнейшем, если материальные условия доходности собора не изменятся, «двадцатка» принимает на себя решение, отказавшись решительно от всех расходов, кроме самых необходимых по содержанию собора, ежемесячно субсидировать лазарет в сумме 30 000 рублей (24 июля 1941 года). В столь тяжелый для города период в ленинградских храмах не прекращался сбор средств на оборону, помощь раненым и сиротам. Я уже писал о том, как по всей стране церковь начала сбор средств на оборону. Ленинградцы, учитывая нечеловеческие условия их существования, и здесь оказались выше всяких похвал. По предложению Владыки Алексия 10 религиозных организаций — Николо-Морской, Князь-Владимирский и Спасо-Преображенский соборы, а также семь городских и приходских церквей начали сбор пожертвований в Фонд обороны страны и советского Красного Креста еще с 23 июля 1941 года, задолго до того, как началась эта кампания по всей стране. Из фронтового, блокадного города ко дню прорыва блокады православные пожертвовали просто немыслимые суммы: от Николо-Морского собора — 980 тыс. руб.; от Князь-Владимирского собора — 1 млн. 60 тыс. руб.; от Спасо-Преображенского собора — 72 тыс. руб. Крупные взносы сделали и прихожане других церквей, доведя их до 6 млн. рублей. Всего же до конца войны было пожертвовано 13 млн. рублей.

Разве может православный человек забыть это! Разве можем мы забыть, что еще 12 октября 1941 года митрополит Сергей написал завещательное распоряжение, которым именно митрополита ленинградского Алексия назначил своим приемником. О всех делах ленинградского духовенства, конечно, знали в Кремле, Ставке, знал Сталин. И ничего удивительного не было в том, что 11 октября 1943 года в Смольном группе православного духовенства из одиннадцати человек были вручены медали «За оборону Ленинграда». Первым получил награду митрополит Алексий, затем настоятель Преображенского собора Павел Тарасов, настоятель кафедрального Никольского собора Владимир Румянцев, настоятель Никольской церкви Охтинского кладбища Михаил Ставнинский, священник Преображенского собора Лев Егоровский, диакон Князь-Владимирского собора Пискунов и другие.

Не удивительно для нас православных людей и через 65 лет после прорыва блокады, что мы выстояли и победили. С нами Бог!

*Митрополит Ленинградский и Новгородский
Алексий (Симанский)*

Точка ЗРЕНИЯ

Александр КАЗИН ИСТОРИЯ КАК ПОЛИТИКА

*Бесконечные споры
о прошлом ставят под
вопрос наше будущее*

Александр Леонидович Казин — родился в 1945 г. в Смоленске. Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского государственного Университета кино и телевидения. Член СП и Союза кинематографистов России. Член исполнительного Совета Собора православной интеллигенции Санкт-Петербурга. Книга «Последнее Царство. Русская православная цивилизация» издана в 1998 году по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго Спасо-Преображенским Валаамским монастырем. Книга «Великая Россия. Религия. Культура. Политика» удостоена в 2008 году Всероссийской литературной премии «Александр Невский». Живет в Санкт-Петербурге.

23 декабря 2009 года исполнилось 130 лет со дня рождения Иосифа Сталина. С каждым годом эта фигура — нравится это кому-либо или нет — привлекает к себе все больше общественного внимания, хотя оценки его деятельности, разумеется, крайне противоречивы. Коммунисты, к примеру, превозносят Сталина как «революционера сверху» и великого государственника. Либералы, напротив, однозначно квалифицируют его как дьявола во плоти. В современном культурно-политическом контексте подобные характеристики в буквальном смысле уничтожают (аннигилируют) друг друга, утверждая прямо противоположные, несовместимые взгляды. В сущности, это своего рода гражданская война в форме публицистики. Неужели она так никогда у нас и не закончится?

ДОРОГА БЕЗ КОНЦА

Известна восточная притча о слепых, которые, ощупав слона, никак не могли согласиться друг с другом о его природе. Один говорил про хобот, другой про ноги-столбы, третий про огромные бивни. Нынешние партийные публицисты-политики нередко напоминают таких слепцов, но слепцов, так сказать, добровольных, которым застилает глаза не болезнь, а политическая программа, предрасудок любимой мысли и т.п. И опровергают они друг друга по всем вопросам буквально с пеной у рта. В прежние времена подобные споры «обо всем сразу» велись в трактирах или на коммунальных кухнях, нынче им по радио и телевидению внимает вся страна. Мало того, эти нескончаемые словесные баталии отражаются в школьных и вузовских программах по истории, философии и литературе, выплескиваются на

страницы светской и даже церковной печати — в общем, разделяют народ, как только могут. Особенно это касается Сталина, который становится все более активным действующим лицом нашего настоящего и будущего. Причем особенно этому способствуют антисталинисты. Если Ленин, например, давно уже стал таким дедушкой, персонажем анекдотов и даже ресторанных эскапад (хотя именно он был зачинщиком красного террора), то Сталин и теперь «живее всех живых» — ну, если не всех, то многих. Достаточно сказать, что в телепередаче «Имя России» (декабрь 2008 г.), где голосовали миллионы людей, причем преимущественно молодых, Сталин занял почетное третье место, после Александра Невского и Петра Столыпина — знак того, что образ («эгрегор») вождя живет в подсознании масс. Так или иначе, данная ситуация требует серьезного осмысления — будем мы и дальше спорить до хрипоты, доказывая друг другу взаимоисключающие вещи, или все же выработаем более или менее общезначимое осмысление нашего прошлого — в том числе деятельности ключевых политиков России (и мира) XX века?

ПРОШЛОГО НЕТ?

У Б. Пастернака есть остроумная строчка об истории и историках, правда, со ссылкой на Гегеля: «Однажды Гегель ненароком, и, вероятно, наугад назвал историка пророком, предсказывающим назад». Вряд ли немецкий философ имел в виду Россию, однако основной парадокс русской истории налицо: она у нас не кончается, а продолжается, живет в настоящем так интенсивно, как, пожалуй, уже нигде в мире, во всяком случае, в границах евро-американской цивилизации, которая давно уже «охладела» к идейным противоборствам, похоронив бывших врагов-участников своих революций и национальных войн на общих кладбищах, и заботясь ныне прежде всего о сохранении достигнутого потребительского статус кво.

У нас все иначе. Какую бы эпоху (или выдающегося деятеля) в истории (и современности) России мы ни взяли, мы тут же обнаружим внутреннее противоречие (разнонаправленные векторы) в ее/его современной интерпретации, служащие предметом ожесточенных споров не только социологов, культурологов и политиков, но и достаточно широких «масс трудящихся».

Для «русских европейцев», например вся эпоха русского православного царства есть нечто изначально враждебное народу, да и всему цивилизованному миру вообще («рабовладельческая империя»). Напротив, для русских патриотов — то есть для подавляющего большинства народа — отечественная история и государственность, от св. Владимира до Иоанна Грозного, от Иоанна до Петра Великого, и от Петра до царя-мученика Николая Второго есть их собственная, национальная история, русский религиозный и державный выбор. Для либералов Февральская революция — долгожданное освобождение от ига царизма, Октябрь — сатанинское наваждение, а белые генералы Гражданской войны — подлинные национальные герои. Напротив, для монархистов-патриотов Февраль — предательство великой Империи, а Октябрь — логическое продолжение Февраля. Последующая сталинская сверхдержава для коммунистов — предмет гордости, для либералов — концлагерь, а для многих наших современников — наследница целого ряда имперских традиций в их извращенной форме. Наконец, Великая Отечественная война для большинства нашего народа — война России-СССР с оккультным нордическим рейхом, а для меньшинства («внутренних эмигрантов») — совместное нападение Гитлера и Сталина на цивилизованную Европу, за которое фашистская Германия и Советский Союз несут якобы равную ответственность. Летом прошлого года именно такая позиция была озвучена Парламентской ассамблеей ОБСЕ. Подобного взгляда придерживаются и наши «друзья» в Прибалтике и Польше...

Неутомимым оппонентам России следует знать в связи с этим, что она еще жива. Нравится это кому-либо или нет, наша национальная история не свернулась до сих пор в потребительский рай, у нас не все «поступаются принципами», а некоторые даже ратуют за идеалы. И это хорошо. С другой стороны, нам, русским, как никому другому, следует быть осторожными в категорических выводах и приговорах. За последние сто лет наша страна, несомненно, исчерпала лимит «горячих» войн и революций; кроме того, у нас жестокий демографический кризис. Если в начале XX века Россия (и прежде всего русские) отличалась едва ли не самыми большими темпами роста численности населения на планете, то сегодня дело обстоит ровно наоборот, так что спорить друг с другом «до последнего русского» значит быть просто глупцами и радовать наших недоброжелателей. Не за горами 2017 год, и он не должен стать годом очередного «красного» или «желтого» передела. И думать об этом надо уже сейчас.

ИСТИНА БЛИЖЕ, ЧЕМ КАЖЕТСЯ

Уж сколько раз твердили миру, что истина конкретна. Легче всего взять одно («белое» или «черное») определение какого либо события или лица, и дать ему на этом тощем рассудочном (а точнее сказать, обывательском) основании однозначную бесповоротную оценку. Где уж подобному «партийному» («партия» в переводе — часть) рассудку додуматься, что любая вещь — и уж тем более крупные исторические события и люди — содержат в себе множество противоречивых определений, действий, последствий, знать и судить которые во всей полноте может только всезнающий Бог. В начале XX века выдающийся русский мыслитель П.А.Флоренский употребил для характеристики подобной ситуации термин «антиномия», означающий по-гречески противоположность

в самой сущности вещей (противостояние в законе), а Н.А. Бердяев в своей книге «Судьба России» прямо писал, что Россия может быть охарактеризована только противоречиями. «Эвклидовскому» человеческому уму (рацио) действительно трудно вместить в себя единство, а иногда даже тождество указанных определений. Можно без конца спорить об «имени России», о ее прошлом и настоящем, противопоставляя друг другу левые и правые стороны приведенных антиномий — эти споры слишком напоминали бы прения остроконечников и тупоконечников в известном романе Д.Свифта, если бы они не приводили к расколу общества и, в конечном счете, к холодным и горячим гражданским войнам. Тем более, когда в дело вступает конфессиональный или политический радикализм, видящий истину исключительно в самом себе, в своей резкой и, как правило, непримиримой абстракции.

Наверное, нет в нашей истории фигуры более противоречивой, чем Иоанн IV Грозный. Слов нет — крутой государь был Иван Васильевич. Однако именно он избавил Русь от давления остатков Орды, начал освоение Сибири и сделал попытку выйти к Балтике, увеличив размеры своего царства вдвое. Что же касается его легендарной жестокости, то современники Иоанна на тронах самых передовых европейских стран значительно его перещегооляли. О Варфоломеевской ночи, устроенной по приказу французского короля Карла IX и Екатерины Медичи, я уже не говорю. В соседней Англии, в царствование короля Генриха VIII, объявившего себя главой английской церкви, происходило безжалостное «огораживание» крестьян, когда их сгоняли с земли, перемещая в «рабочие дома» (прообраз будущих трудовых лагерей), а несогласных просто вешали вдоль дорог сотнями...

Не менее грозный царь — Петр Великий: достаточно сказать, что в ходе петровской цивилизационной революции население страны уменьшилось почти на четверть. Именно Петр разрушил древнюю православную симфонию Церкви, народа и державы, отменил патриаршество и пытался построить нечто вроде европейского абсолютизма в протестантском духе. Однако где бы мы были сейчас без реформ Петра? Можно сколько угодно осуждать его кровопийство («указы написаны будто кнутом», «утро стрелецкой казни», «варварская борьба против варварства»), или считать, что Святая Русь после него кончилась, а Церковь в параличе — все последующая судьба Отечества подтверждает его общерусскую и мировую правоту. Петровская Россия — Русь Серебряная, с ее Санкт-Петербургом, Пушкиным, Достоевским и Блоком — это вечный памятник воле и делу Петра.

Наконец, главный возмутитель спокойствия — бывший революционный боевик Джугашвили-Сталин, которому пришлось (вопреки ленинско-троцкистскому фетишу мировой революции — вот где промысл Божий!) построить нечто вроде «красной империи», и тем самым вытянуть Россию из болота, в которую ее загнали в феврале 1917 года взбунтовавшиеся кадеты и социалисты. Причем у него не было колоний и волшебных источников нефти, все приходилось делать на энтузиазме, страхе и рабском труде. При осмыслении советской истории 30-х—50-х годов XX столетия следует решительно отвергнуть как тупой сталинизм в стиле «культ личности», так и конъюнктурный антисталинизм, направленный на полное вытеснение России из политического и юридического пространства XXI века. Дети и внуки тех, кто брал в 1945 году Берлин, совершал удивительные научные открытия, создавал шедевры мировой музыки и кино или конструировал первые

в истории человечества космические корабли, никогда не согласятся с тем, что все это было сплошным ГУЛАГом, который надо проклясть и забыть. Если воспользоваться общеизвестными историческими аналогиями, в лице Сталина можно обнаружить символические аналогии с образами сразу двух римских императоров-антагонистов — Нерона и Константина, первый из которых был чудовищем и гонителем христиан, а второй основал могучую восточную державу, Второй Рим. Я совершенно согласен с В.В.Путиным, когда он в недавнем своем телеразговоре с народом заявил: «Очевидно, что с 1924 по 1953 год страна — а страной тогда руководил Сталин — изменилась коренным образом: она из аграрной превратилась в индустриальную. Правда, крестьянства не осталось, и мы все прекрасно помним проблемы, особенно в завершающий период, с сельским хозяйством, очереди за продуктами питания и т. д. Все, что происходило в этой сфере, на село это не имело никакого позитивного влияния. Но индустриализация, действительно, состоялась. Мы выиграли Великую Отечественную войну. Кто бы и что бы ни говорил, победа была достигнута. Даже если мы будем возвращаться к потерям, вы знаете, никто не может сейчас бросить камень в тех, кто организовывал и стоял во главе этой победы, потому что если бы мы проиграли эту войну, последствия для нашей страны были бы гораздо более катастрофическими. Даже трудно себе представить. Весь тот позитив, который, безусловно, был, тем не менее, достигнут неприемлемой ценой. Репрессии, тем не менее, имели место быть. Это факт. От них пострадали миллионы наших сограждан. Такой способ управления государством, достижения результата, неприемлем. Это невозможно. Безусловно, в этот период мы столкнулись не просто с культом личности, а с массовыми преступлениями против собственного народа. Это тоже факт. Об этом мы тоже не должны забывать. Любые исторические события нужно анализировать во всей их совокупности. Вот о чем я хотел сказать»¹.

Конечно, коренное отличие Иоанна Грозного и Петра Великого от Иосифа Сталина заключается в том, что оба первых были боговенчанными царями Святой Руси, а второй оказался «царем» самозванным. Однако? по результатам их государственной деятельности, и, главное, по масштабам их роли в национальной и мировой истории они вполне сопоставимы друг с другом. Добро и зло однозначно распределены только между святыми и сознательными сатанистами, все же остальные люди, включая царей и генералиссимусов, причастны и тому и другому. И Бог им всем троим судья. Как заметил еще Шекспир, в небесах и на земле скрыто больше тайн, чем снилось нашим мудрецам.

ЦЕНА ПРОГРЕССА

После сказанного у читателя может возникнуть вопрос — а не слишком ли дорогой ценой приходится платить за модернизацию России? Лозунг модернизации страны (особенно после статьи Д. А. Медведева «Россия, вперед!», октябрь 2009) сейчас у всех на слуху. Что же это за страна, технический и социальный прогресс которой достигается ценой перманентного насилия, вплоть до массовых репрессий, как, например, при Петре Великом и Иосифе Сталине?

Справедливости ради, заметим, что и президент Медведев, и премьер Путин неоднократно публично критиковали методы подобных модерниза-

¹ Программа «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение» от 3 декабря 2009 года, официальный сайт Председателя Правительства РФ.

ций, хотя не отказывались от их результатов как единственно возможных для своего времени. Однако в данном пункте мы снова сталкиваемся с антиномией (противоречием в законе), когда оказываются правы одновременно как сторонники модернизации России, так и ее противники. С одной стороны, модернизационный прогресс необходим хотя бы для того, чтобы нас не стерли в порошок передовые в технологическом отношении страны (технократические лидеры). «Знание — сила» — эта формула Ф. Бэкона по ходу истории приобретает все более буквальный смысл.

С другой стороны, никакой прогресс не обходится без значительных, и прежде всего духовно-нравственных потерь, и нередко эти потери превышают цену (прагматический успех) самого прогресса. Вся техносфера нынешнего «продвинутого» мира, от воображаемых компьютерных вселенных до небоскребов высотой 826 метров, моделирует отнюдь не ангельские нормы современного общества, как на Востоке, так и на Западе. Достаточно сказать, что примерно половину циркулирующей в интернете информации составляет жесткая порнография. И восточно-христианская цивилизация (сознательно или бессознательно) сопротивляется такому прогрессу. В сущности, речь идет о борьбе святости и жизни — кто кого? В свое время об этом много размышлял В. В. Розанов (в работе «Об Иисусе сладчайшем и горьких плодах мира»). Ценности духа вступают в противостояние с идеей овладения миром — идеалом модерна, причем русская культура переживает это противостояние особенно остро. Петр Великому и Иосифу Сталину — каждому в свое время — приходилось силой насаждать на Руси модернистские (в одном случае абсолютистско-имперские, в другом — имперско-коммунистические) идеалы, а любой идеал требует жертвы. Сегодня идеал модерна превратился в постмодерн, где разница между нормой и антинормой, между возможным и недопустимым вообще утрачена. Такой идеал требует для себя жертвы совестью, называя это авангардным экзистенциальным опытом. На цивилизованном Западе люди давно уже согласились (и внутренне и внешне) на жизнь без идеала — так оно и богаче и спокойнее. Восточно-христианская (русская) история оказалась более устойчивой в плане базисных жизненных установлений — тут и реальная монархия вплоть до начала XX века, и идея коммунизма как жизни по правде для всех, и даже нынешняя «суверенная демократия», больше похожая на превращенную форму «самодержавной республики» (в духе славянофильских проектов XIX века). Так или иначе, русский народ в глубине своей души предпочитает жить не для богатства и власти (к чему его упорно склоняют идеологи «прогресса без берегов»), а для той самой вечности, которой некуда торопиться, и к которой новейшие (например, виртуальные) технологии ровно ничего не прибавляют. Отсюда, кстати, и наши демографические, алкогольные и прочие «ямы»...

Черно-белое восприятие многогранных явлений жизни есть крайнее и вульгарное упрощение. Оно и порождает насилие. Истина, напротив, рождается в диалоге мысли, способной охватить по меньшей мере две стороны своего предмета как целого. В человеческой цивилизации возрастает одновременно сумма добра и сумма зла, порядка и хаоса. Таков основной парадокс истории в этом несовершенном мире, о чем не стоит забывать даже самым ярым спорщикам.

**Валентина
ЕФИМОВСКАЯ**

«ДЕНЬ ПОБЕДЫ И ПРАЗДНИК ПАСХИ»

Валентина Валентиновна Ефимовская — потомственный житель Петербурга, родилась в Ленинграде. Поэт, критик, публицист, автор трех поэтических сборников. Работала на радио, создала цикл передач, посвященных поэтам, деятелям культуры, образам пригородов Петербурга, историческому прошлому страны, автор сценариев для программ Ленинградского телевидения. Критические статьи печатались в журналах «Москва», «Воин России», в газете «Российский писатель». Член Союза писателей России с 1999 года. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Без креста в 41-ом встречала
Русь-Россия врагов своих.
«Жди меня» — молитвой звучало,
Словно ладанка был тот стих.
Как с икон, смотрела с плакатов
Богородицей Родина-мать.
Уходили на фронт солдаты,
Не умевшие крест целовать,
Но, как витязи в русской сказке,
Сокрушили логово зла...
День Победы и праздник Пасхи —
Жизни два багряных крыла!

* * *

России дух вовек не источится,
Как тысячу, как десять лет назад...
Бескровные, родные вижу лица
Погибших за нее солдат.

Отчизна — суть извечных упований
Героев Бреста, Ясс, Бородина.
России сердце — это поле брани.
С победой не кончается война...

И наши православные границы
Тьма одолеть пытается опять.
России дух вовек не источится,
Пока на Бога будем уповать,

Покуда в горный край Господни слуги
Возносят, утешая, души тех,
Кто отдал их за веру и за други,
И русских душ пред Богом больше всех.

В ОГНЕ

Меняется природа вещества,
Когда огонь его строенье рушит,
Настанет прах любого естества...
Но, полыхая, не сгорают души!

ДОМ С АНГЕЛОМ

С мамою и я жила в блокаде...
Кто сказал, что не было меня,
Если жизнь в блокадном Ленинграде
С первого запомнила я дня.

Были клены небывало алы,
В худобе болезной тополь наг,
И Петра десница простирала
Предостереженья явный знак.

Зла не ждали голуби и розы,
Золотом переливалась тень.
В городе бомбежки и морозы
Грянули в один и тот же день.

Замело, завьюжило, завыло.
Помню, как Неву теснили льды.

Вкуса не забуду до могилы —
Невской замерзающей воды.

Той воды, которую в бидоне
Матушка моя с трудом несла.
Ангел на ее старинном доме
Каменно простер свои крыла:

На нее, еще девчушку, глядя,
Ей безмолвно прочил райский свет...
До рожденья в мирном Ленинграде
Я жила в аду блокадных лет.

ПОДВИГ

Не всякий путь тернистый и кровавый,
не всякий путь — несение креста.
Путь Истины, дорога Вечной Славы
проторены страданием Христа,
Его Сыновьей жертвенной любовью
сквозь смерть, что Он поправил и покорил.
Полями и холмами Подмосковья
Спаситель наш при жизни не ходил,
но словно бы за ним, в оскал заката,
туда, где бьет фашистский пулемет,
швырнув свою последнюю гранату,
солдат-мальчишка, зубы сжав, ползет.
За своего отца он, за Россию,
за други вражий ДОТ собой накрыл...
Случайна ль в парне жертвенная сила,
от рода ли в себе ее хранил
тот эстафетный ген — от века к веку
причастный тайным свойствам Божества,
дарующим спасенье человеку,
чье бrenно тело, но душа жива
и вечно с Господом своим живет.
Солдат, огнем распятый, лег на ДОТ.

СТАРИКИ

Не меркнет лик пречистыя реки,
И словно не стареют Росси зданья.
Но в городе должны быть старики!
Бессмертье достижимо состраданьем.
Живых да будет много стариков,
Ворчливых, поучающих, усталых,
Пусть обойденных славою веков,
Но для меня звучат, как с пьедесталов
Знакомые рассказы их про те
Сто двадцать пять спасительных блокадных,
Про горький бой в кромешной темноте,

Про сладость слез победных и наградных.
Без вечностных опор ветшает кров,
Душа без памяти бессовестна и лжива.
Помолимся за наших стариков —
Подольше бы, родные, были живы...

НА СМОЛЕНСКОМ

Колокола звоны — как поклоны
На четыре стороны Руси,
Каркают на кладбище вороны,
Жутко так, что, Господи, спаси...

На запруде ряски плат багровый
Ветром порван — дыры не зашьешь,
Добрая б юродивой обнова,
Да вот как блаженную найдешь?

Канули, как малых рыбок стаи,
На рассвете звезды в глубь небес.
Хвоя меж могильными крестами
Двух тропинок выстилает крест.

Говорят, она ходила где-то,
Забрела недавно и сюда, —
И в ледок ее босого следа
Вмерзла рыбкой золотой звезда.

* * *

*Вечная память героическому подвигу железнодорожников,
которые водили поезда с продовольствием
в блокадный Ленинград под прицельным вражьем огнем
по легендарному «Коридору смерти»*

Я верю, — с посекундным постоянством
Вернется время к нам — за часом час,
Поскольку искривляется пространство
Вблизи неизмеримых звездных масс.
Но где любви энергия лучится,
Там массы большей во Вселенной нет,
И жизнь над смертью неизбежно длится:
Меж телом и душой в квадрате свет!
И в этом свете жертвенном не меркнет
Простая и незыблемая суть:
Несется поезд «коридором смерти»,
Для жизни вечной проторяя путь!

ВЫБОР

Когда входили в бухту крейсера,
Когда отец легко сбежал по трапу,
Мое взмывало детское «Ура!»,
Цепляя коршуна за бронзовую лапу
На обелиске в честь погибших кораблей...
Под штормовым сердцебиеньем флага
«Вальс Севастопольский» я пела всех слышней,
Я подпевала морякам «Варяга»,
От мамы знала, помнящей войну, —
Нам никогда не подпоеет Европа...
Царю тому на верность присягну,
Кто возвратит России Севастополь!

СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Насыщен спектр земного бытия,
И одинаковых полос в нем нету.
В том спектре жизнь отмечена моя
Пульсирующей слабенькой дискретой,
Лучащей мыслью симфоничный ряд...
Ужели все в небытие уходит?
О чем созвездий письма горят
В просторах галактических угодий?
Летят кометы, огненно дыша, —
От своего горения до праха...
Но гасит страхи бытия душа
Высоким надбытийным Божьим страхом,
Дающим зреть невидимый процесс:
Как душ иных могучие дискреты
Растут согласно с волею небес
И достигают вечной жизни Света.

МАТРЕШКА

Матрешка — русская игрушка,
На диво миру хороша.
Она, простушка-веселушка,
Сложна, как русская душа.
В своем наряде ярком, алом,
В цветах посадского платка
Она — как бесконечность в малом,
Объемом дробным велика...
Ее задумал древний мастер
Подобной лестнице, — она
В иерархическом согласье
К единому устремлена.
Вот так и звезды во Вселенной
Разумно соподчинены,
И мы так душами смиренно
Стать частью целого должны.

Знакомый ГОЛОС

Михаил НОЖКИН

«РОССИЯ БЫЛА ОФИЦЕРСТВОМ ГОРДА И ТВЕРДА»

Стихи и песни

Михаил Иванович Ножкин — Народный артист России, лауреат Государственной премии России, лауреат премий А. Твардовского, С. Есенина и др. Михаила Ножкина знают и любят, как популярного артиста кино и эстрады. Его песни и стихи вот уже более сорока лет звучат с экрана и со сцены. Заслуженный деятель культуры ПНР. Награжден орденами: «Знак почета», Преподобного Сергия Радонежского и Преподобного Серафима Саровского. Поэт, композитор, член Союза кинематографистов, член правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

БЛОКАДА

Глава из поэмы
«Ради жизни на земле»

(в сокращении)

Встали насмерть, в землю врылись,
Не расплавились в огне,
За родимый город бились
Девятьсот великих дней!

Ленинград лежал в пожарах,
Задышался, весь в дыму,
Но по мужеству, пожалуй,
Равных не было ему!

Разве только Севастополь,
Разве только Сталинград
За бесстрашие и стойкость
С Ленинградом встанут в ряд.

И по Ладоге звенящей
В Ленинград, в огонь, вперед
Шли машины страшным маршем,
Кто по льду, а кто под лед...

Прорывались в город чудом,
Чтоб помочь ему, помочь.
Хлеб — туда, а боль — оттуда,
Всю блокаду, день и ночь...

О блокаде Ленинграда
Разве можно рассказать?
Это видеть было надо,
Лично выплакать глаза.

В чем спасение? В работе,
В битве яростной с врагом.
Там — в окопе, в доте, в дзоте,
Здесь — за каждым за станком.

Вера вечная в победу,
В дело правое свое.
Неужели силы нету
На фашистское зверье?

Есть, конечно! Сила духа —
Вот чем наш народ силен,
Шел сквозь битву и разруху,
Новой болью закален.

Люди жили, воевали,
Презирая смерть и страх,
И оружие ковали
В развороченных цехах.

Ленинград больной лечили,
Ухитрялись возрождать,
И детей своих учили
Выживать и побеждать.

И при свете зажигалок
Билась жизнь во все концы.
И работали читалки,
И в театры шли бойцы.

И победных дней началом,
Всех симфоний впереди,

«Ленинградская» звучала
Песней пламенной в груди!

И собрав по крохам силу,
Сквозь январские снега
Ленинград в атаку двинул
На заклятого врага!

Память наша кровоточит
Вечной раною сквозной,
Тани Савичевой строчки
Все шатают шар земной!

Ленинградская блокада —
Память вечная о ней!
Всем живущим помнить надо
Девятьсот бессмертных дней...

ПОД РЖЕВОМ

*Отцу моему, фронтовику
Ивану Петровичу Ножкину,
посвящаю...*

Под Ржевом от крови трава на века порыжела,
Под Ржевом поныне шальные поют соловьи
О том, как под Ржевом, под маленьким городом Ржевом,
Великие, долгие, тяжкие были бои.

Под Ржевом к девчатам спешат на свиданье ребята,
В округе зазорные, звонкие песни звучат,
Порою не верится даже, что с песнями рядом
В пробитой земле и поныне осколки торчат.

Под Ржевом и ночью, и днем не смолкали сраженья,
А враг был одет, и обут, и силен, и жесток,
Под Ржевом сжималось, сжималось кольцо окруженья,
И наши от пуль и от голода падали с ног.

Под Ржевом болота, повсюду болота, болота,
Трясина да кочки, да ямы, да редкий ивняк,
И в эти болота без счета, без счета, без счета
Врезались герои отчаянных наших атак!..

Под Ржевом, уже на пороге родимого крова,
Последним усилием старались врага удержать,
Жестокою, страшною осенью сорок второго
Война пожинала бесчисленный свой урожай!

Под Ржевом в кровавой, свинцовой, сплошной круговерти
Не дрогнули славные дети родимой земли,
Рванулись в прорыв окруженья долиною смерти,
И в этой долине бессмертье свое обрели...

А ныне в долине колышется хлебное поле,
А ныне в долине снимают тройной урожай...
А там, под землею, в три слоя, в три слоя, в три слоя
Солдаты, солдаты, солдаты России лежат!

А дома поныне все ждут их, все ждут — не дождутся,
В сердцах у родных все кипит неоконченный бой,
А дома все верят, надеются, — вдруг да вернутся?..
Хоть в песнях, хоть в книжках, хоть в сказках вернутся домой!..

Под Ржевом от крови трава на века порыжела,
Под Ржевом поныне шальные поют соловьи
О том, как под Ржевом, под маленьким городом Ржевом
Великие, долгие, тяжкие были бои...

СИБИРЬ

Россия зреет за Уралом,
В Сибири крепнет Русский дух,
Здесь каждый встречный стоит двух,
Здесь, что ни сделаешь, все мало!

Тебя стараются поднять,
Тебя стремятся обезглавить,
Высокий дух твой обесславить,
В служанки к недругам отдать!..

Здесь, средь лесов, и рек, и гор,
Среди раздолий синеоких,
Какой простор для дум высоких,
Какой для творчества простор!

Но не надейтесь, господа,
Нет, вам Сибирью не разжиться,
Вам ею можно подавиться,
Сибирь не сдастся никогда!

Здесь, от Урала до Байкала,
Среди запасов мировых,
Среди Планетных кладовых,
России завтрашней начало!

И в наши дни, в наш век суровый,
Сибирь, Державу удержи, —
Скажи свое золотое слово,
Во всеуслышанье скажи!

Всегда крепка, сильна, вольна,
Неупиваемая чаша,
Сибирь — земля родная наша,
Ты для России создана!

Скажи, скажи на всю Планету, —
Мощнее в мире гласа нету,
Скажи, России помоги,
И пусть заткнутся все враги!..

КАК ЖЕ ТАК, «ГОСПОДА» ОФИЦЕРЫ?..

Окровавлена совесть и честь, ошельмована вера,
Всюду хаос, да стон, да разгул, да тревога, да мрак.
Как же так, как же так, как же так, господа офицеры,
Почему же в России такой, извините, бардак?

Почему на себя мы все меньше и меньше похожи,
Почему так стремимся чужую личину надеть,
Почему мы не братьев, а недругов видим в прохожих,
Почему так боимся друг другу в глаза поглядеть?..

Потому что когда-то так дружно рассудку не вняли,
А поверили лживым пророкам, фальшивым речам,
И заветы отцов, идеалы свои разменяли,
Второпях растащили Отечество по мелочам.

Потому что забыли и предали Господа Бога,
Потому что готовы друг друга продать за пятак,
Потому что ушли далеко от родного порога,
И назад возвратиться не можем, не можем никак.

Потому что так долго врагам ослабляли подпругу,
Растеряли друзей, а взамен никого не нашли.
Потому что когда-то не встали горой друг за друга,
А, напротив, когда-то горой друг на друга пошли.

Потому что за страшный развал нашей милой России,
За жестокие муки, за боль, что стерпела она,
До сих пор ни с кого, ни с кого до сих пор не спросили,
Не назвали народу преступные их имена.

Вот и ходим, блуждаем в кошмарных душевных потемках,
Как чужие, идем по родимой своей стороне.
По великой и вечной дороге от предков к потомкам
Вместо тройки заветной летим на Троянском коне!

А в глазах опустевших, как в зеркале, души пустые,
Я такого без слез ни понять, ни принять не могу.
Где ж вы, Слава, и Доблесть, и Честь незабвенной России,
На каком рубеже задремали, на чьем берегу?

Господа офицеры, да что ж вас не слышно не видно?
Онемели, ослепли, оглохли вы, что ль, навсегда?
Безразличие ваше к Отечеству, ах, как обидно, —
Ведь Россия была офицерством горда и тверда.

Господа офицеры, пора из окопов подняться,
И себя обрести, и застенки души разломать,
И раздоры забыть, и грядущим проникнуться, братцы,
И собравшись воедино, Россию с колен поднимать!

НЕ СУЕТИСЬ!..

Сидели двое высоко в горах,
Вокруг цвело Абхазское раздолье,
Прекрасная осенняя пора,
Уютное домашнее застолье.

Дым от костра среди каштанов плыл,
Текла неторопливая беседа,
И журналист хозяина просил
О тайнах долголетия поведать.

Скажи, отец, открой нам свой секрет,
Как людям в долголетье окунуться,
Как ты сумел прожить сто двадцать лет,
И устоять, не дрогнуть, не согнуться?!..

Старик взглянул в заоблачную высь,
Вдохнул, сказал как будто между прочим, —
Ты главное, сынок, не суетись,
Ни в чем, ни перед кем, ни днем, ни ночью...

Не суетись, и с малых лет трудись,
И не завидуй никому на свете,
И от людских пороков откrestись, —
И ты сто двадцать лет с улыбкой встретишь!...

Старик сидел, спокойствием дыша,
За горизонт орлиный взор нацелив,
Дым от костра лениво, не спеша
Тянулся меж каштанов еле-еле...

БАКЕН

Одинокий огонь в ночи,
Деловитый, упрямый, глазастый,
Море бесится и кричит,
Надрывается пеной вихрастой.

Накрывает его волной,
Ветром набок и навзничь валит,

Но горит он, горит все равно
На невидимой магистрали!

Не поддастся морю и впредь,
С безрассудством стихии споря,
Он же **бакен**, он должен гореть,
И чего так волнуется море?..

КИЕВСКАЯ ЛАВРА

И снова Лавра рвется в небеса,
За землю зацепившись на бегу,
И снова я гляжу во все глаза,
И снова наглядеться не могу.

И снова память в прошлое зовет,
И вечностью кружится голова,
Тысячелетье — вот оно, живет
В металле, в камне, в мыслях и словах.

Незримое воочию встает,
Неведомое обретает плоть,
И песню потаенную поет,
И время озаренья настает,
Чтоб лед души усталой расколоть.

И оживает книга бытия,
Я с трепетом листать ее берусь.
Неведомая Родина моя,
Прадедовская Киевская Русь!

Открытая и светлая душой,
Добру и Правде кровная сестра,
Уверенно шагала в мир большой,
Друзьям на радость и врагам на страх.

Здесь наша боль и гнев, к плечу плечом,
Вставали на обидчиков с мечом,
Здесь наша радость песней родилась,
И птицей вольной в небо поднялась.

Священные, славянские места, —
Здесь и поныне дышится легко,
И тешит глаз земная красота,
И чуть слышна мелодия веков.

И фрески улыбаются со стен
Роднею нашей ласковой, большой,
И снова поднимают нас с колен...
Да кто сказал, что все бывшее — тлен?

ВОЕННЫЙ ЛЕНИНГРАД

*Фотографии
Ленинграда
времен Великой
Отечественной
войны*

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Леонид ИВАШОВ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Леонид Григорьевич Ивашов — родился в 1943 г. в Киргизии. В 1964 г. окончил Ташкентское высшее общевойсковое командное училище, в 1974 г. — Военную академию им. М. В. Фрунзе. С должности заместителя командира мотострелкового полка был назначен помощником министра обороны СССР. В первой половине 90-х годов стоял у руля Совета министров обороны государств-участников СНГ. А потом было несколько лет насыщенной работы в качестве главного военного дипломата. Избран вице-президентом Академии геополитических проблем, доктор исторических наук, профессор. Автор нескольких книг по геополитике и международным отношениям. Генерал-полковник. Живет в Москве.

Согласно Версальскому договору 1919 г. Германия потеряла 1/8 часть своей довоенной территории, 1/10 населения, значительную часть экономического потенциала, отказывалась от колоний, ограничивала свой суверенитет, не могла иметь армию более 100 тыс. человек (без тяжелых вооружений: танки, артиллерия, тяжелые корабли, подводные лодки, авиация), генеральный штаб, всеобщую воинскую повинность, полнокровную систему подготовки военных кадров, выплачивала огромные репарации. В результате революции Германия стала республикой. Понесли потери и союзники Германии: Австрия, Венгрия, Болгария, Турция. В Венгрии, например, территория сократилась в 3 раза, население в 2,5 раза.

Россия, фактически участвовавшая в Первой мировой войне на стороне стран победителей, также понесла большие территориальные, экономические и людские потери, плюс подверглась вооруженной интервенции не только со стороны противников в войне (Германия, Турция), но и со стороны своих союзников — стран Антанты и Японии.

Ко второй половине 30-х гг. прошлого столетия Германия и Советская Россия не являлись ведущими игроками на мировой шахматной доске Европы и мира. Страны-победительницы — США, Англия и Франция, получившие с побежденных стран огромные репарации и владевшие огромными колониями, плюс набирающая экономическую и военную мощь Япония, во многом, если не во всем, определяли мировую и европейскую политику. Одновременно остро конкурировали между собой. В то же время Россия и Германия оставались крупными мировыми державами, обладали большим потенциалом развития, в Герма-

нии нарастал дух реванша, в России укреплялась идеология социализма. С 1922 по 1933 гг. по сути дела существовал сепаратный советско-германский союз (вынужденный союз униженных). К тому же, в Германии активно развивалась геополитика жизненного пространства (Челлен, Хаусхоффер, Шмит), расовая теория (А. Розенберг), антимонетаристская идеология в экономике. С приходом Гитлера к власти Германия включилась в борьбу за лидерство в Европе, активно используя противоречия между Британией и Францией. Геополитическая и расовая теории становились мировоззрением не только немецкой элиты, но и значительной части населения. Уже в 1925 году правящие круги Германии сформировали программу-минимум для немецкого народа, суть которой — возвращение утраченных довоенных позиций, в том числе: возврат колоний, изменение восточных границ, присоединение Австрии. Практически германское общество было готово принять силу, способную реализовать политику реванша. Такая сила нашлась в лице нацизма. Придя к власти, Гитлер немедленно стал реализовывать следующую программу:

- полное восстановление германского суверенитета;
- наращивание военно-экономического потенциала;
- обретение военно-политических союзников;
- разрушение антигерманских коалиций;
- подчинение Германии ряда соседних государств политико-дипломатическими и военными мерами.

Советский Союз, находясь в международной изоляции, использовал положение Германии в своих интересах, особенно в сфере индустриализации и создании военно-промышленного потенциала страны. В свою очередь СССР помогал Германии сырьевыми ресурсами, подготовкой офицерских кадров, совместным производством военной техники, запрещенной для производства в Германии. С приходом к власти А. Гитлера советско-германское сотрудничество было практически свернуто до конца 1939 года.

Отношение к гитлеровской Германии у Англии, Франции и США были далеко не идентичны. Англия, опираясь на геополитические выводы Х. Маккиндера, о том что для Британии смертельно опасным является союз континентальных Германии и России, пыталась, используя предыдущий опыт сраживания своих европейских соперников с Россией, играть в ту же игру. Поэтому, приход нацистов к власти в Германии и позиция Гитлера в отношении Франции и России не могла не удовлетворить амбиции Лондона. Была избрана тактика: не мешать Берлину расправиться с Францией, а, возможно и помочь в этом; канализировать устремления Гитлера на Восток, в Россию. При этом в Лондоне утвердилось убеждение, что ослабив войной друг друга Германия, Франция и Россия уступят пальму европейского первенства в Европе отсидевшейся в стороне Британии. Контроль над Европой усилит мировые позиции Англии в ее соперничестве с Соединенными Штатами Америки, позволит сохранить контроль над колониями и морскими коммуникациями. Финансовая британская элита мечтала об установлении контроля над европейской банковской системой.

Париж в предвоенные годы не имел четкой геополитической концепции, в равной степени опасался распространения коммунизма в Европе, угрозы со стороны Германии, остро конкурировал с Лондоном, не создавал себе надежной системы союзников. Политический разброд во властных структу-

рах не позволял серьезно укрепить обороноспособность страны. Франция, очень много сделавшая для разоружения, экономического разорения и унижения повергнутой в Первой мировой войне Германии, практически ничего не предприняла против возрождения вермахта и его вторжения в 1936 году в Рейнскую зону, аншлюса Австрии, оккупации Чехословакии, с которой, кстати, имела совместный с СССР договор об обороне (1935).

США после Первой мировой войны несколько отстранились от европейских событий. Конгресс США не ратифицировал Версальский договор, кризис 1929—1933 гг. вернул политику Вашингтона к доктрине Монро и геостратегическим воззрениям А. Мэхэна. Американское руководство (президент Ф. Д. Рузвельт) сосредоточилось на решении следующих задач: восстановление национальной экономики; освоение пространства американского континента и установление над ним контроля; усиление морской мощи страны; строительство военно-морских баз в тихоокеанской зоне. Среди европейских стран Германия была для США более предпочтительной, чем Англия и Франция. Во-первых, Германия не являлась серьезным конкурентом за обладание колониями; во-вторых, Германия, как индустриально набирающая силу страна, являлась хорошим контрагентом американским кампаниям; в третьих, она соперник американского соперника — Англии; в четвертых, она ярый противник коммунизма. Единственное, чего опасались политики Вашингтона, это усиление союза Германии с Японией. С Советской Россией у США в тридцатые годы стали складываться деловые отношения. Америка признала СССР (1935), установила дипломатические отношения, выделяла кредиты стране, строящей социализм, поставляла промышленные технологии.

Проявлением геополитических позиций европейских и мировых игроков явились события 1938—1939 гг. В эти предвоенные годы четко обозначилось геополитическое поведение всех ведущих субъектов европейской политики. Фашистская Германия сформировала военно-политический блок: ось Берлин, Рим, Токио (континент-море-римленд), заявив о претензии на мировое господство. Присоединила Австрию, помогла в Испании придти к власти фашистскому режиму генерала Франко. В Мюнхене Гитлер, действуя с позиции силы и используя разобщенность Европы и СССР, поставил на колени Францию, Британию, остальные евро страны и показал, кто в доме хозяин. Напомним некоторые детали того периода истории: 1938 год, по инициативе Лондона Гитлер объявлен человеком года; возвратившись из Мюнхена, премьер-министр Англии Н. Чемберлен заявил лондонцам: я привез вам мир; Франция, союзник Чехословакии, практически без консультаций с Прагой, подписывает мюнхенское соглашение, тем самым предавая союзника; Чехословакия, имея самую мощную в Европе оборонительную систему в Судетах, вторую по объему производимой продукции военную промышленность, сопоставимую с германской армией, сдает страну в оккупацию без единого выстрела. Почему так происходит? Англия считает, что создала условия для нападения Гитлера на СССР. Франция тоже. США взирают на происходящее со стороны, подсчитывая будущие прибыли от военных заказов.

Советский Союз, понимая, что он оказывается перед смертельной угрозой удара объединенной Европы с западного стратегического направления и Японии с восточного, предпринимает комплекс мер военного, экономического и политико-дипломатического характера, с единственной целью: выжить. Ни о какой мировой революции, ни о превентивном ударе речь идти

просто не может. Что конкретно предпринимает И. В. Сталин? Первое, форсирует наращивание военно-промышленного потенциала и подготовку вооруженных сил к войне. Второе: вновь настойчиво предлагает создание системы коллективной безопасности в Европе; третье, после отказа Лондона и Парижа заключить антигитлеровский пакт, заключает пакт с Гитлером (23 августа 1939 г.), возвращает часть территорий, входивших в Российскую Империю, тем самым отодвигая границу безопасности на несколько сотен километров; заключает пакт о ненападении с Японией.

1 сентября 1939 года Европа и мир вступают во вторую в XX столетии мировую войну. Встает вопрос — почему наиболее развитые государства мира через 20 лет после трагедии первой мировой войны не сумели устоять перед искушением новой мировой бойни? И еще вопрос — как могла Германия, наиболее пострадавшая в первой мировой, решиться на новую войну, причем, на два фронта? Ответы найти непросто, но можно констатировать, что геополитические воззрения сыграли здесь не последнюю роль. Рассмотрим причины войны через призму трех подходов метода геополитического анализа: географических детерминант, военно-стратегического и цивилизационного.

Что касается географического подхода, деления мира по Маккиндеру на две геополитические сущности — морскую и континентальную, то он проявился в попытках Германии нанести поражение странам морской цивилизации — Англии и США, завладеть частью их колоний, осуществить идею мирового господства, через реализацию теории больших пространств К. Хаусхоффера. Для осуществления этих планов создавался, казалось бы, нелогичный геополитический союз континентальной Германии, морской Японии, береговой Италии. Но все эти три государства объединяла общая концепция расширения жизненного пространства. Однако, это пространство, за которое велась борьба, не было единым: это было несколько пространств. Поэтому проявлялось рассредоточение военных усилий.

Британия, при всем ее интересе к европейским проблемам, главной заботой считала безопасность подмандатных территорий, прежде всего, Индии, Австралии, Канады, Новой Зеландии и др. В Европе она стремилась не допустить создания единого антибританского альянса, что в основном решалось поддержанием напряженности в отношениях Германии и Франции. Россия не претендовала на новые территории, ей не нужны были колонии. Да, она стремилась реализовать идеологические концепции мессианства — построить справедливый мир социализма, но без территориальных приобретений. Территории ей потребовались в 1939 году только в целях выживания. Франция о новых территориальных приобретениях не помышляла: она не была к этому готова. США осваивали тихоокеанские просторы.

В военно-стратегической сфере активно наращивали потенциал две державы — Германия и Россия. Но если фашистская Германия создавала военный потенциал для осуществления агрессии планетарного масштаба, то Советская Россия — для обороны с целью выживания. После мюнхенского сговора внешняя политика СССР была ориентирована на сохранения нейтралитета. На это указывал в своем донесении в Лондон от 27 сентября 1941 года британский посол в Москве сэр С. Крипс: «Нет никакого сомнения, что непосредственной причиной подписания этого (советско-германского пакта от 23 августа 1939 г. — Л. И.) пакта, как это неоднократно заявляли советские

лидеры, было их желание остаться вне войны. Они считали возможным осуществить это, хотя бы на время, путем заключения соглашения с Германией... В этот период они не только делали все, что могли, для укрепления своих границ, но и приступили к проведению программы вооружения, совместимой только с подготовкой к войне... Они решили, не обращая никакого внимания на соседние малые страны, оккупировать все территории, какие были только возможны, для укрепления своих стратегических позиций на случай войны с Германией... В Польше, как и в других странах, они предприняли немедленные меры к удалению части населения, могущего быть к ним враждебным. Они не хотели, чтобы их пограничные районы были заселены пятой колонной». Сегодня на Западе и, в прибалтийских странах особенно, твердят о неоправданной оккупации советскими войсками Латвии, Литвы, Эстонии. Но какова была бы их судьба, не сделай СССР подобного? Вот фрагмент ноты И. Риббентропа, министра иностранных дел Германии своему литовскому коллеге: «Если литовское правительство склонно вернуть Клайпедский край путем соглашения, то правительство Германии готово пойти навстречу... Если литовское правительство не пойдет этим разумным путем, то Клайпедский край будет возвращен Германии по другому».

Вместе с тем, Германия последовательно прибирала к своим рукам экономику и военный потенциал европейских государств. Англия, а также Франция, серьезно этому не возражали, что удивительно особенно для этих стран. Франция не могла не понимать, что немцы отомстят ей за Версальское унижение, что собственно и случилось в 1940 году. Британская геополитика получила развитие, именно, как ответ нарастающей мощи Германии и ее требований о пересмотре колониального мира в свою пользу. Фактическое поощрение германской агрессивности, скорее всего, было связано с надеждами на войну с СССР. Новая Советская Россия по-прежнему оставалась главным объектом в геополитических построениях западного мира. И главную роль здесь играл цивилизационный фактор, усиленный социалистическими преобразованиями и быстрыми темпами развития Советского Союза. Россия оставалась цивилизационной антитезой западному сообществу, начиная с принятия восточно-христианского наследия Византии. Именно цивилизационные различия принципиального характера объединяли ведущие западные государства в противостоянии с Россией. Приведу выдержку из книги немецкого философа В. Шубарта, вышедшей в свет в Германии в 1938 году: «Англичанин смотрит на мир как на фабрику, француз — как на салон, немец — как на казарму, русский — как на храм.

Англичанин жаждет добычи, француз — славы, немец — власти, русский — жертвы. Англичанин ждет от ближнего выгоды, француз хочет вызвать у него симпатию, немец хочет командовать, и только русский не хочет ничего».

22 июня 1941 года война вступила на территорию СССР. Советский нейтралитет закончился. Франция к тому времени скоростно сдалась на милость фашизма, Британия с 3 сентября 1939 года находилась в состоянии войны с Германией и подвергалась массированным бомбардировкам, Соединенные Штаты соблюдали нейтралитет, поставляя воюющим сторонам продукцию военного и гражданского назначения. Практически вся Европа находилась под властью фашистов, за исключением Англии и территорий, входящих в Советский Союз. Для СССР было выгодно, что Англия и Гер-

мания сражались друг с другом, но быстрый вывод из войны Франции (за 40 дней) явился для Москвы неприятной неожиданностью. К тому же Германия получила в свое распоряжение французский военный и экономический потенциалы. Французский флот, намеревавшийся уйти в порты дружественных стран, был потоплен в жестоком сражении англичанами.

В сложившейся ситуации стал очевиден замысел немцев: быстрым ударом покончить с Советской (Красной) армией до наступления зимы 1941 г., затем обрушить военную мощь на Англию и принудить ее к капитуляции. Затем совместно с Японией разгромить военно-морские силы США, установить контроль над океанскими коммуникациями, захватить военно-морские базы США и Англии, поделить колонии между странами «оси». Естественно, такое развитие событий не устраивало ни СССР, ни Англию, ни США, поскольку на повестке дня стоял вопрос о существовании этих и других государств. Поэтому антигерманский союз трех государств и сил сопротивления Франции стал естественным. 22 июня 1941 г. У. Черчилль выступил с речью по радио и заявил: «Никто не был более упорным противником коммунизма, чем я. ...Но сейчас все это отступает на второй план перед лицом разворачивающихся событий. Опасность, угрожающая России, это опасность, угрожающая нам и Соединенным Штатам. Мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем». Американский президент Ф. Д. Рузвельт заявил 24 июня 1941 г.: «Жизненно необходимым для безопасности Америки является оказание всей возможной помощи России, пока она продолжает сражаться со странами оси». 12 июля 1941 г. было заключено советско-английское соглашение о совместных действиях против Германии. Уже 31 июля в Архангельск прибыл первый британский корабль с боеприпасами. (Всего за годы войны Советскому Союзу была оказана существенная материальная помощь. Было поставлено: самолетов 22 тыс., танков и артиллерийских орудий по 13 тыс., автомобилей более 400 тыс., в пять раз больше, чем произвел СССР за годы войны).

7 декабря 1941 г. японская авиация практически уничтожила Тихоокеанский флот США в главной его базе Перл-Харборе. В тот же день США объявили войну Японии, а Германия и Италия — через 4 дня войну Соединенным Штатам. Война стала мировой. Боевые действия охватили Балканы, Северную Африку, Ближний Восток, Атлантику и Тихий океан. 29 сентября 1941 г. состоялась московская конференция трех держав, на которой США обязались поставлять СССР и Англии военные материалы. От обязательств о непосредственном участии в военных действиях США отказались, они желали оставаться арсеналом демократии. Вопрос об открытии второго фронта на территории Франции американцами отвергался, а Британия одна осуществить наземное вторжение в Европу не могла. Он встал в повестку дня только в 1942 году. США и Англия обещали открыть второй фронт только в 1943 г., но по мере успехов Советской Армии дата открытия откладывалась.

Победы над немецко-фашистскими войсками под Москвой, Сталинградом и Курском фактически определили победителя во Второй мировой войне, и встал вопрос о будущем мироустройстве. Ему были посвящены конференции «Большой тройки»: ноябрь 1943 г. — в Тегеране, февраль 1945 г. — в Ялте, июль 1945 г. — в Потсдаме. В Ялте стороны согласились на раздел Европы на зоны влияния и контроля. Сталин, Рузвельт и Черчилль подписали Декларацию об освобожденной Европе, в которой провозглашалось

будут согласовывать свою политику, чтобы помочь освобожденным народам уничтожить последние остатки нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их выбору. Еще в Ялте была достигнута договоренность о вступлении СССР в войну против Японии, однако за это участие Советский Союз получал Южный Сахалин, Курильские острова, ВМБ в Порт-Артуре.

Уже в ходе войны, особенно на ее завершающем этапе, стало очевидным возвращение стран антигитлеровской коалиции к прежней геополитической стратегии с учетом сложившейся ситуации. США и СССР становились державами номер один. Но при этом СССР понес тяжелейшие людские и материальные потери, а США разбогатели на войне (к маю 1945 г. более половины золота капиталистического мира находилось в США). Плюс США в 1945 г. стали первой ядерной державой. Англия была серьезно ослаблена войной, отрезана от своих колоний, зависела от поставок боеприпасов и американского вооружения. Франция пострадала от поражения и оккупации. Германия и Япония разгромлены. Но решать международные вопросы без СССР, как это было до войны, уже было невозможно. Поэтому победители искали компромиссы, готовя почву для новой геополитической конструкции послевоенного мира. В Потсдаме был образован Совет министров иностранных дел СССР, США, Англии, Франции и Китая (двое последних по предложению СССР). Эти же страны стали впоследствии постоянными членами СБ ООН, что подчеркивало новую геополитическую структуру мира, сложившуюся после второй мировой войны.

В ходе Второй мировой войны произошло перестроение геополитических систем, сложившихся после первой мировой войны. В преддверии 1 сентября 1939 года (дата начала второй мировой) сложилась следующая группировка геополитических сил: Советский Союз, сохранивший геополитические устремления Российской империи (мессианская идея «Третьего Рима», перевоплощенная в идею построения социально-справедливого мира на глобальном уровне, ликвидация колониальной системы, защита и развитие срединной территории Евразии — хартленда, жесткое противостояние морской цивилизации и Западу в целом); англо-саксонская геополитическая система, как основа морской цивилизации, сохранившая в качестве внешней стратегии, геополитических доктрин Х. Маккиндера и А. Мэхэна (враждебное отношение к странам континента, установка на мировое господство, через покорение хартленда — России, сохранение и расширение заморских колоний, недопущение союза континентальных держав, Германии и России в первую очередь); геополитическая система стран «Оси», во главе с континентальной Германией, ставившая целью реализацию теории немецких геополитиков (Ф. Ратцель, Р. Челлен — гражданин Швеции, К. Хаусхоффер, К. Шмитт) о государстве как живом организме, требующем в своем развитии расширения жизненного пространства, вплоть до планетарных масштабов, то есть опять же установка на мировое господство.

При этом, советская геополитическая система в качестве идеологической основы опиралась на марксистско-ленинскую теорию построения социализма, т.е. создание через революции системы государств трудящихся масс. Англосаксонская система базировалась на рационально — монетаристской идеологии, германская — на расовой теории нацизма и отрицании власти банков (финансовой олигархии). Конфигурация вышеописанных геополити-

ческих систем не являлась жестко фиксированной конструкцией, изменялись предпочтения, заключались временные союзы, внутри систем существовала конкуренция, разногласия. Так, например, создавались геополитически «нелогичные» альянсы, типа мюнхенского (1938) и советско-германского (1939). Выпадала из систем Франция, не сумевшая вписаться в предвоенную конфигурацию сил или создать свою эффективную структуру, в результате чего потерпела сокрушительное военное поражение от Германии и уничтожение военно-морского флота со стороны Англии. Соединенные Штаты Америки в преддверии мировой войны и даже в ходе ее первой фазы (с 1 сентября 1939 по 22 июня 1941 г.) устранились от активного вмешательства в европейские события. Более того, США наращивали конкурентную борьбу с Англией за контроль над морскими коммуникациями и колониальными территориями, а в ходе начавшейся войны в Европе, осуществляли поставки военной продукции воюющим сторонам, в том числе Германии.

Что было (и остается по сей день) общим в геополитическом поведении Запада, так это отношение к России (имперской или советской), как к своему извечному сопернику и военному противнику. Даже официально атеистическая Советская Россия рассматривалась Западом в качестве анти-тезы западному христианству, совершенно иной цивилизационной матрицы. Причины тому кроются, прежде всего, в фундаментальных различиях двух христианских основ, несовместимости духовно-нравственных систем ценностей, иных мировоззренческих взглядов на смысл бытия. Поэтому сформированное единого антисоветского фронта накануне Второй мировой войны было вполне возможно. Не состоялся таковой, скорее всего, в силу непримиримых разногласий в стане западных стран (немцы не могли простить англичанам и, особенно, французам за версальское унижение) и благодаря высокому искусству советской дипломатии.

К тому же, Гитлер действовал вопреки политической логике и военной стратегии: он «кинул» всех и развязал войну против всех ведущих государств мира (кроме Японии), против двух мировых, причем противостоящих друг другу геополитических систем, вынудив их стать союзниками. 22 июня 1941 г. геополитическая ситуация изменилась коренным образом. Нападение Японии в декабре 1941 г. на Соединенные Штаты Америки и уничтожение главных сил американского флота в Перл-Харборе привело к тому, что США задействовали весь свой потенциал для борьбы со странами «Оси». Война после 22 июня 1941 г. приобрела глобальный размах и превратилась в мировую войну. Вынужденно сложилась новая геополитическая система, основу которой составляли центры противостоящий цивилизаций — морской и континентальной. Но было очевидно, что этот союз долгосрочным быть не может в силу фундаментальных цивилизационных противоречий. Он формировался под конкретную задачу, в решении которой были заинтересованы в равной степени все его участники, и всем им угрожала общая опасность — угроза уничтожения.

С окончанием войны интересы сторон вновь стали несовместимыми и послевоенные договоренности стали результатом сложившегося соотношения сил. Следует при этом подчеркнуть, что успех советской стороны в ходе Ялтинской и Потсдамской конференций, безусловно, определялся вкладом СССР в общую победу, могуществом его вооруженных сил и ростом международного авторитета страны социализма. Но, успех мог быть значительно

меньшим, если бы не разногласия интересов между США и Великобританией. Во-первых, Британия претендовала на роль лидера, не только Европы, но и всего западного мира. Во-вторых, она же стремилась сохранить статус великой морской державы и контролировать стратегические океанские коммуникации. Однако, накачавшие в ходе войны военные и экономические мускулы Соединенные Штаты, к тому же понесшие минимальные потери (людские и материальные) в ходе войны, претендовали на те же роли, что и Британия. Поэтому, на переговорах в Тегеране и Ялте президент США Ф. Д. Рузвельт и лидер СССР И. В. Сталин действовали иногда совместно против позиции британского премьера У. Черчилля. Это обстоятельство способствовало достижению компромиссов в решении сложнейших проблем послевоенного мироустройства.

В чем состоял послевоенный геополитический проект Советского Союза?

Первое, к чему стремилось советское руководство, это обеспечение военной безопасности страны. С этой целью, важно было на международно-правовом уровне юридически закрепить внешние границы СССР, создать зону безопасности на западном стратегическом направлении, сформировать систему коллективной безопасности в Европе, используя для этого нарабатанный за годы войны потенциал союзнических отношений с США, Англией и Францией. Второе направление внешнеполитической деятельности советского руководства заключалось в создании геополитической системы государств, ориентированных на СССР и подконтрольных ему, с целью поддержания баланса сил на международной арене и сохранения результатов Второй мировой войны. Действуя на этом направлении руководство СССР приступило к осуществлению проекта по созданию стран народной демократии, как переходной стадии к странам социализма. Третьей составляющей советского проекта явилась политика борьбы против колониальной системы. К моменту окончания войны в колониальных и полуколониальных странах проживало более 270 миллионов человек. Освобождение их от колониальной зависимости было продолжением той мессианской миссии российского государства и общества, которая сформировалась после принятия на себя функций «Третьего Рима». Следует при этом учитывать, что Советское государство большей своей частью располагалось в Азии, значительная часть населения СССР были мусульмане и другие восточные народности, а наиболее колонизированной частью света являлась именно Азия, где в колониальной зависимости проживали 90 процентов населения. Да и по духовно-цивилизационной близости народы Востока были более родственными культурно-историческими типами, чем народы стран Запада. Безусловно, при всем мессианском подходе к проблеме колониализма, у советских руководителей присутствовал политический прагматизм: освобождающиеся от колониальной зависимости страны являлись потенциальными кандидатами на строительство социализма.

Таким образом, сущность послевоенного проекта СССР выражалась в строительстве геополитической системы, балансирующей устремления к мировому господству западных стран морской ориентации. Эта система предполагала не только создание биполярного баланса сил, но и альтернативу западному образу жизни. При этом, советское руководство не отрицало возможность тесного взаимодействия и сотрудничества со странами Запада по всему спектру международных проблем и двусторонних отношений.

Западный проект, где уже к концу войны четко обозначилось доминирование США, выстраивался в условиях серьезного ослабления Европы в целом и континентальной ее части особенно. Ведущие европейские страны были обессилены войной, разделены политически, зависели от внешней помощи, большинство из них имели серьезные внутривнутриполитические и экономические проблемы. Разбогатевшие на войне американские корпорации оказались готовы к вторжению в послевоенную Европу и Японию. Перед политической и финансовой элитой США и англосаксонского мира в целом, отчетливо обозначились перспективы поэтапного установления мирового господства. То есть, вновь всплыли идеи Х. Маккиндера, А. Мэхэна, подкрепленные теорией атлантизма Н. Спайкмена. Поэтому первой частью западного, по сути американского проекта, являлось установление экономического и финансового контроля над промышленно развитой Европой и Японией. И первое, что сделали американцы, — привязали всю экономику Западной Европы, а затем и других стран, к доллару США (Бреттонвудские соглашения 1944 г.). Второй задачей ставилось политическое и военное объединение стран Запада под американско-британским началом. Сделать это было непросто. Страдания Второй мировой войны ощущались повсюду, европейские народы, как и советский народ, решали важнейшую задачу восстановления своих стран, возвращения к нормальной мирной жизни. Тем более, что главный противник — германский фашизм, был повержен.

Перед англо-саксонской элитой и финансовой олигархией встала задача найти мотивы для объединения Запада в единую геополитическую систему, подконтрольную господствующим силам США и Великобритании. Выход был найден в формировании образа нового противника, угрожающего всем странам Запада одновременно. Таковым стал демонизированный образ Советского Союза, а идеологической основой объединения — жупел коммунистической угрозы, якобы посягавшей на западные ценности и угрожавший свободе и существованию западных стран. Реальна была ли такая угроза? Оснований утверждать подобное нет абсолютно никаких. Да, действительно, международный авторитет первого в мире социалистического государства после Второй мировой войны был исключительно высок и непререкаем. Однако, именно советский народ понес самые тяжелые потери: 27 миллионов погибших, значительная часть из которых — производительные силы государства; сотни разрушенных городов, экономика полностью реорганизованная на военные нужды, деформированная в результате войны география размещения производств, десятки миллионов беженцев и т. д. Для советского руководства не имело никакого смысла втягиваться в новое противостояние и, тем более, в гонку вооружений. В ходе войны И.В. Сталин, в целях укрепления союзнических отношений со странами победителями ликвидировал штаб международного коммунистического движения — Коминтерн, изменил гимн Советского Союза, установил деловые отношения с президентом США Ф. Д. Рузвельтом, делегация СССР активно работала над проектом ООН. Поддержка мирового коммунистического и национально-освободительного движений в первые послевоенные годы носила чисто политический характер. К тому же США к концу войны обладали монополией на ядерное оружие.

Однако, развитие мировой ситуации все же пошло по лекалам англо-саксонской геополитической школы, помноженной на монетаристские идеи мировой финансовой олигархии.

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Евгений ПРИМАКОВ

ПРИЧИНЫ «ОПЕРАЦИИ КОСОВО»

Евгений Максимович Примаков — родился в 1929 г. в Киеве. В 1953 г. окончил Московский институт востоковедения, а в 1956 г. — аспирантуру МГУ. Доктор экономических наук, профессор, академик РАН. Автор ряда книг по современной истории Востока. В 1985–1989 годах — директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Являлся Председателем Верховного Совета СССР. В 1990 г. входил в состав Президентского Совета. С 1991 г. по 1996 г. — директор Службы внешней разведки России. С 1996 г. по 1998 г. — министр иностранных дел РФ, затем Председатель Правительства РФ. В 2001 г. избран президентом Торгово-промышленной палаты РФ. Лауреат многих российских и иностранных премий и наград. **Живет в Москве.**

Казалось, с чего бы это Вашингтон настолько втянулся в превращение Косова — небольшой территории (11 тыс. кв. км) с населением около 2 млн человек — в самостоятельное государство, даже не заботясь о возможных отнюдь не выгодных ему последствиях этого.

Подчеркну ряд моментов, характеризующих косовский конфликт, которые, как представляется, следует принимать во внимание.

Сербы небезосновательно считают край Косово и Метохию землей, где зародилась их цивилизация, культура, самобытность. Там в IX–X веках и в середине XIV века возникла и окрепла государственность сербов. В начале XIII века зародилось сербское православие. В 1389 году на этой земле произошла битва сербского войска с войском Османской империи. Для сербов эта битва — символ национального героизма.

Албанцы в течение веков тоже находятся на территории Косовского края. Но максимумом признаваемой государственности, которым обладало Косово, была автономия края в Югославии при И. Тито. В 1987 году С. Милошевич отменил расширенные права, предоставленные автономному краю. Параллельно была создана косовскими албанцами скупщина (парламент), которая приняла в 1990 году закон о независимости края. Однако это не привело к выходу из Сербии. Можно считать, что в Косове установилось двоевластие. Выбранный «президентом» Косова И. Ругова при-

держивался умеренных взглядов, что проявлялось и во время его переговоров с Белградом.

Мало сторонников превращения края в самостоятельное государство было и вне Косова. В качестве министра иностранных дел России в 1996 году в Нью-Йорке я встречался на сессии Генеральной Ассамблеи ООН с министром иностранных дел Албании. Отвечая на мой вопрос, он твердо заявил, что его страна (даже его страна. — *Е. П.*) рассматривает решение косовской проблемы лишь в границах Югославии. Такая же позиция фиксировалась в целом ряде документов контактной группы, в которую вошли Россия, США, Германия, Великобритания, Франция. Заявление контактной группы по Косову впервые было принято 24 сентября 1997 года при моем участии. Резолюция была направлена на прекращение вооруженных столкновений, происходивших в Косове, прекращение поставок вооружений, но исходила из того, что косовская проблема — внутреннее дело Югославии. Мы в силу обстоятельств рассматривали впоследствии неоднократно вопрос о Косове, но при этом существовало общее мнение: Косово — не независимое государственное образование. Несогласие между мной и госсекретарем США Мадлен Олбрайт проявилось по формулировке: «Косово — часть Югославии» (она) или «Косово — часть Сербии» (я). Так или иначе, и США, и Россия считали Косово частью другого государства. Более того, Госдепартамент США занес в список террористических организаций Армию освобождения Косова (АОК), вооруженным путем добивавшуюся изгнания сербов из Косова. Правда, впоследствии боевики из АОК были переквалифицированы в героев.

С 1998 года положение начало меняться. Не буду пересказывать все последующие события — они характеризуются кровавыми межэтническими столкновениями. Основным средством, используемым на югославском поле, стала не дипломатия, не политика, чего добивалась Россия, а деятельность НАТО. Ситуацию не изменило, что формально инициатива была перехвачена Миссией ООН по делам временной администрации в Косове (МООНК), которая создала «временное самоуправление», провела выборы в Ассамблею при бойкоте их сербским населением. Косово наводнили международными полицейскими (3 тысячи человек), специальными силами для Косова (СДК) — 16,5 тысячи из стран НАТО. Это не помешало превращению сербов во второразрядных граждан, которые находились под постоянным давлением косовских албанцев, намеренных вытеснить из края даже относительно небольшое число остающихся там сербских жителей.

Ну а что дальше? Россия предлагала поддержать высказанное Белградом предложение рассмотреть перспективу статуса Косова в серьезных переговорах сторон, даже если для этого потребуется немалое время. Не забудем, что кипрская проблема, да

и ирландская, обсуждаются десятилетиями. Никто, конечно, не призывал растягивать решение по Косову на такой срок, но США и ряд западноевропейских стран пошли по пути ультимативного решения против интересов сербов. Ставка была сделана на немедленное провозглашение независимости Косова. Когда не удалось провести соответствующую резолюцию через Совет Безопасности ООН, решили вообще обойти Организацию Объединенных Наций и подтолкнули Косово к одностороннему решению о выделении из состава Сербии и провозглашении независимости. Сразу же Косово в качестве суверенного государства признали США, две трети стран Европейского союза, всего к середине 2008 года — более 40 государств. Причем авторов такого решения абсолютно не беспокоили его неизбежные последствия не только для Сербии, но и для других стран. Главное — что это подталкивает во всем мире сепаратизм.

Предоставление независимости Косову может привести к нежелательным изменениям политической карты на Балканах. Нет никаких оснований абстрагироваться от многолетних планов создания «Великой Албании», а может быть, теперь и «Великого Косова», к которому будут тяготеть Санджак, мусульманские части Македонии, Черногории.

Настораживают также прорывающиеся наружу планы ликвидировать Республику Сербскую в Боснии и Герцеговине (БиГ). К этому подбирались уже давно те, кто хотел слить воедино Республику Сербскую с мусульманско-хорватской федерацией и превратить двучленную систему БиГ, созданную в Дейтоне, в одночленную. Иными словами, ликвидировать проявление любой самостоятельности Республики Сербской и практически растворить ее в общем государстве. Стремление к этому возросло после того, как самопровозглашение независимости Косова усилило тенденцию к воссоединению Республики Сербской с Сербией.

В этой связи можно рассматривать и арест Караджича, передачу этого легендарного в Республике Сербской лидера в Международный трибунал в Гааге. Судя по всему, о месте нахождения «разыскиваемого» Караджича не могли не знать американские спецслужбы — он, по профессии врач, приняв другую фамилию, практиковал в одной из клиник в Белграде. Многие свидетельствуют в пользу того, что США через своего представителя в свое время гарантировали ему безопасность и обещали не предъявлять никаких обвинений в будущем, если он согласится уйти из политической жизни. Караджич действительно в 1996 году ушел не только с поста президента Республики Сербской, но вообще из политики. Не связан ли его арест с планами лишения Республики Сербской многих прав?

Газета «Бостон глоб» писала: «Президент Буш без всякой нужды вызвал рецидив русской паранойи, поспешив признать независимость Косова без принятия соответствующей резолюции ООН или устра-

ивающего обе стороны сербско-косовского договора»¹. Оставим на совести газеты употребляемые медицинские термины, но негативное отношение России к объявлению Косова независимым государством было вполне оправданным. По словам Кондолизы Райс, она многократно говорила российским собеседникам, что Косово «не может быть прецедентом». История опровергла прогностические способности Райс. Дело в том, что выход Косова из состава Сербии подстегивает стремление многих народов образовать самостоятельные государства. Особенно обострилась проблема тех «непризнанных республик», которые уже многие годы на практике существуют как самостоятельные. Их признание — нелегкое дело. Выделение части унитарного государства в виде самостоятельного субъекта приходит в противоречие с принципом территориальной целостности государств. Россия неоднократно заявляла о поддержке этого принципа².

На крайне негативную позицию России по выделению Косова из состава Сербии оказывает влияние и российское общественное мнение. Прошли те времена, когда его можно было игнорировать. А сегодня оно в силу исторических, традиционных, наконец, эмоциональных причин в своей преобладающей части на стороне сербов, которые к тому же больше всех других на Балканах пострадали за последние годы. Казалось, ушло в прошлое сравнение Балкан с пороховой бочкой, способной взорвать стабильность не только в этом регионе, но и за его пределами. Отгремели войны, состоялась система признанных государств, ранее образовавших части югославской федерации, и худшее для Сербии уже позади — три проигранные войны, 10 лет санкций, бомбардировки НАТО. Однако теперь произошло отторжение от Сербии Косова и Метохии. А это составляет 15 процентов ее территории, оставшейся после выхода Черногории.

Независимость Косова — одна из внешнеполитических проблем, которая отрицательным образом сказалась на отношениях между Россией и США. Так что же заставило Вашингтон проигнорировать и это, и другие тенденции, возникшие в результате отделения Косова от Сербии, далеко не все из которых развиваются в пользу Вашингтона, особенно в долгосрочном плане?

Через предоставление независимости Косову американские политики, по-видимому, стремились решить ряд задач. Во-первых, продемонстрировать общественному мнению, особенно в Европе, что не напрасно был начат «цикл» с несанкционированных ООН бомбар-

¹ The Boston Globe. 2008. 20.07.

² Когда, например, незадолго до своей военной авантюры Саакашвили сказал, что готов предоставить в полном объеме автономию Южной Осетии, дать ей максимальные права и даже назначить ее представителя вице-президентом Грузии, В.В. Путин назвал этот план хорошим. Но оказалось, что это просто маскировка уже принятого решения о насильственном воссоединении. В ночь на 8 августа Саакашвили дал команду о начале обстрела жилых кварталов Цхинвали системами залпового огня.

дировок Югославии: в Белграде, мол, к власти вместо Милошевича пришли демократы, получила самостоятельность Черногория, а теперь и Косово. Кстати, во время бомбардировок Югославии АОК открыто выступила на стороне НАТО, помогая определять цели для бомбардировок. Так АОК стала союзницей США и получила американскую поддержку в своих операциях против югославской армии. Во-вторых, в этом США особенно поддерживает Германия, перенасыщенная эмигрантами-албанцами, создать условия для их возвращения в Косово, возможно, и в Албанию, граница которой с Косовом открыта. В-третьих, найти решение хоть одного конфликта перед уходом президента Буша в историю. Да еще при этом получив — не так, как было при оккупации Ирака, — поддержку европейских союзников по НАТО.

Существует ли какое-нибудь решение по Косову после провозглашения его независимости, которое сможет снять остроту этой проблемы? Когда решение проблемы такого рода оказывается в тупике, одним из вариантов становится территориальное разделение. В интервью белградской газете «Вечерние новости» я сказал, что выходом из косовского кризиса могло бы стать переселение сербов на север Косова и присоединение этой его части к Сербии. НАТО не может вечно оставаться там с целью обеспечения порядка. Замена НАТО на миротворческие силы ЕС тоже не решит этой проблемы.

ВОЕННЫЙ ЛЕНИНГРАД

*Фотографии
Ленинграда
времен Великой
Отечественной
войны*

Точка ЗРЕНИЯ

Михаил ЛЕОНТЬЕВ «СВЯЩЕННАЯ НАША ДЕРЖАВА»

Михаил Владимирович Леонтьев — родился в 1958 г. Окончил общеэкономический факультет Московского института народного хозяйства, затем — ПТУ № 86 по специальности «столяр-краснодеревщик». Работал частным репетитором по истории, сторожем, пожарным. Был гл. редактором журналов: «Профиль», «Главная тема». Работал в газете «Коммерсантъ», после зав. отд. экономики в «Независимой газете», позже зам. гл. редактора газеты «Сегодня». С 1997 г. работал на «ТВЦ». С 1999 года — ведущий программы «Однако». С 2002 года — руководитель аналитического отдела Дирекции информационных программ ОАО «ОРТ», затем — «Первый канал». Поздравляя в 2005 г. генерала В. Шаманова в газете «Коммерсантъ», пожелал ему *«победы над всеми врагами, поскольку не сомневаюсь, что они у нас общие»*. Лауреат журналистской премии «Золотое перо России». **Живет в Москве.**

Владимир Путин как-то сказал, что Россию Бог не обделил, но зато Он обделил других. И эти другие таким обстоятельством не сильно довольны. И нам предстоит очень жесткая борьба за контроль над собственными богатствами. Многие нынешние конфликты имеют запах нефти и газа, что Россия понимает и готова защищать себя. Все это производит достаточно солидное впечатление. Конечно, успокаиваться нельзя, хотя такое спокойствие зависит не от нас. Правда и то, что перед нами не стоит никаких императивных препятствий для того, чтобы не реализовать те цели, которые у нас есть. Даже в условиях кризиса, когда страдают все.

У нас есть очень серьезные возможности пострадать меньше других, если мы будем делать умности. Потому что не делать глупостей уже недостаточно. На самом деле мы до последнего времени и не делали глупостей. Одна из колоссальных заслуг Путина состоит в том, что он не совершал серьезных ошибок. Потому что на первом этапе серьезная ошибка была чревата гарантированной катастрофой, а на втором — катастрофой с высокой степенью вероятности. Поэтому задача «не совершить ошибки» — что лучше отказаться от какой-то авантюры (в смысле негарантированных последствий), была, безусловно, императивной.

А сейчас нам надо делать умности. Тогда мы выиграем во всей этой неразберихе и выйдем из кризиса сильнее, чем наши основные конкуренты. В любом

глобальном кризисе есть только одна задача — выйти из него сильнее. Раньше американцы с этой задачей очень хорошо справлялись. Они зарабатывали на всех мировых кризисах, включая Первую и Вторую мировые войны. Причем зарабатывали и в прямом, и в переносном смысле. Надо понимать, что после Второй мировой экономической, политическая и военная мощь Америки были гораздо больше, чем во времена т. н. конца холодной войны.

Сегодня стиль общения между странами имеет большое значение. В этом смысле Россия проводит просто самоотверженную политику. Если считать самоотверженностью то, что в ее политике явно виден мотив выплаты контрибуции Соединенным Штатам. Кстати говоря, выплата дани сама по себе не лишена смысла. Например, канонизированный святой равноапостольный князь Александр Невский платил дань Орде. Потому что на тот момент это давало Руси единственную возможность выжить как цивилизации. Главный вопрос в российско-американских отношениях заключается в том, настало ли уже время для «Куликовской битвы» или нет. Причем говорить о том, что Дмитрий Донской (который является политиком колоссального масштаба) абсолютно точно просчитал время, когда нужно выйти из повиновения Орде, однозначно нельзя. Потому что уже через два года хан Тохтамыш сжег Москву. А до окончательного падения ига прошло еще около 100 лет. Хотя понятно, что надо же было с чего-то начинать...

Мы сегодня тоже не можем позволить, чтобы американцы «сожгли Москву». Потому что при нынешних средствах сожжения это закончится очень плохо. Так что выбор времени, когда нужно прекращать выплату дани, — это вопрос сложный. Похоже, что уже надо. Но, с другой стороны, если Америка сама рушится, то, может быть, имеет смысл еще немного подождать. Во всяком случае, у меня есть ощущение, что мы пока от них откупаемся. Причем, как известно, благодарность американцам вообще не присуща. Как сказал известный американист Анатолий Уткин, «в американской политической культуре отсутствует понятие благодарности».

Нужно понимать, что происходит с мозгами представителей американской элиты, когда они видят цифры военного бюджета США. У них возникает ощущение, что они могут все. А поскольку в других областях они уже могут очень мало, то понятно, что США будут делать то, что им представляется возможным. То есть заниматься эскалацией гонки вооружений и конфликтов в горячих и холодных точках. Это практически предрешено.

В свое время Столыпин сказал: «Дайте нам 20 лет спокойствия, и вы получите великую Россию». Но понятно, что никто никому ничего не гарантировал и ничего не обещал. Поэтому эти 20 лет спокойствия надо каким-то образом заработать. А если мыслить теми категориями, о которых говорится в 12-летней перспективе развития по «Плану Путина», то очевидно эти годы Россия должна отбить и

отбиться. Все поднимающиеся страны (новые лидеры мировой экономики) заинтересованы, чтобы сохранялись существовавшие в течение долгого времени благоприятные конъюнктурные тенденции (а сейчас они уже поменялись). Потому что мы зарабатываем благодаря им. Нам не жалко, что США эмиссионно финансируют свое потребление, которое является мотором экономического роста. Конечно, обидно немного, что эти люди пользуются тем, что им по праву не принадлежит. Но мы-то от этого тоже зарабатываем. Мы имеем от этого емкие рынки и высокую ценовую конъюнктуру. А в первую очередь, мы имеем высокие показатели мирового роста, который позволяет нам использовать наши преимущества.

12-летние перспективы России неочевидны. Просто потому, что не мы создаем новые вызовы (хотя и можем им противостоять). Сейчас мы не имеем технической возможности даже индикативно (понятно, что речь не идет о госплане) планировать параметры нашего развития, исходя из ныне действующих тенденций. Мы не можем взять и экстраполировать общую (не зависящую от нас) ситуацию в виде политического, экономического и финансового контекста, считая, что все и дальше будет развиваться в том же направлении. Кризис есть кризис. Это явление, которое по всем своим параметрам отличается от нормального течения событий.

Я не буду рассказывать банальные вещи о том, что мы считаем этот кризис системным. Системный кризис — это кризис системы, из которого система выйти в существующем виде не может. Потому что смысл такого кризиса в том, что данной системе пришел конец. А если системе пришел конец, значит, из этого кризиса вообще нет выхода по определению. Таким образом, если мы согласны с тем, что нынешний кризис — не только экономический, но и социальный, мировоззренческий, ценностной, религиозный и т. д., то это означает необходимость трансформации системы. Другое дело, что данная трансформация может проходить быстрыми катастрофическими путями (крах системы), это может быть и некая деформация, эволюция системы. Но в любом случае на выходе это будет другая система. И разные элементы, то есть разные цивилизации, разные мировые силы будут выходить из этого кризиса с разной динамикой и разными путями. При этом некоторые, наверное, придут к завершению своего цикла.

Отмечу, что сейчас мы говорим не об экономической, а о социальной системе, в основе которой лежат западные ценности — эгалитарный гуманизм, то есть идея о том, что, во-первых, человек стоит в центре всего, а во-вторых, все люди равны. С консервативной точки зрения, это бунт против Бога. И демократия, первоначально родившаяся как форма власти среди реально более или менее равных людей, эволюционировала в сторону того, чтобы признать формально равными реально неравных людей. И чем дальше она идет в этом развитии, тем больше входит в противоречие сама с собой. Очевид-

но, что подобная система работать не может, соответственно, появляется система преодоления этого псевдоравенства, т. е. имитация. Нужно сказать, что современная демократия дошла до высших форм этой имитации, она имитирует практически все, публичная политика сначала отделяется от реальной, а потом уничтожается вовсе. В итоге, как правильно говорит наш французский друг Ален де Бенуа, в современном обществе политики нет вообще. Оказалось, что эта система не способна реагировать на вызовы, при этом, как и советская система, она оказалась бессильной не только перед экономическими вызовами, но перед всеми вызовами вообще. Она дошла до такого состояния, что любой вызов вызывал в ней системный сбой.

Я вижу и сегодня колоссальные вызовы и угрозы, и считаю, что России надо готовиться к войне. Война может быть любая. Если мы подготовимся к войне хорошо, то может быть ее не будет. Кстати, это лучший вариант, который нас ждет. А если плохо, то она точно будет. Потому что не надо создавать иллюзий у потенциального противника, что с нами можно поговорить языком силы. Еще раз повторю то, что сказал Джордж Сорос, человек, который не является для меня ни идеологически, ни политически близким, он сказал, что нынешняя ситуация, кризис якобы, это вообще не кризис, это так щелчок по носу, означает одно: экономика, построенная на кредитной эмиссии доллара как основной резервной валюты, закончилась. О чем это говорит? — это говорит, что материальной основы американского доминирования мирового больше нет. Осталась основа силовая. И пусть меня кто-нибудь убедит в том, что люди, управляющие этой страной, не будут сублимировать отсутствие экономических рычагов силовыми. Вот в этом меня убедить невозможно. И их убедить невозможно.

Я не буду пересказывать либеральные концепции государства как ночного сторожа, будучи уверен, что в историческом плане настоящее государство нужно для того, чтобы выиграть войну во всех ее смыслах. Необязательно выигрывать ее на поле боя, напротив, когда ты строишь государство, у которого основная задача — выиграть войну, существует большая вероятность, что воевать не придется.

Но вернемся к нынешнему вызову — кризису, благодаря которому у нас появляется некий «чистый лист», возможность освобождения от той модели, которой, по большому счету, мы не так уж долго и увлекались. Ведь если мы возьмем нашу предыдущую, «красную» модель, то и ее, с одной стороны, можно считать самобытно русской и консервативной. Хотя, конечно, с другой стороны, она являлась имитационной моделью в самых примитивных формах. И вот сейчас у нас появилась возможность перейти к совершенно иной — консервативной общественной формации. Почему я считаю, что именно консервативный подход позитивен? Потому что, если мы считаем, что ничего не появляется ниоткуда, то все элементы этой конструкции есть в нашем прошлом. И выстраивать ее надо именно из этого прошлого.

Нужно сказать, что консерватизм всегда опирается на традицию, а традиция всегда национальна, она является тем корнем, из которого произрастает достаточно сложная политическая конструкция. Именно поэтому консерватизм в гораздо меньшей степени универсален, чем все остальные политические направления. С этой точки зрения, он очень слабо сводим к «левому» и «правому». Так, например, в западной политической традиции консерватизм чаще связан с правыми течениями, в отечественной же всегда было очень сильно социальное направление. На чем же вообще основывается консервативное мировоззрение? На мой взгляд, на том, чем человек отличается от животного: тем, что у него есть память и, что очень важно, есть свои мертвые. У животных мертвых нет, а у человеческого общества, в отличие от стаи, есть историческая память.

Другой очень важной чертой консервативного сознания является историчность мышления. То есть понимания, что все процессы имеют некий корень, могут изгибаться в своем историческом развитии, как ветка дерева, ветка же не может расти из ничего, она растет от корня. И откуда существует это дерево (данная конкретная цивилизация), у него есть корень. Когда мы говорим о русском консерватизме, то имеем в виду некий набор таких исторических ценностей, на основе которых формировалась наша цивилизация. В первую очередь, это религиозные ценности как самые базовые. С другой стороны, это геополитические ценности, которые в некотором роде являются производными ценностей религиозных, более того, как мне кажется, эти базовые ценности тесно взаимосвязаны друг с другом. Это — Православие и Империя. И здесь возникает вопрос консервативного отношения к государству. Что мы понимаем под государством? Какое нам нужно государство и зачем оно нужно?

Это — Империя. Что же такое Империя? Это — сакральное государство, само по себе являющееся одной из основных ценностей данного общества и задачей всех граждан которого является служение этому государству. Разумеется, при таком восприятии государства вся система институтов, принципы отбора элит и так далее, строятся по вполне определенному критерию — верности Империи.

Нужно заметить, что консерватизм тоже бывает разный. С одной стороны, существует чисто охранительный «победоносцевский» консерватизм, с другой, — то, что называется «консервативной революцией», когда, исходя из традиционных ценностей, выстраиваются совершенно новые институты. На мой взгляд, чисто охранительный консерватизм у нас не работает потому, что в нашей традиции есть вещи, которые связаны не только с непримиримыми логическими противоречиями, но и с непримиримыми физическими противоречиями (по причине непримиримости мировоззрений их носители привыкли убивать друг друга). Однако даже в наш Государственный гимн проникла идея сакральности государства: «Россия — священная наша

Держава». А ведь Государственный гимн является частью Основного закона. Так что можно смело говорить о том, что сакральное понимание государства является основополагающим обязательным актом.

И в заключение хотелось бы еще раз повторить, что имитационное, а следовательно, совершенно антиконсервативное по своему смыслу социальное строительство зашло в тупик. И, скажем прямо, я по большому счету не очень расстраиваюсь по поводу абсолютной бессодержательности нашей современной политики, поскольку ее возможности резко ограничены во времени. С исторической же точки зрения они уже закончились. И тот консервативный поворот, который нам предстоит сделать, крайне радикален. Но, к сожалению, для того, чтобы наибольшее количество людей, лояльно мотивированных к собственной стране в структурах власти, убедились в том, что у этого поворота нет альтернативы, нужно лбом удариться об стену. Да, конечно, это затратно. Да, мы тратим время и ресурсы, которые могли бы дать нам лучшие стартовые условия. Но, наверное, этого не избежать.

ВОЕННЫЙ ЛЕНИНГРАД

*Фотографии
Ленинграда
времен Великой
Отечественной
войны*

ПОЭЗИЯ

Николай РАЧКОВ

«ЗА НАШ ЛЮБИМЫЙ ЛЕНИНГРАД»

Николай Борисович Рачков — родился в 1941 году в селе Кирилловка Арзамасского района Горьковской области. Окончил историко-филологический факультет Горьковского пединститута. Автор многих поэтических книг. Секретарь Правления Союза писателей России, лауреат «Большой литературной премии России», Всероссийской премии имени А. Твардовского, премии «Ладога» им. А. Прокофьева. Живет в городе Тосно Ленинградской области.

ЕЩЕ РАЗ О ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ

А он для нас
есть праздник самый главный —
От южных
и до северных широт.
Но кто-то на салют
Победы славной
Презрительно
кривит в усмешке рот.

«Спасли Европу?
Вы в своем уме ли?..» —
И пишут,
и кричат наперебой,
Что воевать как надо не умели.
Не так дрались.
Не так ходили в бой.

Не так умели
утеплять землянки
И наступать из логова болот.
Зачем,
зачем бросались мы под танки
И всю грудь падали на дот?

Никак не переварят
нашу славу,
Вбивают в наш салют
за клином клин.
Зачем не сразу
взяли мы Варшаву?
Зачем поторопились
взять Берлин?

Да можно ль перечислить
поименно
Всех, кто легли
под братские холмы?!

А мы целуем красные знамена.
Враг был сильней.
Но победили мы.

ВЫСОТА

Рассказ старого сапера

На высоте — фашистский флаг.
Засел на ней надолго враг.
Бомбим — он залегает в норы.
Десяток сорвано атак, —

Ничем не взять ее никак...
Пускай берут ее саперы!

Что ж, со щитом иль на щите.
Мы на походей высоте
Тренировались то и дело.
Мы отрабатывали бег,
Пахали животами снег,
Да так, чтоб фляжка не гремела.

Той ночью, прикусив язык,
Ползли мы тихо, напрямик,
И жутко завязалась схватка.
От рукопашной враг отвык.
В траншее неудобен штык,
Куда сподручнее лопатка.

Мы сняли тех, кто на посту,
Кромсали крик и темноту,
И каски падали со звоном.
Кровь на руках и кровь во рту.
Мы взяли эту высоту
Одним саперным батальоном.

Хоть враг сильнее во много крат,
Рубили мы его подряд
В траншеях, блиндажах и дотах
За наш любимый Ленинград,
За целые полки солдат,
Что под Синявином лежат
До сей поры в глухих болотах...

ТИХВИН

Здесь лютый враг желал ступить пятою,
Чтоб не сияли в славе купола.
Но он не знал, что поступью святою
Здесь Божья Матерь некогда прошла.

И воздух не остыл от благодати.
У монастырских стен небесный вид.
И вот они пришли — чужие рати,
Вокруг чужое воинство стоит.

Открылась дверь Успенского собора,
Сверкнули очи грозные с икон.
И покатилась вспять паучья свора
Под орудийный гром со всех сторон.

Взметнулось столько и огня, и стали,
Что было ей уже не до побед...
Мы сдали Тихвин.
И немедля взяли.
Здесь тьма не одолела Божий свет.

ДЕНЬ СНЯТИЯ БЛОКАДЫ

Пылают огни на Ростральных колоннах,
И тени встают средь немых колоннад.
И кровь на простреленных красных знаменах
Горит негасимо,
Родной Ленинград!
И больше не будет блокадного хлеба,
И ран — ни осколочных, ни ножевых.
Все окна, все камни ликуют: Победа!
И тысячи мертвых глядят на живых.

БАЛЛАДА О ПРОПАВШЕМ БЕЗ ВЕСТИ

Моим землякам

Николаю и Любови Ананьевым посвящаю

Вдовья доля — былинка в поле,
Неуютна и солоня.
Не опишешь, какое горе
Принесла в каждый дом война.

Похоронка — страшной снаряда
И безжалостнее свинца.
Но ведь жить, но ведь жить-то надо! —
Дочки малые без отца...

Люба выстрадала немало,
Торопила года скорей.
Не заметила, как устала,
Замуж выдала дочерей.

Все прошло. Все — за грозной далью...
Но на юге не так давно
Побывала соседка Дарья.
Дарья стукнула вдруг в окно.

И пошла она, и запела:
Хошь хвали, мол, а хошь — ругай,
Но выходит такое дело,
Что живой он, твой Николай.

И находится, мол, не где-то,
А в Херсоне тридцатый год
Неприкаянный, неприметный,
Он при госпитале живет.

Дарья, кашлянув виновато,
Побожилась на свет икон,
Что видала сама солдата:
«Лопни глазоньки, Люба, — он!»

Люба плакала безутешно,
Двое суток не жизнь, а стон.
Собрала чемодан поспешно
И поехала в тот Херсон.

Заявилась к начальству прямо,
Не на встречу —
на грозный суд.
Если муж — по какому праву,
Почему и зачем он тут?

Доктор глянул на Любу, словно
Душу ей распахнул свою.

— Все, что знаю, Любовь Петровна,
Расскажу вам, не утаю.

Помнят жители, как с пригорка
По колонне танков врага
Била наша «тридцатьчетверка»,
Зажигая их, как стога.

Над колонной клубилась сажа,
Бой неравен был и жесток,
И остался от экипажа,
Окровавленный весь стрелок.

Сапожищами полицаи
Мяли тело, как лебеду,
Но в ответ: «Ничего не знаю...» —
Лишь одно повторял в бреду.

На спине прожигали кожу,
Вспухла кожа черней земли.
Как они ни пытали — все же
Ничего узнать не смогли.

Изощренно танкиста били,
Изловчались и так, и сяк.
Надоело.

Пулю — в затылок.
Тело выбросили в овраг.

Кто его подобрал — забыто.
Как он выжил — узнай поди.
Что за сила в солдате скрыта?!
Что за сердце в его груди?!

Убивали, да не убили,
Оказались они слабы,
Но вот память ему отбили,—
Даже имя свое забыл.

Тридцать лет — вот такие сроки —
Он при госпитале больной,
Неизвестный и одинокий,
Изуродованный войной...

Вы не первая... приходило
Ох как много сюда до вас... —
Люба слушала через силу
Невозможный этот рассказ.

Вся душа изошла слезами.
Все застыло у ней внутри.
«Вот сейчас он зайдет, — сказали, —
Повнимательнее смотри!»

Появился он на пороге,
Посмотрел из-под мертвых век.
Подкосились у Любы ноги,
Побелела она, как снег.

Правду, правду сказала Дарья!
Он!.. Глаза застилает мрак...
Он... Головушка вся седая...
Боже мой, постарел-то как!..

— Коля, — еле шепнули губы, —
Люба я, узнаешь, аль нет?..
Дорогой мой...
— Не знаю Любы, —
Шевельнул губами в ответ.

— Что ты, Коля? Ты вспомни, Коля!
Повнимательней погляди... —
Подошла она и от боли
Прислонилась к его груди.

И такая любовь и жалость
Душу Любину обожгли,
Ведь в сравнении с ним, казалось,
Беды все ее обошли.

Вот такой он пришел из боя.
Не увидел ее в дыму...
— Вы возьмете его с собою?
И сказала она: — Возьму!..

Я его отогрею дома,
Там у нас сейчас соловьи,
Под окошками — цвет черемух,
Там родные его, свои.

Палисадник наш огорожен,
И скамейка его жива.
Посидит он и вспомнит, может,
Позабывшие те слова.

С мужем вместе домой поеду,
Жить иначе я не смогу.
За любовь и за День Победы
Я навек перед ним в долгу...

МАЙОР

Он горькую пил, этот старый майор.
Блуждал где-то в прошлом израненный взор,
В том огненном пекле.
«Вторая ударная? Это кремьень.
Мы шли на прорыв то ли в ночь, то ли в день,
Не помню — ослепли.

Ослепли от взрывов фугасных и мин.
Плевали на Власова — сукин он сын.
Мы шли на погибель...»
Все ниже клонилась, сутулясь, спина.
Он бредил. И еле держал ордена
Изношенный китель.

Без усталости выкашивал дот.
Из той мясорубки, из шедших двухсот
Их вырвалось трое.
Их били свои по зубам и под дых.
«В штрафную! — кричал особист. — Всех троих,
Вот там все герои...»

Седой, как полынь, в ста смертях закален,
Гвардейский он вел на Берлин батальон.

Но нет горше темы:
«Постойте, на Сталина зла не держу.
Он вождь, и когда бы ослабил вожжу, —
Погибли бы все мы...»

Изведал наветов удушливый чад.
«За что ж меня власовцем люди кричат?
Мне так, братец, плохо...»

Какая война! И какая страна!
Какие сверкнули во мгле имена!
Какая эпоха!

ПОСЫЛКА

Он брал Берлин, он там горел в броне.
С тех пор не раз осыпалась калина.
Не до него, несчастного, стране.
И вот ему посылка из Берлина.

«Зачем?» — переспросил людей солдат.
И губы опалила сигарета.

«Носки. Белье. Тушенка. Шоколад.
Ведь вы давно не видели все это...»

И гневом исказился гордый лик.
Заплакал он
и в землю что есть силы
Ударил костылем, и в тот же миг
Зашевелились братские могилы.

* * *

«Гут!» — и хлопают нас по плечам.
«Молодцы!» —
 подпевают хоралы.
И фашистским уже палачам
Появляются мемориалы.

Тем, кто нагло шагал на Восток
По телам наших воинов павших,
Кто расстреливал, вешал и жег,
Кто насиловал девушек наших.

Утопившим в крови и во зле
Пол-России
в страданиях адских —
Им сиять на смоленской земле?!
Почивать на слезах ленинградских?!

Ничего не забыли холмы
И поля еще стонут от боли.
...Или разумом тронулись мы,
Или мы уж не русские, что ли?

* * *

Сияй, победная звезда!
Как много женщин на вокзале...
Шли поезда, шли поезда, —
О, как их с дрожью в сердце ждали.

Шли эшелоны, шли и шли
Сквозь всплеск встречающих селений.
О, этот май!.. О, как цвели
От слез ослепшие сирени...

ПОЭЗИЯ

Анатолий АВРУТИН

«...НО ДУХ ПРЕВЫШЕ ЗВЕЗД»

Анатолий Юрьевич Аврутин — главный редактор журнала «Немига литературная», член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств, лауреат литературной премии им. Симеона Полоцкого, в России известен по публикациям в «Литературной газете», в журналах «Москва», «Нева», «Наш современник», «Молодая гвардия» и многих других. **Живет в Минске, Беларусь.**

* * *

Все ничейно... Поля? — Вот те на...
А по-русски выходит «поляна».
И высокое слово «страна»
На две трети читается «рана».

Сердце Родины. Ширь да подзол,
Хоть в подзоле все чудится злое.
Это кто к нам с небес снизошел?
«Снизу шел»... Остальное — пустое...

Все рыдали княжны в теремах,
Расшивали рубacam рубаху.
Ох, Владимир ты свет Мономах,
Что ж преемники дали-то маху?

Сколько взгляд ни мечи из-под век —
Лишь устанут набрякшие веки,
А тут все не поймешь — «человек»:
О челе или, может, о веке?

Так вот, мучась, уйдем навсегда
В мир, где больше ни боли, ни бреда,
Помня — русское слово «беда»
Все ж две трети от слова «победа»...

* * *

И те, кто под крестом,
и те, кто на кресте —
Напрасно все же вы пустились
брат на брата.
Кто прав из вас теперь
в загробной темноте,
Зачем свои мечи
вы подняли когда-то?

Где все решает меч,
там правда ни при чем!
Когда в бою рука
становится десницей,
Прощают и казнят
единственно — мечом,
И брат мой дорогой,
и отрок бледнолицый.

А что не меч — то страх,
а что не страх — то меч,
Все остальное — тлен,
сгоревшее, пустое...

Нам нечего сказать,
нам некого беречь —
Последняя звезда
сгорела в травостое.

Но дух превыше звезд,
превыше плоти — дух,
Превыше высоты
и вечного молчанья.

С ним видит, кто не зряч,
с ним слышит тот, кто глух,

С ним кается,
кто век не верил в покаянье.

Пусть все вокруг — не то,
пусть мы давно не те,
Пусть слышим сквозь века
лишь окрики и стоны,
Чей дух в себе несем,
пока не на кресте?
Чью робкую мечту?..
Чей образ просветленный?..

* * *

Рука воевать не умела,
Но в пальцы вложили кинжал.
Он принял... Неловко, несмело...
Но пальцев уже не разжал.

И подняв с кинжалом десницу,
Сердечному зову назло,
Вдруг понял, что впредь не приснится
Былое его ремесло.

Потом, поклонясь пепелищу
На месте хатенки своей,

Почувствовал — больше не ищет
Душа его бранных путей.

Что он, хоть не стар, но не молод,
Ослабли и жилы, и пыл.
Попробовал взяться за молот,
Но как это делать — забыл...

И что ремеслом его было,
И кто его в жизнь отправлял?
И чья это воля вложила
В ладонь ненавистный кинжал?

* * *

Кромешную единственность твою
Осознаю — чем дальше, тем страшнее.
Все ближе край... Но только на краю
Душа — душевней, слезы — солонее...

Стою один у темного окна,
И не пойму — так что же это было?
Душа одна... И ты в душе одна...
Да в небе одинокое светило.

* * *

Мой прах — внутри... И пепел — тоже.
Снаружи — родинка и взгляд.
Да над бесчувственной кожей
Косые лучики парят.

Чего гадать таким апрелем,
Беззвучно схожим с ноябрем,
С кем ложе смертное разделим,
В чьих сновиденьях не умрем?

И не поймешь, в какую зиму
Насквозь пронзили холода.
И все в душе твоей пронзимо,
Что не исчезло без следа.

Во что душа моя прольется,
Остылый пепел вороша?
И что от праха остается,
Когда он больше — не душа.

* * *

Наверно, для чего-то надо,
Когда минувшего не жаль,
Вот эта робкая прохлада,
Вот эта тихая печаль.

И, прежде чем замкнуть дыханье,
Ты вдруг почувствуешь вдвойне

Вот эту жажду покаянья,
Вот эту тягу к белизне.

И, белизною разневолен,
Ты сможешь охнуть и уйти —
Без лжи... Без горечи... Без боли...
С одним сомнением в груди.

* * *

Впервые свет подобен свету —
За много беспросветных дней.
Еще не сбросив ношу эту,
Почти не думаю о ней.

И дух велит собственноручно
Сорвать с души зыбучий гнет,
И звук, нагрянувший беззвучно,
Озвучит вены и уйдет.

* * *

...И без того последняя черта
Отведена за новые пределы,
Где боль — не та, где бренность — суета,
Где Божий свет — подлесок поредель.

И можно не смотреть, а созерцать,
Как снова рок становится судьбиной,
Как Авель носит Каина печать,
Соединен с ним связью пуповинной.

Поленьев нет, но теплится очаг,
И ты, летучей бренностью подхвачен,
Прозрачность видишь в небе и в речах.
И сам летишь... И сам полупрозрачен...

ПОБЫВАЛИ, ЧТОБЫ ВЕРНУТЬСЯ...

*Поездка российских
писателей в Сирию.*

*Дамаск-Москва.
Март 2010 года*

Дипломатические отношения между Сирией и СССР были установлены в июле 1944 года, и с тех пор наши страны живут в мире и согласии. Сохраняет свой юридический статус Договор о дружбе и сотрудничестве, заключенный в 1980 году и 30-летие которого не грех отметить в этом году. Советский Союз поддерживал Сирию в противостоянии Израилю в июне 1967 и октябре 1973 гг., предоставлял неоценимую помощь в оснащении сирийской армии современной боевой техникой и подготовке военных кадров. При финансовом, экономическом и техническом содействии СССР было сооружено более 80 крупнейших объектов народного хозяйства Сирии. В том числе: Ефратский гидротехнический комплекс, гидроузел «Аль-Баас», ТЭС «Тишрин», проложено коло 2 тыс. км. железных дорог и около 4 тыс. км. линий электропередач.

Несмотря на то, что в 90-е — 2000-е годы уровень торгово-экономического, военно-технического, культурного и других видов межгосударственных отношений между Россией и Сирией серьезно понизился, сирийский народ по-прежнему видит в России ту реальную силу, которая может повлиять на достижение всеобъемлющего и справедливого мира на Ближнем Востоке.

Тысячи сирийцев являются выпускниками советских и российских ВУЗов. У многих из них русские жены и русскоговорящие дети и внуки. В любой библиотеке Сирии вы и сегодня найдете переведенные на арабский язык произведения лучших представителей русской и советской словесности: Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Тургенева, Толстого, Шолохова, Гамзатова, Айтматова, Бондарева и других.

Сирийцы хорошо помнят, как многие годы в их страну приезжали

театральные и фольклорные коллективы из различных регионов СССР и России. Интенсивно работали представители Минвуза, которые отбирали сотни талантливых сирийских юношей и девушек на учебу в наши лучшие институты и университеты, десятки российских археологов, историков, арабистов стажировались в сирийских университетах. Несмотря на трудные времена, которые переживали Россия и Сирия, контакты на подобном уровне не были в диковинку еще какие-то 5-6 лет назад.

Геннадий Иванов

Иванова, секретаря Правления, главного редактора литературно-художественного журнала «Родная Ладога», поэта Андрея Реброва и публициста, профессора-востоковеда Владимира Ясенева.

И вот теперь многое предстоит начинать заново. Строить новое современное здание наших культурных отношений, в том числе и на уровне Союзов писателей России и Сирии. На таком фоне в начале марта с.г. в Сирию прибыла делегация Союза писателей России в составе первого секретаря Правления поэта Геннадия

Изначально этот визит планировался как ознакомительный, как рекогносцировка, то есть личная разведка, после почти 6 лет полного затишья в отношениях между писательскими организациями наших стран.

Он так и начался. Прилет в Дамаск ночным рейсом из Москвы. Небывало холодная и дождливая для Сирии погода в разгар весны. Всего 7 градусов тепла. Но души писателей согревало желание сразу же после размещения в гостинице направиться в сторону горной гряды Каламон и соприкоснуться с древними православными святынями в монастырях — Сейд-найской Божьей Матери, Шерубим и Святой Феклы.

Через полтора часа пути они были уже в Маалюле, горном селении, где до сих пор проживают люди, которые говорят на сирьякском диалекте арамейского языка — языка Господа Иисуса Христа. «Маалюля» — слово арамейское и означает в переводе «вход». Горная долина, где находится селение и вход в нее, связаны с именем ученицы Апостола Павла Святой Феклы. Спасаясь от преследования римских солдат, которые получили приказ ее собственного отца убить Феклу, как отступницу, бедная девушка воззвала к Богу, прося у него помощи. Господь разверз гору и дал ей возможность уйти от преследователей. Позднее Фекла поселилась в одной из пещер в начале ущелья, где предавалась молитвам и врачеванию безнадежно больных людей. Она прожила в Маалюле почти 50 лет и скончалась в конце I века нашей эры. В часовню в пещере, где покоятся ее мощи, по сей день приходит много посетителей, причем не только православных, но и мусульман. Как сообщила писателям настоятельница монастыря мать Пелагея, каждый день одних только шиитских паломников из Ирана в Маалюлю приезжает не менее 6 «Пульманов». Растет поток паломников из России.

Святая Фекла продолжает помогать людям. Больные и калеки оставляют порой свои костыли и протезы у ее гроба. Не иссякает и целебный источник, из которого когда-то пила Святая Фекла.

Матушка Пелагея тепло приняла российскую делегацию. Угостила чаем и сладостями, приготовленными руками монахинь и девочек-сирот из приюта при монастыре. С особой теплотой мать Пелагея вспоминала свои нечастые приезды в Россию, незабываемые встречи и беседы с покойным Патриархом Алексием II. Прощаясь, игуменья благословила каждого из писателей: «Чувствуйте себя как дома».

Дальше путь лежал в Шерубим — монастырь, который располагается на высоте 2011 метров и является одним из самых древних на сирийской земле. Монастырь Херувимов (Шерубим переводится с арамейского как Херувимы) был построен в IV веке н.э. После покорения Сирии мусульманами в VII веке монастырь был покинут монахами и пришел в запустение. Только спустя 13 веков (в 1982 г.) началось его восстановление. Сейчас на пожертвования русских меценатов монастырь полностью восстановлен. На высокой скале неподалеку от монастырской церкви Святого Георгия уже подготовлен постамент, на который в скором времени будет воздвигнута самая большая в мире статуя Христа Спасителя, которая будет видна с расстояния до 100 км. Отсюда, возможно, произошло название монастыря (монастырь Херувимов), ибо, считается, что люди, которые здесь оказываются, чувствуют себя также близко к небу и видят также далеко, как ангелы и херувимы.

Вокруг монастыря еще лежал довольно толстый слой снега и дул совсем не южный ветер. Заметив гостей, дежурный монах пригласил их в трапезную и угостил душистой монастырской яблочной водкой, посетовав на то, что урожай с нескольких сотен яблонь с каждым годом становится все больше и больше, но рук, которые могут его убрать, не хватает. Гости отшутились и пообещали, что писатели из России будут каждый год приезжать на уборку урожая в монастырских садах. В ответ получили благословение и небольшие конвертики с иконками и ладаном.

Теперь путь предстоял вниз, где на склонах скалистого холма находится знаменитый Православный монастырь Сейднайской Божьей Матери. Первой настоятельницей монастыря в середине VI в.н.э. была сестра императора Юстиниана. В серебряном ларце за металлической решеткой в маленькой часовне монастыря хранится чудотворная икона с изображением Богородицы с Младенцем. Икону (по-местному: «Шахура» — знаменитая) никому не показывают. Гостям из России было дозволено лишь приложиться к дверце ларца. Над входом в часовню приведено изречение из Библии (Исход 3:5), напоминающее о завете, забываемом христианами, но повседневно используемом мусульманами: «И сказал Бог... сними обувь твою с ног твоих; ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая». Часовня увешана дарами верующих из серебра и золота, изображающими части тела, исцеленные Богородицей («Шахура» исцеляет от бесплодия, глазных заболеваний, других болезней). Одна из дарованных «русских икон», по утверждению монастырских сестер, плачет кровавыми слезами, предвещая войны и катастрофы. Так было, например, в начале июня 1967 года, накануне арабо-израильской войны.

Гостей приняла настоятельница монастыря матушка Кристина, которая рассказала, что чудотворная икона написана рукой самого Евангелиста

Сирия. Окрестности Дамаска

монастыре обитают 30 монахинь и 40 девочек-сирот. Получив благословение от матери Кристины, воодушевленные и вдохновленные, как будто не было бессонной ночи в самолете и многочасовых разбегов по горам, писатели вернулись в Дамаск.

Еще сегодня предстояло через знаменитую Дамасскую «трубу» — базар Хамидийя попасть в мечеть Омейядов («Джамна аль-Омауи»). До начала вечерней молитвы в мечети оставалось более получаса. Охранник, удовлетворенный сообщением о том, что перед ним русские писатели, разрешил пройти в мечеть без обязательных для всех иностранцев входных билетов.

Три тысячи лет назад на месте этой мечети находилось святилище верховного Бога арамейцев, громовержца Хаддада; затем римляне построили здесь же храм Юпитера Дамасского; в конце IV века византийский император Феодосий построил на этом месте собор Святого Захарии, переименованный затем в собор Иоанна Крестителя. В 708 году нашей эры халиф Валид перестроил собор в мечеть, которая по красоте не знает себе равных среди мечетей мусульманского мира. Мусульмане объявили мечеть Омейядов святыней и относят ее к одному из чудес света. Считается, что мечеть Омейядов — первая мечеть, где возведены минареты. Самый высокий и внушительный минарет носит имя Исы, т.е. Господа Иисуса Христа. Он построен в 1340 году на фундаменте башни, существовавшей во времена храма Юпитера Дамасского. По преданию, Иисус Христос спустится на землю по этому минарету накануне Страшного суда. В Восточной части мечети Омейядов находится часовня, покрытая куполом. В ней покоится голова святого Иоанна Крестителя, найденная в 705 году в одном из подземных склепов. Это святое место одинаково почитается как христианами, так и мусульманами.

Сирия — страна, где много веков мирно уживаются и сосуществуют представители разных религий. Сунниты, шииты, алавиты, друзы, православные, несториане, яковиты, армяно-григориане, марониты, униаты, католики, протестанты, иудеи, езиды. «Все они — дети одной семьи. Причем дети, одинаково и горячо любимые» — эти слова верховного муфтия Сирии доктора Ахмада Бадрэддина Хассуна стали важным уроком, который был извлечен писателями из поездки в Сирию. Веротерпимость прививается сирийцам со школьной скамьи, здесь практически отсутствует конфликтность на религиозной почве.

та Луки, что во времена крестовых походов крестоносцы отправляли мирро, которым сочилась икона, в церкви Европы, что сестра правителя Сирии и Египта Салах эд-Дина приезжала сюда и привозила дары, что по количеству паломников монастырь является самым посещаемым на Ближнем Востоке, причем не только православными христианами, но также мусульманами и друзьями. В

Впереди писателей ждал долгий восточный вечер. Закончить первый день пребывания в Дамаске предстояло на священной горе Касьюн. По преданию, под этой священной горой жили Адам и Ева. Гору посещали и молились в ее пещерах Господь Иисус Христос (Иса), библейские отцы — Авраам (Ибрагим), Моисей (Муса), Иов (Айюб), Яков (Якуб), Илья (Ильяс)... Здесь в пещере «магарат дамм» (пещера крови) было совершено первое убийство в истории рода человеческого: Каин убил своего брата Авеля. И когда злодеяние свершилось, скала, в которой вырублена пещера, вскрикнула от ужаса. Она хотела обрушиться на убийцу, но архангел Гавриил (Джабраил), спустившись с небес, удержал ее своды, посчитав, что это слишком легкая расплата для убийцы. На потолке пещеры — отпечатки пяти пальцев Гавриила. Рядом со сводами пещеры сочится каплями вода: это скала оплакивает Авеля.

Лучше всего Дамаск виден со смотровой площадки Касьюна (1149 м.). В эту ночь Дамаск засыпал, переливаясь мириадами огней, чтобы уже через несколько часов пробудиться и вновь окунуться в свой непрерывный жизненный водоворот.

Вернувшись поздно за полночь в гостиницу, писатели обнаружили сообщение о том, что завтра утром у них состоятся две важные официальные встречи: первая — в Союзе арабских писателей; вторая — в Национальном Руководстве правящей партии арабского социалистического возрождения.

Неофициальная поездка стала переформатировываться в официальный визит делегации Союза писателей России. В 9 утра в холле гостиницы «Дидиман» уже находились протоколыщики, которые проинформировали гостей из России о предстоящих встречах. В соответствии с местным протоколом писателей рассадили по машинам и повезли в район Меззе, где располагается штаб-квартира Союза арабских писателей Сирии. Состоялась обстоятельная беседа с членами Руководства Союза писателей и ее Председателем профессором Хусейном Джума. Из беседы российские писатели узнали о том большом внимании, которое уделяет Руководство Сирии и Президент доктор Башар Аль-Асад работе Союза. Каждый из примерно 1200 членов Союза арабских писателей ощущает постоянную заботу и материальную поддержку Союза. Союз издает еженедельную газету «Адабий» («Литератор»), почти десяток ежемесячных и ежеквартальных журналов, более ста книг прозы и поэзии в год. Сирийские коллеги предложили гостям восстановить отношения между Союзами в полном объеме и подписать соответствующее соглашение, где предусматривалась бы возможность возобновления ежегодного обмена делегациями, издание лучших произведений писателей России на арабском, а писателей Сирии — на русском языках.

Ближе к полудню состоялась встреча с заместителем Генерального Секретаря партии БААС тов. Абдуллой Аль-Ахмаром (товарищами баасисты называют тех, чей партийный стаж составляет 25 и более лет). В ходе беседы сирийский руководитель подробно проанализировал роль деятелей культуры и писателей в служении идеям гуманизма и прогресса. Он особо указал на важность роли писателей в защите прав народов и противостоянии гегемонизму, расизму, войнам, а также их ответственность за обеспечение мира и безопасности в мире. Он также призвал Союз писателей России через творчество своих членов более активно знакомить народы России и особенно подрастающее поколение с проблемами арабских стран, с тяжелой

На встрече с сирийскими писателями

ры с Руководством Союза арабских писателей Сирии были продолжены в г. Даммур.

Во всех вечерних телевизионных программах новостей на арабском и английском языках о визите российских писателей информировали, как об одной из главных новостей дня.

Утром третьего дня пребывания в Сирии наших писателей ждал еще один сюрприз: все центральные сирийские газеты «Аль Баас», «Тишрин», «Ас-Саура» и др. поместили фотоотчеты и подробные сообщения о содержании проведенных накануне бесед и встреч. Результат телерепортажей и газетных публикаций не заставил себя долго ждать. Членов делегации стали узнавать на улицах Дамаска и приветствовать гостеприимные жители этого великого города.

В последний день пребывания в Сирии состоялись переговоры с Директором РКЦ (Российского Культурного Центра) А. С. Сарымовым. Александр Сергеевич — блестящий арабист, тонкий знаток Сирии, проработавший здесь в 80-90-ые годы почти полтора десятка лет, встретил писателей как старых добрых друзей. Он недавно вернулся в Сирию после 10-летнего отсутствия и тоже активно включился в «восстановительную» работу. В тот день он был озабочен необходимостью завершения подготовки содержательной части визита в Сирию бывшего советского посла в этой стране, а ныне члена Совета Федерации А. С. Дзасохова. Цель его приезда — возрождение Общества российско-сирийской дружбы.

Четыре дня в Сирии пронеслись как один день. Здесь было все очень душевно и комфортно, а по-человечески очень тепло и легко. Писатели покидали Сирию с ощущением того, что побывали на древней земле своих далеких-далеких предков и новых верных и испытанных друзей.

Побывали, чтобы вернуться!

долей народов Палестины, Ирака, оккупированного Голана. Он подчеркнул, что это просьба не только к российским писателям и поэтам, но ко всем российским деятелям культуры: артистам театра и кино, художникам, режиссерам, сценаристам и др. Абдулла аль-Ахмар призвал активизировать все формы сотрудничества не только между Союзами писателей, но также между всеми творческими союзами наших стран. перегово-

В. В. Романов

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Дмитрий РОГОЗИН

«ЧТОБ НАШЕМУ РОДУ НЕ БЫЛО ПЕРЕВОДУ»

Дмитрий Олегович Rogozin — родился в 1963 г. в Москве. В 1986 году окончил международное отделение факультета журналистики МГУ. В 1993 г. создал и возглавил движение «Конгресс русских общин». В последующие годы активно занимался защитой прав соотечественников в Прибалтике, Югославии, странах СНГ. Неоднократно избирался депутатом, был заместителем председателя Госдумы, руководителем фракции и партии «Родина». Добился беспрецедентных уступок со стороны ЕС. В 2008 году указом Президента назначен на пост постоянного представителя России в НАТО. Член Совета по внешней и оборонной политике. Доктор философских наук. **Живет в Москве.**

В 1996 году в Московском государственном университете (МГУ) я начал работать над своей первой диссертацией — на соискание ученой степени кандидата философских наук. Выбрал название темы: «Русский вопрос и его влияние на национальную и международную безопасность». Обложился книгами, набрался свежих впечатлений и начал писать. И тут же столкнулся с практически неразрешимой для меня в то время загадкой: что важнее в деле национального возрождения — дух или «тело» нации?

На примере чеченской войны я видел, как катастрофа, затронувшая чеченцев и русских, одних приводила к буму рождаемости, а других повергала в шок, уныние и вызывала демографический спад. Можно ли вырастить в угасшем в своей вере человеке национальную идею, превратить ее в знамя национального возрождения, если сама русская нация тает по миллиону человек в год? Способны ли русские научиться рожать вне осознания себя единой нацией? И что важнее с точки зрения улучшения демографической ситуации в России: деньги — фактор материального стимулирования, или идея, внушение, воспитание уважения к здоровой и многодетной семье?

На самом деле никакой демографической проблемы в России нет. В России — демографическая катастрофа. Раскол страны, упадок морали, семьи, национального производства, всего, что составляет суть общественной жизни нации, вызвал самую мрачную реакцию народа. Нация «бедных людей» ответила смутному времени небывалым упадком новых рождений, нежеланием граждан России продолжать свой род; беспрецедентной смертностью, перекрывающей показатели военных

лет; бегством людей с севера и востока страны в ее западные и срединные регионы, ближе к основным хозяйственным артериям и мегаполисам. Это привело к оголению стратегически важных территорий, которые Россия заселяла с большими затратами в течение многих столетий.

Вот почему одной из важнейших задач патриотического движения является выдвижение национальной идеи, подлинного и главного национального проекта — «Сбережение, преумножение и развитие нации в едином и сплоченном государстве». В основе этого патриотического проекта лежит глубокий аналитический доклад, подготовленный по моей просьбе группой молодых талантливых ученых¹. Отрадно, что идеи нашего доклада стали основой выступления В.Путина перед Федеральным Собранием России весной 2006 года с изложением президентской программы поддержки рождаемости.

Успех этого проекта зависит от нашей готовности немедленно приступить к решению трех важнейших национальных задач.

Первая — преодолеть демографический провал, стимулировать рождаемость в здоровых и крепких семьях и — одновременно — побороть сверхсмертность. Надо избавить нацию от «русского креста» (так принято называть феномен пересечения кривых стремительно падающей рождаемости и растущей смертности). В таком огромном и богатом государстве, как Россия должно жить 500 миллионов русских и никак не меньше.

Вторая — репатриировать соотечественников из Прибалтики и стран СНГ и заново «колонизировать», освоить Сибирь и Дальний Восток.

Третья — навести элементарный порядок в миграционной политике, выдавить из России нежелательных мигрантов и этническую мафию.

Что может быть важнее права нации на существование? По прогнозам Отдела народонаселения Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, с 2009 по 2020 год население России сократится на 9-10 миллионов человек, а к 2050 году оно уменьшится от 112 до 92 миллионов человек. И это обязательно произойдет в случае, если не принять срочных и масштабных мер.

Качество роста России как цивилизации должно определяться удвоением в течение ближайших 10 лет коэффициента рождаемости. У одной здоровой семейной пары в России должно рождаться вдвое больше детей, чем сегодня. Иными словами, среди граждан, принадлежащих «среднему классу», а, значит, способных воспитать здоровое потомство, должна сформироваться массовая мода на трехдетную семью.

Государство может и должно поставить такую задачу, — побудить семейные пары к рождению нескольких детей. В среднесрочной перспективе это хотя бы отчасти компенсирует проблему нехватки людских ресурсов. Сегодня как минимум 17 миллионов женщин в России находятся в возрасте, благоприятном для рождения детей. Даже половина этого контингента потенциальных рожениц, если они решатся завести еще двоих детей, уже способна произвести на свет 17 миллионов новых жизней.

¹ Авторы доклада: философ Виталий Аверьянов, независимый системный аналитик Вениамин Башлачев, профессор МГУ Андрей Кобяков, автор «Демографической доктрины» Юрий Крупнов, доктор политических наук Андрей Савельев, публицист Сергей Бутин.

Другая сторона такой разумной политики — собирание людей, сосредоточение человеческих ресурсов и перспективных проектов в стратегически важных регионах, на главных «магистральных» направлениях развития. Нация не должна оставлять другим свои кладовые, северные и таежные богатства. Напротив, как и в лучшие времена, надо направить туда самые свежие, самые здоровые силы нации. Мощь государства не в столице и других разбухающих мегаполисах, не в превращении страны в бесконечный «восточный базар», а в создании жесткого городского каркаса, сети малых «усадебных» городков, новых экономических очагов, особенно значимых в Западной Сибири, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

Сибирь и Тихий океан — это будущее России. Наше поколение обязано остановить бегство русских из своего будущего. Это бегство оголяет Сибирь и наше тихоокеанское побережье перед угрозой наводнения России вредными и чуждыми ей иммигрантами.

Задача воспроизводства нации — это сейчас вопрос номер один в политической повестке России. Без ее решения все остальные проекты, призванные улучшать жизнь нации, просто теряют смысл.

Уничтожение «лишних» людей (в частности, путем абортов, контрацепции и стерилизации) интенсивнее всего осуществляется в тех странах, ослабление которых выгодно мировой олигархии. Вместо пропаганды материнского и отцовского счастья в СМИ обсуждаются дороговизна рождения и воспитания, сложности получения образования и подобные проблемы. В последние 15 лет во многих женских консультациях и кабинетах гинекологии упорно отговаривали женщин рожать, рекомендовали аборт, пугали зачастую надуманными медицинскими осложнениями. Все эти годы в стране действуют многочисленные финансируемые из-за рубежа «неправительственные организации», которые специализируются (многие из них — в глобальном масштабе) именно на ограничении рождаемости. Их несколько сотен по всей стране, и больше всего эти «центры планирования семьи» полюбили наши вымирающие регионы — Сибирь, Дальний Восток, Нечерноземье.

В целом их задачи не вызывают нареканий: борьба со СПИДом, венерическими заболеваниями, пропаганда контрацепции, охрана материнского здоровья. Вот только результаты получаются какие-то странные. По-прежнему в России на 10 беременностей приходится 7 абортов. За последние 13 лет заболеваемость сифилисом на Дальнем Востоке увеличилась в 150—200 раз, а больных СПИДом стало в 4 раза больше. Зато продажа презервативов возросла в пять раз, правда, количество детей сократилось на 3,7 миллиона и продолжает уменьшаться.

Примерно такими же «успехами» у нас могут похвастаться государственные учреждения, специализирующиеся на борьбе с наркоманией. Так, если в 2004 году в России от передозировки наркотиками умерло около 70 тысяч человек, то в 2005 эта цифра достигла 100 (!) тысяч смертей, в подавляющем большинстве — молодых.

Если человеку долго внушать, что рожать детей вредно, и что ресурсов на планете осталось очень мало, то, поддавшись магии больших чисел и статистики, он может в это поверить: ведь сам он этого не способен ни видеть, ни осязать. Но тот же человек не может не заметить, что в его обществе преобладают старики, становится все меньше детей, происходит бурная

иммиграция «чужаков», захватывающих жизненное пространство, а вместе с этим размывается привычная культурная среда. Однако, когда человек все это явственно почувствует — будет уже поздно. Поэтому вырождение европейской цивилизации, ее нежелание и неспособность плодиться и размножаться — не заслуга ее, а беда.

Нам как нации необходимо откреститься от этой «чумы белого человечества» и выбрести на свой путь демографического развития. Ведь если и есть какое-то рациональное зерно в идеологии ограничения рождаемости, то оно — не для России, не для ее коренных народов. Может быть, для Китая, Индии, Пакистана, регионов с высокой рождаемостью и острым дефицитом питьевой воды, но не для нас!

При дальнейшем нарастании негативных тенденций в рождаемости и смертности, численность экономически активного населения в России в ближайшие 10 лет уменьшится на 10,6 миллионов человек. Таким образом, дефицит трудовых ресурсов в России станет непреодолимым препятствием для возвращения в сообщество экономически развитых стран. В СССР многие народнохозяйственные задачи быстро решали за счет многочисленных поколений молодежи: направляя человеческие потоки в нужные сферы, регулируя количество мест в учебных заведениях, организуя курсы повышения квалификации и переквалификации. Но если молодых людей не хватает — ни директивные методы, ни рыночные механизмы не способны справиться с экономическими проблемами.

Однако, могут ли аргументы развития национальной экономики и обеспечения безопасности России убедить конкретную семейную пару обзавестись тремя-четырьмя детьми? Скорее всего, нет. Никто не станет рожать «ради спасения страны», — спасения абстрактного, провозглашаемого учеными и политиками, и высмеиваемого многочисленными борзописцами.

Спасение страны должно быть неотделимо от личного человеческого проекта — очевидного для каждого. Если государство разработает и проведет в жизнь меры, которые помогут решить проблемы демографии, оно создаст почву для решения и экономических проблем, и проблем безопасности. На основании таких мер, понятных гражданину, можно задействовать уже и идеологические аргументы, создавать моду на многодетность, осуждать бездетность.

Небывалый демографический коллапс начала 90-х годов произошел в России не вдруг. Он был подготовлен предшествующими годами нашей истории. Очень важно определить, где главный корень беды. Многие демографы утверждают, что он в «шоке смертности», испытанном населением России в 1992-1995 годах и не менее остро ощущаемом до сих пор. Смутное время можно назвать «стрессом» для нации — оно отняло у миллионов наших сограждан по несколько лет жизни. Однако это несопоставимо с потерями нации от неродившихся в эту эпоху людей.

В 2000-е годы рождаемость немного выросла, хотя смертность сохраняет негативную динамику. В результате мы так и продолжаем нести свой «русский крест», о котором стали говорить, когда кривая сверхсмертности пересекла кривую, отражающую небывалый спад рождаемости. По официальным данным ежегодная убыль населения в последние годы колеблется около цифры в 800-900 тысяч человек. Всего за последние 13 лет население России сократилось более чем на 11 млн. граждан. За одну минуту в нашей

стране рождается три человека, а умирает четыре. Тогда как в Китае за ту же минуту рождается 38, умирает 16, в США, соответственно, 8 и 4.

При этом цифры обобщенной статистики не отражают всей полноты демографических потерь, поскольку истинный размах вымирания России частично маскируется иммигрантами. Если же власть «амнистирует» несколько миллионов иностранных граждан, которые нелегально живут и работают в России — то официальная статистика сможет отапортовать о демографическом росте.

Коснувшись вопроса демографической катастрофы, я не могу не высказаться по такой больной теме как массовое производство абортотворения. Россия занимает второе место в мире по количеству таких операций. Если в Бельгии выполняется 7, в Германии — 8, то в России — 63 аборта на тысячу женщин в возрасте от 15 до 45 лет. Сейчас аборты в России — бесплатная медицинская «услуга». Попытки моих коллег по фракции «Родина» поставить вопрос об отказе государства финансировать аборты, уничтожающие миллионы зарождающихся русских жизней, натолкнулись на резкое противодействие бюрократии.

Введения косвенных мер стимулирования женщин к сохранению беременности вроде «родового сертификата» или «демографического ваучера», оцененного в 250 тысяч рублей, — явно недостаточно. Нужно ликвидировать преступное государственное финансирование прерывания беременности и ввести уголовную ответственность за прерывание беременности против воли женщины, за принуждение к аборту, за предоставление материалов для самоаборта. Ведь ежегодно с помощью абортов уничтожается по разным оценкам от 2 до 3,5 миллионов детей, что сопоставимо с крупномасштабной войной. Ужасают даже не сами эти огромные цифры, а их соотношение с количеством новорожденных — на одного нового гражданина России приходится вдвое больше убитых в эмбриональном состоянии. Сохранение государственного финансирования абортов означает, что каждый российский налогоплательщик оплачивает убийство нерожденных детей. Это в высшей степени аморально и преступно.

Аборты нужно прекратить не одним волевым усилием власти, а общей нравственной волей. Для этого перед официальным введением «моратория на аборты» должна быть проведена массированная общественно-государственная информационная кампания против абортов, в том числе в телевизионных СМИ. Здесь требуется не дискуссия, а именно официальная пропаганда.

Сущность аборта глубоко отвратительна. Она должна быть раскрыта перед всей нацией. Нужно стремиться пробудить в молодежи родительский инстинкт, заложенный в человеке от природы. Ведь увидев внутриутробное развитие малыша на экране, очень многие решат для себя никогда не убивать зарождающуюся ими жизнь. В то же время нужно найти методы поощрения врачей, спасающих жизнь не рожденному ребенку.

В самом обществе, к счастью, в том числе благодаря усилиям Русской Православной Церкви, объективно формируется негативное отношение к абортотворению. Частота абортов за последние 15 лет снизилась в два раза. Россия вернется к традиционному пониманию аборта как тяжкого греха, когда это узаконенное детоубийство будет запрещено по всем показателям, кроме

медицинских и моральных (например, беременность в результате изнасилования), на любом сроке.

Любопытное историческое свидетельство в пользу запрета аборта приводит в журнале «Русский дом» писатель Юрий Воробьевский:

На конференции акушеров-гинекологов известный французский специалист Жером Лежен обратился к коллегам с вопросом: «Что бы вы, уважаемые коллеги, предприняли в данном случае? Один ребенок в семье родился слепым, другой — глухим, третий — болен туберкулезом. Сама мать тоже больна туберкулезом, и она снова беременна...»

Коллеги в один голос возмущенно выдохнули: «Аборт!»

Тогда Жером Лежен произнес: «Ребенком, который родился от такой беременности, был Людвиг Ван Бетховен»...

Кстати, запрет на искусственное прерывание беременности соответствует полной, а не отредактированной нашим Минздравом версии клятвы Гиппократов, которую принимает на себя каждый молодой врач: «не вручу никакой женщине абортивного пессария». Запрет на аборт, если общество воспримет справедливость принятых мер, желательно было бы также закрепить в фундаментальных законах России.

Если наши «либералы» опять поднимут визг о «наступлении реакции», пусть обратят взоры на своего бывшего американского хозяина — Джорджа Буша-младшего, применившего строгие меры по ограничению абортов. Пожалуй, это единственное разумное и полезное дело, что сделал этот человек за время своего пребывания у власти. В России же тема «защиты жизни» является пока откровенно маргинальной, а ее нравственный аспект осознается лишь воцерковленной аудиторией. Задача представителей традиционных религий России — перейти в светских СМИ и образовательных учреждениях в освещении данной темы к информационному наступлению.

Всегда, во все времена при зарождении новой жизни природа допускает до пяти процентов генетического «брака». В былые времена многие дефектные и больные дети гибли в младенчестве и детстве, а здоровые и сильные — выживали и подрастали.

«Здравоохранение массовых абортов» перевернуло все с ног на голову: большинство здоровых и сильных зарождаемых детей гибнет в утробе матери, а слабые и больные дети — выживают благодаря выросшему качеству медицины. В результате такого «здравоохранения» с 1960-х годов русский генофонд стал катастрофически ухудшаться.

Гинекологи отмечают тяжелые патологии детородной функции у молодых женщин. Нормальных родов сейчас менее 30 процентов. Из родившихся детей более половины — больны. Медицинские комиссии военкоматов отмечают: до трети призывников не годны к военной службе.

Что, возможно, еще хуже — нация вырождается не только количественно, но и качественно, производя на свет все больше физически и умственно отсталых детей. При этом в погоне за дополнительным государственным финансированием, которое было начато президентом Владимиром Путиным в 2006 году, общеобразовательные школы пытаются всеми правдами и неправдами сохранить в классах как можно больше учеников, прежде всего, за счет умственно и психически отсталых детей, которых необходимо

отправлять в специализированные коррекционные детские учреждения. К чему приводит многолетнее соседство за одной партой здорового ребенка с умственно отсталым подростком, догадаться нетрудно.

Теснейшим образом с демографической катастрофой связана проблема безнадзорных детей. По официальной статистике их у нас — 700 тысяч, по неофициальным данным — четыре миллиона детей, т.е. каждый девятый ребенок. Причем большая их часть — социальные сироты — дети, от которых отказались живые родители. Брошенные дети становятся легкой добычей преступности — более миллиона несовершеннолетних задерживается за правонарушения, 11 тысяч осуждены и отбывают наказание в колониях для малолетних преступников.

Вторая сторона депопуляции России — сверхсмертность. Ежегодно у нас умирает 2 миллиона 300 тысяч человек. Мы также занимаем первое место в мире по количеству самоубийств — 40 человек на сто тысяч жителей. Это в три раза больше, чем в среднем по миру.

Что касается продолжительности жизни мужчины в России, то за последние годы она резко сократилась и сейчас составляет неполные 59 лет — ниже, чем в Египте и Боливии. Для сравнения: в Японии этот показатель составляет — 77,3, в Швеции — 77, в Великобритании — 75, во Франции — 74,5, в Германии — 74,4, в США — 74.

При этом следует иметь в виду, что в конце 1960-х годов в Советском Союзе благодаря развитию медицины продолжительность жизни увеличивалась. Она была сопоставима с показателями ведущих западных стран. Люди видели перспективу своей страны, которую так дружно высмеивали пародисты и журналисты времен Перестройки, у них была уверенность в завтрашнем дне.

На самом деле даже приведенные мной цифры мало о чем говорят. Ведь трагизм нашей ситуации состоит даже не в том, что наши старики не живут долго, а в том, сколько людей не доживает до старости, сколько умирает трудоспособных мужчин, у которых от отсутствия перспектив и надежд в буквальном смысле разрывается сердце. Для практикующих врачей не секрет, что сверхсмертность среди людей среднего и зрелого возраста вызвана депрессией и чувством безысходности. Реформаторы, создавшие чудовищный разрыв в уровне доходов, вытеснили эти поколения на обочину жизни, дав его представителям понять, что они — просто неудачники, не сумевшие сориентироваться в эпоху «всеобщего обогащения».

Среди молодежи смертность, также очень высокая, связана с другими факторами: умирают в первую очередь от передозировки наркотиков и хронических болезней, обострившихся в связи с наркоманией. Умные таможенники и милиция в один голос твердят, что нужно жестко ограничить миграционный поток, с которым поступает героин из Таджикистана в Россию. Но наши «либералы», как будто нарочно, вводят безвизовый режим для Таджикистана... Поразительно обоснование этого решения: «Чтобы россияне смогли ездить в Таджикистан без загранпаспортов»! А нужно ли это нам, гражданам России? Каков процент наших граждан, которые нуждаются в облегченном режиме для попадания в Таджикистан?

По масштабам геноцида российской молодежи, погибающей от передозировки «тяжелыми наркотиками», героин должен считаться «оружием

массового уничтожения», а его производство, транспортировка и распространение — полномасштабной агрессией против нашей страны.

В 2003 году мне довелось обсуждать проблему афганского героина с первым заместителем государственного секретаря США Ричардом Армитиджем. В ответ на мой вопрос, почему их войска в Афганистане не уничтожают резко выросшие за время американской оккупации наркопосевы, высокопоставленный чиновник сказал: «Но этот героин не идет в США!». По-моему, очень логичный ответ.

Совсем недавно на страницы германской прессы вылился скандал внутри военного командования НАТО. Его «виновником» стал теперь уже бывший верховный главнокомандующий Объединенными вооруженными силами альянса в Европе американский генерал армии Джон Крэдок². Он, оказывается, дал приказ штабу НАТО в Афганистане уничтожать главарей афганской наркомафии как пособников террористов. Против его приказа категорически резко выступил целый ряд европейских генералов. «Либералы» в погонах уверены, что в лице наркобаронов они имеют дело не с террористами, а с обычными преступниками, которых следует не уничтожать, а судить. То, что деньги от продажи героина идут на финансирование талибов, их, видимо, не интересует. С такими генералами, уверен, НАТО войну в Афганистане не выиграет никогда.

Отношение к проблеме демографического коллапса, в котором мы оказались, не терпит никакого лицемерия, в том числе и к ее национальному аспекту. Исследования показывают, что основные потери населения России приходятся на народы Русской равнины, которые, кроме башкир и калмыков, потеряли от 10 до 40 процентов численности. Все малые народы Сибири свою численность увеличили на 20-40 процентов. Что касается крупных народов Кавказа, то большинство из них в 1990-е годы увеличило свою численность существенно — до двух раз. Исключение составили лезгины и единственный христианский народ Северного Кавказа — осетины. Их численность уменьшилась.

Из приведенных данных становится понятно, что депопуляция сегодня фактически неотделима от принадлежности или приобщенности к русской нации. Весьма любопытно, что это относится, например, и к татарам, которые в вопросах воспроизводства населения копируют поведение русских, а не мусульманских народов России.

Нельзя не отметить, что уровень рождаемости снижается по всей России, во всех ее регионах. Исключением является Чечня. Во всех остальных областях и республиках Российской Федерации рождаемость значительно и неуклонно падает — просто у одних (в первую очередь у русских, карелы, мордвы) демографический ураган уже свирепствует, а на других — медленно надвигается как отсроченная угроза.

Устранить ее может только решительная смена государственной политики. Россия, как это часто бывало в ее истории, приняла на себя главный удар, но и переломить губительную тенденцию можно только при одном условии: вдохнув в русских и культурно близкие им народы новую жизнь, волю

² 1 июля 2009 года адмирал флота США Ставридис сменил генерала Крюддока на посту главковерха ОВС НАТО в Европе.

к возрождению и преумножению нации. Как всегда, вслед за русскими, эту жизнеутверждающую волю поддержат все народы России. Альтернативу такому пути — приглашение в Россию инокультурных иммигрантов — надо воспринимать как подрыв права нашей нации на существование.

Надо поощрять собственную рождаемость, а не завозить эшелонами китайцев, афганцев и вьетнамцев. Причем, эти меры по поддержке рождаемости должны учитывать реальную картину смертности и рождаемости в каждом отдельном российском регионе. И они должны применяться в полной мере в тех краях и областях, которые будут признаны «демографически неблагополучными».

В демографически благополучных регионах (демонстрирующих устойчивый рост рождаемости и естественный прирост коренного населения) поддержка должна быть более умеренной и избирательной. Правами на соответствующие дотации должно обладать только коренное население данных регионов. Если в результате стимулирующей политики государства тот или иной регион в течение как минимум четырех лет начинает демонстрировать убедительный естественный прирост населения, то он признается демографически благополучным.

Имеет право на жизнь и иная точка зрения: экстренные меры государственной поддержки воспроизводства населения должны быть направлены не в регионы с отрицательным приростом, а конкретным этническим группам, которые оказались в демографическом кризисе. Речь идет о великороссах, карелах, коми, удмуртах, марийцах, чувашах и татарах, на Кавказе — об осетинах и лезгинах. На первый взгляд, такой подход может вызвать бурную негативную реакцию общественности, которая крайне болезненно воспринимает любые идеи, подразумевающие этническое неравенство. С другой стороны, общественное мнение к подобным предложениям и мерам можно и нужно подготавливать. Ведь перечисленные этнические группы оказались сегодня по своей демографической динамике в одном ряду с «малыми народами Севера», которым государственная поддержка оказывается уже давно. Тем более, речь идет не просто о сохранении этнокультурного и фольклорного своеобразия, но о сбережении этносов, составляющих историческое ядро России. Фактически, стоит вопрос о спасении лица России, ее идентичности. Поэтому дифференциация государственной политики может проводиться не только по регионам, но и по принадлежности к этническим группам.

Демографически благополучные республики Северного Кавказа нуждаются в поддержке иного характера. Для них характерен высокий уровень коррупции, распространение религиозного экстремизма, полный развал народного хозяйства и связанная с этим крайне высокая безработица. Оказание целенаправленной помощи данным регионам в борьбе именно с этими проблемами снимет очевидное недовольство тем, что их «обошли» программой демографического развития.

Если постоянные дотации на детей должны зависеть от уровня доходов конкретной семьи, то единовременные пособия при рождении каждого следующего ребенка должны быть универсальными. Сумма таких пособий может варьироваться в зависимости от региона (с учетом областных надбавок), но составлять в базовом федеральном исчислении для демографически неблагополучных регионов не менее 20 минимальных заработных плат.

Соответственно необходимо установить прогрессивную шкалу увеличения выплат пособия на ребенка при рождении второго и третьего малыша.

Принято считать, что мотивация к рождению двух и трех детей у наших семей «слабая». Это ложь. Каждая десятая семья хочет иметь четырех и более детей, треть семей хочет иметь трех детей, более половины — двух детей. А одного ребенка или ни одного — менее четырех процентов. Следовательно, проблема не в том, что русские не хотят иметь детей, а в том, что по каким-то причинам не могут. Чаще всего в качестве такой причины молодые семьи называют отсутствие своего «угла», возможности жить отдельно от родителей — в собственной квартире.

Поэтому в демографически неблагополучных регионах (это практически все русские края и области) стоит ввести специальную ипотечную программу для обеспечения всех молодых семей с детьми достойным современным жильем в кредит. Она может предусматривать 30-ти, 65-ти и 100-процентное погашение жилищного кредита при рождении в семье, соответственно, второго, третьего и четвертого ребенка. Помощником государства в этом вопросе должен выступать социально ориентированный бизнес.

Я не согласен с теми, кто считает умным выделять некие денежные суммы каждой молодой семье лишь на том основании, что она сумела заключить официальный брак. Обязательно найдутся парные мошенники, которые раз в месяц будут жениться и тут же разводиться, требуя с правительства компенсации по факту «создания молодой семьи». Президентской программой «Доступное жилье» воспользуются жулики, и хорошая инициатива власти будет осмеяна и дискредитирована. Государство должно поощрять не факт регистрации молодой семьи, а рождение детишек в этой семье, превращение ее в большое и счастливое гнездо.

Как я уже отметил, большая часть русской молодежи убеждена, что в семье должно быть два-три ребенка. Поэтому в демографически неблагополучных регионах необходимо ввести меры поощрения ранних браков с рождением детей. После рождения первого ребенка молодая семья должна получить право на льготные кредиты, в том числе потребительские. После рождения второго — целый социальный пакет, включающий бесплатный детский садик, компенсации по расходам родителей, дети которых учатся в средней школе, бесплатный проезд на всех видах транспорта, бесплатное приобретение ряда лекарств, детских вещей, регулярное обеспечение билетами на культурные мероприятия, путевками в места отдыха. Бабушки и дедушки, посвятившие себя постоянной заботе за малолетними внуками, должны получать надбавки к пенсии.

За последние 5 лет количество ожидающих в очереди в дошкольные учебные заведения (ясли и детские сады) увеличилось почти в четыре раза. Сегодня, чтобы попасть в детские сады, в очередь надо вставать сразу же после рождения ребенка! Необходимо в ближайшие годы открыть не менее 2000 подобных учреждений по всей России. Содержание этих заведений должно большей частью лечь на государственные бюджеты, частично — на родителей однодетных семей. Двухдетные семьи с детьми младше 16 лет должны освобождаться от платы за детский садик. Также необходимы меры по поддержке семейных детских домов.

Особо хочу отметить задачу приравнять институт родительства к государственной службе. Женщина, выбирающая своим делом воспитание детей

и ведение домашнего хозяйства, должна получать за это зарплату (в размерах средней заработной платы по стране) и трудовой стаж. Многодетная мать (имеющая более четырех детей), которая воспитала и вывела в люди своих детей, должна рассматриваться нами как гражданин, выполнивший свой долг перед обществом, и получать пенсию первой категории.

Что касается решения проблемы безнадзорных детей, то я бы сделал акцент на поощрение усыновления детей именно российскими родителями, а также на создание системы семейного воспитания детей-сирот, замещающей приюты и детские дома-интернаты. Усыновляющие родители не должны платить государству за усыновление ребенка, ведь им эти деньги понадобятся самим — на его воспитание, кормление, образование. Сумма, которую государство тратит на содержание ребенка в детских домах и интернатах, должна перечисляться на содержание ребенка в приемной семье при условии добросовестного выполнения приемными родителями своих обязанностей. Кроме того, необходимо законодательно закрепить сохранение для российских детей гражданства РФ при их усыновлении родителями-иностранцами.

Особым направлением деятельности государства должна стать целенаправленная и масштабная пропаганда ценностей здоровой семьи с двумя родителями и несколькими детьми, супружеской верности и взаимной ответственности. Должна быть разработана программа, направленная на создание культа семьи, социально привлекательного образа традиционных семейных отношений, системы позитивной мотивации к рождению детей, поэтизации матери, беременности, чадородия, воспитания ответственного отцовства.

Подлежит беспощадному уголовному преследованию пропаганда любых извращений и дегенеративных форм поведения, в частности, разврата, проституции, педофилии, гомосексуализма. Вместо приятия и одобрения гражданского брака, неполной семьи и других компромиссных и неблагополучных форм семейных отношений в обществе следует формировать адекватное к ним отношение. Немедленно и с позором из страны надо выдворить иностранные организации, деятельность которых направлена на сокращение рождаемости, разрушение семейных ценностей и общественной нравственности, пропаганду аборт как средства планирования семьи. Алкоголики, систематически нарушающие общественную мораль, решением суда должны быть направлены на принудительное лечение и трудовую реабилитацию. Если для этого потребуются ужесточить и конкретизировать законодательство, значит, это надо сделать без промедления.

Телевидение — как самый мощный канал массовой коммуникации — может взять на себя пропаганду трезвости и здорового образа жизни. Делать это надо талантливо, интересно, творчески, ориентируясь не на процесс, а на конечный результат. Кроме того, телевидение и радио должны смириться с тем, что из рекламных блоков будут полностью изъяты все элементы прямой и опосредованной рекламы алкоголя, включая пиво.

Меры по борьбе с героиновой агрессией должны быть еще жестче. Я предвижу резкое неприятие этой идеи моими партнерами в Брюсселе, но все-таки выскажусь определенно: для такого важного случая можно пожертвовать мораторием на применение высшей меры наказания. Причем неваж-

но, идет ли речь о производстве, транспортировке или распространении, — смертная казнь должна применяться безотносительно вида этого тяжкого преступления, если есть неопровержимые доказательства вины. Очевидно, что во избежание злоупотреблений в этом деле исполнение высшей меры наказания должно быть отложено на пять лет с момента вынесения окончательного приговора. Кроме того, надо поставить органы правопорядка под надежный парламентский контроль.

Следует признать, что наша южная граница — это «проходной двор». Все наши так называемые «пункты пограничного досмотра» — не более чем «калитки в поле». Нам придется оборудовать настоящую, непроницаемую для нелегалов и преступников государственную границу с Казахстаном (длина которой, между прочим, составляет пятую часть экватора). наших южных соседей пора предупредить о возможности введения визового режима со всеми странами Кавказа и Средней Азии, через которые пролегает маршрут переброски в Россию тяжелых наркотиков, если сами они перекрыть его не в силах или попросту не хотят.

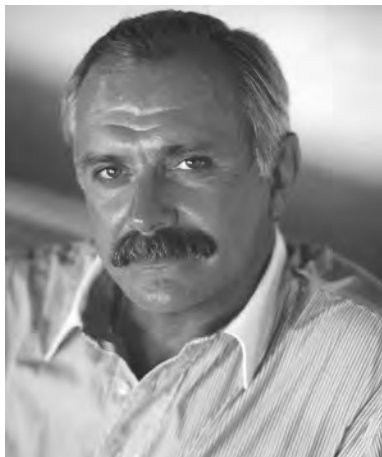
Взявшись за дело восстановления демографического потенциала, следует решительно изжить такое позорное явление, как проституция. Не стоит слушать жалкий лепет милиции о том, как трудно накрыть сеть притонов, выявить криминальные сообщества сутенеров и поставщиков «живого товара». Это наглая и циничная ложь. Возьмите свежий номер любой желтушной газеты, и на страничке объявлений вы найдете телефоны всевозможных «VIP-бань» и «элитных массажных салонов», где помимо легкого пара, «жрицы любви» одарят вас букетом всех известных медицине венерических заболеваний.

Проституция, убивающая дух и тело нации, неуловима только благодаря милицейской «крыше», забравшей этот криминальный бизнес из-под контроля бандитов. Вот почему борьбу с проституцией и ее закадычными дружками — сифилисом, гонореей и СПИДом — надо начинать с оборотней в милиции, превративших разврат и эпидемии в статью своего криминального дохода.

Я уверен, что настойчивое применение этих мер — под демократическим контролем и без «перегибов» — позволит нам достичь главной цели — «чтоб нашему роду не было переводу».

Точка ЗРЕНИЯ

Никита МИХАЛКОВ ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ

Никита Сергеевич Михалков — родился в 1945 г. в Москве. Актер, режиссер, народный артист России. Президент Российского фонда культуры, президент Союза кинематографистов России, президент Московского международного кинофестиваля. Лауреат многочисленных премий. Член Президиума Всемирного Русского Народного Собора, член Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО; В 2007 году избран председателем Общественного Совета при Министерстве обороны РФ. Член Совета при Президенте РФ по культуре и искусству. Имеет многочисленные государственные и церковные награды. Руководитель студии «ТРИТЭ», где в течение 20 последних лет снимал все свои фильмы. **Живет в Москве.**

Мы все время обсуждаем настоящие проблемы, собираемся, выносим резолюции и с удовлетворением в душе расходимся до следующего нашего собрания. А между тем у меня есть ощущение, что существует некая серьезнейшая системная ошибка. Так, например, сколько бы мы не говорили о нравственном воспитании, этого воспитания не будет, если мы не поймем, что же с нами такое происходит. Где то, что называется «широким дыханием», всегда сопутствующим ощущению огромной страны? Где ответственность перед страной, которая лежит за границей Московской области, Садового Кольца? Где ощущение ее величия? Я говорю сейчас о территории, над которой ты можешь лететь на самолете в течение 8 часов, в то время как под крылом твоего самолета говорят на одном и том же языке — на русском. Это твоя родина! Где это ощущение?

Мне кажется, что бытует заблуждение, что методы руководства страной Монако или Венгрией можно применять к управлению такой огромной страной, как Россия, но оно совершенно ошибочно. И реформы в России могут осуществляться только с учетом русской территориальной специфики — тогда это будут реформы, понятные русскому народу и всем народам, населяющим нашу страну.

Невозможно жить лишь жизнью центра, который к жизни страны имеет очень мало отношения. Дело не в том, что в центре сосредоточен капитал, а в регионах — почти сплошная нищета. Нет, — там другая жизнь. Это не значит, что

тут хорошо, а там плохо — там иная жизнь, и эту жизнь нужно ощущать. Только тогда может возникнуть радость единства нации.

Неужели для того, чтобы объединиться, нам нужна еще одна Великая Отечественная война?! Непристойно оставаться сегодня в долгу у Германии, которую мы победили в страшной войне с невероятными жертвами. А ведь мы живем в тысячу раз хуже, чем наши побежденные противники. Сравните жизнь победившего ветерана с жизнью ветерана побежденного. От этого сравнения мурашки по коже побегут. Как чудовищно разнятся их жизни.

Через шестьдесят пять лет после окончания войны, когда проезжаешь по русским деревням, создается ощущение, — только что кончилась гражданская война — кругом почти сплошь одни вымершие деревни. Посмотрите, что видно на заднем фоне новостных программ — какая разруха, какое безразличие к той земле на которой ты живешь. Как можно жить в том месте, которое ты не любишь настолько, что у тебя нет силы и воли привести его в порядок.

Это возможно только в одном случае — когда в обществе отсутствует ощущение целой нации!

Мы не народ — мы электорат! Мы не страна — мы территория! И до тех пор, пока мы не поймем это, не дойдем до дна и не оттолкнемся от него, мы будем все время «лечить» и «обматывать веревочками» сгнившие трубы. Поэтому мне думается, что если мы реально не посмотрим на себя со стороны и не ужаснемся тому, насколько мы теплохладны и равнодушны к самим себе, нам нечего ждать, чтобы нас уважали другие.

Мой двоюродный дед, историк Дмитрий Петрович Кончаловский говорил, что в государстве, где утеряны понятия греха и стыда, порядок может поддерживаться только полицейским режимом и насилием.

Грех и стыд — понятия сугубо индивидуальные. Человек понимает, что есть общие интересы, являющиеся основой его собственной безопасности. И дело не в том, чтобы нанять еще тридцать охранников. А в том, чтобы, оглядевшись вокруг себя, подумать: что ты можешь сделать для людей, которые не имеют твоих возможностей, твоих связей, не оказались в нужное время в нужном месте, не были приближены к недрам страны или к ее банковской системе.

Это как раз и есть показатель наличия греха и стыда — не откупиться от нищего и обездоленного, а искренне озаботиться, чем ты можешь ему помочь. По физическому действию это практически одно и то же, но по внутреннему импульсу «нате, и отстаньте от меня!» или «я хочу тебе помочь» — совершенно разные вещи. Причем главное — не поделить деньги, главное — научить человека зарабатывать. По китайской поговорке — дать не рыбу, но удочку.

Мы знаем, что Америка выходила из Великой депрессии за счет общего дела — например, строительства дорог. Государство объявляло призыв, откликаясь на который люди, потерявшие работу, получали возможность выжить. А в результате их деятельности вся Америка опутана первоклассными дорогами.

За нас на протяжении десятилетий все решали Коммунистическая партия и Политбюро. А когда требовалось отвлечь народ от чего-то или подвигнуть на единый порыв, то объявлялась, скажем, на очередном съезде целина, куда уезжали сотни тысяч людей. Или приходила безумная идея повернуть реки вспять, слава Богу, не осуществленная. Строили БАМ — полезнейшее дело, которое, к сожалению, так и не было доведено до конца. Но на долгие годы люди получали работу. Они становились жителями Тайшета, Байконура, Абакана. Про них сочиняли песни, показывали телепередачи, снимали кино. Они делали дело, которое во всех средствах массовой информации и на всех вершинах власти оформлялось и объявлялось как всенародное, необходимое. Люди в это верили. Вдобавок они зарабатывали неплохие деньги, надеясь со временем переехать в Сочи. А в итоге оставались в том же Тайшете навсегда, потому что привыкали, рождались дети, и само обаяние жизни в Сибири, ее красоты влюбляли в себя.

Помните, мы собирали металлолом. Или макулатуру Я понимаю, что это частности. Но, умноженные в десятки, сотни, тысячи раз, они формировали единую жизнь большой страны и уже на другом уровне выплескивались реальным всенародным счастьем, когда запустили первый спутник, или полетел Гагарин, или мы выиграли чемпионат мира по хоккею...

Поверьте, это не ностальгия по советским временам. Просто я пытаюсь понять, почему мы так разобщены сегодня. Почему зависть и недоброжелательство стали движущей силой страны, а мозг и душа современного россиянина формируются программами «Русские сенсации» или «Пусть говорят». Почему вместо сопричастности к чужому горю мы руководствуемся злорадством: «Так им и надо!» или просто выдыхаем с облегчением: «Слава Богу, это не у меня». Когда цунами смыло 300 тысяч человек, телевизионные каналы даже не изменили программу. Продолжались «комнаты смеха», развлекательные шоу. Да, это случилось далеко, но ведь эти 300 тысяч жизней — часть человечества, часть тебя самого.

Трагедия на Саяно-Шушенской ГЭС могла закончиться глобальной катастрофой. Сотни тысяч людей могли оказаться смытыми с лица земли. А мы опять демонстрируем душевную мертвечину, теплоту — как говорят в православии. То есть, нам от того, что происходит, ни жарко ни холодно. Оглянитесь вокруг. Осознайте, что с нами творится. Отравление людей алкоголем, просто истребление народа, уничтожение генофонда. «Какой ужас», — говорим мы и ничего не предпринимаем. Тотальная коррупция, которая ничего не боится. Юридически грамотные люди заняты выписыванием параграфов, которые позволяют не выполнять данного им поручения. Проще высидеть двое суток за этими бумагами и найти оправдание, почему делать не надо. А причина одна — делать очень не хочется, если, конечно, за этим не стоит личная выгода. Я сам постоянно на это натапливаюсь, и меня бросает в холодный пот от мысли, что могут противопоставить пенсионер, студент, домохозяйка, учитель этой

абсолютно непробиваемой стене, этой равнодушной фанаберии, которая наслаждается тем, что вооружена властью, законом и чувствует себя абсолютно безнаказанной?..

Дорожное покрытие в России начинают чинить в октябре. Ни у кого не возникает желания отнестись к этой разбитой дороге как к части своей родины. Владельцы предприятий не вкладывают деньги в модернизацию, даже в ремонт, а просто эксплуатируют нещадно то, что сами не строили и на что зачастую не имеют никакого права. Сколько выдоим из завода, столько и ладно. Что происходит с медициной, с лекарствами... Что происходит с силовыми структурами, когда майоры милиции убивают людей... Возникает общее ощущение безысходности. Нет радости, нет предвкушения будущего. От этого мало детей.

Думали, что достаточно просто сломать систему — и все мгновенно произрастет божественными цветами. Ничего подобного! Не произрастет! Все держалось только на страхе. Когда его не стало, выяснилось: мы работали потому, что система заставляла нас работать. Уже двадцать лет мы существуем только за счет того, что Бог дал нам в земле. Мы, способные создавать потрясающие военные машины, завышаем цены на запчасти, что не позволяет этим машинам быть проданными — в мире или в своей стране.

Едешь по русской провинции — тысячи пустых деревень, заросшие сорняками поля. Казалось бы, есть все — земля, возможности, бери, делай! Колхозы отменили, никто не заставляет. Однако повсюду — пустые глазницы окон, нищета и мерзость запустения. У русского крестьянина нет воли жить.

Пришло время нам ткнуть самих себя, как щенка, в собственные испражнения. Чтобы мы очнулись и осознали: никто за нас это не уберет. Чтобы мы поняли: этот смердящий запах порождает вокруг России презрение к нам, недоверие, нелюбовь. Но главное — презрение. И я начинаю понимать Олбрайт, которая говорила: «Где справедливость, что такие земли, как Сибирь, принадлежат одной стране?!». Раньше это вызывало во мне неуправляемое негодование. А потом я представил себе ситуацию ее глазами. Мы летели с Сергеем Шойгу над Сибирью: на тысячи километров — ни огонька. Столыпин расселял среднюю полосу России, давал людям в Сибири такие наделы, какие они хотели. Население этих областей тогда увеличилось в два с половиной раза. Почему мы не можем?

Я вижу усилия руководителей страны, слышу их правильные слова, понимаю, что они возмущены. Но что дальше? Каковы рычаги воздействия? Сажать в тюрьму, вернуть смертную казнь? Но так мы снова загоним страну в страх.

На мой взгляд, сегодня у нас есть шанс сплотить нацию не механически, а духовно — за счет единой идеи и общего дела. Эта идея звучит не очень пафосно, это дело кажется слишком простым и прозаическим, но, поверьте, иначе мы можем поставить крест на своем будущем.

Нам необходимо прибраться в своей стране — в прямом смысле слова. Начиная с «мелочей». С того, чтобы объяснить человеку: если

он оставил в лесу полиэтиленовый пакет с отбросами, то этот пакет тысячу лет не сгниет, никуда не исчезнет. Более того: ты бросил здесь свой мусор, другой так же бросил, глядя на тебя, и еще кто-то, и еще. А потом ты попадаешь на такой пляж, который я видел где-то на Волге. Когда вдруг поднялся ветер, и начался кошмарный мусорный ураган. Отбросы летели над белоснежным пляжем, опадали на нескольких километрах вокруг и превращали все в помойку...

Мы оставляем за собой мертвую землю и двигаемся дальше. Когда поднимается шлюз на Волге, что всплывает? Когдаходишь в лес, что ты видишь? Когда едешь на поезде, на что похожа полоса отчуждения?

Я, например, для себя решил, что никогда не выкину на землю бумажку, окурок, бутылку. Просто взял за правило. Однажды я был на охоте под Великим Новгородом, охотился на медведя с подхода. Ночь. Страшная, стремная охота. Ты видишь медведя в бинокль, не можешь угадать, насколько он далеко, но ты его слышишь. Ты идешь по пашне из-под ветра, останавливаясь и проверяя все время, слышит он тебя или нет. Я боялся закашляться, взял конфетку, положил под язык. В руке у меня осталась бумажка. И тут я ловлю себя на мысли, что кладу ее в карман — в диком поле, за триста километров от любого жилья, где эту бумажку никто никогда не найдет и никто меня не осудит. Но это уже сильнее меня. Кто-то скажет «клинический случай». Но я не хочу излечиваться от этой мании. Потому что дело — не в бумажке и не в общепринятых для цивилизованного мира нормах поведения. А в отношении ко всему, что тебя окружает, как к живому и единственному. А к себе — как к части всего.

Убежден: уборка страны — дело, которое способно консолидировать общество. По большому счету, на этом можно построить концепцию управления страной, потому что отсюда вырастают производные: рабочее место, дом, школа, детский сад...

Посмотрите фотографии крестьянских дворов дореволюционной России. Там могло быть нечисто, но мерзко — никогда. Инструмент у человека, который занимался делом, был отлажен, лошади — сыты и вычищены, коровы доились, навоз убирался. За внешним порядком всегда существует внутренний стержень — самосознание хозяина: это моя жизнь, это моя земля.

Зайдите в монастыри — в Дунилово, в Дивеево, в Сретенский монастырь — это рай на земле. И не потому, что там все время кто-то метет (хотя там все время кто-то метет), а потому что там у людей другая направленность мыслей, другая духовная наполненность. Я не предлагаю превратить страну в монастырь, но предлагаю поучиться у монастырей сосредоточенности на своем месте, концентрации на том, где ты живешь, что ты делаешь. Это и есть культура — в самом высоком, сакральном смысле.

Николай БУРЛЯЕВ «ЛЮБОВЬЮ И ЕДИНСТВОМ СПАСАЕМСЯ...» *

Николай Петрович Бурляев — родился в 1946 г. в Москве. Закончил актерский ф-т театрального училища им. Б. В. Щукина и режиссерский ф-т ВГИКа. Лауреат Государственной Премии Югославии («Вукова награда»). Лауреат международных кинофестивалей в Венеции, Каннах, Берлине, Оберхаузене, Сан-Франциско, Акапулько др. Создатель и бессменный Президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь». Председатель Международного Объединения Кинематографистов Славянских и Православных Народов. Президент Фонда культуры казаков России. Академик. Народный артист России. Работает в кинематографе с 1959 года. Снимался в 70 фильмах. Кавалер орденов Преподобного Сергия Радонежского III степени и Международной премии, ордена Святого Всехваляного Апостола Андрея Первозванного. Член Союза кинематографистов СССР, член правления Союза кинематографистов России. Член Союза писателей России. Художественный руководитель киностудии «Отечество». **Живет в Москве.**

*Печатается в сокращении

Без малого — почти целый XX век Россия жила без Бога.

Религию упразднили, запретили, изгнали из образования и культуры. И если в культурной жизни нашего Отечества: в литературе, живописи, театре и кинематографе, лучшие представители творческой и научной интеллигенции творили с Господом и в соответствии с нравственными религиозными заповедями, подвергая опасности свою карьеру, но не прерывая связующей поколения Господней нити, то в образовании присутствие религиозных основ было категорически недопустимо.

Между тем образование и культура без Бога — все равно, что тело без души. А так как «свято место пусто не бывает», с вытеснением духовного Света наступала тьма, образовавшийся вакуум заполняла сила нечистая.

В конце XX века грянула «перестройка». Провозгласили «демократию». Не отменяя атеизма, снисходительно разрешили обезверившемуся народу верить в Господа. Только вот «демократию»-то, ввели безбожную: бездуховное и безнравственное царство вседозволенности.

Если Россия желает своего возрождения, спасения и гармоничного развития грядущих поколений, необходимо возвращаться к Господу, к своим религиозным заповедям. Возвращаться по всему фронту общественного бытия.

Кто такой БОГ? Возможно ли постичь Его? Есть ли Он в этом мире? — «Вечные, проклятые вопросы», как называл их Ф. М. Достоевский, из глубин могучего атеизма, пришедший к осознанной и непоколебимой вере в Бога.

Верили в Господа такие великие умы, как Ломоносов, Менделеев, Пирогов, Державин, Пушкин, Гоголь, Лермонтов, полководцы Су-

воров, Ушаков, Жуков, Леонардо да Винчи, Коперник, Микеланджело, Ньютон, Галилей, Паскаль, Пастер, Вальтер Скотт, Гете, Дидро, Дарвин, Диккенс, Спиноза, Кеплер, Фарадей, Кант, Эйнштейн, Бор... Этот список можно продолжать еще и еще.

Но нам, «российским интеллигентам» великие имена — не указ. В среде нынешних «интеллигентов» вновь становится модным атеизм и очернение Церкви. Гордость не дает вступить на путь веры.

«Никто не отрицает Бога, — писал преподобный Силуан, — как тот, кто заинтересован, в том, что бы его не было». А кто заинтересован в том, чтобы Бога не было? Ответ напрашивается сам собой.

Ну, что ж, Господь никого не торопит. Познание Бога — путь всей человеческой жизни.

Хочется напомнить «новым русским интеллигентам» то, что говорил старый французский интеллигент, философ и математик Блез Паскаль: «Познание Бога без познания своей греховности приводит к гордости. Познание своей греховности приводит к отчаянию. Познание же Иисуса Христа приводит на верный путь, так как в Нем находим мы Бога и свою греховность».

И уж безусловно необходим возврат к религиозным основам в сфере образования и культуры.

Приведу реальный пример. Три года назад во Всероссийском институте переподготовки и повышения квалификации кинематографистов, при Госкино России мне пришлось выпустить первый в истории нашей страны православный курс авторской кинорежиссуры.

Кроме необходимых профессиональных кинематографических дисциплин, нашим студентам читались специальные богословские лекции профессорами Московской Духовной Академии. Мы старались привить будущим кинорежиссерам, обладателям достаточно самостоятельной, эгоцентрической профессии основы христианского миропонимания, способность все в своей жизни и в своем искусстве измерять м е р о ю Х р и с т а и не бояться, что они останутся в одиночестве. Приступать к своей работе с внутренней молитвой: «Не мне, не мне, Господи, но имени Твоему дай славу». На нашем курсе учились не только русские, но и лица других национальностей: армяне, евреи, кабардинцы, корейцы. Никакого духовного насилия над нашими учениками мы не осуществляли. Атмосфера на курсе была на редкость гармоничной и добросердечной.

Мы считаем, что первый опыт религиозного кинематографического образования был весьма полезен и намерены продолжать нашу работу.

Теперь поговорим о «необходимости диалога».

Российская интеллигенция безмерно виновата перед своим народом. Это она — разнородная, разночинная «интеллигенция», отойдя от Господа в конце 19, в начале 20 века старательно раскачивала державный корабль до тех пор, пока он не перевернулся и не пошел ко дну. Это они — новоявленные «интеллигенты» Ленин, Свердлов и Троцкий пролили кровь Помазанника Божия, царя-мученика и его семьи, истребили в братоубийственной войне и лагерях цвет русской нации и залили кровью Россию. «Судьба царя — судьба России.»

В октябре 1993 года наши «интеллигентные» коллеги требовали кровавой расправы над своими соотечественниками в Парламенте России.

Как видим, интеллигенция — двигатель революций и контрреволюций. Или если до конца называть все своими именами — «козлы провокаторы», (есть такая должность у животных на бойне), ведущие на смерть, в топки крематориев и на баррикады перестройки своих соотечественников. Что известно из истории гитлеровских гетто, концлагерей и «демократизации России».

«Российская интеллигенция» и мы — кинематографисты, ее авангард, сыграли не последнюю роль в разрушении не только кинематографа, но и великой державы. Приведенные нами ко власти, первые руководители нашей «перестроившейся» страны, не без помощи своих «интеллигентных» помощников и обслуживающих их представителей творческой интеллигенции смогли в короткий срок проделать с великой державой то, что на протяжении столетий не могли ни хан Мамай, ни Наполеон, ни Гитлер, вместе взятые, развеяв по ветру то державное наследие, которое тысячелетия, по крупицам собирали наши славные предки.

Недавно один высокопоставленный представитель наших компетентных органов сообщил мне о том, что около 300 представителей высшего руководства России можно назвать изменниками Родины. Вот вам и «российская интеллигенция». Что двигало ими... тщеславие, корыстолюбие, жажда легкой наживы..?

Не следует забывать слова Спасителя: «Что пользы человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит». (Мф, 16,26)

На заре перестройки, в эйфории от кажущейся победы над великим народом, экзальтированные заокеанские поборники «новой российской демократии» вещали по радиостанции «Свобода»: «Цель перестройки состоит в том, чтобы приблизить русских к западному стандарту... В том, чтобы произошла мутация русского духа. Нужно русских выбить из традиций».

То ли по неведению, то ли выполняя заокеанский «госзаказ» представители «российской интеллигенции» из средств массовой информации, уже которое десятилетие мутируют сознание наших соотечественников, прививая России чужие традиции. Особенно успешно этот процесс осуществляют центральные каналы телевидения. Как уберечь себя и своих детей от этого ежедневного дьявольского зомбирования? Нужно не забывать, что «единственная дверь, через которую темные силы проникают в душу, — наше внимание к ним».

Впрочем тема эта не нова для российской истории. Более 150 лет тому назад замечательный русский поэт, которому великий Пушкин говорил: «Я надеюсь на Вас, как на скалу», Николай Михайлович Языков, писал обращаясь к подобным «интеллигентам» в стихотворении «К ненашим»:

*О, вы, которые хотите
Преобразить, испортить нас
И онемечить Русь, внимлите
Простосердечный мой возглас.
Не любо вам святое дело
И слава нашей старины.*

*В вас не живет, в вас помертвело
Родное чувство. Вы полны
Не той высокой и прекрасной
Любовью к Родине. Не тот
Огонь чистейший, пламень ясный
Вас поднимает. В вас живет
Любовь не к истине и благу,
Народный глас, он — Божий глас!
Не он рождает в вас отвагу.
Он дик, он странен, чужд для вас.
Вам наши древние преданья
Смешно, бессмысленно звучат.
Могучих прадедов деянья
Вам ничего не говорят.
Их презирает гордость ваша.
Святыня древнего Кремля,
Опора, сила, крепость наша
Ничто вам! Русская земля
От вас не примет просвещения!
Вы страшны ей. Вы влюблены
В свои предательские мненья
И святотатственные сны.
Хулой и лестью своею
Не вам ее преобразить.
Вы — не умеющие с нею
Ни жить, ни петь, ни говорить.
Замолкнет ваша злость пустая.
Замрет неверный ваш язык.
Крепка, надежна Русь святая,
И русский Бог еще велик!*

Всем нам следует не забывать в какой стране мы живем.

А живем мы в России. Мы наследники великой русской культуры, высоких духовных традиций русского народа, на громадных территориях которого не исчез, не погиб ни один малый народ, в отличии от страны устроительницы «нового мирового порядка».

Российской интеллигенции следовало бы крепко покаяться перед нашим народом, чтобы обрести его доверие.

Но не будем мазать одной черной краской всех представителей российской интеллигенции. Были и есть на Руси интеллигентные люди, никогда не предававшие своих убеждений, народа, Господа.

Диалог во имя спасения наших душ, нашей страны, нашей планеты, безусловно, необходим.

И он давно ведется нами кинематографистами, уже 10 лет проводящими Международный Кинофорум «Золотой Витязь».

Родившись в Москве, как Всеславянский Кинофорум, он давно распахнул свои объятия всем, кто разделяет девиз «Золотого Витязя»: «За нрав-

ственные, христианские идеалы. За возвышение души человека». Вы можете увидеть на нашем Кинофоруме не только славян, но и китайцев, и евреев, и японцев, и татар... Около 30 стран участвует в нашей работе, и всем нашим гостям уютно, комфортно, душевно на «Золотом Витязе». И даже те, кто с опаской приезжает на Кинофорум славян, православных христиан, уже на вторые сутки понимает, что он попал туда, где царит любовь.

Ибо мы руководствуемся тем, что оставил Святой Руси великий ее объединитель, преподобный Сергей Радонежский, который говорил: «Любовью и единством спасемся».

В заключение я хочу привести строки написанные иеромонахом Романом:

*Без Бога нация — толпа,
Объединенная пороком,
Или слепа, или глупа,
Или, еще страшней, жестока.*

*И пусть на трон взойдет любой,
Глаголющий высоким слогом.
Толпа останется толпой.
Пока не обратится к Богу.*

ВОЕННЫЙ ЛЕНИНГРАД

*Фотографии
Ленинграда
времен Великой
Отечественной
войны*

Александр ДУГИН

О МОЕМ ОТНОШЕНИИ К РЕЛИГИИ. ВЫНУЖДЕННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Александр Гельевич Дугин — родился в 1962 г. в Москве. Кандидат философских наук; основатель идейного течения «неоевразийство», политолог (доктор политических наук), социолог (профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, руководитель Центра консервативных исследований Социологического факультета МГУ), публицист, ректор «Нового Университета», лидер Международного Евразийского Движения (МЕД); владеет 9 языками. Автор многих научных статей и книг. **Живет в Москве.**

В обществе в последнее время нарастает полемика относительно тех позиций, которые я занимаю в области религии. Подчас дело доходит до совсем не обоснованных небылиц и фантазий. В этой связи я хотел бы дать какое-какие пояснения. Я вынужден был дать эти пояснения, потому что в последнее время фантазии и оскорбительные инсинуации на мой счет стали расти как снежный ком.

Изначально мое мировоззрение складывалось в начале 80-х годов на основе *традиционализма*. Это философское направление настаивает на том, что:

- современный мир является аномалией;
- новое время и его культура, наука и философия представляют собой девиацию в отношении сакральных традиций и религий, и, следовательно;
- полнота истины обретается в сфере древних мифов и религиозных верований, которые напрямую обращались к вечному и неизменному Началу.

Таких взглядов придерживались французский философ **Рене Генон** и его последователи **Юлиус Эвола**, **Титус Буркхардт**, **Мишель Вальсан**, **Фритьоф Шуон** и т. д. Традиционалисты считают, что *все* религии являются более истинными, нежели светское секулярное мировоззрение, — отсюда приглашение к межконфессиональному диалогу и исследованию того, что их объединяет перед лицом «общего врага» — светских секулярных, атеистических, эволюционистских, материалистических, позитивистских идеологий.

При этом разные традиционалисты *по-разному* оформляли эту стартовую установку на сходство религиозных и сакральных учений — вплоть до выдвижения гипотезы существования «изначальной (примордиальной) Традиции», откуда берут свое начало исторические религии.

В таком ключе (с определенной натяжкой и на основе специфической, не совсем ортодоксальной экзегезы) можно интерпретировать некоторые исламские теории и определенные высказывания отцов Церкви (в частности, **Климента Александрийского**¹ и даже отдельные фрагменты из Посланий Святого Апостола **Павла** к Римлянам², там, где идет речь о даровании Богом пути к истине языческим народам не через Откровение, но через созерцание тварного мира в дохристианские периоды).

Исходя из этой же философской установки на позитивное отношение к мифам, мистике и духовным учениям, традиционалисты изучали эти доктрины, подчеркивая однако различие между *традиционными священными науками и искусствами* и современным *окультизмом*, спиритизмом и теософией (которые они считали продуктами смешения,

извращения и Нового времени, то есть проявлением современного духа, что для них синонимично лжи). Следованием этой линии можно объяснить мой интерес к традиционным конфессиям (исламу, индуизму, иудаизму, буддизму, политеистическим религиям и культам), а также к мистическим учениям: всем этим я интересовался с *философской* и *исследовательской* точки зрения, никогда *не идентифицируя* себя ни с одним из этих направлений, но вместе с тем, стараясь глубже их *понять*, а не просто раскрытывать или опровергнуть.

Традиционализм оказал на меня решающее воздействие, и я сохраняю верность этим базовым установкам — в первую очередь, убежденность в правоте духовных традиций и в ошибочности философий Нового времени — до сего дня (что не мешает, впрочем, мне изучать и детально исследовать и эти философии, а также науки и политические учения современности). Изложению основ традиционалистской философии я посвятил несколько своих книг («Пути Абсолюта», «Мистерии Евразии», «Философия традиционализма» и т. д.), а также много статей и выступлений.

В 1988 году, следуя во многом идее Генона о том, что каждый традиционалист обязательно должен практиковать конкретную религию, соответствующую его культуре или свободному выбору (сам он предпочел ислам и переехал из Франции в Каир), я *воцерковился в лоне Русской Право-*

¹ По учению Климента Александрийского, Бог дал эллинам философию как инструмент Богопознания.

² Из послания Святого Апостола Павла к Римлянам (Глава 1).

славной Церкви, хотя крещен был еще в детстве (в возрасте 5 лет в городе Мичуринске).

Постепенно углубляясь в православное вероучение, я стал замечать некоторые *противоречия* между эксплицитными истинами Православия и определенными установками традиционализма. Если одни аспекты христианской догматики можно было истолковать в символическом ключе, близком к традиционалистской герменевтике, то другие были несовместимы. В результате размышлений над этими проблемами была написана книга «Метафизика Благой Вести», в которой я попытался изложить традиционалистский взгляд на Православие, четко подчеркивая — в чем, на мой взгляд, это допустимо, а в чем — нет.

Еще более я развил проблематику противоречий между традиционализмом и христианством в статье «Контринициация», рассматривая геноновскую концепцию «контринициации» (единой структуры, стоящей за всеми антитрадиционными и антирелигиозными тенденциями) как слишком абстрактную реконструкцию, противоречащую неснимаемому догматическому расхождению традиционных конфессий между собой.

Размышляя над этими не простыми философскими темами, *я никогда не претендовал на создание какого-то собственного учения*, и тем более не представлял себя «вероучителем». Я поступал как философ, мыслитель, стремящийся постичь определенные духовные истины — с опорой на традиционализм. При этом я все это время оставался прихожанином Русской Православной Церкви.

Я вполне допускаю, что те или иные тексты, которые были написаны и опубликованы в этот период могут расходиться с каноническими православными толкованиями, и если указания на такие расхождения основательно подкреплены ссылками на православную традицию, то я заведомо готов признать свою индивидуальную ошибку и истинность православного вероучения. Церкви всегда виднее, *Церковь всегда права*. И это отношение к безусловному и непререкаемому авторитету Церкви, а также к шаткости любого индивидуального воззрения (в том числе и моего собственного) — также есть фундамент моей философской (традиционалистской) позиции.

В течение 90-х годов прошлого века я внимательно исследовал историю и философию эпохи раскола XVII века, и пришел к выводу, что это событие было *катастрофой* в русской церковной истории, не излеченной до сих пор. Я увидел безусловный *прерыв* древней православной традиции в реформах патриарха **Никона**, и еще более в последующей за ними секуляризации русского общества при **Петре** — т. н. «синодальный период» в истории Русской Церкви. Я посвятил старообрядчеству цикл

статей³, стараясь вжиться в истину этой части русского общества, возшедшей ради верности древним устоям на Голгофу.

Признание справедливости позиции и удивительной точности катастрофических прогнозов старообрядцев относительно происходящих в Церкви и обществе XVII века перемен (секуляризация) привело меня к *старому обряду*. Но при этом множественность старообрядческих конфессий, их разобщенность и внутренние екслезеологические разногласия, а также целый ряд других соображений (например, наблюдение за тем, что и клир и прихожане Русской Православной Церкви чрезвычайно далеки от «классических никониан» XVII–XVIII веков и сами ищут часто свою историческую идентичность), удержали меня от разрыва с РПЦ.

Я остановился на Единоверии, и стал с 1998 года прихожанином единоверческого храма Михаила Архангела Русской Православной Церкви в Михайловской слободе. Я остаюсь им до сих пор, являясь «клирошанином» и в некоторых случаях исполняя роль церковного чтеца. С точки зрения церковных правил, таким образом я 23 года (на сегодняшний 2010 год) являюсь *воцерковленным христианином*, стараюсь строго соблюдать церковные правила и предписания, посты, исповедь духовнику и принятие Святых Даров, при этом *в качестве философа* исследую вопросы истории религии, богословия и екслезеологии и *в качестве ученого*, изучая и преподавая в Высшей школе (МГУ им. Ломоносова) социологию, философию, политологию, этнологию, психологию, геополитику, историю науки и культуры.

С периода 1998 года (обращение к Единоверию) я стараюсь поступать так, чтобы любые мои тексты, затрагивающие вопросы Православия и религии в целом, носили *взвешенный* характер (что не всегда, признаю, соблюдалось мной в юности) во всем, что касается вопросов вероисповедания, и если я рассматриваю другие религии или выношу какие-то суждения о христианстве, то поступаю осмотрительно, всякий раз подчеркивая, что речь идет не о исповедальном заявлении, а о философском или научном утверждении. И снова могу повторить, что если мои тексты или действия могут быть найдены Русской Православной Церковью как не соответствующие ее установкам, то я заведомо готов признать ее правоту, и свою неправоту.

Но при этом я хочу подчеркнуть, что никогда ни ранее, ни в последние годы *я не выступал как носитель какого бы то ни было особого религиозного учения*. Единственное религиозное учение, которое я исповедую, это — Православие и единственная Церковь, которую я считаю истинной — это Русская Православная Церковь Московского Патриархата (Единоверие — с 1800 года — является каноническим направлением в рамках этой Церкви, что было подтверждено в 2000 году в праздновании 200-летия Единоверия в Московском Кремле с участием Святейшего Патриарха Московского и всея Руси **Алексия II**, членов Священного Синода и других клириков).

Теперь о моих политических взглядах. Я основываю политические взгляды на основании убежденности в *абсолютной правоте священной Традиции*. Эти взгляды являются *консервативными* и *патриотическими*. Я убежден, что нашему народу необходимо обратиться к *корням* и укреп-

³ А. Дугин. Русская вещь. Т. 2. М. 2001.

лять свою *идентичность*, а не идти по пути Западной цивилизации и модернизации в либерально-демократическом, секулярном ключе. Я считаю, что правильное общество — это общество, основанное на началах *религии*, нравственности, обряда, добра, укрепления идентичности и следования по пути к *спасению души*. Мы должны думать, в первую очередь, о *вечном*, а не о прошлом, настоящем или будущем. В будущем нас неумолимо ждет одно — страшный и нелюбимый Суд.

Мои политические взгляды широко известны, и имеют, естественно, как сторонников, так и противников. К сожалению, политические противники из либерального западнического лагеря не брезгают подчас никакими средствами для очернения своего идейного противника. Подчас бывает (и это, увы, не редкость), что сознательная клевета исходит и со стороны людей, отстаивающих сходные позиции. Это мне совсем не понятно и крайне неприятно. Я нахожу такое отношение недостойным, и готов отстаивать свои взгляды в открытой полемике с любым из тех, кто оспаривает мои позиции или выступает с их критикой. Но я считаю низким использовать в этой полемике прямую клевету, особенно касающуюся моих религиозных взглядов.

Я вынужден был дать эти пояснения, потому что в последнее время фантасии и оскорбительные инсинуации на мой счет стали расти как снежный ком, что я связываю не столько с настоящим пробуждением религиозного самосознания, сколько с повышением накала политической борьбы за определение того пути, по которому суждено идти России. Я всегда утверждал только одно: Россия должна идти по путям **Христа**, должна воцерковиться и обратиться к своим духовным корням, не обижая и не притесняя другие конфессии, представители которых традиционно проживают на нашей земле. Очевидно, что далеко не все в нашем обществе, а тем более в современных российских элитах, с этим согласны. У всех есть право мыслить по своему — Бог создал нас свободными. Но те, кто основывают отстаивание своей мысли на клевете и несправедном очернении других, унижают, в первую очередь, самих себя.

ВОЕННЫЙ ЛЕНИНГРАД

Фотографии
Ленинграда
времен Великой
Отечественной
войны

Родная РЕЧЬ

Владимир КРУПИН

ХРАНИТЕЛИ ПРАВСТВЕННОСТИ

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 году в с. Кильмезь Кировской области, сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был гл. редактором журнала «Москва». С 1994 года преподает в Московской духовной академии. Гл. редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. Живет в Москве.

Нашествий на русский язык и книгу было много всегда, но последнее столетие было самым ощутимым. Появилось кино — запели литературе отходную, убрали ее в прикладной жанр. Появилось телевидение — снова надгробные песни книге. Но телевидение обкрадывало людей, внедряя в них только двухмерное мышление. А Интернет, вакханалию которого видим сейчас, не делает умнее, он делает самоувереннее. Тот, кто сохраняет любовь к настоящей книге, сохраняет душу и уровень мышления, более близкий к престолу Божию.

Все против школьного учителя, все. Говорит он ученикам о порядочности — телевизор славит подлецов, говорит он о чистоте и целомудрии — телевизор издевается над девственностью и учит спариваться, говорит учитель об истории Отечества как о школе жизни — телевизор поливает историю грязью. Все святое, возвышенное покрывается хрюканьем и гоготом телевизионной бесовщины.

Да и только ли телевидение? Уже работает индустрия порнографии; разврат, пошлость и насилие в норме отношений меж людьми. Киноэкраны давно кровавого цвета. Страницы лаковых журналов не вылезают из постелей. На лотках бесчисленные издания об извращениях, садизме, колдовстве; словом, нет той мерзости, которая бы не выставляла сейчас себя на всеобщее обозрение.

Все это заливают мутным потоком школу. Уже не под партой, а на партах появились всякие похабные издания и ведут себя как хозяева.

Давно ли мы были в ужасе от электронных игрушек — тамагочи? А потом ворвались покемоны, нечистые духи преисподней. Вот сейчас — Гарри Поттер, написанный...

женщиной. Поттер — сын волшебников, ученик школы колдовства. Огромный вред книги в том, что зло показано как норма. Плюс ко всему этому изображение отвратительных сцен, что и пересказывать нельзя. Высасывание крови для обретения жизненных сил — это еще не самое гнусное в книге. Тут и сатанинские ритуалы жертвоприношений, тут и одержимые демонами учителя школы... Издателей книги не остановили даже сообщения о том, что дети, составляющие колдовские зелья по рецепту книги, получили отравления. Тиражи книги, убивающей душу, растут. И не надо быть пророком, чтобы предсказать, что Поттера сменит какой-либо супер-Поттер. Злу не положено предела.

Сейчас вот оккультные властелины преисподней накидывают на шею детям все новые кольца выдуманного обезбоженного мира.

Октябрьский переворот 17-го года был Божьей карой за грехи. А в чем главный грех человека? В том, что он начинает надеяться на себя больше, чем на Бога. На приход революции много поработали «прогрессивная» русская литература и особенно учителя. Созданный в начале XX века Всероссийский учительский союз делал все для того, чтобы скорее полилась кровь в России.

Каким образом? Изгнанием из школы церкви. Диву даешься, читая протоколы заседаний учительских съездов. Сколько злобы в адрес священнослужителей; все делегаты (Прибалтики, Кавказа, Сибири, Средней Азии, Украины, коренной России — все!) за то, чтобы изгнать из школы предмет Закона Божия. За что изгнать? А ни за что, сами справимся. Мешают длиннополые вводить в Россию демократические свободы. Вот за что. Учительский союз, подготовив черное дело измены России, престолу, Богу, спохватился в 17-м, запищав: «Ах, мы не этого хотели!» Его тут же и разогнали. С литературой большевики до конца не справились. Конечно, Чернышевский, Добролюбов, Герцен, Писарев, Белинский стали определять направления умов. Конечно, Радищев учился наизусть, враги самодержавия — декабристы — превозносились, из Некрасова сделали революционера, даже Гоголя истолковывали социологически, Пушкин только и делал, что «горел свободой», Лермонтова славили за строчки о «немытой России», которых он не писал... Но произошло нечто неподвластное большевикам. Классика восстала против безбожия большевизма. Что могут сделать идеологи с рассказом «Живые мощи»? А со стихами «По небу полуночи ангел летел...», «У врат обители святой...», «Когда для смертного умолкнет шумный день...», «Бесы» (это пушкинское «Мчатся тучи, выются тучи, невидимкою луна...»), а был же еще и роман Достоевского «Бесы», запрещенный к изучению, отгороженный от вузов и школы (но если есть забор, то возникает и желание заглянуть за него), а что можно было сделать со строчками: «Зажепила Богу свечку, затопила жарко печку...», или; «Я вошел в хату, на стене ни одного образа — дурной знак...», или: «Скорей зажги свечу перед иконой...» А любимое детьми «Бородино» — «Когда б на то не Божья воля, не отдали б Москвы...» или из «Песни про царя Ивана Васильевича...»: «И погнулся крест, и вдавился в грудь, как роса из-под него кровь закапала...» А былины, в которых стояние богатырей за веру православную, служба князю Владимиру — Красное солнышко — главное.

Здесь цитаты настолько узнаваемы, что смешно давать ссылки. А сколько мест, где верность долгу, присяге, церковному обряду была нормой жизни

ненного поведения, а отклонение от нее было наказуемо. Гринев присягал престолу и России и не может изменить присяге. И как страшно наказывается изменничество Швабрина, хотя и его жалеет автор, понимая, что не наш суд ждет предателя, а Божий. Катерина в «Грозе», преступившая святость венца, не выдерживает тяжести преступления. И тут ни при чем «темное царство», и никакой она не «луч света» в нем.

Теперь, как никогда, возможно именно так преподавать русскую классику, как порождение Церкви, как мостик между мирской жизнью и Богом. Но для этого нужна воцерковленность, прежде всего самих учителей. Без этого ничего не получится. А для начала хотя бы понимание, что без Бога Россия не возродится, что Господь это такая же реальность, как окружающий нас Божий мир.

А в мире растет авторитет русской классики. И до того, что Россию изучают не по экономическим и политическим книгам, а по Достоевскому, Гончарову, Шолохову, Шмелеву, любящий свой предмет и учеников учитель — он уже проводник Божией любви. А если еще вдобавок к преподаванию программы и совместным поездкам по святым местам он привьет тягу к чтению житийной литературы, нет цены такому учителю. А если еще будет возрождаться школьный театр, противостоящий пошлости эстрады, опять же с помощью классики, то счастливы воспитанники такого наставника.

Сейчас же просвещение и образование изгоняются из школы самым иезуитским способом. Якобы для приведения к единообразию введены госстандарты, экзамены по тестам, где надо только ставить галочки против нужной графы. От этого и знания улетают как галочки. Почему, спросим, сочинение заменено примитивным изложением? Почему литература изгнана из обязательного экзамена?

Ответ один: министерство образования подрядилось делать из детей англоязычных биороботов, а государство с этим согласно. Значит, культурные, грамотные, масштабно мыслящие люди демократии не нужны, нужны налогоплательщики, называемые в дни выборов электоратом. А необразованный электорат легко обмануть.

Не было для нас на переломе годов ни прихода русской зимы, ни варваринских, ни Никольских, ни рождественских, ни крещенских морозов, не заслужили. Правда афанасьевские смилостивились. Святитель Иоанн Златоустам в проповеди сказал о прямой зависимости погоды и урожая от нравственности людей. Русская пословица говорит об этом предельно кратко и ясно: «Что в народе, то и в погоде».

Опять же народная мудрость во все времена объясняла беды и человека и страны словами «Бога забыли. Бога не боятся». И что теперь в народе? Смута душевная и полное ощущение проживания в пространстве лжи, в постоянной болтовне о том, что демократия — это власть народа. Так в переводе с греческого. А на самом деле власть наживы, денег, разврата и все поглощающей пошлости и вранья. Доказательства на каждом шагу. При опросе общественного мнения, названного референдумом, практически все люди высказались за сохранение Союза. И что? Союз вскоре был разрушен. За то, чтобы в паспорте сохранить графу национальность, высказались почти все нации. Спросите об этом любого татарина, башкира, бурята, русского, украинца... И что? И убрана эта графа из паспорта, но оставлено место для личного номера. Или последний пример — преподавание Основ

православной культуры. Все за, демократы против. Смешной довод — у нас многоконфессиональная страна. Все так, но спросите любого муллу, он скажет: эти основы учат порядочности, уважению к старшим, учат знать историю Отечества, воспитывают любовь к родине, к старшим, разве это не надо ребенку любой веры? Знать историю России, не учитывая роли Православия в ней, бессмысленно. То есть враги преподавания Основ публично записывают себя и во врагов России и Православия.

«Кто приходит к вам и не приносит учения Христова, того не принимайте в дом и не приветствуйте его, ибо приветствующий его участвует в злых делах его» (2 Ин. 1,10–11).

А истолкование свободы у нас дьявольское — это вседозволенность. Вседозволенность в издании книг у нас ужасная. Давайте сопоставим и увидим разницу между литературой пошлости, детективщины, развлекательности, всяких кроссвордов, анекдотов, оккультных сборников, толстых журналов о модах, прямой порнографии, коммерческих фолиантов, проспектов, всего, что лавиной низвергается из типографий, губя бумагу, то есть русский лес, и омрачая наше сознание, и сравним это с количеством душеполезной, спасающей литературы. Во сколько первое больше второго? В сотни раз. Так почему же богохульная, ростовщическая, развращающая, одуряющая литература почти не имеет успеха? Ответ один — русский язык такой литературе не помощник. Это как ораторы: и красно говорит — и гладко, а веры ему нет. Надо возвеличить русский язык. Он — тайна. Слова его похожи на деньги, которые обеспечены золотым содержанием, то есть стоят на основе чувства, переживания, мысли, выстраданности.

Русский язык награждает способностью мыслить. А как мыслить с запасом слов в несколько сотен, это убогое трафаретное следование навязанным шаблонам. Чем больше человек знает слов, тем он богаче мыслит, тем он ценнее для науки и искусства, для всех ремесел, для семьи и государства.

Мы привычно говорим о 70-летнем периоде вавилонского пленения. Но жива была вера Православная. Спасительная сила Православия не оставляла нас и в дни, годы, десятилетия богоборчества. Церкви жгли, ломали, превращали в психолечебницы, рестораны, склады, овощехранилища, но всегда стояли над поруганными, но освященными в свое время навсегда, алтарями, стояли ангелы-хранители.

Нас отбивали от Господа, но Господь нас не оставил. Сохранил в нас совесть — это голос Божий в человеке. Не было покаяния, но что же тогда всегда бывшее в русском воспитании требование признания в совершенном проступке. В детстве я с братенником украл несколько яблок. Дядя велел нам пойти, признаться во всем и извиниться. 55 лет спустя я приехал в эту деревню и в деревенском магазине старухи сказали: это ты ведь тогда яблоки воровал? Но одна из старух заметила: он же тогда покался, чего теперь вспоминать?

Дед мой, Семен Евфимиевич, призывал бабушку Александру Андреевну и говорил:

— Слушай, мать, каяться буду. — Я ж тебе не поп, — говорила она. — Их же нет, — отвечал он. Ближайшие церкви были километров за пятьдесят, да и то за рекой. Он ей честно все рассказывал. И это была разновидность покаяния. Сама душа просила очищения.

Спасала нас устная народная традиция. Как ни навязывали большевики свободную любовь, подавая пример в разврате, чистота и целомудрие сохранялись. Как и теперь, кстати, когда демократическое искусство упражняется в пропаганде цинизма и скотства. Все равно есть великое наследие Святой Руси. Одна сказка «Финист Ясный Сокол» победит всю жеребьячую похоть сильно голубого экрана. Марьюшка, идущая за любимым, спасающая его, непредставима в зубоскальстве эстрады в обществе телепузиков. И Марьюшка воюет за души, не давая отрокам и отроковицам стать фанатами, тинэйджерами, скинхедами.

Совершенно необходимо постоянно издавать устное народное творчество. Вот былины: это величайшая ценность, одолевающая время и пространство. «Стоял утрению во граде Полоцке, а обедню служил во Чернигове, а к вечерне попал в стольный Киев-град». И народные песни. Ищет мать угнанную в полон доченьку свою, находит, а та уже с дитеньком. И что же? «И качает мать татарченка-внука». Издавать пословицы, поговорки, прибаутки, потешки, колыбельные, свадебные обряды. Раз я выступал в молодежной аудитории и говорил о сатанизме рок-музыки. Молодежь была недовольна. Хорошо, сказал я, возьму слова обратно, если вы споете мне колыбельные песни, которых сотни. Как вы понимаете, свои слова обратно мне брать не пришлось. Смотришь книгу русских пословиц, загадок... Много ушло. Крестьянский двор, упряжь, полевые работы. Но ведь и возрождается. Нам же не прожить без животного, у которого четыре четыре, две растопырки (корова), не прожить без матушки-земли. Тяга к земле у нас на генном, неунничтожимом уровне. Один большой начальник, выходец из села очень тосковал по петушиному пению. Это было и воспоминанием детства и подсознательное ощущение, что петушиного крика боится нечистая сила, да и память о том алекторе, который возгласил Петру его временное отречение от Христа. И вот этот начальник купил дорогого попугая, повез к старухе матери, запер попугая в курятнике, тот быстро выучился кукарекать, и сейчас живет и кукарекает в Москве. Правда, кричит не во время, но проживет долго, переживет учителей, ибо им-то до старости дожить не суждено.

Конечно, от обезьяны произошел один Дарвин, но когда смотришь жва-ноидные аншлаги, эти ужимки, кривляния, думаешь: вот еще и эти тоже недавно спрыгнули с деревьев. Им надо давать ордена «За заслуги в раз-вращении Отечества».

Надо, чтобы в школу наряду со «Словом о полку Игореве» пришло и «Слово о Законе и благодати» митрополита Илариона. Оно на 100 лет раньше написано и более православно. В том, что оно не в школе, вина академика Лихачева, который его публикацию как только мог, сдерживал. Иначе через год соберемся и опять министр будет нас уверять, что «наблюдается положительная динамика», что «растет мотивация к толерантности к другим культурам, и опять слушать запетую пластинку о многоконфессиональности, многовекторности. Этим нельзя убаюкиваться. Стыдно перед предками. Они жизнь положили за Христа, за Святую Русь, а мы все только говорим и говорим. Особенно госпожа интеллигенция. В основном, она не идет к Богу, а только говорит о Боге. Обрастает словами, как звери шерстью, и ей комфортно в этом одеянии. А толерантность, кстати, это, в медицинском понимании, опаснейшее привыкание организма к чужеродным бактериям.

Братия и сестры! Малое стадо Христово всегда было и, по Писанию, всегда будет гонимо. Гнали кровью язычники, потомки их большевики. Гнали идеологией и запретами коммунисты, теперь иезуитски гонят демократы. Все пытались в наш красный угол поставить тварь вместо Творца, заставить кланяться деньгам, удовольствиям, чинам, чему угодно, но ничего у них не вышло и не выйдет.

А то, что зла в мире все больше, это тоже добрый знак. Господь поразит зло, и поразит во всем объеме, вот для этого злу велено раскрыться.

Только малое стадо Христово спасется. И не жалко жизни, чтобы заслужить место в нем.

Долг нынешнего учительства — вернуть в школу Закон Божий и этим искупить грех учителей начала XX века. Церковь, как известно, была отделена большевиками от государства, а школа — от Церкви. Из всех предметов, которые раньше учили нравственности, остались история, география и литература. История была быстро переделана в угоду новой власти, география из предмета патриотического стала политической и экономической, осталась литература.

Классика, берущая соки питания у Священного Писания, у летописей, былин, житийной литературы, народных песен, — вот кто спасал учителей и детей, а значит, Россию.

Величие России в области мировой культуры бесспорно. Уберите из мира русскую музыку — мир оглохнет, уберите русскую живопись — мир потускнеет, уберите русскую литературу — мир онемеет. А откуда и музыка, и живопись, и слово? От церкви и из Церкви. Вот кому обязана Россия своим высоким нравственным сводом, своим могуществом, своим первенством в мировой культуре.

ВОЕННЫЙ ЛЕНИНГРАД

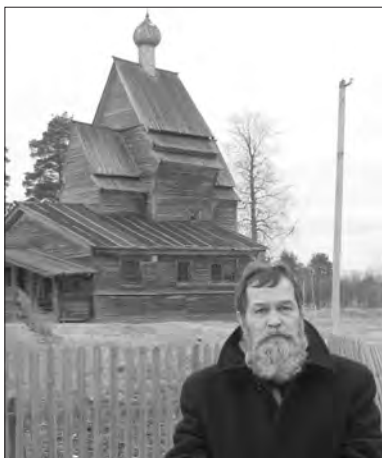
*Фотографии
Ленинграда
времен Великой
Отечественной
войны*

Точка ЗРЕНИЯ

*Эту сказку счастливую слышал
Я уже на теперешний лад,
Как Иванушка во поле вышел
И стрелу запустил наугад.*

Юрий Кузнецов

Николай КОНЯЕВ

«ИСЦЕЛИ СОКРУШЕНИЕ ДУШ...»

или
**инвентарный
номер
ДРЖ-2093**

Николай Михайлович Коняев — родился в 1949 году в поселке Вознесенье Ленинградской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал сварщиком, грузчиком, корреспондентом, редактором. Секретарь правления Союза писателей России. Романы и повести отмечены многочисленными литературными премиями. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Недавно состоялось историческое событие.

В ночь со 2 на 3 декабря 2009 года в храм Александра Невского подмосковного поселка Княжье Озеро доставили из Русского музея Санкт-Петербурга Чудотворную икону Богоматери Торопецкой.

Впервые столь знаменитый образ Божией Матери покинул музейные запасники и вернулся в родной дом — Русскую Православную Церковь.

1

По преданию Торопецкую икону, называвшуюся тогда Корсунской или Эфесской, привезли из Византии в XII веке, благодаря хлопотам святой Евфросинии Полоцкой. В Торопец Икона попала, когда венчалась внучатая племянница Евфросинии — Александра. С этой Иконой полоцкая княжна вышла замуж за девятнадцатилетнего князя Александра Ярославовича, которого через год назовут Невским...

Так, почти семь столетий назад, оказалась Икона на развилке русской истории, как бы указывая на направление ее движения...

С незапамятных времен началось почитание этого образа.

— Тебе молимся и Тебе просим, милостивную Матерь Человеколюбца Владыки, помиловаться нам, смиренным и недостойным рабом Твоим: призри милостивно на пленение наше и исцели сокрушение душ и телес наших, видимыя и невидимыя рати разори, и всяко столп крепости, оружие во бранех, воевода и

поборница непобедимая буди нам недостойным от лица враг наших... — звучали перед ним слова молитвы.

И, действительно, как свидетельствуют предания, не раз Чудотворная икона спасала город Торопец от набегов неприятеля и эпидемий. В центре города, специально для этой Иконы был выстроен величественный Корсунско-Богородицкий собор, где Чудотворный образ и хранился до 1921 года.

В Торопце, вблизи этой Чудотворной иконы, прошло детство и отрочество сына здешнего священника Иоанна Белавина, которому в страшные годы большевистских гонений, превратившись в патриарха Тихона, суждено будет возглавить Русскую православную церковь и провести ее по крестному пути.

И нельзя не отметить тут сходство Торопецкого образа иконы Богородицы с Казанской иконой Божией Матери, взяв которую в руки, священник из ближайшей к пожарищу Николо-Гостинодворской церкви Ермолай превратился в великого святителя, будущего патриарха Гермогена, возглавившего Русскую Православную Церковь в страшные годы первой русской смуты.

*Икона Божией Матери
Одигитрия (Торопецкая)*

2

В 1921 году Корсунско-Богородицкий собор был закрыт, и Чудотворную икону Богоматери увезли в местный краеведческий музей, откуда ее в 1936 году забрали в Государственный Русский музей, присвоив ей инвентарный № ДРЖ-2093.

В Русском музее № ДРЖ-2093 почти сразу же подвергли «реставрации».

Я беру это слово в кавычки, потому что, хотя пятнадцать лет срока от Торопецкого краеведения не прошли для № ДРЖ-2093 даром, но работы, проведенные в ходе реставрации в Русском музее, были направлены не столько на защиту Иконы от разрушения, сколько на раскрытие защищавших Икону слоев потемневшей олифы и позднейших «подновлений».

Как велось это вскрытие, поведала в интервью газете «Мой край» за 3 декабря 2008 года заведующая отделом древнерусской живописи ГРМ Ирина Дмитриевна Соловьева.

— Наши специалисты принялись реставрировать эту икону сразу после того, как она к нам поступила, — сообщила она. — К сожалению, худож-

ники немного «увлеклись» — счищая, как они думали, копоть с ладони Богоматери и ноги младенца, они удалили первоначальный слой краски и доскребли до первоосновы. Хорошо, вовремя остановились.

Азарт и «увлеченность» реставраторов можно понять...

«Я представляю, каково было душевное состояние человека, впервые заглянувшего туда, в наше живописное сказочное средневековье, — писал в «Письмах из Русского музея» Владимир Солоухин. — И хотя перед ним была тогда одна икона, один, так сказать, частный случай, все же догадка как молния озарила его потрясенный ум, и предчувствие целого моря красоты захлестнуло сердце. Но и теперь, когда вы знаете, уверены, что под чернотой хранится живопись, а под верхней живописью хранится иная, древняя, все равно первый взгляд сквозь прорезанную скальпелем брешь волнует и потрясает»...

Разумеется, заполучив в свое распоряжение столь древнюю икону, реставраторы вполне резонно рассчитывали открыть какой-нибудь шедевр, равный Андрею Рублеву или Феофану Греку, и потому-то так вдохновенно и рванулись в спрессованную на иконе глубину веков.

Но — увы! — хотя лежащий перед реставраторами № ДРЖ-2093 и являлся чудотворным образом, хотя несомненной была его древность, шедевром живописи № ДРЖ-2093 не являлся...

Тем не менее, произведя ряд исследовательских манипуляций, искусствоведы-реставраторы совершили-таки «открытие» и объявили, что икона «написана псковским мастером раннего XIV века».

Наверное, переживаемое реставраторами чувство чем-то напоминало ощущения героя стихотворения Юрия Кузнецова «Атомная сказка», когда тот, отыскав царевну-лягушку:

*Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток.*

*В долгих муках она умирала,
В каждой жилке стучали века.
И улыбка познания играла
На счастливом лице дурака.*

Действительно, читаешь вывод, опровергающий церковно-патриотические выдумки об исторических корнях иконы, и видишь счастливые улыбки, играющие на лицах иванушек от искусствоведения.

Еще бы...

Оказывается, не в Византии написали Икону, а на Псковщине, и написали, когда ни Евфросинии Полоцкой, ни Александра Невского уже не было в живых.

Разумеется, не все ученые согласились с этим выводом.

По мнению той же Ирины Дмитриевны Соловьевой, заведующей отделом древнерусской живописи ГРМ, «смуглый цвет кожи изображаемых святых указывает на древность произведения: так писались первые византийские иконы», но искусствоведы-«открыватели», остались при своем мнении. Такое ощущение возникает, что для того, чтобы привести икону в вид,

соответствующий их «открытию», и соскабливали реставраторы ладонь Богоматери и ноги Младенца...

Интересно, что в письме, адресованном президенту Дмитрию Анатольевичу Медведеву, а это письмо мы и цитировали, говоря о выводах, сделанных после реставрации, искусствоведы повторили свое заключение, правда, через несколько абзацев зачем-то дезавуировали собственное «открытие», назвав Торопецкий образ уже «уникальной древней иконой XIII–XIV веков».

Впрочем, сейчас на эту путаницу уже не обращают внимания, а в конце тридцатых, когда, прорвав атеистические кордоны тогдашнего агитпропа, святой благоверный князь Александр Невский, в гениальном и, я бы сказал, иконописном исполнении Николая Черкасова, в грозной, боговдохновенной музыке Сергея Прокофьева, прорвался с экранов кинотеатров к своим соотечественникам, искусствоведы проявили настоящее русофобское мужество, отделив Торопецкую чудотворную икону от святого князя, который приобрел тогда невероятную популярность среди наших сограждан...

После этого, объявленная произведением псковского мастера XIV века № ДРЖ-2093 была сдана в запасники и последние семьдесят лет провела в полуподвальном помещении Русского музея, как утверждают свидетели, прямо на каменной стене, у лестницы...

«Хранитель провела нас в фонд, — пишет корреспондентка газеты «Мой край», — в полуподвальном помещении, прямо на стене, среди других икон, висит образ Корсунской Божией матери».

3

Пока Икона долгие столетия находилась в Церкви, никаких проблем с ее хранением и сохранением не возникало. Известно, что в 1812 году, уже в 700-летнем возрасте (500 и 600-летнем возрасте по оценке искусствоведов из Русского музея), Торопецкую Чудотворную икону выносили на городскую окраину, чтобы остановить наступающие французские полки.

Известно, что вплоть до закрытия Корсунско-Богородицкого храма каждый год Икона участвовала в тридцати одном крестном ходе...

И вот за несколько десятилетий музейного заточения — ничтожный для такой древней иконы срок! — Чудотворный образ, еще недавно способный и к ратной службе, превратился в немощную, рассыпающуюся на глазах единицу хранения. После «реставрации» 1937 года № ДРЖ-2093 пришла в столь ветхое состояние, что в 1957 году потребовалась повторная реставрация.

В описании современного состояния Иконы — мы опять цитируем письмо сотрудников ГРМ президенту — отмечается, что «грунт иконы хрупкий, слабо связан с основой и подвержен хроническим вздутиям. Красочный слой и золото сильно потертые, имеют многочисленные утраты, выбоины и очень развитый кракелюр. Лики Христа и Богоматери при реставрации были вынуждены оставить под слоем записи и темной олифой ввиду отсутствия под ними первоначальных изображений. В силу ветхости и сложного состояния сохранности, деревянная основа и красочный слой иконы неоднократно укреплялись в реставрационных мастерских Русского музея»...

Как сообщил 27 ноября 2009 года ТВК «Пятый канал», «в первый и в последний раз» икону доставали из запасников, когда в музее готовили выставку русских икон «специально к приезду Билла Клинтона в Петербург».

Господин Клинтон, однако, не удостоил икону своим вниманием, ограничился осмотром картины И.Е. Репина «Торжественное заседание Государственного Совета», и № ДРЖ-2093 пришлось вернуться назад в забытые другими единицами хранения полуподвалы Русского музея...

Вообще-то, хранение «отреставрированной» и не включенной в экспозицию иконы весьма дорогостоящее, если соблюдать все положенные правила, занятие...

Поэтому, когда, откликнувшись на просьбу Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, Министерство культуры приняло решение о временной передаче Торопецкой иконы Богоматери в храм Александра Невского в подмосковном поселке Княжье Озеро, где стараниями устроителя храма президента строительной компании «Сапсан» С. А. Шмакова приготовили для иконы специальную австрийскую музейную климатическую витрину, где оборудовали даже специальные реставрационные мастерские, порадоваться бы следовало, что вот так замечательно все устроилось, и обременительная в хранении № ДРЖ-2093, к тому же не очень нужная для экспозиции, снова может превратиться во всенародно почитаемую святыню! Однако группа сотрудников Русского музея не только не возликовала, а наоборот, восстала против освобождения Чудотворной иконы.

Пытаясь остановить освобождение Иконы, эти сотрудники направили Президенту России Д. А. Медведеву письмо, где было заявлено, что *«любое нарушение существующего режима хранения (напомним, что Чудотворный образ, по ряду свидетельств, хранился на каменной стене полуподвала возле лестницы!) может привести икону к гибели, которая станет настоящей национальной трагедией»*.

Поскольку то, что происходило с Иконой в Русском музее, по мнению авторов письма, национальной трагедией не являлось, то, конечно, хотелось бы все-таки уточнить, о чьей национальной трагедии говорят сотрудники музея, апеллируя к Президенту.

Лично мне, как и миллионам других граждан России, национальной трагедией представляется положение наших национальных святынь, в котором они находятся на протяжении последнего столетия. Лично я убежден, что многих бед, обрушивающихся на Россию еще можно избежать, если прекратится продолжающееся и сейчас в наших музеях надругательство над ними.

4

Поясню свою мысль...

Любая икона, длительное время находившаяся в церкви, образует триединство духовного, исторического и художественного содержания. Духовная ценность иконы состоит в намоленности, в ее способности к чудотворениям.

Свойства эти открываются в иконе не сразу, и далеко не всегда удается обозначить момент, когда начинается почитание ее, как Чудотворного образа, как, впрочем, не подается рациональному объяснению и то, почему одна икона становится Чудотворной, а другая нет. Тем не менее сама роль Чудотворных икон в православной жизни, необходимость их в устройении и благополучии нашего государства чрезвычайно велика.

Историческая ценность иконы, как правило, определяется ее связью с историческими событиями и персонажами, ее влиянием на события и судьбы людей и тоже с большим трудом поддается объективному анализу, а зачастую и вообще является прикровенной.

Проще, на первый взгляд, обстоит дело с художественной оценкой иконы.

Любой мало-мальски опытный искусствовед или оценщик из антикварного салона безошибочно отличит ремесленную поделку от работы иконописца XIV века, но далее мы тоже вступаем в область условного. Причем в отличие от светской живописи объективная оценка затрудняется еще и самим предназначением иконы.

«Чаще всего мне думается, что древние мастера писали просто молитву, — писал в «Письмах из Русского музея» Владимир Солоухин. — Этого требовало время, задача живописи, ее, так сказать, прикладная, утилитарная сторона. Вот именно: подходит верующий к иконе, чтобы молиться, а его молитва, оказывается, уже выражена, изображена. То, что изображено на доске, вполне соответствует настроению, душевному состоянию молящегося. Именно свое-то состояние он и узнает в иконе. В этом-то и заключалась вся сила воздействия древней живописи. В этом-то и состоит то ее загадочное, подчас неуловимое нечто, что пытаются разгадать искусствоведы всех стран и что ускользает всякий раз при анализе только красок, только линий, только сюжетов, только композиции».

Классический пример идеального и, я бы сказал гармоничного соединения воедино высокого духовного, исторического и художественного содержания, являет собою Чудотворный образ Владимирской Божией Матери.

Однако чаще мы сталкиваемся с другими примерами.

Далеко не всегда безукоризненная с художественной точки зрения икона, выполненная гениальным иконописцем, становится Чудотворной. И напротив, зачастую весьма средние в живописном отношении копии, оказываются прославленными.

Все это необходимо учитывать при реставрации икон.

Занимаясь восстановлением их, а тем более расчищая икону от позднейших записей, нельзя игнорировать сакраментальное значение иконы, относясь к иконе так же как к произведению светской живописи.

В любом пособии по реставрации икон можно прочесть, что к реставрации следует прибегать лишь в крайних случаях и применять те или иные операции сообразно с необходимостью; что реставратор всегда поставлен в ситуацию выбора, помочь в котором может только нравственное чувство, основывающееся не на свободных душевных интуициях, а на соборном духовном опыте Церкви.

В давнишние времена, занимаясь поновлением обветшавшей, потемневшей иконы, мастер погружался в ее духовное пространство, и даже и не обладая должным мастерством, сам того не сознавая, не разрушал изначальный облик, а защищал его.

В конце XIX — начале XX века опыт такой реставрации был назван варварством и предан осмеянию. В прорубленные сквозь поздние наслоения окошечки явились нетронутые в своей первозданной чистоте живописные сокровища древнерусской иконописи, и обретение этой красоты, равной которой не было в мире, так возвышало национальную гордость, что негромкие голоса, призывающие проявить осторожность в освобождении сказочных жар-птиц, не спешить, тонули в гуле духоподъемных восторгов.

И хотя все знали тогда, что иконы, в отличие от живописи, обладают особыми свойствами, которые называются «намоленостью» и «чудотворностью», почему-то никто не задумывался, что происходит с этими свойствами иконы, когда с нею начинает работать пусть и технически грамотный, но духовно неопытный человек...

Может быть, когда-нибудь и будет составлен каталог безвозвратных потерь, сопровождавших формирование коллекций великих князей, московских предпринимателей Рябушинских, художников Ильи Семеновича Остроухова и Виктора Михайловича Васнецова, великой коллекции Лихачева, но едва ли включат в этот список Российскую Империю, которую мы тоже тогда потеряли...

5

После революции, когда церкви были преданы уничтожению, а иконы сжигались, любое варварство реставраторов рядом с варварством комиссаров в кожаных тужурках выглядело как забота о сохранении национального достояния, и тогда-то, на наш взгляд, и началось формирование касты, к которой могут быть отнесены многие нынешние реставраторы и искусствоведы.

Их отличие от реставраторов дореволюционной школы хорошо описал в «Письмах из Русского музея» Владимир Солоухин:

«Старый способ, как и во всем, начиная с выделки шампанского и кончая строительством домов, медленнее, но доброкачественнее. Миллиметр за миллиметром продвигается реставратор по доске, но зато не соскоблит лишнего, не «перемое», не заденет авторского слоя.

При компрессе дело подвигается куда быстрее. Сразу очищается большой квадрат. Но стоит чуть-чуть передержать компресс, и размягченной оказывается не только олифа, не только верхняя живопись, но и самое драгоценное авторское, невосполнимое.

— Кустари! — говорят компрессники про стариков.

— Варвары! — отвечают старики компрессникам. Один мстерский художник недавно высказал мне любопытную мысль. Он сказал, что можно любую икону «добрать» тончайшим и тщательнейшим образом. Но тщательно добирать дольше и труднее, чем потом подрисовать, если немного перемоешь».

Разумеется, суть тут не в методе реставрации, а в самом отношении к предмету реставрации. Если икона перестает восприниматься как объект молитвы, положения не исправит и консервативная медлительность.

Свою антиправославную сущность жрецы новой касты, сформировавшейся в наших музеях, в отличие от комиссаров, занимавшихся уничтожением церквей, прячут не под обветшавшей идеологией строителей нового мира, а под высокомерностью служения искусству.

Удаляя все, зачастую не очень искусные дописки, бесстрашно прорубаются эти реставраторы к подлинному авторскому слою. Но, смывая века молитв православных людей, они удаляют одновременно и тот защитный слой, благодаря которому сохранялся подлинник, и порою тут же разрушают его, как это случилось с Торопецкой Богородицей.

Подобная позиция реставраторов не только безнравственна, но и антихудожественна.

«То, что религия — невежество и мрак, нужно было внушать художникам тогда, когда они писали, или даже до того, как писали, — остроумно заметил по этому поводу Владимир Солоухин. — А теперь нам остается мерить их искусство единственно возможной мерой: насколько успешно они воплотили в живопись то, что задумано было воплотить».

Помню, однажды я случайно разговорился с подвыпившим реставратором, который в ответ на мои восторги о возвращении Чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери, сказал, дескать, эка невидаль, он сам, своими руками от этой чудотворности уже несколько досок расчистил.

Признаться, тогда я не принял его слова всерьез, но сейчас, почитав и послушав, что говорят об иконах сотрудники Русского музея, уже не могу так легко отмахнуться от них.

В самом деле, что происходит с иконами в музейных мастерских?

У меня нет оснований называть «соскребание чудотворности и намоленности» с икон сатанизмом... Но если Чудотворные иконы, которые вчера еще выносили, чтобы утишить бушующий огонь, превращаются после реставрации в рассыпающиеся от малейшего движения воздуха экспонаты, как назвать это превращение? Назвать это похвальным и нужным народу делом не поворачивается язык...

И опять-таки, *что* соскребывается и *что* остается на иконе после такой реставрации?

В 1906 году Н.К. Рерих писал «Около стен и под куполами устрашающе стоят гильотины искусства — подмостки реставраторов, закрытые со всех сторон, и за ними погибает искусство. Глубина настроения, прелесть случая, вдохновения покрывается удобопонятным шаблоном, по всем правилам восстановителей. Не изгоним их; они очень почтенны и для них есть большое дело; поддержите останки ветхой жизни, закройте от света слабое зрение, сохраните теплоту воздуха для старого тела, удалите колебания, наконец, снимите пыль и грязь, но беда коснуться духа вещи, повредить ее эпидерму».

Слова эти, сказанные, когда утверждались принципы современной реставрации, справедливы и сейчас, когда мы видим зияющие прорехи в утвержденных принципах.

6

— На реставраторов было страшно смотреть, — скорбно сказал журналистам директор Русского музея В.А. Гусев, когда принято было решение исполнить указание министерства культуры и отправить Торопецкую икону Божией Матери в храм Александра Невского в поселке Княжье Озеро.

— А что будет, если икону не вернут? — задала вопрос одна из журналисток. — Верующие могут лечь за нее под танки, а Вы ведь под танки не ляжете? Что тогда? Вы создали прецедент, который в споре музеев и храмов о том, кому хранить церковные ценности, будет явно не в пользу музеев...

— Мы пошли на мирный компромисс, — ответил Гусев. — Мы сделали шаг навстречу. Мы ни перед кем не «прогнулись». Я убежден, что мы действовали верно. Если в обществе есть потребность в духовном возрождении,

надо идти навстречу обществу. А риск — он есть всегда и везде: и в музее, и в храме. Но я уверен — икона вернется.

И он пояснил, что в отношениях между музеями и церковью всегда надо искать компромиссы. Например, Церковь, как и в былые времена, могла бы создавать музеи, где верующие и неверующие смогли прикоснуться к ее ценностям. В Петербурге, например, местом такого паломничества вполне может стать домовая церковь Михайловского замка Русского музея.

Мысль господина Гусева о том, чтобы перенести экспозицию икон из музейных залов в домовую церковь Михайловского замка, на наш взгляд, весьма плодотворна, но одним только этим компромиссом нельзя ограничиваться.

Мне бы не хотелось, чтобы моя статья воспринималась, как выпад против реставраторов.

Есть реставраторы и есть реставраторы.

Наверное, и реставрация Чудотворных икон тоже в каких-то случаях оправдана и даже необходима, но, как говорил господин Рерих: «беда коснуться духа вещи, повредить ее эпидерму».

И, конечно, менее всего хотелось бы разбираться, чем — неумеренным тщеславием иванушек от искусствоведения или не достаточно высоким уровнем развития реставрационных технологий и материалов — вызвано уничтожение и порча Чудотворных образов в наших музеях.

Нет сомнения, что через несколько десятков лет появятся новые материалы и технологии, которые рано или поздно позволят обезопасить процесс спасения икон. Так, может быть, следует приостановиться, подумать, что является приоритетом: возвращение иконы к ее хрупкому в хранении и зачастую малоценному с точки зрения музейной экспозиции первообразу или сохранение иконы во всей полноте духовной, исторической и художественной сущности?

Очевидно, что без участия представителей Русской Православной Церкви и общественности, силами одних только искусствоведов решить этот вопрос невозможно, и объединение усилий тут тоже могло бы стать компромиссом.

Ведь сейчас, когда разрушение икон превратилось в плановое, к тому же хорошо оплачиваемое государством дело, возникла реальная опасность, что в результате подобного хранения мы ничего и не сможем оставить нашим потомкам кроме копий главных русских икон да еще монографий, написанных музейными искусствоведами.

И, конечно, уход из музея Чудотворной иконы Торопецкой Божией Матери, которая — даст Бог! — никогда больше не превратится в узницу № ДРЖ-2093, идеальный пример компромисса, который предлагает искать В. А. Гусев.

«Все делается для того, чтобы сотни тысяч верующих могли поклониться Святыне, — говорит председатель попечительского совета храма Святого Благоверного князя Александра Невского С. А. Шмаков. — Та степень моральной ответственности, которую мы берем на себя, принимая на экспозицию Икону, несравненно выше, чем все контр-требования, условия и аргументы. Мы несем ответственность не только перед государством и будущими поколениями, но и перед Богом».

Великая ПРОВИНЦИЯ

**Анатолий
ГРЕШНЕВИКОВ**

«ЛЮБЯ И ПОМНЯ...»

Очерки

Анатолий Николаевич Грешневиков — родился в 1956 г. в деревне Краснодубровской Алтайского края. Детские годы прошли в деревне Редкошово Ярославской обл. Закончил Угличское часовое училище, затем — ЛГУ. Избирался народным депутатом Ярославского обл. Совета. 1990–1993 гг. — народный депутат РСФСР, член Верховного Совета. Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 5-ти созывов. Стоял у истоков российского природоресурсного законодательства. Член СП России, автор более двух десятков книг. Лауреат многих премий. Награжден орденами. **Живет в Москве.**

ВОЛЖСКИЙ ГРАД КИТЕЖ

*Что же ты стоишь, путник?
Ищи путь к городскому собору —
время возжечь свечу.*

Владимир Гречухин. 1997

Один человек затапливает города, монастыри, деревни, а другой думает, как спасти эти территории. Одним человеком овладевает страсть рушить церкви, усадьбы, памятники, другой всю жизнь посвящает возрождению исторических и православных святынь.

Другим человеком — подвижником и созидателем — всегда был Владимир Гречухин. Богу суждено было одарить его многими талантами. Он и педагог, и каменщик, и плотник, и писатель, и удивительный рассказчик, и драматург, и музейщик, и археолог, и путешественник. А теперь вот еще и зиждатель, восстановитель затопленного района.

Часть его любимого города Мышкина и здешних окрестностей ушла под воды Рыбинского водохранилища. Многострадальная Молога, скрытая тяжелыми водами моря, постоянно заставляла сердце краеведа содрогаться от боли, от того безобразия, которое человек с ней сотворил.

Он с детства печалился по затопленным деревням, потому что знал: их ушло под воды более семисот. Перечислял убиенные человеком малые удельные княжества — Сицкое, Шуморовское, Сутское, Прозоровское. Жители Брейтова, Рыбинска, Пошехонья называли ему и свои селения. Рассказывали, какие то были селения. Сколь много их деда и отцы накашивали там сена: аж по восемь миллионов пудов в год! Имелось у крестьян сорок тысяч голов крупного рогатого скота, еще тридцать пять тысяч мелкого скота и еще двадцать пять тысяч лошадей! Богатая волж-

ская пойма кормила многих. Излишки душистого сена продавали. Здешние крестьяне гордились и тем, что они давали двадцать процентов всех заготовок губернии по животному маслу. Столицей этой богатой второй Ярославии, упокоившейся на дне водохранилища, была старинная, былинная Молога. Первое летописное упоминание которой относится к 1149 году.

В засушливые годы он с группой краеведов отправился пешком посмотреть бывшие пристанища сел и деревень, навеки ушедшие под воду и скрытые от глаз людских. Море на короткое время отступило, обнажив фундаменты домов и церквей, и допустило краеведов до необычных кладбищ.

Вначале они пришли в село Шуморово.

Затем с трудом добрались до столицы ярославской Атлантиды города Молога, о встрече с которой Гречухин непрестанно мечтал.

Вместо знаменитых сочных лугов в окрестностях Шуморово их встретили дикие тощие травы. Бесконечное песчаное мелководье и неподвижные заводи напомнили Гречухину судьбу Аральского моря... Оно также лежит среди песчаного пространства. А теперь и в знаменитом крестьянском крае случайного человека встречают движущиеся дюны-барханы. Среди чистых, промытых песков он нашел деревню, вернее, то, что от нее осталось. В древние-древние времена отсюда уходили защищать свою землю князья Шуморовские. Гречухин читал упоминание о них во многих средневековых русских актах.

Краеведы остановились перед первыми развалами кирпичей, являющимися фундаментом дома. Рядом пни. Крестьяне любили перед окнами сажать березки да рябины. Но вот и серьезные находки: дверной замок, разбитый кувшин, ухват, дужка от чайника, воротной крюк. Идут краеведы дальше, а земля все открывает им предметы крестьянской жизни — топоры, весы, косы, вилы, безмены, подковы, серпы. И уже глазам тяжело смотреть: кругом топоры да подковы лежат. Смотрит Гречухин на кованое рукоделие, дивится красоте рук человеческих и мерещится ему, будто косы, топоры и замки говорят с ним или сам кузнец зовет... Поговорил он с ними, так как всегда любил говорить со старинными вещами, и успокоился, и стихли печальные голоса. Подозвал Гречухин разбредшихся краеведов к обнаруженному каменному жернову. Жалко было оставлять беднягу-труженика под водой. Подняли они его и поставили на бочок. Но еще более совестно перед другими вещами. Вроде как видел их, а не спас. Единственное успокаивало, что не увезти ему отсюда прорву крестьянской утвари и не разместить краеведам вещи погибшего села в музее, ибо нет у них такого просторного музея.

Еще большая грусть нахлынула на Гречухина при виде остатков великого храма. Владимир долго стоял с поникшей головой и влажными глазами. Лишь потом он признается в чувствах, кои будоражили тогда его душу, и напишет о них в газете, в статье с опять же грустным названием «Ветры здесь многоголосы и печальны». Только сильный человек с прекрасной душой и чистым сердцем способен на такое откровение. «И чем дольше ходишь один, — написал он. — Чем больше смотришь и слушаешь — тем тверже уверяешься, что церковь и сейчас не уступила судьбе. Что это по-прежнему — Храм. И как же мужественно встретил этот храм всеобщую погибель... Стоя в самой середине обреченного села, он всех дальше выступил навстречу волнам и на мрачный вызов беды ответил гордым вызовом

мужества. Пятьдесят лет прошло с того вызова и того ответа. И вот стерто почти все, кроме участков узорных полов. Храм разрушен. Но не побежден! Иначе откуда бы в моей душе столько сейчас теплой любви и такой же гордости?».

Так видит мир с его грехами и праздниками только православный человек.

Гречухин встретил и Мологу. Грустный. Молчаливый. Уставший. Опять с группой единомышленников. Среди которых один самый-самый мологский — Николай Макарович Алексеев, создатель и директор единственного в мире музея Мологи, что находится, увы, не на остатках затопленных мологских территорий, а в Рыбинске.

Однако Гречухин считает, что не он, а Молога его встретила. Вначале краеведы натолкнулись на бетонные громады, плиты, стержни мачт с навигационными фонарями. Только так и может затопленный волжский град Китеж встретить человека. Город-то погиб не сам. Жизнь и славу его отнял человек.

И лишь пройдя мимо первых фундаментных камней, домашних печей, по мостовым и тротуаром и поприветствовав город словами смиренных паломников: «Здравствуй, матушка-Молога», город допустил их до себя, принял и подал зов. И Гречухин почувствовал и этот зов, и то, как манит его город. Он смело пошел по большим улицам... Господи, столько времени ожидал этого часа, столько перечитал исторических книг и летописей, и вот теперь он идет по Мологе. По дороге ему попадаются кованые железные ворота. Гречухин недоумевает: кого они с такой безнадежной верностью стерегут?!

Он меряет шагами тротуар из широких каменных плит. Чинные, благородные улицы. Когда-то по ним уходили мологжане на Куликово поле. Здесь встречали они императора Павла I. Тут гулял известный поэт и страстный коллекционер граф С. А. Мусин-Пушкин, а также знаменитый певец Леонид Собинов. Граф отслужил в городском земстве двадцать три года. А у певца здесь жила сестра Александра Витальевна.

Пройдя по мертвому городу, он вышел на осыпи соборных стен. Гречухин искал храм, куда ходил в детские годы будущий архимандрит отец Павел Груздев. Странствия по загубленному городу — как странствия по памяти. Хотя люди пытались загубить отца Павла, обрекли его на мученическую жизнь в Вятлаге, отправили в казахстанские степи, а он выжил, вернулся к ярославцам и стал для них самым глубокопочитаемым архимандритом. Может, и Молога вернется?! Гречухин впервые задумался здесь, среди исторических развалин, о реабилитации Мологи и спасении-собрании незатопленных островков мологских земель. Его поддерживал в те минуты лишь прибой. Его вечная музыка казалась ему молитвой по Мологе, по здешней Тихвинской речной системе, доставлявшей из Петербурга в Мологу триста судов с товарами на пятьсот тысяч рублей. По нынешним временам — это триллионы!

Размышления о собирании мологских земель напомнили ему о героических страницах города. В 1149 году он первым дал отпор в жестокой сече киевскому князю-завоевателю Изяславу. Отбивались не раз от татар. Особливо в 1238 году. Не открыли ворота самому могучему тверскому князю Михаилу. Бились в Смуту с поляками. И всегда уберегали город от

погибели. Не покорялись врагу. Но наступил век двадцатый — век научно-технического прогресса, и русский человек загубил город, отправил его могущество, богатство и славу на дно моря. От таких мыслей Гречухин вздрогнул. Болью в сердце они отозвались.

Не удержался он и об этой покаянной встрече с городом-мучеником написал очерк «В столице «Ярославской Атлантиды». Только теперь он попытался осмыслить увиденное, поразмышлять о будущей судьбе Мологи и ее незатопленных земель. То были первые мысли... Гречухин высказывал их откровенно: «Мы, смятенные увиденным на сем месте соборного русского страдания, осознаем, что в этих безлюдных просторах, может, обретен и понят один из истинных кладов русской исторической судьбы. Понята святость места особого русского новомученичества. И стоит ли нам искать на Ярославщине более важные святые места, если тут и есть случай, когда целый город без изъятия был вырван из родной жизни и без вины наказан вечным изгнанием? И коли это понято, то чувство высокой силы тебя уже не покидает. Хочется печально и гордо поднять голову под ветром беды и времени. Не боясь. А любя и помня».

Гречухин предложил начать битву за реабилитацию Мологи, за соби- рание и возрождение мологских земель с реставрации уникального здания церкви в старинном селе Веретея. Там еще хранился мологский дух. Коман- ду мышкинцев-реставраторов возглавил Владимир Гречухин, а рыбинцев — Николай Алексеев. Восстановление храма должно открыть путь к более ши- рокому процессу возрождения... О спасении и возрождении древнего села он впервые подумал, находясь десять лет назад на дне моря, подарившего в засуху встречу с мертвыми селом Шуморово и городом Мологой. Было это в 1996 году, и писал он в областной газете так: «И не только ты сам, а и дальние селения, кажется, тоже застыли в раздумии и поглядении. И Веретея силуэтом далекого сказочного городка зыблется, светится в мареве пустынных просторов над великим театром воды и неба. Столб солнечного осеннего серебра уходит по мелководью от шуморовского храма к церкви Веретей и, раздробляясь мелким узорочьем, рассыпается по заливам и про- токам. Слеза набегает на глаза, желающие объять и эту красу».

Десять лет прошло, а он все так же с восхищением смотрит на храм Ве- ретей. Только тогда в глазах дрожали слезы, а теперь зажигается радость.

ДОРОГА К ХРАМУ ПАИСИЯ

Конкретное дела благороднее, нужнее, чем умные и полезные рассу- ждения о том, как и что нужно сделать, — это выстраданное, свое любимое правило Гречухин не раз воплощал в жизнь. Созданный трудами краеведов музей лучше, чем бездеятельная печаль об исчезновении примет старины и предметов прошлого быта. Изданная книга сильнее развивает интерес к истории, чем просмотренная серия телепередач. Не следует ждать от высо- копоставленных чиновников напрасных и долгих обещаний о приведении в порядок памятников архитектуры, когда надежнее и быстрее сделать все это самому.

В наступившие времена массового возвращения к Православию Вла- димир Гречухин решил не только постигать смысл веры, а вспомнил свою первую профессию каменщика, взял мастерок и пошел возводить стены раз-

рушенных церквей. Вера без дел мертва. Истина эта известна многим, да не все следуют ей. Большинство предпочитает жить советами да критикой. Начал мастер свой реставрационный подвиг с села Учма.

В пятнадцатом веке отсюда, с тихой волжской пустоши, пошла слава праведника Кассиана, урожденного византийского князя Константина Макнувского. Ему суждено было пережить утрату отечества, бегство от турок, многочисленные странствия. Став участником заочного обручения в Риме греческой принцессы Софьи Палеолог и московского государя Ивана III, он прибыл в поезде невесты, как ее приближенный, в Москву. На русской земле ему довелось стать боярином ростовского архиепископа, совершить монашеский постриг. Поскольку монастырь в Учме, помнящий Кассиана, был взорван, то Владимир Гречухин выступил с идеей поставить в том селе памятную часовню.

Храм в Учме должен был возродиться еще и потому, что среди монастырских развалин, под спудом старейшей церкви сохранились мощи Святого Кассиана, которые были спасены от варварского разграбления самоотверженным подвигом верующей крестьянки Надежды Вандышевой, закрывшей могилу своим телом, и сказавшей, что даже угроза смерти не заставит ее уступить святыню. Слава Кассиана не умерла и по сей день. И потому казалось естественным, ускорившим дело, желание местного жителя, лесника и краеведа Василия Гурьевича Смирнова помочь срубить часовню.

Таким образом, мечта Гречухина, чтобы в Учме появился храм, как символ покаяния его земляков за безбожный акт сноса монастыря с земли русской, сбылась достаточно быстро. Храм Анастасии и Кассиана поднялся к небу, в нем начались церковные службы, зазвучал голос священника. Большую лепту в финансировании строительных работ внес итальянский художник, гражданин Италии, Франции и России Петр Сергеевич Чахотин. Побывав на волжской стороне, хранящей память о Кассиановских временах, он вознамерился упрочить ее, так как Кассиан жил в Италии и оттуда пришел на Русь.

К маленькому храму со светлыми бревенчатыми стенами потянулись люди с иконами, двинулся крестный ход. Средь белого дня, по живописным лугам разносилось древнее песнопение, исполняемое угличским духовным хором. Благодатный, волнующий огонь свечей надолго оживил печальные сельские уголки Учмы.

А недалеко, в Малом Богородском была родина друга и единомышленника Кассиана, Святого Паисия. Долгие годы Гречухин собирал в архивах и библиотеках документальный материал о жизни и деяниях великих земляков, намереваясь написать о них книгу. Но с чего начать, когда и в этом селе тоже вопиет разрушенный храм? В несуетную минуту раздумий он обратился с напутственным словом к Паисию: «Надоумь, Святой Паисий, с чего нам начинать?». Если Святому молитвеннику удалось в свои шестьдесят четыре года возвести великую обитель, то молодым краеведам должно быть в радость прикосновение к древним родникам веры.

Начали с малого. Краеведы взялись облагораживать кладбище, могилу Иоанна и Ксении, родителей Паисия, пруд. Убрали хлам, выкорчевали бурелом, выпилили сухие деревья, вывезли развалы устаревшего и ломаного кирпича. Затем принялись за благоустройство заброшенного колодчика Паисия. Он находился внизу, в распадке. Сруб зарос травой, почти вровень

сросся с землей. Последним радетелем, чинившим его, был крестьянин Рыбаков из деревни Федорково. Гречухин слышал о том, что водица колодчика помогла получить крестьянину облегчение от нездоровья. Краеведы сколотили лестницу, набили перила. Рядом водрузили огромный Поклонный Крест. Не забыли настелить пешеходные мостики через сырое место, соорудить и поставить скамейки. Работали до седьмого пота. И за одно лето родные палестины Святого Паисия было не узнать. Путники легко могли спуститься к колодчику, испить чистой водицы, могли пройти на кладбище, поклониться праху родителей Паисия.

Каждый раз трудилось человек по пятнадцать, даже лесник из далекого села Учма Василий Смирнов приезжал поучаствовать в благородном деле. Он полагал и говорил не раз об этом Гречухину, что раз мышкинцы помогли его селу установить часовню, и раз Кассиан дружил с Паисием, и они были единомышленниками, то он не может остаться в стороне.

Малое Богородское, сегодня почти вымершее, считалось не только родной землей Святого Паисия, но и землей потомков знаменитого Тютчевского рода. Но крестьянская жизнь продолжается лишь в соседнем селе Большое Богородское. Гречухин начал возрождение кладбища, колодчика и храма в соседнем погибшем селе, пытаясь раскатать сельский мир в округе. В Большом Богородском был свой чудесной красоты и величия храм Святого Духа. Но его тоже постигла участь разорения. Возрождать святыню следовало самим сельчанам, больше не на кого надеяться. И Гречухин не ошибся: тамошний народ отозвался...

Только застучали на храме Паисия в глухом углу лопаты, мастерки и топоры, как из Большого Богородского пришла посмотреть на краеведов старая коммунистка Клавдия Михайловна Жигарева — древняя, как гриб столетний в лесу. Встанет в сторонке, смотрит на молодых энтузиастов и глазам не верит. Удивляется, зачем они сюда приехали, зачем им понадобилось восстанавливать кирпичную кладку на полуразрушенном храме?!

От нее жители Большого Богородского узнавали все новости о ходе работ на храме. Но, несмотря на малое расстояние, а между селами было два с небольшим километра, никто из крестьян не спешил придти не то, чтобы на подмогу, но и на смотрины. Хотя спрашивать спрашивали. Каждый день интересовались у старушки, что там, у Паисия, происходит. У Паисия — значит, в Малом Богородском. Эта привычка так говорить выработалась с дореволюционных времен. Местные крестьяне почитали Святого Паисия. Через неделю к храму подкатил первый трактор, потом мотоцикл... Любопытство взяло верх. Наконец-то краеведы встретили сочувствие и понимание. А вскоре приехал мышкинский благочинный отец Александр, и реставраторы получили благословение на праведные труды.

Откликнулась на негласный зов краеведов двоюродная сестра Гречухина, бывшая учительница Лидия Александровна Смирнова. Она приезжала из Большого Богородского к разрушенному храму на велосипеде. Получала у ребят наряд на работу и тут же превращалась в реставратора.

Однажды, старая коммунистка Жигарева встретила на дороге двух московских дачников. Те громко рассуждали о том, что потуги краеведов, восстанавливающих храм в безлюдном глухом месте, — большая глупость, что ничего из их дурной затеи не получится. Слова дачников оскорбили ее, человека, принимавшего участие в этой «глупости», и она вступила с ними

в горячий спор. Так же, как недавно не соглашалась с другими москвичами, специалистами института искусствознания, говорившими, что без их участия ни одну церковь из развалин не поднять... Вот и теперь у нее душа возсталла.

Придя домой, Жигарева долго не могла найти себе места. Серьезно обдумав ситуацию, она пошла по деревне к наиболее авторитетным ее жителям.

— Давайте восстанавливать храм, — убеждала она одних и других. — Я коммунистка, но если людям это надо, значит, надо и мне... Если повсюду церкви восстанавливают, и вера благотворно влияет на людей, то давайте и мы восстанавливать храм. Без идеологии обществу нельзя. Ребята из мышkinsкого музея работают сейчас на храме Паисия, возьмем с них пример.

И постепенно она подняла народ. На помощь вышли и стар, и млад. Краеведы давно не видели такого людского муравейника, снующего вокруг разрушенного храма. Они прибрали территорию, сравняли бугры, вырубил кустарник. И главное, помогли Гречухину выложить из кирпича стену в крепко пострадавшей колокольне. Недавнее запустение, позор и хаос отступили. Крестьяне особо ликовали, когда видели плод своего совместного с краоведами благородного труда. Храм был возвращен к жизни.

— Теперь, Владимир Александрович, мы переключаемся на свой храм, — сказала Гречухину старая коммунистка. — На церковь Святого Духа.

— Правильно, — поддержал ее Гречухин. — Она же у вас рядом. Будет теперь, где крестить людей, венчать, отпевать.

Краеведы взялись за восстанавливать храм Святого Духа. Гречухин видел состояние храма раньше. Оно пугало развалинами. Из стен торчали гигантские обломки балок. На крыше росли березы и чахлый кустарник. Кругом лежали груды мусора. Теперь картина изменилась. Сельчане вытащили все гнилушки из помещения церкви. День за днем вывозили из него кирпичные осколки, птичий помет, доски, банки, осыпавшуюся штукатурку. Вычистили храм от рухнувшей крыши, потолка, пола. Срубили деревья. Шестьдесят человек трудилось с утра до вечера в завидном крепком единстве. Гудели трактора. Мелькали в руках людей ведра, тазы, корыта с землей. И территория вокруг израненного храма резко видоизменилась.

Наступила самая ответственная пора — кладка кирпича. Ее поручено было делать бывшему каменщику Владимиру Гречухину. И он смело взялся за дело, имея опыт работы на храме Паисия. Правда, здесь работы было гораздо больше.

Около месяца у него ушло на то, чтобы всю кладку восстановить полностью. Старые, треснутые и побитые кирпичи краеведы тихонечко сняли. Верхнюю связку стен из четырех рядов разобрали всю, так как она одряхла. От прежних перекрытий остались лишь обломки. Их тоже аккуратно демонтировали. В алтаре пришлось разобрать свод. Он заметно падал, опускался к низу. Теперь необходима была новая обвязка. Пострадали от времени, непогоды и человеческого варварства все окна. Потому под окошками краеведы выбрали всю труху. Кладка была обновлена здесь тоже полностью.

Много времени ушло у Гречухина на восстановление алтаря, которому крепко досталось от атеистов... Он почти весь был разрушен от пола и до

самого верха. Гречухину пришлось одну часть стены выложить заново, а вторую обвязать. С обвязкой вышла заминка. По большому счету вторую стену следовало всю разбирать. Кладка на ней хоть и крепко, плотно выглядела, но все-таки обветшала. Чтобы она увереннее стояла, Гречухин предложил не тратить два месяца на ее разборку, а обвязать поясом, накладкой. Стена спокойно простоит еще сотню лет, а выступающую наружу накладку скроет иконостас. Так и сделали.

Сколько раз за работой Гречухин отмечал про себя, что в том мышкинском углу, где они трудились, люди живут особые. Лучшие во всем районе. Там больше всего сохранилось деревень и сел. Крестьяне оттуда не бегут. Живут тихо, спокойно, по-доброму, помогая друг другу. Семейственность сохранилась там во многих домах. Гречухин знает многие семьи, дорожит общением с ними. В остальных деревнях уже размыта культура дома, культура человеческих отношений. А там — нет. Есть основа — прочная, надежная. Есть председатель — стоящий хозяин, самостоятельный, думающий. И правительство здесь создали народное. Всем миром решено поднимать храм.

Народное правительство с таким вдохновением и с такой силой включилось в работу, наверное, потому, что от местных чиновников не исходило ни единой инициативы. А правительство тут же ввело самообложение. Прощлось по селу и окрестным деревням и собрало деньги. Каждая семья жертвовала столько, сколько могла. «Собираем на церковь!» — то и дело раздавался по округе их призыв. Правительство установило также очередность работ. За каждым домом, улицей, деревней закреплялся определенный фронт деятельности. График был составлен строгий, четкий, согласованный со всеми односельчанами. Такой подход к делу очень расстрогал Гречухина. Члены народного правительства следили за тем, чтобы мышкинских краеведов кормили хорошо. «Ты корми мужиков-то, чтобы они работали!» — командовала коммунистка Жигарева.

Реставрировать храм приходили и местные детишки. Приходили оравой, человек тридцать. Трудились великолепно, без подсказок и окриков. Гречухин неустанно хвалил их. А они еще больше старались. Взрослые не успевали выносить битый кирпич и землю из помещения на улицу, как они тут же убирали весь хлам от церкви. Уносили кучу за кучей, и все бегом, бегом. Помогали они и Гречухину на кладке кирпича. Поднимали его наверх, укладывали стопкой, подносили к мастеру. Порой Гречухин так изматывался от задаваемого мальчишками темпа работы, что просил отдыха.

Известие о реставрации храма хоть и давно пронеслось по округе, но не все сразу смогли приехать и включиться в работу. Между тем, некоторые дальние деревни, узнав о необычном строительстве, присылали гонцов, другие, узнав новость в магазине, тут же рвались в дело. А некоторые приходили с обидой:

— Вы чего нас чужими считаете, что ли? Да?! Мы же придем и сделаем все, что скажете. Мы просто не знали.

Дух народного подъема Гречухин сравнивал со временем Минина и Пожарского. Народному правительству беспрекословно подчинялись все. Среди тружеников-новобранцев появлялись самые неожиданные люди. В одной мышкинской семье, включившейся в кипучую деятельность, Гречухин узнал знакомых... Это известный московский скульптор В. Ф. Шухов

привез на машине свою семью. Им тоже захотелось отдать дань уважения Святому Паисию.

Темпы каждый день ускорялись. Работа начиналась с раннего утра до вечера, до царствования в воздухе злых ночных комаров. Чтобы раствор не успевал застыть, а люди в цепочке не уставали подавать его каменщику, приходилось вести работу посменно.

Восстановили всю кладку. Местные плотники тут же взялись ладить крышу. После них к делу приступили мышкинские жестянщики-реставраторы, создатели ажурных дымоходов братья Александр и Николай Богословы. Сложная кровля сдалась их умелым рукам. И храм тотчас стал чистый, красивый, как игрушка.

Гречухин положил последний кирпич, тяжело вздохнул, осмотрел село сверху и подумал о том, что все в этой жизни возвращается к истокам. Если деды жили по вере, придерживались традиций, доставшихся им по наследству, то и теперешний народ должен быть продолжателем их дела. Вскоре наступил самый ответственный момент для жителей села Большое Богородское — официальное открытие храма. Члены народного правительства отправились в Ярославль, в епархиальное управление. Их принял сам архиепископ Ярославский и Ростовский владыка Кирилл. Он поддержал инициативу сельчан, пообещал прислать священника. И главное, сказал, что приедет сам освящать храм.

Слово владыка Кирилл сдержал. На освящение храма Святого Духа он приехал не один, а вместе с гостем епархии — архиепископом Бакинским и Прикаспийским Александром. Он родился на ярославской земле, и потому пожелал поучаствовать в открытии в далеком краю Святого Паисия возрожденного храма. С ними приехали священники со всего ярославского междуречья Волги и Рыбинского водохранилища, от Углича до Рыбинска и Брейтова. Выполнил обещание и губернатор области — проложил дорогу от Большого Богородского до восстановленного храма. Храм открывали всем крестьянским миром. И восклицали дружно и многократно богомольцы: «Паисий радуется!»

...Через год архиепископ Ярославский и Ростовский владыка Кирилл снова пожаловал в мышкинские края. Решил еще раз провести в возрожденном храме службу, поддержать сельчан, вернувшихся к вере предков. Было это на Паисьев день. А в конце церковной службы владыка Кирилл благословил всех и произнес неожиданные слова:

— А теперь я объявляю вам о событии, которое украсит сегодняшний день. За многолетние труды на благо возрождения духовности патриарх Московский и вся Руси Алексей II награждает Владимира Александровича Гречухина орденом преподобного Сергия Радонежского третьей степени...

А Гречихин с душевной теплотой, с любовью смотрел на своих соотечественников и думал о том, что все-таки в России наступили времена надежды, раз лучшие русские люди, как когда-то Минин и Пожарский, могут собрать народ и вывести его на великое, спасительное дело.

28 января 1951 года

**Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ**

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884-1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С. Н. Корытиным и Н. Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало в № 1, 2, 3, 4 за 2008 г., № 1, 2, 3, 4 за 2009 г. и № 1 за 2010 г.

Евр. 11, 1: *Вера есть уверенность в невидимом, как в видимом, а в желаемом и ожидаемом, как в настоящем.*

Евр. 11, 6: *Без веры невозможно угодить Богу, ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздает.*

«Не будет слишком сильным сказать, что проповедь о единой спасающей вере проникает собою весь Новый Завет и составляет его главное и наиболее утешительное содержание».

Мф. 16, 16: *Кто будет веровать и креститься, спасен будет, а кто не будет веровать, осужден будет.*

Смысл всего Домостроительства в том и состоит, дабы всякий верующий в Сына Божия не погиб, но имел жизнь вечную (Ин. 3, 15–16).

Евангелие цель свою имеет в том, чтобы люди уверовали. *Уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во Имя Его* (Ин. 20, 31).

Господь Иисус Христос начал Свою проповедь на земле словами:

Покайтесь и веруйте в Евангелие (Мф. 1, 15).

Таким образом, вера в Евангелие есть самая первая по времени заповедь Господа Иисуса Христа. (Пример см. в беседе под названием «Веруйте в Евангелие», предисловие о японцах-язычниках.)

Но... Евангелие одно везде, а люди, изучая Евангелие, разделились на секты, на отдельные общины, несогласные между собою.

Почему так? Потому что брались толковать Слово Божие своим умом.

2 Пет. 1, 20–21: *Зная прежде всего то, что никакого пророчества*

ва в Писании нельзя разрешить самому собою. Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой: но изрекали его Святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым.

Святой Дух внушал Святым Божиим человекам учение веры, Он же Один и разъяснить его может правильно. Святое учение и все благодатные средства, для веры и спасения необходимые, вручены Господом Церкви (Ефес. 3, 10; Тим. 3, 15). Так что, *кто Церковь не послушает, да будет он тебе, как язычник и мытарь* (Мф. 18, 17).

Когда еще не было разделений, во всей Вселенной, где только были христиане, собирались выборные на собрание, на так называемые Вселенские Соборы, и составили нам образец того, во что надо веровать. Это наш **Символ Веры** (образец веры), мы его поем за каждой Литургией.

Мы в наших беседах рассматриваем дело спасения со стороны «нравственно-субъективной», по определению Святейшего Патриарха Сергия. То есть со стороны того, что человек спасаемый должен переживать и что он действительно, на самом деле переживает, в глубине своего сердца и во всем своем существе, когда совершается в нем это самое спасение. И в этом отношении книга Патриарха Сергия является незаменимым пособием нам с вами, и все речи, составленные по ней, — просто великая Милость Божия, за которую и благодарить Господа не знаешь как...

Что же на самом деле спасаемый человек переживает в сердце своем? С чего это дело спасения начинается?

А припомним, с чего начал Свою проповедь на земле Господь Иисус Христос: *Покайтесь и веруйте в Евангелие* (Мф. I, 15). Сначала «покайтесь», тогда и веруйте в Евангелие.

Одного великого старца ученик спросил:

— О чем больше всего мне думать?

Старец ответил:

— А что больше всего озаботит нас в момент смерти?

— Конечно, грехи, — отвечал ученик.

— Ну, и думай о грехах; заботься, чтобы их не было...

И это истинная правда...

Думай о грехах... Да, когда человек начнет по-серьезному думать о грехах своих, начнет пересматривать свою жизнь и сравнивать ее с тем, о чем учил и заповедал Иисус Христос, то он обязательно похает себя (покается), и как покается, в страхе и трепете за свою судьбу, — с ужасом увидит в себе всю грязь, нечистоту, о которой раньше и не думал, и не примечал вовсе. С каждым часом этот ужас все будет увеличиваться, да так, что и часу без думы о грехе не прожить будет. Как ни гони эти думы, от них не избавиться.

Мои нарушения Закона Божия — грехи мои — так и стоят передо мною, хотя бы я и не хотел того. И как больно сжимается сердце! Как тяжело это состояние!

Беззакония моя, яко бремя тяжкое отяготели на мне, — говорит святой пророк Давид. Помните 50-й псалом? *Беззакония мои я сознаю и грехи мои всегда предо мною. Тебе, Тебе Единому я согрешил, лукавое пред очами Твоими сделал!...*

И что делать, Господи?!.. Все мои старания, все мои усилия несколько не могут убавить злое мое. Наоборот, я все прибавляю к прежней тяжести моей, бремя греха растет и растет.

А Закон Твой стоит передо мною — такой близкий уму моему и такой далекий от сердца и жизни моей... Нет предела тоске моей! Что делать?

Как вспомню: *Идут они в муку вечную!*.. Нет, не хочу к демонам! Боюсь их! Боюсь муки, страданий!

А как я посмею подойти к Тебе? *Не с яростью Твоею обличай меня, не с гневом Твоим наказывай меня!*

Вот удел мой, вот моя доля страшная! Хватается человек за голову и ничего не придумает... Пред ним стоит Грозный и Страшный в гнев Своем Судия! Как подойти к Нему?.. Так недалеко и до отчаяния... и до петли на чердаке... И сколько таких случаев бывало...

Некуда податься! Вот Он — Грозный Судия! От Лица Твоего куда убегу?

(Это состояние в какой-то мере и нам знакомо — тем, кто не для формы только каялись...)

Вот ужас греха!... Господь отвернулся от несчастного человека, оставил его на свою волю, по-своему жил — сам и разбирайся! Ночь греха... тьма беззакония покрыла все черным покровом своим. Нет слов рассказать об этом тому, кто сам не переживал этого... И если в эти минуты откуда-то мелькнет в сердце — как луч солнца разрезает тьму: а Евангелие?.. А Иисус Христос?

Он... пришел... грешных спасти... Он положил за них душу Свою... Если Он оставил 99 верных овец Своих и пошел искать одну заблудшую, так, значит, эта заблудшая дорога Ему... Господи!.. А я!... а меня!.. Да неужели?.. Да неужели и невозможно... Господи?...

«Боюсь поверить», — шепчет себе человек (слышите: **Поверить...**). Ведь никто мне показать этого не может. *Бога никтоже виде нигдеже*. Увидеть телесными глазами Иисуса Христа, Сына Божия, я не смогу — только поверить...

На сердце, где-то в дальнем уголке, загорается что-то светлое, теплое, радостное... Взоры там к Нему прикованы. Вся дума там.

А оно разгорается все ярче, все сильнее. И немного еще ждать нужно, чтобы бедный, исстрадавшийся грешник воскликнул с Фомою: «Господь мой и Бог мой!... Спаситель мой!... И меня пожалей!... И меня пощади!... И меня не отвергни от Лица Твоего!... Помилуй меня!»

Придет этот момент, и грешник, охваченный сладкой надеждой на безграничную Милость своего Господа, — уже на коленях у подножия Креста Господня!...

И слезы, слезы льются, — но это не прежние жгучие слезы, безотрадные, страшные, — теперь горе в них уже разбавлено надеждой... Просвет есть уже. И благо тому, кто имеет их!..

«На Тебя вся надежда моя, Господи!» — шепчет бедный страдалец... И тяжело, и больно, и сладко, и радостно... Теперь ему решительно все равно, кто на него смотрит в то время, и что о нем кто думает: его душа изливает скорби свои пред Господом, он нашел, что искал. А над ним слышен отрадный голос:

— *Придите ко мне все труждающиеся и обремененные грехом, и Я дам вам покой!*

Довольно о нем, о страдальце бедном: он в тихой пристани: он беседует уже не с Грозным Судией, а с благостным с любящим Отцом Небесным. Опустим завесу с благоговением. Здесь тайна: Душа перед Богом...

А мы подумаем теперь, как все это произошло? Откуда узнал человек, что может быть прощен? А из Евангелия... И только из Евангелия. Евангелие — благая весть... о чем? О том, что Бог Сам пришел помочь нам.

А как узнал? **Поверил.**

Чему поверил? А тому, что человек, который жил в Палестине 1900 лет назад, был действительно Сын Божий, что Господь Иисус Христос на самом деле жил на земле, страдал, умер за нас, людей, на Кресте; что это и есть Тот, Кто получил власть прощать грехи всех людей, а следовательно, и мои, как Сам Он сказал...

Почему жил? Почему страдал? Кто Его заставил?.. Кто может приказывать Всемогущему Богу?

Он пришел и умер добровольно, все потому, что любит всех, и нас в том числе...

О том, что сейчас я вам говорю, так говорит великий праведник святой преподобный Ефрем Сирин:

«По собственной вине, покрывшись облаком неправды, душа блуждает во грехах, не зная того, что делает, не примечая окружающей ее тьмы, и не понимает дел своих.

Но как скоро коснется ее луч всеоживляющей благодати, душа приходит в ужас, припоминает, что ею сделано, и возвращается с опасного пути от злых дел своих... с великою скорбью воздыхает она, жалобно сетует, проливая потоки слез, и умоляет, чтобы можно было ей добрыми делами возвратиться в прежнее состояние. Льются слезы из очей ея об утраченной красоте.

Многочисленны гнойные струпы ея и, поскольку видит она великую гнусность свою, то бежит от нее, ищет защиты у всещедрой благодати...».

А Свят. Патриарх Сергей добавляет — добавляет глубоко правильно: «Не понимающий тяжести греха не поймет и сладости быть незаслуженно прощенным: как тогда он не ощущал гнева Божия, так и теперь не может ощущать Любви Божией!»

Вот с чего начинается горячая, все освещающая — всю душу, всю жизнь — радостная вера: **С покаяния!**

Например, японцы, нашедшие Евангелие (см. предисловие к беседе «Веруйте в Евангелие»). Вы скажете, что это сказано о язычниках, которые вовсе не слышали о Господе Иисусе Христе, а мы-то ведь верующие, мы — христиане, веруем в Иисуса Христа, Сына Божия, молимся Ему...

Да, это так, и я это не хуже вас знаю, но знаю и то, что мы — христиане очень и очень плохие, христиане только по имени, по названию, а в жизни нашей нет Христа, мы знаем содержание нашей веры, даже больше того, многие из нас крепко держатся веры своей, но вера наша не обнимает всей души нашей, является чем-то отдельным, держится в душе особняком. Вера не является в нас солнцем, не только освещающим, но и согревающим всю нашу жизнь, короче сказать — **нам неведома радость веры...**

Правда и то, что, хотя и немногие из наших братьев и особенно сестер наших, горькими скорбями, горькими страданиями уже подходят к тому

состоянию, когда вера во Христа является всем в человеке, именно: всем. Когда, если не верить, то и жить нечем, если потерять веру, то и жить и терпеть больше невозможно, не стоит. Вера в Господа Иисуса Христа уже является в жизни маяком, который путь указывает, солнышком, которое и светит, и греет! Они уже начали ощущать радость веры и не променяют ее ни на что... И я всегда говорю таким: благодарите Бога за скорби, за страдания. Они к Богу привели вас.

Но таких — увы! — немного...

Ведь есть же среди нас такие, которые стыдятся признать себя верующими, стыдятся своей веры, как чего-то постыдного. А у большинства вера занимает только уголок в жизни, а остальное — миру отдано. И таких много — от них же первый есмь аз.

Разве мы не могли бы сказать вместе с Евангельским отцом, который привел к Господу своего больного сына: Верую, Господи! помоги моему неверию!.. Он, бедный, понимал, как мала его вера, чуть ли не на границе с неверием... Да!... Больно и страшно говорить об этом.

Для всех нас закон и правило остается одно и то же:

Покайтесь и веруйте в Евангелие!

Каждый новый день снова надо начинать с этого. Почувствуйте, как мы далеки от **Света**, от **Бога**, от счастья. И вздохните с тоской об этом...

Господи! Приложи нам веру! — молили апостолы, и мы за ними тоже скажем:

Господи! Приложи нам веру! Дай нам веру истинную! Научи нас с искренней радостью сознать и почувствовать, что Ты нас не бросил, что Ты нас жалеешь, что Ты нас и дальше не покинешь, что Ты нас до конца помилуешь, что Ты любишь нас, бедных грешников.

Дай нам с великою радостью сознать и почувствовать сердцем, что у нас есть Отец, и Какой Отец!.. — Отец ласковый, добрый, хороший, добрый-добрый. Отец, Который нас любит, не оставит на пол-дороге и доведет до счастливого конца, до Царства Небесного... Буди, буди, Господи, милость Твоя на нас!

На Тебя вся надежда моя! — говорится в утренней молитве.

Сами себя, друг друга и всю жизнь нашу Христу Богу предадим! — Тебе, Господи!

Не посрами упования нашего!

Вот вам начальный момент спасающей веры. На данной ступени, как говорит Патриарх Сергей, «вера человека открывает ему, только открывает ту истину, что Бог его за прежние грехи карать не будет, что, напротив, Господь готов принять грешника и помиловать, признать его Своим сыном. Но ведь это, если можно так сказать, только очищает путь к Богу, а не производит что-нибудь с человеком. Доселе человек боялся обратиться к Богу, а теперь он узнал Бога и перестал бояться Его» (стр. 221).

Но ведь человек-то еще остался прежним, со всеми страстями своими, с греховными привычками.

Как ошибаются протестанты, когда доходят до этого места в учении веры — и останавливаются. Они говорят: поверил — и все: ты уже спасен, больше тебе ни делать, ни желать нечего. На самом деле далеко не так. Если таких, с позволения сказать, праведников допустить в Царство Небес-

ное, то они и там начнут ссориться, ругаться, завидовать, подзуживать друг друга. И Царство Небесное перестанет быть святым...

Человек только узнает ту великую истину, что и ему возможно прощение. Раньше он знал это умом только, с чужих слов, а теперь узнал сердцем, он это переживает совершенно ясно, ощущает не в мечтаниях, а действительно «наяву».

Нам говорят, что мы себе внушаем все это. Да нет же, не так. Когда человеку внушают что-либо, то наперед до мельчайших подробностей знают, что он должен думать и что он будет думать. И говорят долго, часто, пока эти мысли не станут привычными. Здесь же совсем не так.

Здесь человек с величайшим изумлением смотрит очами сердца на происходящее в нем, происходящее совершенно реально, совершенно ясно, и на все чувствования, которыми сопровождается это переживание.

Все совершенно ново, необычно... Откуда это взялось, человек никак не может сказать; он только одно понимает, что этого всего никогда не думал и думать не мог, настолько это необычно.

Какое же тут внушение?...

Теперь понятны будут следующие слова Патриарха Сергия, я их вам приведу с некоторым сокращением (в этих словах Патриарх Сергий указывает те ступени, по которым постепенно поднимается человек, руководимый верою. А вы последите, на какой ступени вы стоите...):

«Как бы человек ни успевал в делании добра, какие бы подвиги он ни предпринимал, но если у него нет веры во Христа, сам он никогда не достигнет той истины, что Бог его прощает. Пред сознанием человека стоят его бесчисленные грехи и неумолимый закон правды, требующий удовлетворения. Сам Бог представляется ему в виде Грозного, Карающего Судии, представляется враждебным человеку. Не имея ничего сказать в свое оправдание, человек только трепещет Бога и готов скорее бросить всякую мысль о своем спасении и отдаться безбожию. Сам собою любви Божией он не поймет и к ней не обратится. *Как призывать Того, в Кого не уверовали* (Рим. X, 14)? Как обратиться с мольбою о помощи и прощении к Тому, о любви Которого не знаем? *Преступления и грехи наши на нас, и мы иставляем от них; как же мы можем жить* (Иез. XXXIII, 10)?»

Грешник может просить помилования только тогда, когда знает, что Господь относится к человеку по великой милости Своей и по множеству щедрот Своих, только в этом случае человек может просить об отмене праведного приговора Божия за грехи (Пс. 50).

Но как человек узнает об этом? *Бога никтоже виде нигде*. Познать, следовательно, что Он есть Любовь, никто сам собою не может. Его явил человечеству Единородный Сын, Сый в лоне Отчи. *Любовь Божию мы познали в том, что Он положил за нас душу Свою* (Ин. III, 16).

Таким образом, познать Любовь Божию может только тот, кто верует, что Иисус, пострадавший и распятый, есть действительно Сын Божий.

(И следовательно, все, сказанное Им о Боге Отце и о Самом Себе, — есть непреложная истина).

А раз кто верует, что Христос действительно пострадал ради нас, в том может ли остаться какой-нибудь след страха пред Богом и отчуждения от Него? «Если Бог за нас, говорит верующий, кто против нас? Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует

нам и всего?» Человек сознает себя бесконечно виновным перед Богом, но, если Бог дал Своего Сына, чтобы *привлечь всех к Себе* (Ин. XII. 32; Кол. I, 20–22). Если для одной овцы погибшей Он оставил девяносто девять не погибших, — следовательно, эта овца, при всей своей греховности, при всей своей отчужденности, продолжает быть дорогой Ему — при всей ее греховности. Бог для нее сошел на землю и зовет ее к Себе.

Грех, следовательно, более не лежит между Богом и человеком. Бог Сына Своего отдал, чтобы убедить человека в Своей любви к нему и в Своем Всепрощении. «Кто же (после этого) будет обвинять избранных Божиих?» Бог Сам не поминает их греха. «Бог оправдывает их». Кто осуждает? Кто может грозить им судом и карою? *Христос Иисус умер, но и воскрес* (Римл. VIII, 31–34). Вот вечное и несомненное доказательство любви Божией к грешнику. Таким образом, «*через веру*» во Христа Иисуса человек «получает надежный и несомненный доступ к Богу» (Ефес. III, 12).

Святой Ефрем Сирин пишет:

«Сын Божий показал человеку милость Отца, возвестил о скорби умных сил и о вражде с земным. Убедил искать примирения, стал посредником мира, обещал примирение, указал способ, а именно, что мир будет приобретен Крестом, и устроил дело так, что раб притек ко Владыке, сын познал Отца» (Слово 41 на еретиков).

«Таким образом, вера во Христа является тем средством, через которое человек узнает любовь Божию, то есть то, что содеянный грех отнюдь не препятствует сближению человека с Богом... и человек, веруя в любовь Божию, теперь не боится, ради своих прежних грехов, приступить к Богу с мольбою о прощении и помощи, зная, что любовь Божия только и ждет его обращения... Верующий знает и верует во всепрощающую благодать Божию и потому не боится гибели...»

Вот первые моменты обращения уверовавшего человека к Господу.

Уже нет удручающего страха перед Господом. Теперь Господь — не чуждый и Грозный Судия, а Отец Любящий, Который не помянет прежних грехов, не станет упрекать, выговаривать: а где ты был до сих пор? Почему долго не приходил? Где растратил данное тебе имяние?

Он еще издали увидит, выбежит навстречу и, не спрашивая, прикажет облачить в лучшую одежду и будет радоваться обращению грешника.

Окрыленный Божией Милостию, благодарный человек устремляется к своему Благодетелю, готов, подобно Евангельской Марии, сидеть и сидеть у ног Иисусовых *в сладость Его послушати*. Сердце что-то новое переживает: душа начинает лететь к Господу. О Нем хочется думать. Его только слушать, с Ним вместе быть. Это значит, что в сердце зарождается любовь к Господу, ответная любовь...

Но пока еще только состояние созерцательное... И скоро, очень скоро поймет человек, что мало этого; нужно самому что-то делать, чем-то угодить Господу, сделать приятное Ему... И скоро Закон Божий делается Законом жизни человека.

Никто человека не принуждает, благодать Божия только зовет, не насилует, хотя и присутствует, и помогает. Этот свободно-благодатный переход от жизни по мирским обычаям к жизни по Богу и совершается в возрождении (об этом была речь раньше) посредством Таинств Церкви Святой.

Вот я вам говорю на каждой исповеди, что надо явить Господу нашу решимость больше не грешить, больше не оскорблять Тебя, Господи! Но наша решимость слабенькая, как тоненькая свечечка, того и гляди — погаснет. А вот в эти моменты решимость наша крепнет, делается твердой. И интересен этот момент тем, что в человеке появляется нечто совершенно новое. Если человек прежде боялся греха, как своей гибели, если раньше больше боялся греха, чем желал праведности, то теперь уже начинает любить Закон Божий. И говорит Патриарх Сергей:

«Стремление быть святым, чтобы избежать гибели, переходит в стремление быть угодным Богу. Отвращение от греха и обращение к жизни Святой восходит на новую высшую ступень. Новая жизнь в человеке начинается. Законом жизни становится любовь к Богу».

Сердце трепещет ненасытимым желанием, ненасытимою жаждой — служить и служить Господу, быть угодным Ему. Никакие подвиги, как бы они ни были велики, не могут насытить эту любовь; человеку все мало, еще большего ищет душа.

Как святые мученики: до смерти служили Господу, самое дорогое — жизнь свою за Него отдавали. Ведь и в нашей жизни земной — чего не сделаешь для любимого человека, хотя это только человек. Чего пожалеешь для любимого?

А ничего не жалко, все бы отдал... Не только его желания выполняют, а даже догадываешься, прикидываешь в уме своем, что бы еще ему было приятно, чтобы не пропустить чего. «Я-то как-нибудь, а вот ему-то надо бы что получше», — говорит мать о сыне любимом. И как глаза-то сияют в эту минуту! Нужно ли еще говорить об этом?!... Кто любил искренно, тому все это так понятно...

И это все о человеке, от которого часто радости бывает так мало. А для Господа Иисуса Христа искренно любящий — чего не сделает?

Когда еще грешники были мы, Христос за нас умер — говорит Апостол. Любовь Господа Иисуса Христа к нам так безмерно велика, что пред нею должно только смиренно преклониться, а умом нашим ее не объять! И наша человеческая любовь — только ответ на безграничную Любовь Божию.

Может ли человек в такие минуты вычислять свои заслуги перед Богом? Может ли прикладывать, какие награды ему причитаются?... Да ему самая любовь-то эта будет высшей наградой, в ней он находит всякую радость и утешение...

Представим теперь в нашем уме все, что сегодня говорили. С чего все началось и чем кончается?

Началось со страха, даже ужаса пред Грозным Судией, а кончается лучезарной любовью ко Господу.

Патриарх Сергей так говорит:

«Так человек от страха перед своей гибелью переходит к вере, а вера в свою очередь открывает ему Путь к Любви».

А что же дальше?

Так говорит Патриарх Сергей:

«Вера, показывая человеку любовь Божию, нравственно сродняет человека с Богом. Человек видит в Боге не Грозного Безжалостного Судию, а Отца, Который готов принять человека. Вражда против Бога разрушена,

клятва снята, между Богом и человеком существует теснейшее взаимообщение любви. Спасение совершилось. Душа обручена со Христом и вся Ему принадлежит.

«Вера, с благоговением на распятого Христа взирая, помышляет: кто и колик есть Тот, Который тако за подлого раба Своего пострадал и что этим страданием ему приобрел. Откуда верующий возбуждается ко взаимной любви и сердечному благодарению и всячески заботится — это надо на деле доказать. Но понеже видит, что не может сделать того, что хочется (*что бо воздамы Господеви, яже воздаде нам*), падает пред Ним со смирением и любовию, сердечно исповедавая свои недостатки, все сердечное благодарение, все усердие, всю любовь, какую может иметь в веке сем, приносит Высочайшему своему Благодетелю. От этого возбуждается в верном желание терпеть за Имя Господа все, что Воля Божия восхощет». Отдавшись Господу и соединившись с Ним, душа очищается и от греха, который уничтожен в ней и не грозит ей спасению. «Христос таковую душу верную очищает от греха и всякия скверны, отнимает от нея бедствия духовные — клятву, осуждение и смерть духовную и всякое духовное неблагополучие и вместо того дает Свои духовные блага: благословение, избавление и жизнь вечную». После этого, если бы человек и умер тотчас, его спасение обеспечено, и ему, как разбойнику, Господь говорит: *днесь со Мною будеши в раю*.

Дальнейшая жизнь человека состоит в развитии того семени вечной жизни, которое положено в крещении, человек постепенно совершенствуется и укрепляется в добре и восходит в меру возраста совершения. Однако и теперь началом жизни его, той солью, которая охраняет человека от порчи, — продолжает быть вера. «...Вера есть мать всякого доброго дела. ... Без веры невозможно угодить Богу» (преподобный Ефрем Сирин). Раз человек помнит любовь Божию, раз светильник веры сияет в человеке, ревность и сила человека творить добро не имеет причины ослабевать. Если тогда — в начале своего возрождения — он не побоялся вступить в борьбу с грехом, то тем более теперь, когда грех низложен, когда человек в союзе с Богом, тем более устремится человек на делание воли Божией, на уничтожение греха.

Даже если бы человеку случилось пасть: пусть блюдет (хранит) он свою веру — нарушенная гармония его души будет восстановлена, разрозненные силы его души будут опять собраны, и с новой энергией устремляется он против греха. «Вера есть и глава, и корень, если ты сохранишь ее, то хотя бы и все потерял, опять все приобретешь с большей славою» (святой Иоанн Златоуст). «Вера есть мощь ко спасению и сила в жизнь вечную» (святой Климент Александрийский).

Итак, вера человека возродила, вера развивала и воспитала его в духовной жизни, вера же приведет его и к вечному блаженству... Веруя, человек принял здесь благодать Божию и мог принять общение с Богом. Эта же вера в любовь Божию дает человеку возможность сохранить это общение с Богом и в грядущем Царстве. «В день Суда, говорит преподобный Нил Синайский, сами будем своими обличителями, обличаемы собственною совестью. Посему в этой крайности найдем ли иную какую защиту и помощь, кроме одной веры в человеколюбивейшего Иисуса Господа Христа?... Вера эта великая наша защита, великая помощь, безопасность и дерзновение и ответ для нас безответных по множеству грехопадений. Ибо во время на-

шего борения и безмерного страха память о возлюбленном Владыке Христе и твердо укоренившаяся и непоколебимая вера в Него, представ подобно кроткому и светлому ангелу, отгоняют трепет и стыд...». Движение верующего, именно ради веры его, будет не от Бога (из-за страха перед Ним), а к Богу, милость Которого ободряет человека».

И еще послушайте одну тайну жизни православного христианина. Надо указать самый способ, каким вера спасает человека.

Католики говорят, что человек делами зарабатывает себе спасение. Православие смотрит на это иначе, хотя и среди нас есть такие, которые все дело спасения полагают в количестве добрых дел. Разве мало мы слышим речей: у меня сын-то хороший, он много добрых дел делает, только вот в Бога не верит.

Патриарх Сергей таким отвечает: *«Вера спасает человека своей деятельной стороной, постоянным участием в ней доброй воли (Ин. VII, 17). Верующий в своей вере находит дерзновение обратиться к Богу и таким образом вступает в общение с Богом, принимает это общение. ... с живым Богом возможно общение только личное и свободное»*.

И далее: *«Поведение (то есть дела) здесь ценится только как выражение соответствующего настроения души, известного направления воли человека...»*.

Почитайте внимательно Нагорную проповедь Господа Иисуса Христа, и вы увидите, что везде отрицается праведность законная, которая состояла в исправном поведении, а на ее место поставляется праведность Евангельская, которая состоит во внутреннем обновлении, в перемене душевной. Эта духовная праведность и только она дает человеку вход в Небесное Царство Духа и Истины.

На внешность смотреть нельзя, сущность спасения не в подвигах, не во внешнем усердии, усердие и подвиги должны проистекать из возрожденной переменной души, состоящей в общении с Богом. Только тогда человек может считать себя спасенным, когда он находится в духовном союзе с Богом, и когда он делает добро именно из сознания и во свете того таинственного союза, когда он готов сказать, что *живет не он, а живет в нем Христос*. Но это происходит только от веры и силою веры.

Верою живу в Сына Божия, и именно потому, что только вера видит Сына Божия, *возлюбившего меня и предавшего Себя по мне*. Следовательно, спасаются не те, кто делает и на дела своя всю надежду полагает, а те, кто духовно всегда с Богом, которые ради Бога живут».

Что произойдет, если вера утрачена человеком?

Без елея не может гореть светильник. Без корня всякое дерево засохнет. *Без Мене не можете творити ничесоже*.

Раз отнята вера — отнят всякий смысл жизни и всякая сила делать добро. Нет того средоточия, которое связало бы старания человека и осмыслило их. Близости Божией человек не чувствует, благодати Его понять не может, Бог опять для него только каратель неправды.

Обратится ли такой человек к Богу? А если не обратится, то и помощи Божией, Его благодати принять не может. Потеряв это «око, просвещающее совесть — веру свою, человек теряет и все свое духовное состояние и погибает» (святый Кирилл Иерусалимский).

И на Страшном Суде Господнем праведники, которые жили в вере и вся душа их была полна чувством незаслуженной милости Божией и теперь исповедует свое недостойнство, искренне удивляются милости Божией: *Господи, когда мы видели Тебя алчущим и накормили?*

Грешники веру потеряли, милости Божией не сознают, жили только для себя, и теперь встают на защиту своего «Я», приговор Божий им представляется несправедливым: *Когда мы видели Тебя алчущим, жаждающим...* и т. д. Бог представляется им враждебным, им кажется, что Господь хочет их погубить и подыскивает предлог к тому, чтобы их осудить и лишить блаженства. Они здесь отчуждались от Бога или даже враждовали против Бога — потому и удел их с теми, что всегда враждовали с Богом, хотя и верили в Него. *И беси веруют и трепещут* (Иак. II, 19).

Праведники всю земную жизнь видели милость Божию и стремились к Богу, постоянно были в духовном единении с Ним — естественно, это единение будет уделом их в загробной жизни.

«Православная Церковь, — считает необходимым еще раз повторить Патриарх Сергий, — полагая в вере все блаженство человека и считая веру причиной духовного роста человека, никогда не представляет себе эту веру в виде какой-то самодействующей силы, которая как нечто постороннее, силой бы заставляла человека быть добродетельным и стремиться к Богообщению».

Нельзя также думать, что вера только призывает в человека благодать Божию, которая потом, тоже в виде посторонней силы, делает в человеке доброе. Конечно, верующий человек воспринимает благодать Божию, с которой потом и выходит на борьбу с грехом. Однако орудием восприятия этой благодати является не вера сама по себе, а свободное желание и решение человека. Вера только окрыляет волю человека, но отнюдь не освобождает его от усилий над собою. Если человек будет нерадивый, то и светильник веры у него погаснет.

При вере необходимо свободное избрание добра и решение делать его. Кто не хочет жизни святой и общения с Богом, тот никогда и не верует, хотя и будет на словах и в мыслях утверждать, что верует в Евангелие. Как он поймет, что Бог готов его простить, когда он не понимает, зачем нужно ему Божие прощение: и без прощения, кажется ему, можно прожить спокойно.

Почему он так думает?

Потому что он не понимает всей своей душой, что сделал для людей Иисус Христос... Когда он поймет все величие — безграничное величие и значение дела Христова, тогда только поймет и весь ужас греха. Тогда и замечется прежде равнодушная душа, будет искать выхода и, конечно, найдет его у ног Господа.

Кто говорит, что верует, а жизни, согласной с верой, не имеет, тот лжец, он совсем не верует, а руководствуется мирскими понятиями. Вот о такой-то вере святой апостол Иаков и говорит, что эта вера мертва (Иак. 2, 20). Мало того, святой апостол Иаков утверждает, что такую веру имеют даже бесы (2, 19).

В Евангелии не один раз можете прочесть, как бесы вопят перед Господом: мы знаем, кто Ты — Сын Божий.

Как странно иметь такую веру: она роднит человека с бесами, а он, несчастный, и сам думает, и людям говорит: я верующий... И чувствует, что спасение ему обеспечено... А на деле... Избави нас, Господи, от горя сего... от такой бесовской прелести!...

Заключение книги Патриарха Сергия «Православное учение о спасении»:

«Таким образом, в вере все блаженство христианина. Приобрести веру уже само по себе есть сокровище: веровать в милость Божию человек не может иначе, как только при решении служить не себе, а Богу и закону. Поверив же, он не может не любить Бога, — полюбив же, не может не стремиться к Богу. Стремясь же к Богу, теснее соединяясь с Ним, человек еще более познает любовь Божию, вера человека еще более укрепляется и в свою очередь еще сильнее воздействует на волю, еще сильнее влечет человека к Богу, пока, наконец, освободившись от земной суеты, человек не увидит Бога лицом к лицу и воспримет Его царство уже не в гадании. Вера, следовательно, не только причина, движущая сила в духовном развитии человека, она скорее средоточие, самое сердце духовной жизни. По мере веры растет любовь, по мере любви возрастает вера: нравственное развитие человека и свое выражение, и свой плод находит в укреплении и возрастании веры. «Несомненность веры, — говорит преподобный Исаак Сирин, — в людях высоких душою открывается по мере того, как нравы их внимательны к житию по заповедям Господним». Вера содействует делам, и делами совершенствуется вера (Иак. II, 22). Вера поистине является альфой и омегой нравственной жизни, как и Сам Господь, Которого она открывает человеку. Приводя к любви, в которой существо вечной жизни (I Иоан. III, 14; Иоан. XVII, 26), вера тем самым дает человеку возможность здесь, на земле, начать вечное блаженство. По переходе же в мир будущий вера превращается в ведение, а любовь, связавшая человека с Богом, продолжается в вечность».

Итак, человек ничем не удовлетворил Бога за свой грех: Милость Божию человек только узнает, только узнает, а не заслуживает, и заслужить никогда не сможет. Не зная же милости, он не подойдет к ней и, таким образом, не может никогда получить силы над грехом. Только вера дает человеку решимость обратиться к милости Божией, несмотря на все свои грехи. *Благодатию есте спасены чрез веру, и сие не от вас — Божий дар* (Еф. 2, 8).

А еще дальше открывается великое Таинство Богообщения и Боговоления.

Кто имеет заповеди Моя и соблюдает их, тот любит Меня, а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим, и Я возлюблю Его — и явлюся ему Сам... Кто любит Меня, тот соблюдет Слово Мое; и Отец Мой возлюбит его и мы придем к нему и обитель у него сотворим (Ин. 19, ст. 21 и 23).

Пред такими тайнами «удобнее молчанием», как говорит церковная песнь. И мы умолкаем...

И все это основано на вере и сопровождается верою. Вера — уверенность в невидимом, как в видимом. А Господь Бог все время остается невидим для человека. Правда сказано: *чистые сердцем Бога узрят*.

Но и это непостижимо даже для того, кто испытал сам. И все равно и здесь вера — уверенность в невидимом, как в видимом.

Вера с момента крещения берет человека в свои объятия и несет-несет, пока не донесет до врат Царства Небесного. Там вера кончается, там нет ничего скрытого, все ясно, все видимо. Вера кончается, остается любовь, которую зажгла в человеке вера...

Как же понимать радость веры, о которой я говорил вам раньше?

Господь — Просвещение мое и Спаситель мой. Кого убоюся?

Господь — Защититель живота моего, кого устрашуся?

С какой радостью, с каким восторгом эти слова сказаны!.. И истинный христианин, ощущая на сердце близость Господа, переживая Его ласку постоянную, может ли не радоваться? Может ли унывать?...

Наша жизнь унылая, скучная, тоскливая, потому что нет у нас этой дивной животворной веры!... Каким светом озарилась бы наша жизнь, если бы мы поверили истинно, поверили бы по-серьезному, не умом только, а сердцем, что Господь Всемогуший Любвеобильный всегда близ меня, всегда со мною! И вразумляет и охраняет, и помогает мне...

Вот бы хорошо было! Хорошо и себе, и людям...

Господь Иисус Христос в притче Своей сравнивает истинно верующего с ветвистым деревом, под тенью которого отдыхают утомленные путники...

Праведник верою жив будет, — говорит слово Божие. Такие верующие праведники в темноте мирской жизни сияют, как огоньки, как свечечки, как светлые точки, свет которых тем ярче, чем выше вера праведника, чем ближе он к Богу. На этот огонек и тянутся люди, тянутся со всех сторон — погреться, отдохнуть, набраться сил.

К старцу Амвросию Оптинскому со всех сторон шли и ехали люди, зная, что там можно отдохнуть от сутолоки земной жизни, хоть на время забыть о ссорах, о брани, о постоянных подсадах врага. И каким покоем дышало лицо его!.. Он сам покоился в объятиях Отца Небесного и всех тоскующих и обремененных звал туда же, напоминая им ласковые слова Господа: *Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вас*. (Мф. 11, 28)

Для Него это были не слова только, а самое дело. Он на самом деле переживал этот покой, опытом узнал великую радость быть с Господом. Для таких и одиночество, и затвор, и пустыня были светлым радостным садом.

А преподобный Серафим Саровский во время беседы с Мотовиловым несколько раз умолкал и только водил рукою против сердца, не в силах будучи говорить от прилива неизреченной радости.

А нам что оставил Господь?

Покайтесь и веруйте в Евангелие.

Просите, и дано будет вам...

Всякий просящий получает...

Алексей ЛОГУНОВ КУЛИКОВСКИЕ ПРИТЧИ

Алексей Андреевич Логунов — родился в 1939 г. в с. Черемухово Тульской обл., близ Куликова поля. Закончил школу-семилетку, школу ФЗО, работал каменщиком, затем газетчиком. Заочно закончил Литинститут им. Горького. В 1981 году принят в СП СССР. В Туле и в Москве издал много книг для детей. После 2000 года стал сотрудничать с газетой «Православный С-Петербург», которая помогла стать православным писателем. Создал в Новомосковске целый ряд малоформатных православных альманахов и журналов. К своему 70-летию издал «Сударыню Книгу», которую школы используют как пособие по православной культуре. **Живет в городе Новомосковске.**

В душе каждого куликовца живут два вечных поэтических образа — Житный Дед и богатырь Пересвет. Еще в люльке слышит малыш сказки и песни про Житного Дедушку, ангела-хранителя хлебных полей. От него первый гостинец получает — хлебную соску. А когда мальчик впервые вскарабкается на лошадь, да еще проедет, держась за гриву, от избы до колодца, ему рассказывают про богатыря Пересвета. Послушайте и вы. Ехал богатырь Пересвет на битву с ордынским царем Мамаем и остановился в поле покормить коня. Был он не простой богатырь, а человек Божий, монах. Конь кормится, а Пересвет Богу молится. Затем упал лицом на землю и замер... А над ним наклонились усаые колосья, шелестят на ветру, будто тоже молитву творят:

— Осыпается в поле зерно, а жнецов не видно: на великое дело собрался русский народ — защитить от врага родную землю. Не снопы завтра в поле будут лежать, а воины, не колосьями станет играть ветерок, а русыми кудрями...

Открыл Пересвет глаза, а рядом с ним, точно золотой снопок, стоит Житный Дедушка — ангел хранитель хлебных полей. Треплется на ветру его овсяная борода, топорщатся ячменные усы, а синие глаза-васильки смотрят печально.

— Не горюй, Житный Дедушка! — говорит ему бога-

тырь. — Авось, Господь не без милости. Что было — видели, что завтра будет — увидим. А нынче мы поработаем!

Все умел Пересвет: и Богу молиться, и с врагами биться, и всякую крестьянскую работу работать. Взял он свой булатный меч, срубил молодую березку, сделал ручку-косовище, прикрепил к мечу — коса получилась. И пошел косить пшеничное поле! Широки, могучи плечи у Пересвета. Раз взмахнет, и колосьев не пучок, не сноп — на целую копну скосит! Другой раз взмахнет — еще копна... Глядя на него, и Житный Дедушка повеселел. Спешит он вприпрыжку за Пересветом, в ладоши хлопает и приговаривает:

— Ух, ух, хлебный дух! Не урожай, а прямо клад. Спешите в поле стар и млад!

Остановился Пересвет на минутку, отер со лба горячий пот, глядит — а сзади него снопы по полю бегают.

— Чудеса! — удивился богатырь.

И опять за работу. Оглянулся во второй раз, а снопы один за другим, как солдаты, шагают прямо к ветряной мельнице, стоявшей неподалеку от церкви. И сами в стог укладываются. Тут и разглядел Пересвет своих помощников: это были деревенские ребяташки. Истари на Руси повелось: когда отцы уходят биться с врагом, в поле их заменяют сыновья.

Косит Пересвет ниву и слышит: у мельницы такой шум-перестук, точно на току во время молотбы. А там и правда шла молотба. Вскоре появились вороха пшеничного зерна, точно выросли из земли золотые купола. И закрутились у ветряной мельницы деревянные крылья, потекла в широкий ларь пшеничная мука...

Докосил Пересвет поле и вдруг почувствовал запах свежего хлеба. Слово только что вынули из печи горячий каравай. Пошел он на хлебный запах и правда увидал каравай. Да не простой — богатырский! Лежал он на двенадцати столах, на сорока полотенцах. А рядом были те, кто его испек: беловолосые мальчишки, босоногие девчонки да одна древняя бабушка. И Житный Дедушка среди них.

— Спасибо за помощь, Божий человек, — сказала древняя бабушка. — От всей деревни спасибо.

И она повела рукой в сторону ребяташек.

— Неужто так опустела деревня, — удивился Пересвет, — где остальные жители?

— Там же, где и весь народ: ушли на битву с ордынцами. Отведай-ка нашего хлеба-соли, силы прибавится. Да озарит Господь твою душу для подвига.

А Житный Дедушка пошевелил ячменными усами и добавил:

— Ух, ух, русский дух!

Отломил Пересвет от каравая поджаристую корочку, поклонился низко ребяташкам, древней бабушке и Житному Деду, сел на отдохнувшего коня и поехал своим путем-дорогою. Куликовская битва была еще впереди...

Много по той дороге вслед за Пересветом прошло и проехало русских людей — и знатных князей, и грозных воинов, и простых деревенских мужиков. И каждый отламывал себе кусочек от богатырского каравая. Говорят, храбрый от того хлеба становился богатырем, слабый укреплялся духом, старики чувствовали себя молодыми, а юноши — мужчинами.

И они победили царя Мамаю.

ПОЛОТЕНЦЕ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО

В старину люди выросли рано. Говорят, Дмитрий Донской стал княжить в одиннадцать лет. А деревенские ребяташки начинали работать в поле и того раньше. Крепли руки, мужал ум, но все равно они любили слушать сказки.

Как-то старая нянька рассказала князю Дмитрию про петуха. На море-океана, на острове Буяне живет богатырский петух, прапрадедушка всех петухов на белом свете. В полночь захлопает он крыльями, и поднимаются на море волны. Плещут волны в берега и будят всех петухов на земле. Они просыпаются и начинают петь — будить солнышко. Проснется солнышко, осветит землю, а вместе с ним просыпаются люди и берутся за свои дела.

Сказка эта так полюбилась юному князю, что он приказал отлить золотые монеты с изображением богатырского петуха. Такие монеты и сейчас хранятся в Историческом музее.

А у нас в деревне слышал я другую историю про чудесного петуха. Вставал князь Дмитрий вместе с солнцем. Сядет на коня и едет осматривать свое княжество, чем народ занимается. Как ни приедет в поле, а конопатый мальчик Ивашка из соседней деревни уже там — пашет.

— Как ты ухитряешься так рано вставать? — спрашивает князь Ивашку.

— Меня петух будит. Еще и заря не занимается, а он уже поет:

*Кукареку!
Нельзя долго спать мужику!
Надо Богу молиться,
Ехать в поле трудиться,
Чтобы стала Русь богатой,
Чтобы выросли ребята,
Отведали пирога
И победили врага!*

— Славный петух! — говорит князь. — У него душа болит о родной земле больше, чем у некоторых бояр.

— Да у нас в деревне в каждом доме такие петухи.

— А где вы их берете?

— Сами растут.

Привел Ивашка князя к себе во двор и показал наседку с цыплятами.

— Выбирай любого. Вырастет — и ты долго в постели не заваляешься: разбудит.

Князь поблагодарил Ивашку и выбрал мохноногого цыпленка. К осени вырос из него большой красивый петух с малиновым гребнем, и отнес его Ивашка в княжеские хоромы. С тех пор князь Дмитрий всегда вставал раньше своих бояр. Проснется, в роднике умоется, Богу помолится — и за государственные дела. А утром, в тишине да на чистом воздухе, и мысли в голову приходят чистые. Потому и правителем Дмитрий был справедливым. Юнец совсем, а народ уже называл его князь-батюшка. Когда он стал полководцем и уходил в походы, ему не хотелось расставаться со своим петухом. Но куда его денешь? Кто-то из бояр посоветовал князю сделать клетку и возить петуха с собой.

— Не будет он петь в клетке: на воле вырос, — засомневался Дмитрий.

— А ты попробуй, князь!

Сделали клетку, а петух и правда не стал петь. Прослышала о заботах князя благочестивая швея Софья с Куликова поля и отправилась в Москву. Была у швеи игла с золотым ушком, которой она умела творить чудеса. Три дня прожила Софья в Москве и вышила на полотенце княжеского петуха. Да как вышила! Получился он словно живой: мохноногий, крутохвостый, с алым гребнем-крестиком и золотым глазом бусинкой... Казалось, вот-вот захлопает крыльями и запоет! Смотрит князь на полотенце, восхищается:

— Прямо диво дивное!

— Диво будет в походе, князь, — загадочно сказала швея.

Много совершил князь Дмитрий походов и всегда вставал чуть свет. Умоется в роднике, станет полотенцем утираться, а из петушиного ока свет несказанный льется. Это сияет образ Божией Матери, который вышила швея Софья иглой с золотым ушком. Помолится князь Божией Матери, попросит у Нее совета, что и как надо делать в течение дня. И Она обязательно вразумит его, потому и выходил князь победителем из любых испытаний. И никто об этом, кроме самого князя, не знал.

Конопатый мальчик Ивашка тоже вырос и стал воином. Князь Дмитрий даже сделал его думником-советником и посадил за своим столом рядом с боярами. Как-то собрались у костра молодые воины, спрашивают Ивашку: как это князь Дмитрий ухитряется вставать раньше всех?

— Его петух будит, — говорит Ивашка. — Сверкнет с полотенца золотым глазом да как запоет:

*Кукареку!
Не время лежать на боку!*

*Надо вставать,
Пока солнце не встало,
Чтоб ордынская рать
Врасплох не застала!*

— Да, так оно и есть, — подтвердил один старый воин. — Я и сам слышал, когда стоял на часах у княжеского шатра. Только песня была другая.

— Какая же, дядюшка?

— А вот какая:

*Хочешь Русь уберечь
И отцовский очаг —
Обедай в седле,
А спи на мечах!*

А тут к костру сам князь Дмитрий подошел. Высокий, русобородый, на плечи плащ накинута. Послушал он разговоры своих воинов, улыбнулся и говорит:

— Что верно, то верно, петух на полотенце и правда поет, как живой. А песни у него разные. Нынче, например, вот что он мне пропел:

*Русский воин
Дива достоин:
Лег — свернулся,
Встал — встряхнулся!
Русь теперь не без защиты, —
Быть царю Мамаю битым!*

Заулыбались воины и молодые, и старые. Добрые слова князя словно бы силы им прибавили. А князь Дмитрий, говорят, никогда не расставался с вышитым полотенцем. Утирался он им и на берегу Дона, на рассвете перед Куликовской битвой...

Вот с той поры и стали наши девушки-мастерицы вышивать на полотенцах сказочных петухов. Но если присмотреться, они очень похожи на настоящих, какие и сейчас на ранней зорьке будят деревенских жителей.

ПРИТЧА О ДУБЕ — ПАТРИАРХЕ

*«Долготерпеливый лучше храброго...»
(Притчи; 16, 32)*

На высоком лысом бугре жил разбойник-ветер. Изредка он, по-змеиному свернувшись в кольцо, вполглаза дремал. Но чаще улетал

в соседнюю деревню, к людям, и там безобразничал. То напустит в избы холоду, то сломит макушку старой березе, то еще что-нибудь натворит. Такая у него была вредная натура. Возвращался ветер довольный, а за ним всегда тянулся хвост из опавших листьев, сора и пыли.

Однажды на лысом бугре весной проклюнулись два зеленых росточка. Видно, ветер затащил сюда на своем хвосте семена каких-то растений. Росточки тянулись к солнцу, крепили и со временем превратились в два молодых деревца — дубок и тополек. С высокого бугра они видели, как ветер в деревне обижает людей, и жалели их.

— Как жаль, брат, что мы выросли не на деревенской околице, — шептались они. — Мы бы своей грудью заслонили деревню от ветра.

С годами они стали крепкими и сильными деревьями. Но каждый со своим характером. Когда ветер начинал бушевать слишком сильно, тополь скрипел всем своим телом, шумел и возмущался. Но он не гнул спину, стоял с гордо поднятой головой перед ненавистным врагом. И однажды в сильную бурю сломался. Люди изрубили его на дрова и стали топить ими печи. Так тополь и после смерти воевал с холодным ветром: сгорая, он согревал людей и давал им силы для жизни в ту суровую зиму. Люди сложили о гордом тополе мужественную и веселую песню. Первыми ее разучили мальчишки и каждый день распевали ее.

Дубок остался в одиночестве. В глубокой задумчивости стоял он на открытом со всех сторон бугре, и каждый порыв ветра гнул его до самой земли. И люди удивлялись его живучести. Он все глубже пускал корни в землю, и разбойник-ветер уже ничего с ним не мог поделывать. А осенью на его ветвях выросли бронзовые, точно пули, желуди. Ветер от этого совсем взбесился.

— Ишь како-о-ой! — выл и шумел он. — Все прикидывался покорным, гнулся до земли, а сам желудями уже обвешался! Уничтожу все твое потомство!

И ветер яростно стал срывать с веток желуди и разбрасывать их как можно дальше. Снова пришла весна. Из желудей проклюнулись росточки и потянулись к солнцу лопухие дубки. Так постепенно на бугре, в самом логове ветра-разбойника, выросла Зеленая Дубрава. Она надежно заслонила собой деревню, и ветру пришлось убраться в другие края. А старый дуб стал очень некрасивым. От постоянных поклонов ветру у него образовался большой горб, ветки скрючились, стали узловатыми — в жизни ничто не проходит бесследно.

Старики рассказывают, что перед самой Куликовской битвой в Зеленую Дубраву приезжали три князя: сам Дмитрий Донской и двое его сподвижников — Владимир Серпуховской и Боброк Волынец. Увидев старый дуб, они и не заметили его некрасивости, но восхищенно сказали:

— Патриарх!

Здесь, на тайном совете, было решено в Зеленой Дубраве поставить Засадный Полк. Он и решил исход сражения между русскими и татарами, превратив Куликовскую битву в Мамаево побоище.

ПОД ЗАЩИТОЙ НИКОЛАЯ УГОДНИКА

рассказ

Историю эту рассказал мне сам Микула Семьянинович, человек, у которого птицы за пазухой греются, как утверждают деревенские жители. Рассказал у лесного болотца, где мы собирали грибы. А потом, дома, показал старинную икону Николая Угодника, которого считает не только своим небесным покровителем, но и спасителем от напрасной смерти. И еще показал кипарисовый крестик, который надела на него, умирающего ребенка, бабушка Жива (в крещении — Ева). Она когда-то пешком ходила в Иерусалим, поклониться Гробу Господню, вот и принесла оттуда эту святыньку — кипарисовый крестик, освященный на мощах Николая Угодника. Я записал Микулин рассказ, как он мне запомнился.

* * *

Микула долго был уверен, что родила его деревенская печь, и сразу большого, лет семи. Об этом говорили и его первые впечатления от жизни, которые он помнил. Появившись откуда-то из теплой темноты, в мокрой как туман рубашке, он лежит в соломе на печных кирпичах, от которых исходит живительное тепло.

— Мама, — прошептал мальчик, погладил печь влажной ладошкой и прижался к ней всем телом. — Хочу есть, мама.

Печь вздохнула, точно проворковала что-то (видимо, загудел в трубе ветер), и мальчик все понял. Он спустился на пол, открыл заслонку в печи, достал ухватом горячий чугунок с молочной кашей и прямо здесь, на шестке, стал есть. Обжигался, дул на ложку и глотал, глотал вкусную горячую кашу, приготовленную мамой-печью.

Потом он еще несколько раз впадал в забытие. Очнувшись, спускался с печи, доставал ухватом кашу, ел... И чугунок всякий раз оказывался полным, с молочной желтой пенкой сверху. Значит, мама-печь варила ему кашу заново. Или это все продолжалось не один день? Со стены на мальчика поглядывал дедушка в красной вязаной шапке, очень добрый. Микула вспомнил, что звали дедушку Миколой, почти как его самого. В избе их было трое, живых: он, да мама-печь, да еще вот дедушка — Миколой Угодник. Однажды он увидел на веревочке возле печи свои штаны — сушились после стирки. Мальчик надел их, прошелся по избе... вышел на улицу.

Ах, какой это был ослепительно яркий, пахучий, звучащий весенний день! И мальчик таращил по сторонам глаза, принимался и, пошатываясь от слабости, все куда-то шел, шел... Куда — для него было неважно, ему просто нравилось двигаться, ходить. Так он очутился на лугу за деревней. Там на молодой зеленой траве лежала буланая лошадь с жеребенком. Они были похожи на две кучи свежей золотистой соломы, большую и маленькую. Микула сел неподалеку, на краю канавки, позвал:

— Соломка!

Большая Лошадь даже не оглянулась, а жеребенок вскочил на ноги, потянулся, смешно завиляв черным хвостиком, и вдруг скакнул, обежал вокруг матери, затем еще раз, пошире, и тоненько восторженно заржал: и-го-го! Вот как я умею! Микула засмеялся, вылез из своей канавки, тоже скакнул, приговаривая:

— Со-ломка, Со-ломка!

В ответ громко и недовольно фыркнула Большая Лошадь, поднялась, стала щипать траву. Соломка подбежала к ней, ткнулась головой в пах, затем под живот, нашла сиську, довольно зачмокала, завиляла хвостом-жгутиком. Микуле тоже захотелось молочка. Он зашел с другого бока, увидел круглое, налитое вымя с растопыренными сосками и сглотнул слюну... И тут Большая Лошадь, почувствовав намерения чужака, этого человеческого детеныша, хлестнула его длинным хвостом и отошла в сторону. Соломка побежала за матерью. Микула шел следом, медленно, крадучись снова забрался под ее широкий живот, и снова Большая Лошадь хлестнула его длинным жестким хвостом. Мальчик обиделся и вернулся в деревню. Но изба, где осталась теплая мама-печь, которая кормила его кашей, была на замке. Он поднялся на цыпочки, подергал замок, тот не открывался. Скорбная, больная голова мальчика еще не могла сообразить, что стоит он у чужой избы, а своя, вернее, дедова, где он «заново родился» на печи, находится рядом, через два дома. И ноги его, почесав одна другую босыми пятками, сами пошли обратно, на луг, к Большой Лошади и Соломке.

Свою прежнюю жизнь, до «второго рождения» на печи, Микула начисто забыл. И деревенские помалкивали. Лишь когда вырос и окреп умом, рассказали, как приезжала его мама родительский дом продавать, давно пустующий, да и оставила в нем маленького Микулу-дурачка, который сильно расхворался. Сказала: «Скоро вернусь, заберу свое горюшко», — и добавила:

— А умрет, все на родной печи, не в общежитии.

— Разве можно так про свое дите? — укорила ее бабушка Жива. — Оставляй. Выходим.

И правда, выходила. Это она, бабушка Жива, надела на мальчика кипарисовый крестик, кропила из пузырька святой водой, отпаивала молоком, парила в целебных травах, укутывала чистой ржаной соломой на печи, а когда стал поправляться, каждый день варила ему молочную кашу. Про все это Микула узнает потом. А сейчас он,

большеглазый белоголовый мальчик в коротких штанишках на одной ляжке, тихо шел по деревенской улице, скрытый от людских глаз зарослями сочных лопухов и крапивы. Да и некому было смотреть на него, вся деревня сажала картошку, спешила...

Большой Лошади с сосуном на лугу не оказалось: ее запрягли делать грядки на огородах. Но мальчик не огорчился, не успел. Прогулки и свежий весенний воздух так разморили его, что он едва добрался до знакомой канавки, свалился в траву и уснул. Очнулся оттого, что кто-то тер его лицо мокрой мочалкой. «Не хочу умываться», — закапризничал мальчик и открыл глаза. Была ночь, и в неясном свете звезд Микула узнал Соломку. Она уже облизала, облизнула ему всю голову и даже изжевала, ворот рубашки. Но Микулу это ничуть не обидело, он чутьем угадал, что это ласка сестры, улыбнулся и, приподнявшись на локте, поцеловал Соломку в теплый широкий нос. От нее вкусно и дразняще пахло молоком. Соломка мотнула головой, точно приглашала за собой мальчика, и шагнула в темноту. Микула, поднявшись, осторожно пошел за ней. Неподалеку паслась, напавшись на огородах, Большая Лошадь. Оглянулась на подошедшего мальчика, фыркнула, обнюхала его... От человеческого детеныша пахло так же, как от ее жеребенка, и она снова стала щипать траву, спеша наестся, чтобы побольше наработать молока. Большая Лошадь поняла, что кормить ей теперь придется двоих, шумно вздохнула. И она не ошиблась.

Ночью, когда Соломка сосала мать, с другого бока колобком подкатился Микула и тоже зачмокал лошадиной сиськой. Молоко было жидкое, но очень сладкое и сытное. Микула помнит, что возле Большой Лошади стоял дедушка Миколай Угодник, гладил ее по лицу, по храпу, что-то шептал ей, когда она взмахивала хвостом, чтобы отогнать мальчика. От слов Миколая Угодника Большая Лошадь успокаивалась и даже лизнула один раз сосущего Микулу в затылок, точно своего жеребенка. Когда Микула досыта напился кобыльего молока, дедушка Миколай куда-то пропал. Да и был ли он? Был, был, Микула хорошо помнит его взгляд, добрый и сострадательный, которым он смотрел на него. А еще Микула помнит, что этой же ночью они втроем долго куда-то шли — он, Соломка и Большая Лошадь, которая уводила малышей подальше от деревни, в глухой овражек за лесом, куда люди редко заглядывали. Кромки овражка поросли осинником вперемешку с елками и колючими кустами шиповника. На дне, в зарослях камыша и осоки, было болотце, из которого выбегал холодный ручей.

Здесь, под солнцем и звездами, под ветром и косыми дождями, на теплой земле среди рослых трав и цветов, от постоянной беготни друг за другом, которую они затевали с Соломкой, Микула окреп, стал проворным и цепким. Он уже запросто влезал на Большую Лошадь и, уцепившись за гриву, катался на ней, если уставал. Случалось это чаще всего ночью, когда они выходили из своего овражка на проселочные дороги, в поля, чтобы пожевать зеленого овса. Но под утро всегда возвращались. В эти ранние утра и появлялись в осин-

нике городские грибники. Большая Лошадь, учуяв посторонних, коротко предупредительно ржала, и Соломка с Микулой бежали к ней. Микула вдобавок старался еще присесть за куст, спрятаться в высокую траву или за кочку, чтобы его не заметили.

И все обходилось благополучно, пока не появился этот Усатый, в высоких, начищенных до блеска сапогах и распахнутом френче, из которого выпирал округлый, как яйцо, живот. Усатый сначала негромко свистнул, будто удивился чему-то, потом похаживал вокруг да около, протягивал Большой Лошади то пустую ладонь, то пучок травы... Она же в ответ лишь недовольно фыркала и отходила в сторону. На другой день он принес кусок хлеба. Но и на хлеб она не соблазнилась, дураку были понятны его хитрости: за спиной Усатый держал в руке веревку, сложенную кольцами. Микула притих, как зверек, поблизости, за кустом шиповника, и зорко наблюдал за пришельцем. Тот его не видел, но почему-то все пяtilся и пяtilся в его сторону, на шаг, на полшага... и вдруг свистнул в воздухе аркан:

— Мама-а! — закричал Микула.

Аркан резко дернулся, сжал ему грудь, и мальчик больше не смог и пикнуть. В голове зашумело, перед глазами поплыли оранжевые круги, и он увидел рядом с собой дедушку Миколая Угодника. Только был он не в вязаной кофте, как на иконе, а в железных доспехах, и шапка на нем была железная. Прямо как древний воин! Миколай Угодник повелительно махнул рукой, и Большая Лошадь кинулась, ощерив зубы, на Усатого, сбила его грудью с ног... Микула выскользнул из ослабевшего аркана, прыгнул ей на спину и вот уже все трое: Большая Лошадь, мальчик и жеребенок мчатся в поля! Мир велик... Теперь они в своей обжитой овражек заходили только ночью, да и то изредка.

Потом появился Голос. Через неделю, или может через две. Иногда утром, иногда среди дня мальчик стал слышать этот голос, который звал его:

— Микула-а-а! Сыночек мой, отзовись!

Голос был знакомый, родной, певучий, который он слышал когда-то давным-давно, еще до «рождения» на дедовой печи. Он тревожил Микулу и тянул к себе, как магнит иголку. Но мальчик не отзывался, он уже научился быть осторожным. Он высмотрел, что Голос принадлежит молодой красивой женщине, и уже хотел довериться ей, подойти, но тут же увидел, как рядом с женщиной, поднявшись из травы, оказался Усатый.

— Сколько можно гоняться за этим зверенышем? — резко сказал он.

— Но он мой сын!

— Да? Вряд ли... Он сын одичавшей лошади, это ей он кричал «мама»! И она чуть меня не изуродовала!

— Давай еще на ночьку останемся. А завтра утром уедем, — попросила женщина.

Ночью Микулу снова звал Голос. И звучал особенно призывно, как-то печально, точно прощался с ним навсегда. Большая Лошадь,

будто чувствуя беду, повела жеребенка и мальчика на новое место за болота и овраги, в глубину Заозерья. То ли было все это, то ли не было... А может, пригрезилось Микуле в горячечных снах? Но бабушка Жива говорит, что было. И как он сильно хворал, и как она его выхаживала, «считай, что заново на печи родился», и как, выздоравливая, он ушел из дому, и три дня его не могли найти, а потом приехал отчим, Усатый, и нашел его в овражке за лесом, рядом с колхозной лошадьё и жеребенком.

— Он же озверел! Кобылье молоко сосет, сам видел! — рассказывал отчим деревенским женщинам.

Но бабушка Жива, она ведь какая — что вспомнит, а о чем и промолчит. И тут явно что-то недоговаривает. Не три дня, а все лето жил маленький Микула-дурачок в овраге с Большой Лошадьё и Соломкой. От того и видения в его глазах о том времени: то яркая молодая листва, то темно-зеленая, летняя, то багряная, осенняя... Когда рядом с темными елями вспыхнули первые красные листья осинника, и раздался тот роковой выстрел. В ту ночь Микула снова слышал Голос, который звал его: “Родненький!” Кто знает, может и почудилось... Бабушка Жива вон говорит, что во второй раз отчим его приезжал один, без матери. Да, может и почудилось. Но Микула откликнулся и пошел на этот Голос, вернее, поехал на Большой Лошади. Как она не хотела идти! Но мальчик понукал ее, щекотал босыми пятками бока, нагнувшись, шептал на ухо ласковые слова. И Большая Лошадь, заржав, галопом влетела в деревню — и споткнулась! Такой грохот стоял, когда она падала! Прямо гром громыхнул, с молнией. Потом оказалось, что это выстрелил Усатый. И убил ее наповал, волчьим жаканом. Отомстил. Так ли, нет ли? Нет, не так, утверждает бабушка Жива. Усатый, его отчим, выстрелил позже, когда увидел, что лошадь сломала ногу — на одной коже болталась. И он выстрелил ей в ухо, чтобы не мучилась. Но было и другое, Микула помнит:

— Чтоб твоего духу в деревне не было! — сказала Усатому бабушка Жива.

— А мясо? — кивнул Усатый на убитую Большую Лошадь.

— Забирай куда хочешь. Мы ничего не видели. И тебя, поганца, чтоб глаза мои не видели.

Усатый исчез. А ночью исчезла и убитая лошадь.

Микула очнулся снова на дедовой печи. Было утро. На улице жалобно ржал жеребенок. «Соломка!» — угадал мальчик и кубарем скатился с печи, выскочил на улицу, подбежал к кровавому пятну на траве... Соломка, молочная сестричка его, обнюхивала траву и плакала и голосом, и слезами, которые катились и катились из ее глаз. Рядом полукругом стояли деревенские бабы и тоже вытирали слезы.

— Соломка, Соломушка, — обнимал ее за шею мальчик, — сестричка моя родненькая, не плачь, нас с тобой двое, будем жить вместе, в дедушкиной избе... Я тебе сено буду косить.

— Вот тебе и Микула-дурачок, — всхлипывали женщины, — а рассуждает, как умник.

Кто-то из них принес охапку опавших листьев и забросал кровь на траве. Попытались отогнать жеребенка с этого места, но Соломка не уходила. Не отходил от нее и Микула. Послали в Красное Село за ветеринаром. Тот приехал на дрожках лишь на другой день, сказал, что жеребенка надо в табун, к лошадям, иначе он погибнет. «От тоски», — добавил ветеринар. И Соломку увели. Привязали к дрожкам и увели. А что было в тот день с Микулой, деревенские женщины стараются не вспоминать. Жив остался, и то хорошо. И истово молятся Миколаю Угоднику, который, по их словам, весь день и всю ночь стоял в изголовье больного мальчика и кропил его святой водой. Некоторые видели Миколая Угодника, некоторые нет. Но капли воды на лице Микулы, на подушке и на одеяле видели все.

* * *

Сколько прошло времени с тех пор? Много... И все-таки Микула разыскал ее в одной из дальних деревень на Куликовом поле — старую, но еще бодрую лошадь.

— Соломка! Это ты?

Кажется, узнала его и Соломка. Что-то затеплилось в ее глазах от Микулиного голоса, она даже мотнула головой и коротко заржала.

— Соломушка...

Но лошадь шумно фыркнула и потянулась губами к сену.

— Как ее зовете? — спросил Микула конюха.

— Сиротка.

Микула выкупил ее в колхозе за четыреста рублей, примерно столько же платят за пустующую деревенскую избу. Он даже не торговался. Теперь Соломка живет у него во дворе и он косит ей сено, как когда-то обещал.

* * *

— Так и прошло мое детство под защитой Николая Угодника, — закончил Микула свой рассказ. — Я слышал, все Николай, особенно дети, находятся под его защитой. Да, а у меня радостная новость: нашел на чердаке доспехи Николая Угодника, в каких он от Усатого меня защищал. Посмотри-ка.

Я поднял голову и увидел на стене икону Николая Угодника в «доспехах», то есть в медном, а может бронзовом окладе. Оклад был слегка помят, но старательно вычищен, лишь местами, на вмятинах, остались зеленые пятна. Николай Угодник смотрел строго, даже грозно. А, приглядевшись, я заметил, что по лицу Святителя проходят трещинки, похожие на полосы от слез...

Александр КЕРДАН

«ПОБОРНИКИ ОТЧЕЙ ЗЕМЛИ»

Александр Борисович Кердан — родился в 1957 году в городе Коркино Челябинской области. Окончил высшее военное училище, военную академию и адъюнктуру Военного университета. 27 лет прослужил в Вооруженных Силах. Полковник запаса. Доктор культурологии. Автор 33 книг стихов и прозы, вышедших в Москве, Санкт-Петербурге и на Урале. Лауреат нескольких международных и всероссийских литературных премий. Сопредседатель Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала. Живет в Екатеринбурге.

РЯДОВОЙ

Ах, как земляца неровна...
Неровности земляцы
Любить заставила война,
Чтоб мог солдат укрыться.

Любая ямка, бугорок —
Спасение от пули.
И, крепко заучив урок,
Солдат живым остаться смог
В сорок втором, в июле.

Вжимался плотно в землю он,
Мечтая слиться с нею.
И был Победой награжден —
Стирал портянки в Шпрее.

И вот — землей навеки стал,
Привнес в родной суглинок
Своих осколков драгметалл,
Полученный в Берлине.

Да прах, что прорастет травой,
Да память, что нетленна...
Итог, как будто рядовой,
В судьбе обыкновенной.

* * *

Что будет с Россией — не знаю,
Но верю, что будет жива.
Восходит трава молодая,
Лишь солнце воспрянет едва.

И в мрачное времечко даже,
Когда не увидишь восход,
Растет она, травушка наша,
Не ввысь, ну, так в корень, растет!

Копытьте ее и топчите —
Трава распрямится в свой час.
Одно лишь при этом учтите:
Она прорастает сквозь нас.

Как эта эпоха глухая,
Как мудрости вечной слова...
Что будет с Россией — не знаю.
Растет молодая трава.

МЕНЯЛА

1

В заглавном храме в Иерусалиме
Менял червонцы он на медяки,
Хотя казалось, все — не простаки,
Шли люди в храм
с червонцами своими...

Пока однажды не явился Он
И не изгнал лукавого из храма,
Предупреждая нас, живущих, прямо,
Что будет мир — беспутный Вавилон.

Рыдал осел. Манил вином трактир.
Кипел базар торговыми страстями...
И даже не заметили мы с вами,
Как превратился в рынок целый мир.

Меняла снова возвратился в храм:
Все продается, все имеет цену!
Но все еще не верим мы в подмену,
Которую предсказывали нам...

2

Все реже нищим подаю,
Когда пятак найдется...
Назвать богатой жизнь мою
Язык не повернется.

И нищий-то уже не тот:
Подашь ему копейку,
Еще вослед и наорет,
Мол, совесть поимей-ка!

Но разве ты ее рублем
Иль десятию оценишь?..
Все не по совести живем —
С деньгами и без денег!

Без покаяния грешим,
Пеняем, укоряем,
Пока все золото души
На медь не разменяем...

* * *

Радуга, как будто коромысло,
На плечах уральских гор повисла,
На границе двух материков...
Мир дождем полуденным умылся.
Стало больше слов, но меньше смысла
В промежутках между смыслом слов.

Оттого, так радостно — притихнуть,
Если над тобою чудо вспыхнет:
После грома тишина слышней...
Континенты, родина, граница —
Главный смысл в душе у нас хранится:
Нет его понятней и нужней.

Если, справа — синь, и слева — тоже,
Несказанное — душе дороже,
Как уменье паузу держать.
Чудо, погоди, останься с нами
Тишиной, как будто в Божьем храме,
Где и молча можно все сказать.

ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ

Среди людей свой проживаем век,
Но все пустынной — под конец — дорога...
Да, одинок, по сути, человек!
И даже в этом он — подобье Бога.

КОЛОКОЛЬНЯ

Арсену Титову

Следы от голубиноного помета,
Ступени круто убегают ввысь...
По ним, скрипучим, будто звал нас кто-то,
С тобой на колокольню взобрались.

Она самой Москвы намного старше,
Глядит на всю округу свысока.
И что ей, древней, все восторги наши,
Такие приземленные пока?

Она стремится к небу.
Но надежно
Стоит на перепутье столько лет.
Ты колокол потрогал осторожно,
А он внезапно загудел в ответ,

И снова — тишь.
Пылит вдали дорога,
А там — река в тумане, как в дыму...
Когда душа готова слышать Бога,
Набатный звон и правда ни к чему.

ДВЕ РЕКИ

Когда бы шел с востока русский меч,
Являясь порождением ислама,
Могли бы Волгу Камою наречь,
Поскольку полноводней, шире Кама.

Но русский меч был породнен с крестом
И шел встречь солнцу, аж до океана...
И Волгу — Волгой мы с тех пор зовем,
И первой стать уже не может Кама.

Но в том и сила русского меча,
Что как бы вера с верой ни сплеталась,
Да только Кама, камушки меча,
Все пережить смогла, собой осталась.

Не поддаваясь пришлому уму,
Амбициям своим не потакая,
Она впадает в Волгу потому,
Что сильная и добрая такая.

И ей не страшно — всю себя отдать
Другой реке, навеки слившись с нею...
Она душе доверчивой под стать,
Что, лишь смирившись, выстоять сумеет.

ВО ВЛАДИМИРЕ

Летят облака, будто конники,
Над Клязьмой — светлы и легки.
Маячат вдали колоколенки —
Для русской души маяки.

Стою у тебя на околице,
Святая и древняя Русь.
Вот-вот за небесною конницей
Вдогонку и я соберусь.

Туда, где по рангу построены,
Ряды подравняли свои
Монахи, поэты и воины —
Поборники отчей земли.

Прощаясь с Отчиною милою,
Стою, озираясь окрест,
И, тайной наполненный силою,
Целую серебряный крест.

Чтоб так же в рассветном свечении
Мерцали церковей купола,
Чтоб Клязьма струила течение
И русской рекою была.

Чтоб слово родное, исконное
Звучало века и века,
И чтоб над землею, как конники,
Крылато неслись облака.

Молюсь, уповаю смиренно я,
Чтоб вовремя час мой настал
И князь мой святой без сомнения
В дружину меня поверстал.

Чтоб мог я, как равный меж равными,
Пополнив небесную рать,
Лететь над землей этой славною,
Незримо ее охранять.

* * *

Над полем светят небеса,
Пшеница зреет,
Дарить такие чудеса
Господь умеет.

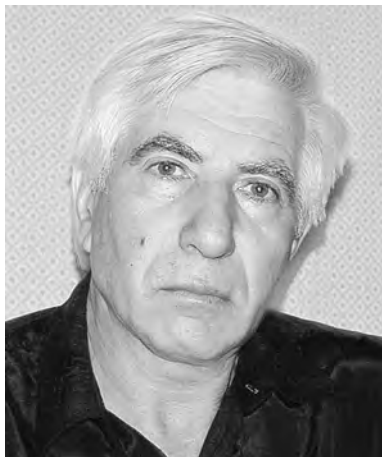
Когда ложатся прямо в стих
И свет, и поле,

И нет печалей никаких —
Земля и воля.

Мы Божий глас в душе храним
И предков голос.
Струится свет, пронизан им
Здесь каждый колос.

ПОЭЗИЯ

Василий ЗАБЕЛЛО

«НЕ ПОКИДАЙ МЕНЯ МОЛИТВА»

Василий Константинович Забелло — родился в 1947 году в деревне Утулик Слюдянского района Иркутской области, на берегу Байкала. В 1966–1969 годах служил на Флоте, имеет 42 года рабочего стажа. Автор пяти книг стихов. Член Союза писателей России с 1993 года. Награжден премией «Святителя Иннокентия Иркутского». **Живет в Иркутской области.**

У БАЙКАЛА

На берегу глухом Байкала
Я у костра сижу один.
И жемчуга крутого вала
К ногам швыряет баргузин.

То там, то здесь лежат колоды
В оплывах гальки и песка.
Как раздражение природы,
В груди звериная тоска.

Не так ли пращур курыканин
От ветра суживал свой взгляд?
Волна окатывает камни —
Тысячелетия гремят.

Охвачен гибельным
 пространством,
В огне смятенных чувств и дум
Пред сим
 божественным убранством
Не так ли плакал Аввакум?

Мы в городах поодичали
Среди бетона и машин.
В миру не высказать печали,
И потому я здесь один.

Спасай, Байкал!
 Пусть автострада
Меня обходит стороной.
Душа тебе, как прежде, рада,
Твоею дышит глубиной.

ЛЕДОСТАВ

Встал на мысу
 растянувшийся поезд,
Снегом забило состав.
Ветер с Байкала студен и напорист,
Грозен Байкал в ледостав.

Стужа берет его
 долгим измором,
Льдины на берег ползут.
Тянутся тучи
 над взбешенным морем
Черные, словно мазут.

В белые дали зияющей раной
Врезан кипящий Байкал.
Но зажимается
 вскипень буранный
В крепкий ледовый оскал.

За ночь улягутся гневные силы
В груды прибрежного льда.
И по сверкающей
 снежной России
Снова пойдут поезда!

Поутру баба
 накормит скотину —
Невероятная тишь...
Вот только жаль —
 поломало рябину,
Разве за всем уследишь.

* * *

В перелесках закат паутину развесил.
Косяки журавлей над Байкалом летят.
Распахну я окно в журавлиные песни,
Под березовый шелест пойду на закат.
Далеко, далеко от распахнутых окон
Я уйду, по-осеннему грустен и тих.
С головы ниспадет посеребрённый локон,
Журавлем закричит пробудившийся стих.

ДОМОЙ

...И вновь бегут дорогой дальней
Со скрипом легкие возки,
Все отдаленней и печальней
Электровозные гудки.

Ужель село мое родное
Дымит над кручей берегов?
Кругом раздолье снеговое
Да островки березняков.

Гнездо покинувшая птица,
Вернусь на материнский зов
Колодезной воды напиться
Под небом дедов и отцов.

Давно ли был я здесь, давно ли
Литовку правил оселком,

И мать меня поила вволю
Густым июльским молоком.

Теперь у ней одна забота,
Всематеринская печаль, —
Под вечер выйдет за ворота,
Глядит, глядит в немую даль.

Мирские мысли о погосте
Обуревают все сильнее.
И только радости, что в гости
Приедет кто-то из детей.

О, Родина! Лишь возглас этот
Тоскою грудь сжимает мне,
Когда в пути вдруг вспомню где-то
Я свет в родительском окне.

* * *

Прошли неласковые годы.
И спину разогнула мать.
Отец вернулся из похода,
Вернулся зверя промыслять.

Надев охотничью серягу,
Не говорил он о войне...
А я медалью «За отвагу»
Играл «в пристенок» по весне.

РАДОНИЦА

...Не стучи, сын, в глухие рамы,
В окнах выцвели небеса.
Кромка леса. Могила мамы.
След, заросший от колеса.

Шепот хвои и листьев свежих.
Нынче ангелы при свечах.
Ветерок ласкает и нежит,
Птичьи трели звенят в лучах.

Ой вы, горлицы и синицы!
Прославляйте родной уют,

Дорогие я вспомню лица,
Тех, которых нигде не ждут.

Но за птичьими голосами
Зов из прошлого, оглянись!
То взывает к ответу память,
То взывает к ответу жизнь!

Сам Господь этот день отметил,
День молитвенной высоты...
Образ Родины тих и светел,
В нем есть мамы моей черты.

* * *

Светлой памяти родителей

Золотые нити сентябрь
Распускает по роцам и долам...
Как давно нет, родная, тебя
И отца, и отцовского дома.

Связан был из кедровых венцов,
С голубыми разводами окон.
Сколько вывел под кровлей птенцов...
Кто куда — разлетелись далеко.

Пели песнь сентября провода.
В чугушке доходила картошка.
И морщилась в луже звезда
Вечерами под нашим окошком.

Было все, как у добрых людей:
И ветла, и цветник возле дома,

Коновязь, где ковали коней,
И телятам подстил из соломы.

Не одна тут зима промела...
Нынче гость я залетный и редкий.
Где был дом, там пырей да зола,
В мир иной отошли мои предки.

Только нет, ничего не прошло,
Не исчезло во мраке бесследно.
Помню я и уют, и тепло,
Печку русскую с радостным хлебом.

Пусть не выведу в поле коня,
Нет ветлы, цветника, коновязи...
Все ушло, но живу еще я,
И с землей не потеряны связи.

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ

Светлой памяти сына моего — послушника Сергия

Облако над Русью пролетело,
Окропило доли и холмы,
В западных растаяло пределах,
Обернулось саваном зимы.

А за ним летит, курлыча, стая,
С Родиной прощается навек.
На Украине та земля святая,
Где почил любимый человек.

Про тебя ни слухом и ни духом...
Хоть бы голубь с вестью залетел...
Та земля да будет тебе пухом
И высок молитвенный удел.

Распахнулись врата в скитский храм
 небольшой,
Богомольцы пошли, отпуская поклоны...
Вместе с ними и я с покаянной душой,
Все мирское отринув, молюсь на иконы.

В суете безоглядной я тратил года,
Благо, вышел на свет к алтарю и приходу...
А вокруг все росли и росли города,
Но тянулась душа к промоленному своду.

Долго путь от калитки до скитских ворот,
Но звучит благодатная песнь херувимов,
Но, спасаясь, стоит осененный народ
Теплой дланью Христовой незримой.

Духовник прозорливец, скажи мне, скажи!
Ведь не зря я стремился в святую обитель:
Уготована ль тайна для трудной души?
И как долго со мной будет ангел-хранитель?

Не покидай меня, молитва,
К нетленной радости зови.
Идет невидимая битва
Во имя Света и Любви.

Не все исполнены обеты
По укрощению страстей.
Не все акафисты пропеты
В тиши молитвенных ночей.

Растленный мир и гнет, и горбит...
Да минет ада западня.
Через мытарства, через скорби
Веди меня, спасай меня.

Да будет в радость это бремя —
Христу молитвою служить...
О дай, Господь, еще нам время
Для очищения души.

ГОРДОЕ СЛОВО — ПАТРИОТ

*Петербургский театр
«Патриот» отмечает
20-летие своей твор-
ческой деятельности*

Театру «Патриот» двадцать лет. Всего двадцать лет...

К сожалению, только двадцать лет.

Почему я говорю: к сожалению?

Вспомните, какие события происходили тогда в нашей стране.

1989 год. Это события в Тбилиси, шум вокруг которых раздутый рвущимися к власти демократами-русофобами, очень любопытно сопоставить со скорбным молчанием этих самых демократов после последней грузинско-осетинской войны.

Это Первый съезд народных депутатов СССР, завершивший задуманную М. С. Горбачевым реформу власти. Он вывел свой пост Председателя Верховного Совета СССР из-под контроля КПСС, но при этом сам остался Генеральным секретарем партии, превращая ее из партии главы государства в *партию при главе* государства.

Это пик погромов турок-месхетинцев в Ферганской долине...

Это первые массовые забастовки...

Это II съезд народных депутатов СССР, на котором было принято постановление о политической и правовой оценке пакта Молотова-Риббентропа, заложившее юридическую базу ревизии итогов Великой Отечественной войны...

Это беспорядки в Ленкорани, Джалалабаде и Баку в начале 1990 года. Это объявление чрезвычайного положения в Нагорно-Карабахской области. Это армянские погромы в Баку. Это массовое бегство русских из Азербайджана...

Сцена из спектакля Николая Коняева «Любовь и смерть, смерть и любовь». Екатерина I — заслуженная артистка России Татьяна Кудрявцева, Петр I — заслуженный работник культуры РФ Геннадий Егоров

Вот тогда-то государственно-мыслящие руководители и начали, наконец-то, понимать, что для безопасности страны мало современной хорошо обученной и вооруженной армии, не достаточно мощной оборонной промышленности, и никакие, пусть и великолепно-оснащенные спецслужбы, не способны обеспечить ее безопасность, если отсутствует идеология патриотизма.

Вот тогда и были предприняты определенные шаги в этом направлении.

К сожалению, как это часто бывало в нашей истории, предприняты они были слишком поздно, чтобы успеть спасти СССР, но если бы такие шаги вообще не были предприняты, кто знает, что было бы сейчас с самой Россией.

К таким шагам, предпринятым двадцать лет назад, можно отнести и создание Постановлением Бюро Президиума ЦК ДОСААФ СССР от 9 февраля 1990 года Драматического театра «Патриот»...

Повторю, что, к сожалению, театр «Патриот» как и другие начинания такого рода, был создан слишком поздно...

Но это с одной стороны.

А с другой стороны, какое счастье, что этот театр все-таки был создан.

В девяностые годы, когда патриотизм всячески высмеивался и ошельмовывался, когда воспитание нравственности и любви к Родине было объявлено нашими реформаторами сугубо частным делом, театр «Патриот» не только нес это гордое имя на своей вывеске, но и утверждал патриотические идеалы каждой своей новой постановкой.

За 20 лет творческим коллективом театра сделано немало.

И в этом прежде всего заслуга бессменного художественного руководителя, заслуженного работника культуры РФ Геннадия Семеновича Егорова, а так же труппы театра.

В разные годы в театре «Патриот» работали такие талантливые актеры, как народная артистка России Татьяна Пилецкая, заслуженные артисты России Татьяна Кудрявцева, Юрий Оськин, Нина Мазаева, Валерий Смирнов, Ия Ужова, Владимир Кузнецов, артисты: Александр Белошев, Николай Феоктистов, Сергей Барышев, Наталья Соломина, Борис Маслов и другие. В мероприятиях театра участвовали и народные артисты СССР Нина Мамаева и Иван Дмитриев.

Оформлением спектаклей занимался заслуженный деятель искусств РФ Валентина Малахиева, заслуженный художник РФ Ирина Кустова, Янина Решетникова, Александр Кожухов.

Пластический рисунок спектаклей выстраивался известным Петербургским балетмейстером, Лауреатом Международных премий Николаем Козловым.

Музыку к постановкам писали композиторы Александр Шестаков, Владимир Орлов, Илья Печковский, Алексей Захаров...

Я перечисляю эти имена, потому что это их трудом, их талантом ожили на сцене театра «Патриот» образы таких великих русских людей, как Дмитрий Пожарский из спектакля Константина Сковорода «Россияне», Александр Невский из пьесы Эдуарда Скобелева «На Куликово трудный путь», Василий Теркин из сценической версии одноименной поэмы Александра Твардовского,

По-прежнему, как и при его создании, основной целью театра «Патриот» является постановка сценических произведений, формирующих у граждан глубокое уважение к своей Родине, к воинской профессии, к защите Отечества.

В поисках героя, созвучного нашему времени, театр постоянно работает с современными авторами. Так, в творческом содружестве с драматургами-современниками, коллективом театра были созданы и поставлены пьесы Василия Белова «Сказ о солдате и бессмертном Кашее», Михаила Варфоломеева «Срок проживания окончен», Константина Сковорода «Ванька Каин», «Легенда о Ментуше», «Гришка Распутин», пьеса о летчиках-испытателях В. Попова «Испытание». Его же «Дорогой подарок» и «Идеальная пара». Спектакли «Небылицы» по русским народным сказкам, «Сказки Пушкина», «Сказка про Ивана-стрельца или пойдти туда, не знаю куда» И. Булышкиной.

Театр возил свои спектакли на гастроли в Москву, Тверь, Псков, Новгород, Брянск, Челябинск, Златоуст, Миасс, Иваново, Вичугу, Калугу, Рязань, Обнинск, Жуков, Ногинск, Уфу, Самару, Тамбов, Липецк, Воронеж, Белгород, проехал всю Ленинградскую область, где показал более 800 спектаклей.

В Петербурге театр «Патриот» долгое время показывал спектакли на сцене дворца графини Паниной (Фонтанка 7), а потом, в связи с продажей администрацией города особняка графини Паниной, по решению Бюро ЦС РОСТО (ДОСААФ), переехал в помещения Морской школы на проспект КИМа, 22.

Незавершенный капитальный ремонт помещений, выделенных театру, пока не позволял показывать спектакли на своей сцене, но ремонт близится к завершению и — даст Бог! — скоро театр откроется, и над его входом снова появится гордое слово «Патриот».

Николай Коняев

ВОЕННЫЙ ЛЕНИНГРАД

*Фотографии
Ленинграда
времен Великой
Отечественной
войны*

Петербургский ПИСАТЕЛЬ

Валентина ЕФИМОВСКАЯ

«...ПОТЕРЯВШЕМУ ПУТИ СВОИ»

О книге стихов В. Марухина
«На распутье»

В рубрике публикуются литературно-критические статьи, эссе, рецензии, посвященные творчеству современных петербургских литераторов. Сегодня петербургская литературная школа является одной из основных в России, однако, по ряду причин, связанных с проблемами русской культуры в целом, не достаточно известна широкому российскому читателю. Это связано и с тем, что современные СМИ навязывают миф о том, что «прервалась связь времен», что оборвалась «златая цепь искусств». Оценка творчества петербургских писателей, работающих в исконных традициях русской классической литературы и эти традиции продолжающих и обновляющих, поможет нашим читателям составить представление о целостности и непрерывности современного литературного процесса.

...может быть, главнейшее пред-
ызбранное назначение народа рус-
ского в судьбах всего человечества
и состоит лишь в том, чтоб сохра-
нить у себя божественный образ
Христа во всей чистоте, а когда
придет время, явить этот образ
миру, потерявшему пути свои.

Ф. М. Достоевский

Название для книги, что имя для человека — провозглашает новую реальность, освящает новое бытие. Для поэтической книги название — символ, через который автор старается выразить свою главную, сокровенную мысль, свою веру. Как в имени человека, так в имени книги заключена ее судьба, ее новизна, ее будущность. Хотя, кажется, какую новизну может содержать название, которое дал своей третьей по счету поэтической книге петербургский поэт, Владимир Марухин, — «На распутье». Это название вызывает ассоциации со славянским былинным эпосом. Так и хочется добавить слово «витязь», и получится, как на картине В. Васнецова: витязь в момент тяжелейшего испытания — выбора пути. Мы все с детства знаем этого богатыря, которому неведомая сила облегчила задачу, дала три подсказки: «пойдешь прямо — коня потеряешь, направо — счастья не найдешь, налево — сам погибнешь»... Хотя богатырь и задумался на перепутье, но, очевидно, что все эти путидороженьки испокон веков известны русскому человеку. Тяжело в бою без коня, но если есть вера и меч, победить можно. А что легкого счастья в понимании обывателя, на-право, то есть в борьбе за правду, за православную веру нет и быть не может, не нами сказано. А кто из русских не знает, что слева (за левым плечом) силы темные прячутся, погубители души. Знание возможных трудностей, различение добра и зла, лика и личины все же облегчает путь.

Не на таком сказочном перекрестке стоит лирический герой книги В. Марухина, написанной от первого лица, — русский человек, живущий на пересечении двух тысячелетий, в начале XXI века, когда нет доброго подсказчика, когда зло наряжается в барские одежды и пытается править миром, когда нет очевидного выбора пути, да и самого перекрестка нет, ведь «царит распутица в России».

*Я от непогоды обессилел.
Вновь царит распутица в России.
Солнечны лишь храмов купола.
Боже! За века мы намесили
Столько грязи с кровью пополам!
Боже правый, вырви с корнем злобу,
В наказание по миру пусти,
Но оставь нам, грешным, совесть, чтобы
Мы смогли покаяться в пути...*

Тема пути — сквозная тема всего поэтического сборника, состоящего из двух частей — стихотворного цикла «Кто, если не ты» и поэмы «Затмение». В пути герой книги не только черпает вдохновение: «Я стихами забудусь в пути...», но и борется, «не смирившись с тьмою светской грязи». В пути он возвращается в детство: «Я вспомнил детство: / Уголь, / Бревна, / Тупик, / Землянку, где я рос, / И нервно, / Огненно, неровно / Над нею дышит паровоз». В пути он осознает, что «...горестнее не было минут, / чем те, когда не мог подать я нищим». Не для того, чтобы забыться, отдохнуть, не от любви к путешествиям странствует лирический герой книги В. Марухина. И, явно, не в наказание мается он по миру, да и не по миру вовсе. Несвойственно это русскому человеку, имеющему огромное, как мир, свое родное Отечество, свою любимую Родину, свое «поле чистое» и «раздолье широкое», которые, правда, бескрайностью, безмолвностью только усложняют задачу выбора пути, словно проверяют духовную силу путника.

*Соберу я последние гроши, —
Хорошо, что не часто я пьян,
И в дорогу — до первой пороши,
Иль докуда отпустит карман.
И в неясную даль устремленный,
Я стихами забудусь в пути...*

Русскому человеку в особой мере присуще чувство слияния с кровными отеческими просторами, увековеченное издревле в народной песенно-поэтической традиции, на протяжении веков он ищет свою личную дорогу, свой путь, свое направление. Образ дороги любим в русском художественном творчестве, особенно в духоносной художественной литературе XIX века. «Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога! И как чудна она сама, эта дорога: ясный день, осенние листья, холодный воздух...» (Н. В. Гоголь) Тема пути — важная тема и для русской живописи, пытающейся осмыслить через образ дороги категорию времени. В русском пейзаже XIX в. — И. Левитаном, А. Рябушкиным, А. Архиповым дорога

рассматривается в сложной природной взаимосвязи с отходящими от нее и вливающимися в нее тропинками, ручейками, речушками, реками, олицетворяющими в христианской традиции сложный жизненный путь человека, как путь в вечность, к Богу.

Но то, что казалось ясным, почти достижимым в XIX веке, вдруг стало меркнуть и распадаться в XX-ом, тем более в XXI-ом веках, когда отвернувшимися от вечности художниками был принят путь «по направлению к Свану», — собирателю земных сокровищ (М. Пруст «В поисках утраченного времени»). Этот путь указывал направление к человеку, заменившему Бога живого, к человекобогу, который миру гармонии и света противопоставляет тьму животных инстинктов, хаосный мир подсознания, а духовный опыт подменяет чувственными пейзажными переживаниями. Когда в системе ценностей чувственная любовь становится единственной иллюзорной опорой, не выдерживающей возложенных на нее надежд утрачивающей истинную ценность жизни, не мудрено заблудиться и погибнуть.

Тема гибели, мрака, запустения присутствует во многих стихах В. Марухина, которому выпало жить в тяжелые для его Родины времена. Ему досталось пережить на своем веку предательство правителей, расчленение единого великого народа, две кровавых чеченских войны, духовное и физическое обнищание многих соотечественников, разорение русской деревни. Но в отличие от героев безысходной модернистской литературы, стремящихся к гибели, находящих в ней единственный смысл бессмысленной, по их мнению, жизни, лирический герой В. Марухина выступает против смерти, зная, что ее можно победить, выйти из духовной тьмы, идя на Пасхальный свет с непоколебимой верой — «не воскреснет, еще не умрет». И он идет, идет со слезами на глазах по дороге, вдоль которой «гуляет ветер смерти», «разорены земля, жилища, души», «а в день погожий видно за версту, / как скуден хлеб провинции убогой» и то, «как земли нашей тело нагое, / замерзая, горит от стыда». Очевидно, поэт усиливает, поэтизирует трагичность изображаемого, находит такие надвременные поэтические образы, с помощью которых, обобщая, вплетая в ткань истории настоящее, и с помощью художественного языка осваивая глубину изображаемого, достигает неуловимого ощущения вечности. Его художественная дорога не обрывается в бездну, но ведет к свету, к пониманию необходимости

*Разорвать бесовские оковы
У последней, гибельной черты, —
Вспомни вновь про поле Куликово,
Русский воин! Кто, если не ты?!*

О том, где эта гибельная черта, и с помощью чего можно разорвать бесовские оковы — поэма «Затмение».

Образ затмения издревле в русском художественном творчестве имеет и физическое, и духовное значение, и в обоих проявлениях символизирует драматическое событие одоления вечного света временной тьмой, после которого, в торжестве и в радости свет вновь, возвращается на свою «службу» и продолжает являть нетленные образы Истины (Н. Н. Третьяков). О свете и тьме, об их борьбе, — в русском искусстве вспоминали всегда в самые тяжелые исторические времена. То ли во времена трагического похода Игорев

полка, то ли во времена полной зависимости Руси от Орды. Поэт В. Марухин обращается к образу затмения тоже в тяжелые для России годы, трагизм которых во всей полноте тем будет виднее, чем исторически дальше станут они. А пока тема затмения воспринимается, как художественный образ, едва ли не впервые так символично разработанный в современной русской поэзии.

На первый взгляд, эта поэма автобиографическая. Автор начинает ее с лирического повествования о своей малой родине, о строгой красоте ее природы: «В Тянь-Шань зовут уют киргизских юрт, / Воды в арыках солнечные звуки...» Сюжетной завязкой поэмы является рассказ о чудесной помощи при рождении лирического героя. Когда у матери, родившей его в предгорной долине, пропало молоко, молодая чеченка в сельской больнице вместе со своим новорожденным сыном вскормила и русского малыша.

*В палате двое: мать моя и та
Смуглянка полногрудая у стенки,
Которой я обязан жизнью стал —
Второй — молочной матери — чеченке.*

Но неспроста эта биографическая картина претворяется тревожным вступлением к поэме, где автор, кажется, преднамеренно, очень достоверно, изображает мучительное физическое состояние жажды и благодатного ее утоления.

*До боли сухо, солоно во рту,
Как в русле Чу... «Мираж иль явь?» — гадаю.
К источнику сквозь вязкий зной бреду,
Ни жив, ни мертв к водице припадаю
И так безмерно долго влагу пью,
Питающую и меня, и реку...*

Этот метафорический прием подготавливает читателя к постижению более мучительного, более трагического состояния, — присущей человеку жажде духовной. Но если о жажде физической, смертельной для организма, предупреждает сигнальная система, если очевидны ее признаки: «Густеет кровь, стучит в моих висках», то у жажды духовной, которая не приводит к физической смерти, а лишь к гибели духовной, очевидных признаков нет. Как рассказать о ней, нестерпимой, не имеющей полного утоления, как подвести читателя вообще к духовной ипостаси бытия, к тому, что хранится в душе и передается от отца к сыну? Для этого поэт использует символический образ солнечного затмения. Но если в древних апокрифах оно олицетворяет знак грядущей беды, то в поэме у В. Марухина — это запоминающееся природное явление кроме символа беды становится еще и восклицательным знаком, Божиим знаком неба, требующим от людей обратить к небесам свои взоры. С очевидным духовным напряжением это делает лирический герой поэмы:

*До боли напряженно хмурю брови,
И словно бы стекло залито кровью...
Темнеет солнце... Вот оно, затмение,
Как будто это — светопреставленье!*

Но что так растревожило мир, о чем восклицают небеса, обращаясь к юной душе героя? Это безмолвное обращение, вероятно, достигло своей цели, облеклось плотью слов, возникших в расцветающей душе.

*Я потерял покой тогда, мальчишкой...
Пытаясь разобраться до конца,
Какой земли мы и какого рода?
Кто наши праотцы? Каких кровей?*

На протяжении своей жизни, на протяжении всей поэмы герой ищет ответ на эти вопросы. Вдохновленный стихами великой русской поэмы «Слово о полку Игореве», прозвучавшими из уст отца в момент затмения, он начинает поиски, обращаясь к истории жизни родителей.

Об отце во второй главе поэмы поэт пишет с гордостью наследника его воинской славы. Какую семью в XX веке обошла стороной война? Отцу поэта выпало сражаться с японцами. В былинно-героических интонациях, ритмически перекликающихся с «Василием Теркиным» А. Твардовского, В. Марухин дает картину одного победного боя, когда отец в одиночку справился с самурайской атакой.

*Даже пулям стало тесно, —
Враг, уже забыв о нем,
Был прижат к скале отвесной
Неожиданным огнем!
Метко, зорко, хладнокровно
Направляя пулемет,
Бьет на слух Степан и словно
Кабанов в загоне бьет...
«По-о-olk! По-о-о-одъем!
В ружь-е-е! Трево-о-ога!»
Поздно! Гром стрельбы умолк...
Спас Марухин очень многих, —
После марша спящий полк.*

Но, как известно, на Руси с Победой не кончается война. А праздник «День Победы» — так называется третья глава, необходим для того, чтобы отцы напоминали сыновьям:

*За Россию вытьем, братцы,
Чтоб жива всегда была.
За нее сегодня драться
Ваша очередь пришла!
Знайте, наш народ в блокаде
От Крещения Руси...
Не убий и не укради,
Православный крест неси!*

С православным крестом теперь уже на свою отечественную войну, — на чеченскую, развязанную на территории России ее врагами, идет лирический герой поэмы в кульминационной главе «Поединок».

*Я, как охотник, выследил врага —
Свою добычу, но и сам замечен.
Я вижу сквозь оптический прицел:
Меня он, обнаружив, встрепенулся;
Я миг промедлил с выстрелом,
Но в цель
Попал...
И он, увы, не промахнулся,
Но сам уже не поднял головы, —
Он будто спал на снайперской винтовке...
Туманный полдень. Заросли травы.
И полевая медсанчасть в итоге.*

Но нет радости у главного героя поэмы, хоть он и убил врага, а сам остался в живых. Болит душа от мысли, что этим «врагом» мог быть его молочный брат Анвар, образ которого так явственно выделялся в бреду в полевой медсанчасти. Брат — враг, что может быть страшнее! А ведь с ним можно было дружить, служить России, растить своих детей. Но ненавидящий Россию «тайный политик», вожделевший русских сокровищ, посеял национальную рознь и разделил братьев на их погибель, От осознания непреодолимости этого разлома, проходящего через души, победа у главного героя вызывает чувство поражения.

*И вымирает наше население
От нищеты, позора и стыда...
Но не одна приходит в дом беда:
Нас миллионы русских за границей
В изгнании остались навсегда,
А все, за что отцам пришлось бороться,
Развеяли по ветру инородцы:
И отделились, и передрались...*

И в этом смысле современная поэма «Затмение» перекликается с великим, неоднократно цитируемым автором, «Словом о полку Игореве», которое было создано древним поэтом не для того, чтобы рассказать потомкам об исторических перипетиях своего времени, но для того, чтобы дать политическую оценку неудачного Игорева похода и определить значение его для всей истории Русской земли. В поражении русских войск на Каяле автор «Слова» увидел проявление страшной феодальной раздробленности, отсутствие воинского единства. И все великое произведение является страстным призывом к единению русских сил. С такой же страстностью к своим современникам обращается автор поэмы «Затмение», призывая к единству многонациональной Родины.

*Мы — на распутье...
Каждый для себя
Творит свою, не общую молитву...
Мы были прежде ратью монолитной,
Друг друга слыша, чувствуя, любя
И даже друг за друга умирая!*

Но не только идея единения гражданского, патриотического, но, в большей степени, духовного единства прочно цементирует в художественное целое все части многоплановой поэмы, заканчивающейся патетическим призывом.

*И я иду по Игореву следу,
И вместе с ним я пью Донскую синь.
Слиянье русских сил дает Победу!
Так не оставь нас, Господи! Аминь.*

Лирический герой поэмы вдумчиво идет по Игореву следу, упивается образным словом Бояна, который, несмотря на то, что жил в христианские времена, любовался все же языческой эстетикой и не понимал значения православия для объединения русской земли, не понимал, что не может быть воинского единства — без духовного. Поэту В. Марухину, конечно же, легче с тысячелетней высоты русской веры, с многовековой высоты русской истории, оценить значение христианства для России, но не просто раскрыть это значение в поэтических образах. Нелегко емким поэтическим словом передать идею времен Тертуллиана, времен ранней церкви, когда христианами не рождались, а становились: усваивали ее учение, ее законы, ее жизнь так, что не боялись во имя Христа и Отчизны отдать свою.

*В сраженьях за Россию беззаветно,
Как в фокус, мы вошли к плечу плечом
Частичками рассеянного света,
А вышли — ослепительным лучом!
Я свято верю в то, что князь Донской
Прозрел духовно крестоносцев Рима,
Как рушится под ними лед Чудской,
Провидел Курской согнутых дугой
Иных врагов Руси необозримой.
И верил Дмитрий, собирая рати
В Великорусскую — от Бога — твердь.
Что за Христа всегда пойдет на смерть
И Пересвет, и худенький солдатик...*

В этой части поэмы проявляется Евхаристическая мысль в полном ее значении, о котором так пишет богослов о. Александр Шмеман. «Наша жертва в Евхаристии не отлична от жертвы Христовой, это не новая жертва. Христос пожертвовал Собой, и Его жертва — полная и совершенная — не требует новой жертвы. Но в том именно значение нашего евхаристического приношения, что в нем нам дана бесценная возможность «вхождения» в жертву Христову, причащение Его единственной Жертве Себя Богу. Другими словами: Его единственная и совершенная Жертва сделала возможным для нас — Церкви, Его тела — быть восстановленными и вновь принятыми в полноту истинной человечности: в жертву хвалы и любви. Тот, кто не понял жертвенного характера Евхаристии, кто пришел получать, а не дать, не воспринял самого духа Церкви, которая, прежде всего, есть приятие Христовой жертвы и участия в ней». (прот. А. Шмеман «Литургия и жизнь», М.

«Паломник», 2002). Кажется, о том же с помощью поэтических образов, может быть, скорее по наитию, чем по размышлению, пишет в своей поэме В. Марухин. «Как в фокус, мы вошли — к плечу плечом / Частичками рассеянного света, / А вышли — ослепительным лучом!» — то есть во Славе Божией. Единственно только в Ней может существовать Россия, как целостная Вселенская единица, всю историю своего существования добровольно участвующая во Вселенской Евхаристии.

Не один раз поэт употребляет в художественной интерпретации емкий, многоплановый образ частицы, что свидетельствует о его целостном космологическом видении бытия, где частице отведена важная роль. Последние научные исследования в области энергии Вселенной и, в частности, в теории материальных частиц, могут являться косвенным подтверждением и иллюстрацией поэтических прозрений автора поэмы. Сегодня существует предположение, что время от времени вакуум порождает в нашей Вселенной пары материальных частиц: частицу (свет) и античастицу (тьма). Это явление, по представлениям космологов, обуславливает расширение Вселенной и обеспечивает энергетический баланс. «Но с самого начала количество античастиц было несоизмеримо меньше, чем частиц, иначе дальнейшее после Большого Взрыва или аналогичного явления развитие Вселенной пошло бы по пути аннигиляции новообразующихся частиц и античастиц и привело бы к «схлопыванию» Вселенной» (Д. Черкасов «Строение и законы Вселенной», СПб, 2002). Таким образом, в основе любого развития и существования лежит асимметрия, то есть, выражаясь художественным языком, преобладание света над тьмой, добра над злом. И в поэме «Затмение», исследующей объективную ценность добра в экзистенции, то есть в границах внутренней истинной природы человека, которой он должен следовать, эта асимметрия очевидна. Образов-частиц, олицетворяющих добро, гораздо больше образов-частиц, олицетворяющих зло, на борьбу с которым сознательно идут и побеждают его путем «аннигиляции», то есть жертвы, «и Пересвет, и худенький солдатик».

В связи с последним образом, следует отметить яркую композиционную особенность поэмы. Автор почти в каждой главе использует стихотворные развернутые эпиграфы-цитаты известных русских поэтов и своих коллег-современников. Так, что их герои становятся и героями поэмы «Затмение», как, например, «худенький солдатик» — призывник-первогодок Евгений Родионов, зверски замученный боевиками за то, что отказался снять православный крест. Этот прием позволяет сделать панораму изображаемого более насыщенной, как бы активизировать художественный текст, разрушить его монологизм, сделать полифоничным. Словами Ю. Лотмана, можно сказать, что происходит «постоянное перемещение семантических единиц в общем поле построения значений. В тексте все время идет полилог различных систем, сталкиваются разные способы объяснения и систематизации мира, разные картины мира», при том, что поэма поражает «единством лирического тона, единством, ощущаемым читателем интуитивно. Однако возникающее здесь чувство единства потому сильнее, чем, скажем, при чтении учебника химии, что оно здесь возникает в борьбе с разносистемностью элементов текста». (Ю. М. Лотман «О поэтах и поэзии», СПб, «Искусство-СПБ», 1996). Таким образом создаются новые связи, новая художественная реальность, усиливается эффект присутствия.

Обильное цитирование ставится автору поэмы иногда в вину, несмотря на то, что в истории литературы, известны яркие примеры этого приема, особенно в те давние времена, когда печатное слово имело огромное значение, и ссылка на авторитет была достаточным аргументом в пользу писательской эрудиции. В прошлые времена цитирование имело и просветительское значение. Так высоко ценилось это умение у Монтеня. В. Марухина, который ввел в текст своей поэмы объемные цитаты из «Слова о полку Игореве», большие поэтические эпиграфы, тоже можно заподозрить в стремлении к просветительству. Думается, что в наше время, как и во времена Монтеня, в этом имеется насущная необходимость. Ведь некоторые сегодня не знают, кто такой Пересвет, кто такой «худенький солдатик», — местночтимый святой Евгений Родионов, не сразу, может, вспомнят, о чем поэма «Слово о полку Игореве».

Но не только ради информативности, кажется, поэт решается на этот известный прием. Цитируя, он управляет, на первый взгляд свободной читательской мыслью, направляет ее по нужному ему руслу, где течет его собственная авторская мысль, по тому направлению, которое он выбрал «на распутье», и художественное продвижение по которому можно рассмотреть с помощью физических законов бытия. Выражаясь математическим языком, направление — это путь целевой функции, путь к ее достижению, но не кратчайший, не прямой. Расстояние или длительность, решение или достижение этой целевой функции определяется спектром влияющих факторов, их значимостью. Чем объемнее, значительнее целевая функция, тем дальше от нее находишься, тем более сложен путь к ней. Чем более к ней приближаешься, тем скорость движения увеличивается. Авторская целевая функция поэмы «Затмение» при заданном условии «Россия повторяет путь Христа, / Я — русский, значит я — Его частица!», определяется направлением: «Слиянье русских сил дает Победу!» И если сама целевая функция задает тот путь, по которому к ней следует идти, то в данном случае, это сама наша жизнь, знания, страдания, жертвенность, духовность. Чем эти ее элементы более обоснованы, тем путь короче. Но, как известно, для подхода к цели могут использоваться различные решения. Все первые решения, чаще всего, являются приближенными и редко конечными, за исключением гениальных прозрений. Только с мистическим опытом, с духовным обогащением, вблизи достижения, — целевая функция выпрямляется. Оптимальный, кратчайший путь требует святости. Квазиоптимальный путь, который выбрал автор поэмы, допускает упрощения при обязательном условии, что на всем пути движения к цели, функция остается непрерывной. Если она прерывается, если не хватает подвижнических сил, то решение теряется вовсе. Очевидно, что такого разрыва в поэме не происходит, хотя все же решение является приближенным.

Максимального возможного схождения поэтического «интеграла» поэт, по мере своего таланта, добивается в связи с изображением лирического героя — лирической личности, которая, «даже самая разработанная, все же суммарна» (Гинзбург Л. Я. О лирике — М, 1964, с. 165), то есть интегральна. Но, как известно, интеграл тем точнее сходится, чем больше в нем членов, то есть, чем больше художественных моментов бытия этой личности. Лирический герой поэмы, существующий в форме авторского сознания-воображения, настолько правдоподобен, что невозможно поверить в то, что

сам автор никогда не воевал в Чечне. «В обывательском понимании значения слова воображение предстает как способность человека к умозрительному представлению, к фантазии. Но на самом деле понятие воображения имеет также глубокий метафизический смысл, и означает вхождение во образ чего-то, то есть предполагает возникновение определенной онтологической связи, ранее не существовавшей» (Д. Лушников «По образу и подобию Божию», «Родная Ладога», 2007). Поэма «Затмение» являет тот случай, когда взаимоотношения творца и творения, которые достойны отдельного исследования, даже не столько литературоведческого, сколько духовного, заставляют воспринимать главного героя поэмы, по терминологии М. Бахтина, не как образ-характер, а как образ-личность, что является одним из существенных приближений в достижении целевой функции. Поэту удается получить достаточно гармоничное приближенное «аналитическое» выражение. Он получает частное решение той задачи, которую поставил для того, чтобы показать процесс: «Как в фокус, мы вошли — к плечу плечом / Частичками рассеянного света, / А вышли — ослепительным лучом...» Но пока этот луч не сходится в точку, он имеет определенную область рассеяния, вероятно потому, что поэт излишне использует обобщения, схематизацию. При решении целевой функции не исследован путь личного преобразования, духовного восхождения, покаяния, воцерковления, соборности, то есть того, что только лишь и может привести к слиянию русских сил, к духовной Победе.

При том, что правильная постановка и выбор правильного направления достижения целевой функции — уже прорыв, поэт еще пытается и осилить выбранный путь. Подсознательно чувствуя недостаточность личной духовной силы, он опирается на достояние предшествующих поколений, прибегает к помощи Бояна. «Слово о полку Игореве» поэт мастерски использует в качестве надежной несущей, незатухающей в историческом движении. Эта своеобразная поэтическая модуляция не кажется насильственной. Она естественна, так как творчеству В. Марухина, обобщающее символичному, диалогичному, местами торжественно патетическому, в целом присуще народно-поэтическое восприятие мира. Поэт чувствует и передает исконную мелодичность, своеобразную песенную ритмичность, владеет звукописью: «Враг все ближе, ближе, ближе, / За разбитым блиндажом, / А Степан лежал, недвижим, / С пулеметом и ножом». Поэт применяет излюбленный былинный прием — олицетворение сил природы: это и образ затмения, и образ реки, и образ ночи: «Река змеей теряется в песках», «В долине Чуйской ночи, как грачи». Особое значение в поэме имеет традиционно превосходный образ Русской Земли — всемогущей, бескрайней, многоликой, многоголосной:

*Я нахожу родимую страну —
Россию, Русь, где растворились ханства
И породнились с русским языком.
Впитал я с материнским молоком
Ниспосланное свыше нам пространство...*

Редко, но в тексте, однако, встречаются художественные и смысловые неточности, иногда заимствованные образы, как например: «Мне голос

был», двоякий смысл слышится в тропе «струной натянут ненависти нерв». Но этого не замечаешь, когда на одном дыхании читаешь поэму, привлекающую своей оправданной пафосностью, с помощью которой сегодня можно и нужно возрождать гордость за любимую Отчизну.

Россия — это не только территория, не только народ, но и окружающие ее стихии: особенно близки поэту небеса, откуда, как он признается, ему «голос был». Образ затмения, жажды, звук божественного «голоса» на распутье наводит на мысль, что автор преднамеренно обращает наше внимание на то, что его книга в целом пытается озвучить и в первом приближении осмыслить, идею «пророка» в современные бездуховные времена. На это указывает и название, и художественное оформление обложки с использованием графического образа шестикрылого серафима. Как известно, этот Божий посланник направляет, и снаряжает, и издревле на Руси благословляет поэта на битву, на пророческое служение. Не во все времена поэт устает от подобной встречи, а во времена смутные, грозящие России бедой. Именно в такие времена о смысле творчества, о исторической миссии художника, задумывались и М. Ломоносов, и Г. Державин. Лучше всех показал А. Пушкин, что недостаточно трепетного сердца для пророческого служения, нужна высокая цель, высокая идея, во имя которой творит поэт, и которую подтверждает «Бога глас». Очевидно, В. Марухин убеждает своим творчеством, что пришло наше время остановиться, прислушаться, осознать свое предназначение, послужить миру «потерявшему пути свои», миру, не воспринимающему Божий глас в силу неразвитости своего духовного зрения и слуха, которые, надеюсь, усилятся, обострятся с помощью поэтической книги «На распутье», ведущей по направлению к Богу.

ВОЕННЫЙ ЛЕНИНГРАД

*Фотографии
Ленинграда
времен Великой
Отечественной
войны*

Вячеслав УЛЫБИН

**РАННИЕ СТИХИ
ОЛЬГИ
БЕРГГОЛЬЦ**

*К столетию
со дня рождения
Ольги Берггольц
(1910–1975)*

Вячеслав Вячеславович Улыбин — родился в Германии в 1968 году. Окончил юридический факультет СПбГУ, юрист. Автор (составитель) девяти книг, в том числе: «Архимандрит Фотий и графиня Анна Орлова-Чесменская», «Александр Первый: обратная сторона царствования», «Летопись Новгородского Юрьева монастыря». Живет в Санкт-Петербурге.

Стихи Ольга Берггольц стала писать, как это часто бывает среди поэтов, в детстве, примерно с 8 лет. Это были не только отдельные стихотворения, но и, по детским меркам, целые сказки в стихах. Ранние литературные опыты Ольги Берггольц (один из самых значимых — литературный школьный журнал 1922 г.) до сих пор остаются в рукописях. Несмотря на условность всякой периодизации, мы тем не менее полагаем, что граница между детскими и отроческо-юношескими (или ранними) стихами Берггольц пролегает в 1924 году. Вот что об этом писала сама Берггольц: «...смерть Ильича была для нашего поколения тем рубежом, с которого мы из детства шагнули прямо в юность, почти миновав ту тревожную, неопределенную пору, которую называют отрочеством... Я написала о том, что только было:

Как у нас гудки сегодня пели!
Точно все заводы
встали на колени.
Ведь они теперь осиротели.
Умер Ленин...
Милый Ленин...

...когда я написала свое самое первое стихотворение о революции, о Ленине, я прочитала его папе... Через два дня он пришел с работы важный, даже какой-то напыженный, и в то же время явно ликующий — он совершенно не умел прятать радость, хоть на время прикрывать ее важностью или безразличием, ему не терпелось раздать ее другим. В то же время он не умел жаловаться на невзгоды — он стыдился, если был несчастен, точно сам был виноват в этом...

— Ну, Лялька, дела обстоят так... — важно начал он и тут же воскликнул, хлопая в ладоши: — Напечатали! Понимаешь, в нашей

стенгазете напечатали! Сказали — отлично. Поздравляю. Теперь, пожалуй, ты настоящий поэт: напечатали!

Мне стало ужасно приятно и даже страшно. Я покраснела, выскочила в другую комнату и, закрыв глаза, расставив руки, немножко, но очень быстро покружилась, как тогда, когда была маленькой. Потом посмотрела на себя в трюмо: ну-ка, какая я стала после того, как мое стихотворение напечатали? Ведь я же теперь... настоящий поэт!»

Приведенный отрывок весьма знаменателен для последующего творчества Берггольц: успех ее революционного стихотворения побудил юную поэтессу на революционное творчество в ущерб лирическим темам. Из этого не следует, что она писала больше о революции, чем о любви; но из этого следует, что она ценила свое революционное творчество выше лирического. Таким образом, ее ранние стихи можно разделить на агитационные (не лишенные таланта) и — на описательные, с преобладанием лирических интонаций. Революционные декламации Берггольц были востребованы временем: первая ее публикация, которую нам удалось выявить, относится к маю 1925 г. и принадлежит ленинградской пионерской газете «Ленинские Искры». За 1925—1926 гг. Берггольц пять раз публиковалась в ней, причем нередко — на первой полосе. В это же время юная поэтесса вошла в литературную группу «Смена». Вот что она писала об этом в своей «Попытке автобиографии»: «В 1925 году я пришла в литературную группу «Смена». С безумной робостью появилась я в этой группе. Мы встречались не реже двух-трех раз в неделю в доме № 1 по Невскому проспекту, под самой крышей этого дома. На седьмой этаж мы восходили без какого бы то ни было придыхания и тут же начинали читать стихи и спорить». ЛАППовская (т. е. входящая в Ленинградскую Ассоциацию Пролетарских Писателей) литгруппа «Смена» образовалась в 1924 г. Руководили ей пролетарские поэты — сначала Илья Садофьев, затем Виссарион Саянов. В этой группе Берггольц познакомилась с поэтом Б. Корниловым, своим будущим мужем. Широта интересов «сменовцев» выходила за рамки строго пролетарской литературы. Так, в «Смене» того времени (1925–27 гг.) читались такие доклады, как «Современное состояние поэзии», «Проза Н. Тихонова», «Творчество Марлинского», «Творчество Розанова», «Творчество Гумилева», «Поэзия Н. Тихонова», «Поэмы Н. Асеева», «Творчество Маяковского», «Задачи пролетарской прозы» и пр.

С 1925 по 1929 г. Ольга Берггольц активно участвовала в литературной жизни Ленинграда. Всего за этот период ею было опубликовано 35 стихотворений в газетах, журналах и альманахах Ленинграда того времени. Первенство принадлежит пионерской газете «Ленинские искры» — 10 публикаций; затем следует комсомольская газета «Смена» — 8 публикаций; журнал «Резец» — 6; журнал «Юный Пролетарий» — 5; газета «Красная Панорама» — 4. В альманахах были опубликованы два ее стихотворения. 36–37-я стихотворная публикация принадлежат московской газете «Комсомольская Правда».

О Берггольц той поры современник писал: «Самая молодая и больше других «мятущаяся» поэтесса в «Смене». Удивительно удаются ей стихи, построенные на бытовом материале. С удовольствием прочитываются стихи «Астраханская селедка», «Фонарь», «Белье» и т.д. Сквозь все эти стихи лейтмотивом проходит какая-то специфическая наивность (в лучшем смысле этого слова).

Ольга Берггольц

Но Берггольц увлеклась за последнее время также книжными темами. Нам известны ее стихи «Народоволец», «Академик», печатавшиеся в «Смене». Удивительная схематичность!

Берггольц должна вернуться к бытовому материалу. Кроме того, ей больше надо работать над словарем».

Параллельно с агитационными стихами в поэтической папке юной Ольги скапливались и стихи иного рода: чувственные, живописные. При жизни поэтессы они так и не были опубликованы. Возникает вопрос: где лежит верхняя граница ранних стихов поэтессы? Полагаем, на рубеже 1920-1930-х гг., что было связано с важными событиями в ее личной жизни: расторжением брака с поэтом Корниловым, командировкой в Казахстан, смертью дочери Майи. Своеобразным стихотворным рубико-

ном необратимого взросления Ольги стал, на наш взгляд, первый сборник стихотворений (который так и назывался — «Стихотворения»), вышедший в 1934 году тиражом в 3500 экземпляров. Всего в сборник вошло 19 стихотворений, самое раннее из которых, «Осень» («Мне осень озерного края...») датировано 1929 г. Итак, исходя из вышеизложенного, полагаем временем ранних стихов поэтессы считать период с 1924 по 1929 годы. Всего в это время ей было сочинено около 200 стихотворений; меньшая их часть была опубликована в периодике 20-30-х гг.; другая, немалая часть была опубликована посмертно сестрой Ольги Марией. Меньшая, но от того не менее ценная часть раннего стихотворного наследия О. Берггольц находится в архивах РГАЛИ (в настоящий момент труднодоступен для исследователей) и ИРЛИ. Эта часть и публикуется в настоящем издании.

Указанный период представлен в РО ИРЛИ двумя тонкими ученическими, в линейку, тетрадами, и отдельными листками. Тетрады интересны не только оригинальными стихотворениями, но и цитатами из других литераторов. Так, в первой недатированной тетради (без начала и конца) цитаты из Ф. Сологуба, Н. Гумилева, Бунина, Ахматовой; во второй тетради (надпись: «зима 27—28 г.»), на обратной стороне обложки рукой поэтессы перечислены имена литераторов, произведения которых, как мы полагаем, она читала или собиралась читать. Из поэтов (по порядковым номерам): Пушкин, Блок, Гумилев, Лермонтов, Пастернак, Тихонов, Клюев, Маяковский, Некрасов, Дельвиг, Есенин, Брюсов, А. Белый, Боратынский, Ахматова, Сельвинский, Асеев, Светлов, Готье, Верхарн, Уитмен. Прозаики:

Достоевский, Толстой, Гончаров, Тургенев, Лесков, Щедрин, Гоголь, Лермонтов, Бабель, Федин, Бунин, Куприн, Печерский, Чехов, Островский, Форш, Леонов, Эренбург, Писемский. Критики, историки, публицисты: Плеханов, Белинский, Писарев, Герцен, Добролюбов, Чернышевский, Михайловский.

Этой тетради предпослан эпиграф из стихотворения Пастернака: «Так начинают жить стихом...»; обратная сторона обложки украшена цитатами из Блока («Узнаю тебя жизнь, принимаю...») и Некрасова («Стих, как монету, чекань...»); внутри находится четверостишие из Н. Клюева: «Узкая полосынька / клинышком сошлась...».

Ранние стихи Берггольц интересны прежде всего влияниями поэтов-современников. Это и Есенин (стихотворение «Предчувствие», «Не жалея ты меня, не жалея...»), и Ахматова («Осень 1927 г.», «Хоть что-нибудь придумать...») и Маяковский (например, «Среда»), и Блок («Как я часто удивлялась») и «сменовцы» и другие, менее значительные поэты (например, М. Шефер, стихотворение которого «Война» (опубликовано в 3-ем номере «Резца» за 1927 г.) перекликается с «Войной» Берггольц). Есть в ее творениях и отголоски народных песен («У газет под бровью»). Впрочем, Берггольц умела заимствовать весьма избирательно, не теряя при этом ни собственного лица, ни собственного видения мира.

Почему ранние стихи не были опубликованы при жизни поэтессы? Первая причина — их во многом ученический уровень. Вторая причина — осознанное желание Берггольц увековечить в сознании современников и потомков героические черты, железную чеканность своего стиха. Неудивительно, что именно патетика Берггольц была воспринята эпохой — первая половина двадцатого века была окрашена пафосом социальных свершений. Героические стихи раннего периода — предвестники «жесточкого расцвета» Берггольц, ее блокадных стихов.

* * *

Я в позе Пушкина села в парке
На временем выгнутую скамью,
Вдруг — словно листья о ветер шаркают —
Шаги нарушают строфу мою...

Ее листопад совершенно закапал,
Старушку, возникшую передо мной,
Когда-то пунцовый — рыжел ее капор,
Салоп старомодный лысел смешно.

И лишь до нельзя остроносые туфли
На пухлой дорожке рдели — одни...
Глаза загорались, но быстро тухли
В далеком дворце нежилом огни.

Но был удивительно четок и узок
Автограф ее бровей...
Ба!.. — я подумала — это муза
Еще царскосельских дней.

Да! Так и вышло.
Она присела
Непринужденно ко мне на скамью.
Смеркался сентябрь. В аллеях шипело.
Муза картавила повесть свою.

И блекло все больше лицо от заботы
У музы; и листья слетались к нему...
«Вы знаете?.. Я же совсем без работы,
Скажите мне, почему, почему?..

Ужели мой труд перестал цениться,
Уроки мои не нужны никому?..
Только вчера продала я цевницу
Старому сторожу своему...

Может ли быть, что не стало поэтов,
Не стало полета в гусином пере?»..
Но я головой покачала на эту
Совсем из ума выживавшую речь.

«Простите, гражданка!.. Эпоха иная ...
От слов высокопарных устав,
Музу с успехом нам заменяют
Программа, инструкция и устав...

А вы — вдохновенье!.. цевницы!.. свирели!.. —
Писак буржуазных грехи...
Да нас за полтинник научат в капелле
Писать резолюции и стихи...

Вы стали — укором... помехой... обузой... —
Проситесь в музей экспонатом...»
Меня поняла и смутилась муза,
Подруга священных пенатов.

Она уходила... Рыжел ее капор,
Топтались дворцы — нелюдимы и злы.
Сентябрь своей золотистой лапой
Царапал колонны, аллеи, стволы.

* * *

Пусть зовут плохими стихами
Эти строки к лучшему дню, —
Все равно, пошагаю за днями,
С злободневностью породнюсь.

Над рабочим столом, над грудой
Позатрепанных серых газет —
Загорелось российское чудо —
Золотой волховстройский свет...

И на стол — голубую поляну,
На колени ко мне впопад
Неуемный, сияющий, пьяный
Льется волховский водопад.

Я ласкаю теплый и милый
Электрический колпачок...
— Страшно знать, что былинная сила
В проводах по стенам течет...

Волхов! Волхов, косматый вечно,
— Сколько лет утонуло в тебе?
Ты ведь помнишь упрямое вече,
Годы: в голоде и в борьбе?
...И сегодня, на улице, в час ночной
Провода гудели над головой...
Мне казалось, что колокол вечевой
Раскачивается
над Невой...
Волхов! Волхов! Весна настанет,
Я пойду к твоим берегам —
Поклониться сверканью станций.

Прикоснуться к твоим ногам.
Но, сквозь радость
шепнет тоска мне,
Причиняя терпкую боль:
«Здесь ведь нет ни единого камня
Положенного
тобой!»
Старый Волхов! Клянусь пред тобою
— Что ребяческий долг погашу,
И для сотни иных волховстроев
Кирпичей на спине наношу.

* * *

Мучимы похотью виолончели
Истомой расслабленные смычки...
Вот руки танцовщицы к лампам взлетели
И тоньше скрипок запястья руки...

Мущина-смокинг, с мешками у глаз,
Он женщину в красном сгибает и крутит...
Бесстыдно распластанная, прилегла
К нему ногами и грудью...

Мне дико и странно —
Не знаю, где я?
Не в кабачке ли парижских монмартров,
Где цены на женщину — рядом стоят
С ценою паштетов — на карте?

Барышен потчуют монпансье
Кавалеры из липких карманов,
Пока лысеющий конферансье
Овации кланчит обманом.

В морях маяки сурово маячат,
Седает Волхов от света станций,
Здесь ползает музыка на карачках
Потом и кровью пахнет от танца...

Уйти нельзя — перемолвиться не с кем,
Скрипки сюсюкают — не пощадя...
Может ли быть, что за дверью — Невский,
Что строят трибуны на площадях?..

Конферансье изогнулся у рампы,
Прудок слюны на ладони руки...
Но в белом омуте верхней лампы
Спокойная мощь
древней реки...

Вечер — огни — полночь — притоны
Бывший Федоров, Ша-Нуар.
Довоенные цены
 цыган —
 гарсонов
Предлагает, увенчанный знаменем, бар.

Я трогала знамя, — в нем пуля дыру
Пробила, — оно смугловато от крови...
Но знамя над баром,
 над чуждой кровлей
Ему не товарищ, не брат,
 и не друг...

ВРЕМЯ

Ходит под окнами, шаркает туфлями,
Время — седо-пепельный старик...
И вздыхает время, шевелит губами,
Гонит, подгоняет запоздалый миг...
К людям Время входит и часы подводит,
Убивает дни безжалостной рукой...
И не видят люди, как оно уходит,
Как проходит мимо и стучит клюкой...
Дедка шепотливый, вечно торопливый,
Разве ты не слышишь наших укоризн?
Мусля черствый палец, злой и молчаливый
Шепчешь ты, вздыхая, и листаешь жизнь...
Но пора настанет, молодое племя
Старику вдогонку закричит: «Постой!»
И в порыве жадном остановят Время,
И взнуздают Время дерзкою рукой...

Октябрь 1925
Ленинград

УЗОРЫ

Помню вечер: был расцвечен
Грустью палевой пейзаж,
И багряной ниткой мечен
Солнца вздрагивал плюмаж...
Даль в сиреневых узорах
Залиловилась совсем...
И в неведомое море
Уронило солнце шлем...

Вышли зори на дозоры,
Раскидали жемчуга...
В бриллиантовых узорах
Разузорились луга...
Звездометною картечью
Было небо зажжено:
Из теней лиловых вечер
Плел узоры мудрено.

26.10.1925

Игорь ИЗБОРЦЕВ
ГРУСТЬ,
ОБЛАЧЕННАЯ
В ТОГУ СОКРАТА

*О книге Юрия Перминова
«Свет из маминого окна»*

Игорь Изборцев (Смолькин Игорь Александрович) — прозаик. Родился в 1961 году в Пскове. В 1984 году окончил инженерно-строительный факультет ПФ ЛПИ. Член Союза писателей России. Председатель Псковского отделения СП РФ. В различных издательствах Москвы, Санкт-Петербурга и Пскова вышли в свет восемь книг прозы. Печатался на страницах журналов: «Наш современник», «Москва», «Православный паломник», «Благодатный Огонь», «Русский дом», «Балтика» и др. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Св. кн. Александра Невского. **Живет в Пскове.**

Вспоминаю Юрия Перминова под сенью Пушкиногорских рощ и дубрав¹. Молчалив, погружен в себя, за взглядом его невозможно проследить. И все-таки пытаюсь. Там, куда он смотрит — пойма реки Сороть, «холм лесистый» и Савкина горка... Там Пушкин, там поэзия, там Россия. Не каждый взор достигает этих духовных вершин. Но что-то подсказывает мне, что мысль Юрия Перминова за этим горизонтом, что постижения его охватывают самые значимые смыслы бытия...

Теперь, когда я взглянул на мир сквозь «свет из маминого окошка» — понял, что не ошибся. Грусть Юрия Перминова облачена в тогу Сократа. Его мысль «обживает» и старое и новое (прошедшее и грядущее) с одинаковым напряжением сил. «Надо жить, хоть что-то обживая»² — он следует этому правилу, взирая на мир с философской грустью. Грусть его стремится познать радость бытия, ищет встречи с радостью, находит, но остается все той же грустью, быть может даже углубляя свое русло, потому что радость и грусть здесь на земле ходят тесно обнявшись и порой их не то что разделить — различить невозможно. Но надо уметь дорожить и тем и другим — каждой их крупницей. И Юрий Перминов владеет таким умением:

¹ В июне 2008 года Юрий Перминов был гостем и участником XLII Пушкинского праздника поэзии.

² Стр. 40. Здесь и далее ссылки на книгу Юрия Перминова «Свет из маминого окна». Москва. Издательство «Голос-Пресс», 2007.

*Даже горькую радость последнего вздоха,
Как родную, навечно приму!*³

Уж коли оделся в тогу Сократа, надо иначе (чем принято в суетном мире) думать, иначе говорить и писать иначе. Это непросто — глядеть на все с точки зрения вечности: на время, историю, на себя, наконец...

*и... в дверь свою стучу,
забыв о том, что нет меня за нею!*⁴

Да, надо стучаться в собственную дверь, ибо там иногда — забытыми — остаются простые, но важные вещи, без которых жизнь бессмысленна, пуста. Они иногда так мимолетны, кратки, но...

*Можно вечность прожить
ради нескольких светлых минут...*⁵

Что же это за минуты, великие минуты, что и вечности за них не жалко? Плоды творческого поиска, то, ради чего живет художник — увидеть, постичь высшие смыслы гармонии, красоты. Немногим удастся проникнуть в эти идеальные сферы бытия. Но если вдруг это получается... То памятью о минутах, секундах, мгновениях этих художественных прозрений поэт может жить долгие годы, даже всю жизнь. Воспевать эти мгновения, грустить о них, проливать слезы. И весь мир вместе с художником будет петь и плакать, размышлять и исполняться наслаждением. Я не стану выяснять, насколько все вышесказанное применимо к творческому дару Юрия Перминова, просто прислушаюсь к слову его поэзии. Оно расскажет о многом:

*И к звезде — далекой
и дрожащей
Прикоснуться сердцу моему
так хотелось,
скудному...*⁶

А вот странник, мужик, «задрал башку, печально смотрит в небо, понять нельзя, что в нем увидел он...». Поэт рассказывает об этом так обыденно, просто... Вроде бы все происходящее вполне прозаично. Но вдруг градус рассказа меняется, возрастает. В этой обыденности автор вдруг замечает тайну (не просто человеческую, но достойную самого неба), и восклицает:

³ Стр. 36.

⁴ Стр. 43.

⁵ Стр. 54.

⁶ Стр. 50.

...Откуда он — с котомкой за плечами?

*Ему мешать не надо, потому
что взгляд его — внимательно-печальный —
пока понятен небу одному⁷.*

Великие тайны мироздания скрыты в каждой точке, каждом пункте бытия. Нужно быть поэтом с живым сердцем, с ищущей, трепетной душой, что бы уметь замечать их, удивляться им. Юрий Перминов — именно такой человек.

В его сердце есть место родной русской песне:

*...а русская песня по красным по высям плыла,
а где-то внизу
замусоленный шлягер подпрыгивал⁸.*

И восхищению природной мудростью, смекалкой, опытом, первозданным чувством поэзии старого бурята Доржи:

*— Доржи, ты читаешь следы, говорят...
— Могу, — Доржи отвечает. —
Вот человек за счастьем пошел —
Очень глубокий след.
Вот человек счастье принес — едва земли касался⁹.*

И трогательной преданности родному очагу, дорогим, близким людям:

*Дышу теплом — таким, что перед смертью
я смог бы надышаться...
Я бы смог...¹⁰*

И многое другое, великое и малое, уместается в его сердце. Свет из маминого окошка касается этих дорогих, столь значимых для него вещей, одевает их золотом, согревает вышним теплом. И еще в этом окошке, одетый яркими лучами, сияет фотоснимок, да-да тот самый¹¹:

*На снимке прадед — бравый есаул,
а рядом дед.
Он держится за стул.*

⁷ Стр. 51.

⁸ Стр. 49.

⁹ Стр. 62.

¹⁰ Стр. 91.

¹¹ Стр. 94-95.

*Мой дед — мальчиш. Торжественный до страха,
но гордость пересиливает страх —
ну до чего роскошная рубаха
и грудь отца в медалях и крестах!*

Я читал о том, что не мог рассказать мне снимок, но рассказал поэт — о том, как его «прадед заживо сгниет под Сыктывкарком, как в сорок первом дед построит дом, да не успеет в этот дом вселиться...» и смотрел на фотоснимок, который уж много лет висит на моей стене. Что я видел?

*...Простые — удивительные! — лица.
В глазах — тепло. Ни боли. Ни вины.*

Это мои прадеды Василий и Иоанн в полевой форме офицеров русской армии, а впереди них, сидящая на стуле, моя прапрабабушка в строгом до пола платье и темном платке... Революция, война стерли о них семейную память. Знаю только, что прадеды сгинули на полях сражений Первой мировой и Гражданской. Но как, когда точно? Не ведаю... И завидую Юрию Перминову, сохранившему столь дорогую память. А снимки... Простые, удивительные лица — они есть у каждого (даже если их не помнят, не знают о них), они — как благословение истории, как связующая с ней нить, как оправдание нашего сегодняшнего существования...

Думается поэт, сумевший обо всем этом напомнить, оживить задремавшую было мысль, связующую с прошлым, важным, корневым, высоким не зря тратит бумагу и чернила (или же расходует ресурс компьютера?). Я благодарю Юрия Перминова за радость общения, и за удовольствие от прикосновения к его теплоте, живому и искреннему слову поэзии. И в заключение напомню, что большинство из нас, как и сам поэт, живут там, откуда

*...четыре всего остановки до церкви
И две до больницы,
до кладбища — только одна¹².*

ПОЭЗИЯ

МАРШ ПОБЕДЫ

*Стихотворения
петербургских поэтов,
посвященные
65-летию
Великой Победы*

Ирэна Сергеева

* * *

Мой брат кричал:
«За Родину! За Сталина!»
Не говорите —
«Власть его заставила».
Он рвался в бой!
Дрались России
сыновья отважные,
грядущих внуков
жизнь иную, каждую,
закрыв собой.
Вино да хлеб
на поминальной скатерти...
И до конца
всегда молились матери:
«Господь с тобой!»
Как маршал Жуков
Бога исповедовал!
Не позабыли Господа —
с победами:
Христос живой!

* * *

Ко Дню Победы распустился кактус,
в колючих листьях аленький цветок...
Все наши беды позабылись как-то,
но про победы он напомнить смог.

Да, все же есть в том некий
скрытый символ!
Я вижу танк, окопов смертный ров,
противоборство наше
с вражьей силой,
колючки проволоки
и пролитую кровь.

Юрий Шестаков

ДОРОГА ЖИЗНИ

Без передышки
зенитки работать устали.
Небо над Ладогой низко:
вот-вот упадет, —
отяжелело от дыма,
от грохота стали...

Вьюга бинтует
от крови дымящийся лед.

Снег на дороге обуглен
и пахнет горелым.
Мост ледяной
от снарядов трещит, как броня,
но переправу
наводит мороз под обстрелом, -
сжечь этот путь
у фашистов не хватит огня!

Рокот машин...
У водителей серые лица.
Сон и реальность
до рези смешались в глазах.
Взрыв.
Недолет...
Перелет...
А дорога все длится,
так изнурая,
что сил не хватает на страх.

В город — снаряды и хлеб,
а из города — дети
и старики...
Там, за лесом спасение.
Но...
взрывы вокруг вырастают
деревьями смерти,
берег, что рядом,
под бомбами дальше, чем дно...

Вываться трудно
из темных бурлящих воронок,
цепко хватаясь за руки,
за льдины,
за крик!...

Выйдя на берег,
заплакал старик,
как ребенок,
глядя ребенка,
который стал сед,
как старик...

Валентин Голубев

В ПАРТИЗАНСКОМ КРАЮ

И что тебе сердце, так горько?
Июньские полдни тихи,
Цветет бузина на задворках,
Молчат по дворам петухи.

Не слышится песня с покосов,
Быть к вечеру, видно, грозе.
Пойду вдоль полей до погоста
Проведать отцовских друзей.

Лихая година... Россия...
Волненья сдержать не могу.
Какая забота и сила
Здесь путь преградила врагу!

Забудусь,
Нахмурится небо.
Почувствую вдруг на щеках
Дождиком холодную нежность,
Далекого горя раскат.

Иван Стремяков

ДВЕ КАТЮШИ

Укрепленья бетонные руша
и железо сгибаая в дугу,

знаменитая наша Катюша
заступала дорогу врагу.

И другая Катюша — девчонка
выходила на берег реки
и нехитрою песенкой звонкой
поднимала в атаку полки.

И была в этой песенке сила,
что бросала на доты парней.
Две Катюши спасали Россию,
неизвестно — какая сильнее.

Глеб Горбовский

ПИСЬМО

На дне окопного оврага
Добыл я гильзу из стены,
А в ней — истлевшая бумага,
Письмо, пришедшее с войны.

Должно быть, кто-то перед боем
Смочил графит карандаша
И с перемазанной губою
Писал, как думал, — не спеша.

Вручал слова бумаге брэнной,
Писал, склоняясь к фитилю
...И вот слова сожрало время.
И лишь одно сквозит: «лю-блю...»

Одно осталось... Но упрямо
Горит сквозь все, что
в жизни есть!...
Что он «лю-бил»? Отчизну? Маму?
Иль ту, которую?.. Бог весть.

Любил, и все. Не по приказу.
А по приказу он в тот раз,
Наверно, встал и умер сразу.
И вот воскрес.
Во мне.
Сейчас.

Борис Орлов

ОТЦУ

Из калитки ты шагнул в войну
С легкою котомкой за плечами
И, как предки, к правде в старину
Шел по ней и днями и ночами.

В поисках всемирной тишины
Укрощал безжалостные доты
И в Берлине вышел из войны
Через Бранденбургские ворота.

ИНВАЛИД

Рассыплет молнии гроза —
И волны заблестят.
Он столько видел, что глаза
На небо не глядят.

Идет безмолвно на причал
И палочкой стучит.
Он столько на войне кричал.
Что до сих пор молчит.

Анатолий Краснов

* * *

Глаза их полны тоскою, —
Им больно, что в горе страна.
Была их идейной строкою
Отечественная война.

...Не пали они на колени,
Остались Отчизне верны
Великого поколения
Поэты великой войны.

Олег Чупров

* * *

Странно мы живем сейчас,
Как-то бестолково...
Но ведь было же у нас
Поле Куликово!
Вспомни, друг, Бородино
И на Волге битву!
Чтоб не падали на дно,
Сотвори молитву!
Путь нелегкий предстоит,

Но — по Божьей воле —
Посмотри:
Уже стоит
Ратник в чистом поле!
Понапрасну не зуди:
Дескать, путь неведом...

Не по бедам Русь суди —
По ее победам!

ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ

Весенний день, великий день,
Все ордена свои надень!
Не грома майского раскат —
Салюты празднично гремят!

Под медь оркестров духовых
Во славу павших и живых,
В честь победителей-солдат —
Страна выходит на парад!

Прекрасный день, счастливый миг,
Так что ж ты плачешь, фронтовик?
Клянемся именем твоим —
Победу мы не отдадим!

Мы будем праздновать всегда
День, что сияет сквозь года.
Пускай столетья пролетят —
Россия выйдет на парад!

Валентин Семенов

САЛЮТ XXI ВЕКА

Н.С и Е.С

О, памяти первые проблески,
Рожденного в сорок втором!..

Вот брезжится: чрево погребя,
А сверху — какой-то гром.

Вот видится: пламя коптилки
В бескрайней крошечной тьме.
И в давке вагонной дикой
Рыдания мамы моей...

Мне помнятся женские лики
И мало — детей, стариков.
И только одно — на снимке —
Мужское лицо средь снегов.

И это лицо улыбалось,
Но жалко мне было до слез:

«В одной гимнастерке папа
На улице где-то, в мороз».

И помню совсем уже ясно:
Все вместе стоим над Невой,
И гроздь зелено-красные
Салюта над головой.

О, память детей — ныне взрослых —
Рожденных в сороковых.
Война — в наших глубях нейронных
И вспышки салюта — в крови!

Игорь Кравченко

* * *

Алым облаком в небе отпылала эпоха,
век уходит с грозой и с холодным дождем.
Мы от первого крика до последнего вздоха
наше время в себе, надрываясь, несем.

Снова в мае трепещет листва на осине,
снятся детям и внукам рекламные сны.
На могилах солдат, отстоявших Россию,
нет цветов, да и надписи еле видны.

Все блудливей слова о Великой Победе,
все тревожнее крик прилетающих птиц.
И все горше и злее напасти и беды —
снова танки чужие у наших границ.

И союзники вражеским стали резервом.
Паутину сплетает паук в тишине.
Все опять, как в далеком году, сорок первом
словно не было нашей Победы в войне.

Андрей Ребров

РУССКИЙ ВОИН

Он брел по жизненным просторам — И родовым глубинным взором
Как суждено: то — вверх, то — вниз... Вбирал намоленную высь.

Он умирал от крестной раны
В земле, в траншее полевой,
Но вновь из пашни фронтовой, —
С библейской силой зерновой —
Как на стерне, взрастал живой,
Знать, в небе прадеды-крестьяне

Молились с ангельским стараньем
О дольней ниве родовой.

Знать, Горней Родиной хранима,
Русь — под заоблачным крестом —
Стоит, как древний храм незримый,
На всхожем поле боевом.

ВОЕННЫЙ ЛЕНИНГРАД

*Фотографии
Ленинграда
времен Великой
Отечественной
войны*

РЕФОРМА В ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТРАДИЦИИ

Интервью
с генерал-майором
А. Ф. Голобородовым

К 65-летию
Великой Победы

Генерал майор запаса Анатолий Федорович Голобородов родился 8 марта 1938 года в Курской области. В Вооруженных Силах Советского Союза с 1957 г., прошел путь от рядового до генерал-майора — начальника Военно-научного управления Генерального штаба (1988–1993). Закончил Московский военный институт (1961), Московский Государственный университет (1968), Военно-политическую академию (1971), Военную академию Генерального штаба (1981). Профессор Российской Академии военных наук, Московской академии Государственного и муниципального управления. В период с 1993 г. по 1998 г. занимал руководящие должности в Министерстве по делам национальностей, в Министерстве социальной защиты населения, Министерстве труда и социального развития. С 2000 г. по настоящее время является Первым заместителем Генерального директора ОАО «Всероссийский центр переподготовки офицеров, увольняемых в запас». В ноябре 2000 г. включен в состав Координационного совета по социальной защите военнослужащих при Совете Федерации. Голобородов А. Ф. является основным разработчиком пяти федеральных и государственных программ по военно-социальным проблемам, руководителем авторских коллективов нескольких военно-теоретических трудов, входил в состав редколлегии «Советской военной энциклопедии», «Истории Великой Отечественной войны». За большой личный вклад в разработку «Основ подготовки и ведения операций Вооруженных Сил СССР» и практическое внедрение их положений на проведенных крупных оперативных учениях А. Ф. Голобородову присуждена вы-

сшая премия Академии военных наук — Премия имени А. В. Суворова с вручением диплома и медали «Лауреат премии имени А. В. Суворова». В настоящее время А. Ф. Голобородов возглавляет ветеранскую организацию Военно-научного управления Генерального штаба, является первым заместителем Председателя комитета ветеранов Генерального штаба и Председателем Московского городского отделения Общероссийской общественной организации ветеранов Вооруженных Сил Российской Федерации.

Корреспондент: *Анатолий Федорович, Вооруженные Силы России с начала 90-х годов находятся в непрерывном процессе реформирования. Как Вы оцениваете последние преобразования, обещающие нам к 2012 году придание Вооруженным Силам нового облика?*

А. Ф. Голобородов: Если посмотреть на карту с военными базами вокруг России, то можно сделать вывод, что исторические угрозы и вызовы большей частью остались прежними, а если как-то изменились, то не в нашу пользу. Сегодня эти угрозы вплотную приблизились к государственным границам. И это тревожно, так как за последние 20 лет произошли существенные изменения в способах и формах применения войск и вооруженных сил в целом. Уменьшилось значение применения только Сухопутных войск. Пример тому классические операции армии США во время войны в Персидском заливе и война с Ираком. Повысилась роль Космической группировки, ВВС, ВМФ оснащенных высокоточными средствами поражения. Другими словами, в современных войнах, как правило, принимают участие все виды и рода войск, а зоной боевых действий может стать не отдельно взятый театр военных действий, а вся страна.

Если же говорить о соотношении с нами сил и средств НАТО в Европе, то оно далеко не в нашу пользу. Войска НАТО сегодня адаптированы так, что могут достаточно быстро начинать и вести операции без дополнительного развертывания войск и сил на самых различных театрах военных действий.

Наши же Вооруженные Силы до недавнего прошлого не обладали необходимым количеством воинских частей постоянной боевой готовности (таких у нас менее 17 %). Офицерский состав в них не имел реального боевого опыта, не проводилась плановая боевая подготовка. Части и соединения были оснащены устаревшими образцами вооружения и техники.

Поэтому возникла острая необходимость реформирования нашей Армии, создания мобильных, хорошо оснащенных, современных Вооруженных Сил численностью в 1 млн. чел., которые были бы укомплектованы на 100 % по штатам военного времени.

С этой целью пришлось пересмотреть всю структуру Вооруженных Сил, их оснащение военной техникой и вооружением. Все эти задачи чрезвычайно масштабны, объемны и, что не менее важно, затратны. Составляющими военной реформы явились все стороны жизни и деятельности войск: подготовка офицерских кадров в военно-учебных заведениях, обеспечение их достойным денежным содержанием и жильем, в целях повышения привлекательности военной службы; пересмотр всей программно-уставной докумен-

тации; разработка Стратегии национальной безопасности и Военной доктрины, в работе над которыми принимают участие наряду с командованием военными округами и ветеранские организации армии и флота; техническое переоснащение войск и сил флота; современная организационно-штатная структура частей и соединений.

Сегодня уже сформировано более 50% бригад по новой организационно-штатной структуре, которые по своим огневым возможностям не уступают дивизии. В первую очередь будет завершена реорганизация в Сухопутных войсках. Реорганизация коснется и остальных видов Вооруженных Сил: ВВС и ВМФ, которые, в конечном счете, должны быть способны выполнять любые боевые задачи в воздухе и на океанских просторах. Претерпит изменения и система оснащения Вооруженных Сил вооружением и военной техникой. К 2012 году мы будем иметь в войсках до 30% новых образцов техники и вооружения, а к 2020 году — от 70 % и выше. Это очень дорогостоящая составляющая военной реформы, но без изменения облика Вооруженных Сил не обойтись.

Что касается офицерского состава, то его численность должна быть оптимальной и составит порядка 150 тыс. чел. Останется столько офицеров, сколько должно быть для планирования, применения и руководства теми воинскими формированиями, которые они возглавляют. Будут уволены те, у кого есть выслуга, закончился контракт, по болезни и нежелающие служить. Те, кто востребован, останутся в войсках.

Корр.: *Анатолий Федорович, уровень боеготовности Вооруженных Сил во многом определяется качеством генеральского и офицерского корпуса. Как на Ваш взгляд обстоят дела в современной военной школе, и что нового ждет офицерский корпус и военное образование в ближайшее время?*

А. Ф.: Хочу сразу привести основополагающий тезис: новый облик Вооруженных Сил объективно предусматривает нового офицера, новую современную систему подготовки офицерских кадров.

От Советского Союза нам досталась одна из самых лучших в мире систем подготовки офицерских кадров. 166 военно-учебных заведений ежегодно выпускали более 60 тыс. профессионально подготовленных офицеров.

Вместе с тем, за последние 20 лет и в стране и в Вооруженных Силах произошли коренные изменения. Численность Вооруженных Сил сократилась более чем в 3,5 раза, на столько же сократился и ежегодный заказ на подготовку офицерских кадров (с 60 тыс. чел. он уменьшился до 15–17 тыс.).

Сегодня подготовку офицеров осуществляют 64 военных вуза: 15 военных академий, 4 военных университета, 45 высших военных училищ и военных институтов. Но существующая сеть вузов нуждается в дальнейшей оптимизации. В основу этой работы были положены принципы, важнейшими из которых являются: укрупнение вузов, создание военных учебно-научных центров, реализующих образовательные программы различных уровней, профилей и специальностей; межвидовое и межродовое объединение военно-учебных заведений; учет принципа региональности при сохранении военно-учебных заведений; интеграция военного образования и военной науки; максимальное использование существующей материально-технической базы вузов, дальнейшее ее развитие.

С учетом этого к 2013 году Минобороны России будет иметь 10 системообразующих вузов, в том числе: 3 военных учебно-научных центра, 6 военных академий и 1 военный университет.

Первым шагом в формировании сети вузов стало распоряжение Правительства РФ от 24 декабря 2008 г. № 1951-р. По мере создания необходимых условий в системообразующих вузах будет сосредотачиваться подготовка слушателей и курсантов с последующей ликвидацией соответствующих обособленных структурных подразделений. Изменятся не только количественные, но и качественные параметры системы военного образования. Вузы будут оснащаться новейшими образцами вооружения и военной техники, современной учебно-материальной и лабораторной базой, высококвалифицированным профессорско-преподавательским составом.

Следует сказать и о том, что изменяется не только сеть военно-учебных заведений, но и существенно расширяются их возможности по предоставлению образовательных услуг. Военно-учебные заведения дополнительно могут осуществлять: подготовку государственных гражданских служащих и гражданского персонала Вооруженных Сил; допризывную подготовку граждан по военно-учетным специальностям солдат, матросов, сержантов и т.д.

Все это позволит максимально использовать потенциал вузов как для воспроизводства кадрового потенциала Вооруженных Сил, так и для решения социальных проблем военнослужащих и членов их семей.

В качестве вывода следует сказать, что проводимые мероприятия по реорганизации системы военного образования — это веление времени, а избранный путь преобразований в сложившихся условиях определенно является велением времени и кажется наиболее оптимальным. Он гарантирует не только сохранение системы военного образования, но и вывод ее на качественно новый уровень, обеспечивающий подготовку военных специалистов в новых современных условиях.

Корр.: *Анатолий Федорович, в связи с сокращением Вооруженных Сил рассматриваются ли вопросы привлечения ветеранов Вооруженных сил к передаче ими своего многолетнего опыта? Над чем сейчас работает Общероссийская общественная организация ветеранов Вооруженных Сил, которую Вы возглавляете?*

А. Ф.: Да, к 2012 г. количество офицеров, которые могут подпасть под сокращение, составит более 160 тыс. чел. Происходит очевидная смена поколений, в процессе которой огромный жизненный опыт, профессиональные знания ветеранов Вооруженных Сил, в частности ветеранов Великой Отечественной войны, ветеранов Афганистана, других горячих точек, ветеранов военной службы незаменим и сегодня востребован, как никогда. Поэтому в настоящее время создана работоспособная система ветеранских организаций. В частности, создан Центральный совет Министерства обороны РФ по делам ветеранов, а также Общественный совет при Минобороны РФ, работающий в военных округах и на флоте во взаимодействии с Общественной палатой РФ.

Организации ветеранов Вооруженных Сил ведут свою работу не только в органах военного управления, но и в большинстве субъектов Российской Федерации. Ветеранские организации Вооруженных Сил провели большую организаторскую и разъяснительную работу по подготовке к 65-летию годовщины Великой Победы.

Активно работают в этом направлении ветеранские организации Генерального штаба ВС РФ, Ракетных войск стратегического назначения, Воздушно-десантных войск, Космических войск, Главкомата Сухопутных войск, ВВС и ПВО, Московское городское отделение Общероссийской общественной организации ветеранов Вооруженных Сил Российской Федерации, Тихоокеанского и Северного флотов, РОО «Боевое братство», Хабаровского края, Республики Дагестан, Калининградской области и многие другие.

Вся работа ветеранов проходит в тесном взаимодействии с командованием видов и родов войск, главных и Центральных управлений, военных округов и флотов, воспитательных органов.

По предложению и настойчивости ветеранских организаций несколько расширена социальная поддержка инвалидов и ветеранов ВОВ, тружеников тыла, Героев Советского Союза и Кавалеров ордена Славы. Работающие ветераны Вооруженных Сил начали получать вторую пенсию.

Руководство Вооруженных Сил, органов военного управления на деле ощутили создание новой общественной организации. Ныне эта работа приобрела плановый характер, активизировалась работа по различным направлениям, в том числе по патриотическому воспитанию молодежи, адресной поддержке ветеранов Великой Отечественной войны, семей погибших воинов, социальной поддержке одиноких военных пенсионеров. По особому контролю взято обеспечение жилой площадью участников и инвалидов войн и военных конфликтов.

Корр.: *Анатолий Федорович, в Царской Армии и в Советской Армии существовал институт Офицерских собраний. Сегодня в Вооруженных Силах эта общественная структура является по сути формальной. На Ваш взгляд, не отражается ли это негативно на профессиональном и морально-нравственном уровне офицерских коллективов?*

А. Ф.: Офицерские собрания появились впервые в Российской армии во второй половине XVIII века. Прообразами их были офицерские клубы, военные библиотеки и т.п. В 60-х годах XIX века офицерские клубы и собрания стали появляться в гарнизонах и частях военных округов. В 1874 году приказом по военному ведомству был введен Устав офицерских собраний, а в 1884 году было введено в действие «Положение об офицерских собраниях в отдельных частях войск».

Следует отметить, что данные общественные организации создавались по инициативе самих офицеров, а затем закреплялись соответствующими приказами и нормативными актами. Главной целью и основной задачей офицерских собраний явился процесс воспитания у офицеров уважительного отношения друг к другу, формирование высокой ответственности к исполнению своих обязанностей и воинского долга, а также таких качеств, как порядочность, честность, патриотизм. Со временем круг задач офицерских собраний становился значительно шире, включая в себя вопросы быта офицеров, совершенствования общего и профессионального образования, изучения истории, традиций и боевого пути воинской чести и мн. др. К сожалению, после 1917 года институт офицерских собраний прекратил свое существование и стал вновь возрождаться только в годы Великой Отечественной войны.

В современном виде офицерские собрания в армии и на флоте существуют с 1992 года, когда приказом Министра обороны РФ было введено в действие Положение об офицерском собрании в Вооруженных силах РФ. Отрадно, что в современном офицерском собрании сохранены лучшие традиции их предшественников, а главным смыслом их существования остается воспитательная функция. Эта задача в современных условиях чрезвычайно актуальна, ибо существует ряд объективных факторов, негативно влияющих на образ мышления и поведения офицерского состава, особенно офицеров младшего звена, недавних выпускников военно-учебных заведений. Именно на них должно быть направлено внимание офицерского собрания.

Офицерское собрание — это важнейший демократический институт в Вооруженных Силах, где может обсуждаться целый комплекс проблем армейской жизни. Если командиры всех уровней проникнутся мыслью о том, что офицерское собрание — это мощный рычаг в их руках в деле влияния на жизнь и боевую подготовку частей и подразделений, то деятельность этого демократического органа будет крайне эффективной, а жизнь воинских коллективов интересной и многоплановой.

Корр.: *Анатолий Федорович, какие традиции русской армии востребованы, на Ваш взгляд, в Вооруженных Силах современной России?*

А. Ф.: Не подлежит сомнению тот факт, что лучшие традиции российской армии передаются от поколения к поколению. Неоценимая роль в этом принадлежит ветеранам войны и военной службы, которые своей активной жизненной позицией способствуют указанному процессу. Именно ветераны являются связующим звеном между прошлым и будущим, передавая свой опыт, знания, морально-нравственные и этические нормы, устоявшиеся традиции и профессионализм молодому поколению защитников Отечества. Пока существует этот неразрывный процесс, лучшие традиции армии и флота будут жить и развиваться.

Из всех традиций армии, да и народа в целом, я бы выделил прежде всего патриотизм, гордость за свою страну, армию, готовность к защите Отечества.

Именно это качество всегда отличало российского солдата на протяжении многовековой истории нашей армии. Особенно ярко это качество проявилось в годы Великой Отечественной войны, и у нас сегодня есть уникальная возможность донести до молодежи патриотические чувства словом и делом самих ветеранов войны. Не использовать такую возможность было бы непростительной ошибкой. И здесь хороши все средства: печатное и устное слово, встречи с ветеранами, конференции, семинары, походы по местам боев, мемориальная и поисковая деятельность и многое другое. В общем комплексе лучших традиций можно отметить профессионализм, военную и общую культуру.

Важно в современных условиях не утратить и такую традицию, как офицерская честь и достоинство, гордость за свою профессию и воинское звание. Поскольку сегодня в нашей армии нет кастового деления между офицерами и солдатами, понятия честь и достоинство приобретают несколько иной смысл. Сегодня они больше смыкаются с такими категориями, как совесть, порядочность, ответственность, самоуважение, а также уважительное отношение к сослуживцам и старшим, забота о подчиненных.

Все эти качества являются традиционными для российской армии и должны органично переходить от ветеранов к молодым. В этом суть и глубокий смысл неразрывной связи поколений.

В этом году наша страна, народы России и стран СНГ, ветераны войны, проживающие в ближнем и дальнем зарубежье, прогрессивная общественность всех стран мира отмечают 65-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. Подготовка к 65-летию Победы осуществляется на фоне усиления в западных странах и отдельных странах ближнего зарубежья пропаганды, искажающей историю, дискредитирующей роль нашей страны во Второй мировой войне. В ряде государств наблюдается рост профашистских идей, реабилитируются те, кто принимал участие в войне на стороне врага, зарождаются организации ультранационалистического толка. В этих условиях от всех нас требуется принятие решительных мер по координации информационной деятельности, направленной на противодействие фальсификации истории. Серьезную роль в этой работе может и должен сыграть Ваш патриотический журнал. От себя хочу пожелать Вам успехов в этом благородном деле.

ВОЕННЫЙ ЛЕНИНГРАД

*Фотографии
Ленинграда
времен Великой
Отечественной
Войны*

Точка ЗРЕНИЯ

Иван САБИЛО

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Иван Иванович Сабил — родился в 1940 году в Минске. Окончил Институт физической культуры им. Лесгафта. Был победителем одного из первенств Ленинграда по боксу. Работал преподавателем в ВВМУ им. Фрунзе, литсотрудником в газетах и журналах. Автор 15 книг прозы, а также многих публицистических статей. В 1992–2005 гг. возглавлял Санкт-Петербургское отд. СП России. В 2006–2009 гг. являлся зам. председателя Исполкома МСПС. Лауреат нескольких литературных премий, в их числе Премии правительства Санкт-Петербурга в области литературы, искусства и архитектуры. Заслуженный работник культуры РФ. **Живет в Москве.**

Казалось бы, совсем недавно мы отпраздновали 60-летие со дня окончания Великой Отечественной войны, и вот уже приближается новая, 65-я годовщина. Ее мы тоже отметим широко, по-русски. Но время неумолимо, и, наверное, больше не будет круглых дат, которые мы сможем отмечать вместе с живыми участниками военных событий. С теми, кто на фронте и в тылу добывали Победу. Без них наши праздники станут менее радостными, чем сейчас, прибавится скорби.

4 года шла война. Выстояли. Победили не только фашистскую Германию, но и сотни тысяч добровольцев из многих стран Европы — более 80 дивизий, воевавших на стороне гитлеровцев против нас. И сегодня каждый, кто не потерял совести и кто в ладах со здравым смыслом, обязательно скажет: «Да, это подвиг, которому нет равных. Это мужество и самоотверженность, на которые способны только святые».

Здесь можно бы ставить и точку. Если бы не одно обстоятельство.

Много лет назад случилось мне познакомиться с Петром Саковым, научным сотрудником из... не называю город, чтобы не огорчать его жителей. Вспыльчивый и столь же категоричный, он в разговоре со мной был весьма нацелен доказать, что войну с Германией мы вели тупо и безжалостно к собственному народу. Что наши военачальники во главе со Сталиным — круглые нули: сначала пытались ублажить Гитлера, назаклучав с ним всяких пактов, а затем, «когда номер не вышел, две первые, самые сокрушительные для страны недели, продрожали от страху». И что лично он, Саков, видя, сколь бездарно ведется война, воевать не пошел, сумев в невероятно трудных условиях несколько раз продлить себе бронь.

Возможно, со временем, Саков выветрился бы из памяти — мало ли у нас ущербных людей, которые в силу своих особых причин никогда не пытаются постичь высоту чужих поступков, зато с необычайной легкостью все высокое опускают до самих себя. Но в последние годы стало заметно, как *саковищина* планомерно внедряется в сознание наших граждан. Как назойливо по российскому радио и с телеэкранов звучат *саковские* голоса. Вот уже и книги густо повалили, словно бы вышедшие из-под пера самого Сакова. Чего стоили, например, недавние печатные поделки некоего Суворова (он же Резун). Или нынешние попытки отдельных оригиналов не только обелить предателя Власова, но и возвести его в ранг героя. А возьмите учебник истории для 11 класса, где говорится, что «отторжение от Польши Западной Украины и Западной Беларуси привело к ослаблению польской государственности...» Ах, как нехорошо поступил Советский Союз. И какая трогательная забота о Польше.

Сегодня мы видим, что многие факты Второй мировой не просто искажаются, но ставятся с ног на голову: когда белое называется черным, а красное — коричневым. И война, которую наша страна вкупе с союзниками завершила в 45-м, оказывается, еще не завершена, точнее, не завершен раздел трофеев, ценнейшим из которых является сама Победа.

В моей домашней библиотеке среди книг самого различного содержания есть объемистый, около ста печатных листов, двухтомник американского историка и журналиста У. Ширера «Взлет и падение третьего рейха». На Западе она вышла более полувека назад, затем была издана во многих странах мира, неоднократно переиздавалась в США. А в разгар так называемой перестройки увидела свет у нас, причем гигантским тиражом — 100000 экземпляров. Собственно, по Ширеру, как по Сакову, роль Советского Союза в канун Второй мировой весьма негативна, и прежде всего потому, что он, автор, не приемлет советский строй. А если говорить о самих сражениях, то позитивны у нас только оборона Москвы и Сталинградская битва. Но даже успехи «русских» при обороне Москвы Ширер в большей степени связывает сначала с фактором непроходимой грязи, затем чудовищного мороза, а не с героическими усилиями Красной Армии. А Сталинградскую битву аж приравнивает к сражению в Египте, под Эль-Аламейном, где англичане разбили 12 фашистских дивизий — около 80 тыс. человек. Это при том, что в Сталинградской битве враг только убитыми, ранеными и плененными потерял более полутора миллионов солдат и офицеров. Трудно себе представить более некорректное сравнение. Оборона же Ленинграда, Одессы, Севастополя, Мурманска и многих других городов, уже не говоря про оборону огромной страны, которую враг так и не одолел, для автора не суть важна. Зато роль Соединенных Штатов и Англии у него выдающаяся, ошеломляющая.

На что тут посетуешь? Пожалуй, лишь на то, что в мире нет более многострадальной науки, чем история, которую бы так часто насиловали, издевались, начинали дезой и ядом в угоду какому-либо отдельному лицу или группе лиц.

А где наши новые исследования? Где историки, готовые провести настоящий военный — прежде всего сравнительный — анализ, основанный на действительных фактах Второй мировой? Где наши писатели, которые в художественной, наиболее доступной для восприятия форме, отразили бы роль

народов Советского Союза в противостоянии фашистскому злу? Такие, как Константин Симонов, Юрий Бондарев, Иван Шамякин, Владимир Богомолов, Борис Васильев, Иван Мележ, Михаил Алексеев, Вячеслав Кондратьев, Василь Быков, Иван Стаднюк, Владимир Карпов, Радий Погодин... Похоже, на них закончилась военная тема в нашей литературе. Ждали, надеялись, вот-вот придет новый Толстой и напишет Великую Книгу о Великой Войне. А дождались иных порой обескураживающих взглядов: Познер, Сванидзе, Радзинский, Резун... К сожалению, не только они. Чего стоит, например, высказывание Виктора Астафьева, который опять же вначале перестройки заявил: ленинградцы напрасно обороняли свой город, нужно было сдать его врагу, и тогда не было бы столько жертв и разрушений.

Трудно себе представить, что столь известный писатель, участник Великой Отечественной войны заблуждался или не знал того, что знает У. Ширер: «...Гитлер, который полагал, что два крупнейших города России: Ленинград, построенный Петром Великим в качестве столицы на Балтике, и Москва, древний город, а теперь столица большевистского государства — вот-вот падут. Поэтому 18 сентября отдал строжайший приказ: «Капитуляцию Ленинграда или Москвы не принимать, даже если она будет предложена». А особая директива командующего войсками от 29 сентября предписывала: «Фюрер принял решение стереть с лица земли Санкт-Петербург (Ленинград). Дальнейшее существование этого крупного города не представляет интереса, поскольку будет повержена Советская Россия...»

Нужны ли здесь пояснения? Уточню только, что В.Астафьев не ленинградец, не участник обороны города, не свидетель военных дней блокады. Имел ли он право ставить под сомнение подвиг ленинградцев? Наверное, нет. Об этом говорят все, пережившие блокаду, отстоявшие город, в который никогда за всю его 300-летнюю историю не входил враг. Можно лишь представить себе, с каким гневом отвергли бы его откровение ленинградцы военного времени.

Но зато как часто и с каким сладострастием цитируют подобные астафьево-саковские высказывания нынешние внутренние враги нашего отечества. Или, как я их называю в своем романе «Открытый ринг», межники (от сельскохозяйственного «межники» — пустые места между грядками и полями, на которых чаще всего и гуще всего произрастают сорняки и откуда они осуществляют агрессию на гряды и поля). То есть те, кто живет вроде бы здесь, у нас, а вроде бы там, на западе. На самом деле они и здесь — не здесь, и там — не там, они — между... Им жизненно необходимо принизить роль народов Советского Союза в войне, свести к нулю наши успехи в послевоенном строительстве, чтобы стать заметнее самим. Политические карлики ругают великанов. Так лакей, которому никогда не сделаться господином, старается подчеркнуть в господине его личные недостатки: по мнению лакея, это уравнивает его с господином.

И дело с нашей историей было бы совсем худо, если бы не те, кому нужна не выборочная, а вся правда о войне. Кто старается донести правду до сознания соотечественников, чтобы мы не сворачивали себе шеи, постоянно оглядываясь назад, а, набравшись воли и сил, двигались дальше в строительстве новой России.

Лучшим, пожалуй, наиболее полным из того, что написано у нас о войне, являются воспоминания самих участников Великой Отечественной.

Прежде всего, маршалов Советского Союза: Г. Жукова, А. Василевского, И. Конева, К. Рокоссовского... Оставив нам свои документальные книги, советские военачальники совершили гражданский подвиг, отобразив не просто борьбу армий и фронтов, но героическое сопротивление врагу народов Советского Союза. Всех, без исключения.

Я не разделяю утверждения одного из наших публицистов, который заявил, что американцы во время войны «отсиделись за океаном». Общеизвестна роль Соединенных Штатов в поставке воюющим против фашистской Германии державам техники, боеприпасов, продовольствия и многого другого, что объективно повлияло на разгром Гитлера и его союзников. Уже не говоря об участии американцев в самих военных действиях с открытием Второго фронта.

Но ни один акр американской земли не был оккупирован. Ни один их город не пострадал от разрывов бомб и снарядов. Ни один мирный житель не подвергся истязаниям, надругательствам и просто лишению жизни, как это было у нас... Приведу пример из собственной жизни, точнее, из жизни моей семьи. Родился я в Минске, в 1940 году. На седьмой день после начала войны Минск был оккупирован. Отца — мастера производственного обучения железнодорожного училища — вместе с учащимися срочно эвакуировали в город Бузулук, Оренбургской области, где они строили бронепоезда. Мама ждала второго ребенка. Через месяц после оккупации он родился — мой брат Женя. Вскоре мама заболела тифом. Немцы тифозных не лечили, а выявляли и уничтожали. Маму прятали на окраине Минска. Как могли, поддерживали. И она поправилась. Но во время ее болезни умер мой новорожденный брат... Вскоре маму, а вместе с ней и меня, забрали немцы, чтобы угнать в Германию. И тогда к немцам пошла ее младшая сестра Люба, которая перед самой войной окончила Минский педагогический техникум. И сказала немцам: «Зачем вам в Германии эта женщина с маленьким ребенком на руках? Возьмите вместо нее меня, бездетную». И немцы отпустили нас с матерью... Уже после войны мы узнали, что до Германии ее не довели, а попала она в Освенцим и в 43-м году была там сожжена... Под Минском, в селении Крупича, откуда родом моя мама и ее сестра, стоит обелиск с четырьмя улетающими каменными журавлями. На обелиске, среди многих других имен есть имя и нашей Любы — Любови Николаевны Бортник — посмертная память живых за ее человеческий поступок. Минули десятилетия, но и мама, и я хорошо осознаем, кому мы обязаны жизнью.

И только ли я могу рассказать такую историю? В нашей стране были тысячи, миллионы героев — от детей до убеленных сединами стариков. Доблестным трудом и ратным подвигом они приближали час возмездия, час победы. Родной брат моего отца, Петр Яковлевич Сабилло, с боями прошел войну и встретил Победу в Берлине.

Но был в той войне особый, коллективный подвиг, подвиг городов-героев. Это уникальный факт. Ни одна страна мира не может представить свидетельства подобного явления. Мы знаем, как легко сдался Париж. Как без сопротивления пали Вена, Прага, многие другие европейские столицы. Но мы также знаем, что каждый город в нашей стране делал все возможное, а часто и невозможное, чтобы остановить врага. Особо отличившихся городов-собратьев по подвигу названо тринадцать: Москва, Ленинград, Киев, Минск, Сталинград, Севастополь, Одесса, Керчь, Новороссийск, Мурманск,

Тула, Смоленск и Крепость-герой Брест. И совсем не удивительно, что все они — в России, Украине и Беларуси, где основу составляют православные народы и где более всего ценят свободу и стараются жить по совести.

Это история. Это подвиг, который уже никогда и никем не может быть повторен. Но отдельным, свободным от совести политикам, необходимо, чтобы наше величественное прошлое поросло травой забвения. Они сами, их приспешники из СМИ бесконечно роются на свалках прошедших лет, таская оттуда только порочащие нас факты. Нас призывают каяться. Но в чем?! Наших отцов и дедов, многие из которых остались на полях сражений, низводят до роли чуть ли не бандитов, приравнивая их к фашистским агрессорам. Хотя, может быть, благодаря нашим отцам остались жить отцы и матери наших обвинителей. И они сами. Как, например, тот же предатель-рецидивист Суворов-Резун, который, как я полагаю, состряпал свой «Ледокол» из одной только фразы крупнейшего военного преступника генерал-фельдмаршала В. Кейтеля. Являясь обвиняемым на Нюрнбергском суде, Кейтель заявил: «Я утверждаю, что все подготовительные мероприятия, проводившиеся нами до весны 1941 года, носили характер оборонительных приготовлений на случай возможного нападения Красной Армии... Наше нападение явилось непосредственным следствием этой угрозы».

Как видим, слова одного преступника вдохновили на «Ледокол» другого. Понимают ли резуны, что подобное утверждение Кейтеля, да еще перед Международным судом, есть попытка агрессора перевалить вину с фашистской Германии на Советский Союз? Несомненно. Однако межнякам такое понимание не нужно. Им необходимо уютно устроиться там, где рукоплещут их предательствам. И где сочиняют мифы и легенды о якобы особой агрессивности русских.

Вспомним антисоветскую, антирусскую истерию начала 90-х гг., которую развязали наиболее продвинутые перестройщики-либералы. Резали на части страну. Разрушали и унижали армию. Подвергали злобной критике, насмешкам все героическое и патриотическое: Зоя Космодемьянская пошла на смерть по слабоумию, Александр Матросов совершил свой подвиг в пьяном угаре, маршал Жуков не щадил людей. Дескать, умные американцы и англичане берегли своих людей, не открывая Второй фронт до июня 1944 года, и открыли его только тогда, когда поняли, что Советский Союз одержит победу и без них, а Жуков не щадил. Вот лакейская логика!

Однако особая ненависть у либералов к Верховному Главнокомандующему И. Сталину и, прежде всего потому, что, будучи неуклонным блюстителем государственной морали и видя всю мелочную, безнравственную сущность их устремлений, он не подпускал их к власти.

А, дождавшись его смерти и под лозунгами демократии прорвавшись во власть, межняки и просто мародеры стали мазать дегтем все то, что работало на созидание, на укрепление державы. Все свои темные, мстительные силы они бросили на разрушение страны. Они уверовали, что их поддержат на Западе те, кому Россия — как кость в горле. Сейчас они стараются убедить себя и нас в том, что Россия никогда не станет великой державой. Конечно, не станет, если будет терпеть их лай, видеть по телевизору их самодовольные лица и лживые глаза...

И дело было бы совсем худо, если бы у них получалось все, что они задумали. Не получается, потому что сразу на защиту правды и человечес-

кого достоинства встали менее сплоченные, но более совестливые люди. Неотступные. Они возвысили свой голос против фальсификации исторических фактов, против навязывания обществу пораженческих идей и настроений. Опрос жителей страны под названием «Имя России» показал, кого и почему признает наш народ, с кем из великих людей он связывает не только свое прошлое, но и будущее. *Саковицина* не прошла, и свидетельством тому крепнущая, прежде всего, среди молодежи, мысль о необходимости нового освобождения России, но теперь уже от ее внутренних врагов. Многие у нас верят и в то, что занявшие высшие государственные посты ленинградцы-питерцы, помнят, откуда они родом, и постараются с честью послужить России, вернув ее былое достоинство.

Такое предчувствие, что отметит страна 65-ю годовщину, поклонится в очередной раз святому поколению победителей и примется наводить порядок, причем, не только на субботах, но и во все дни недели. Во все дни!

Такое предчувствие...

ВОЕННЫЙ ЛЕНИНГРАД

*Фотографии
Ленинграда
времен Великой
Отечественной
войны*

Связь ВРЕМЕН

Александр РАКОВ

ВЕЛИКАЯ НЕИЗВЕСТНАЯ

Былинки

*К 65-летию
Великой Победы*

Александр Григорьевич Раков — профессиональный журналист, главный редактор народной просветительской газеты «Православный Санкт-Петербург» и ее дочерних изданий, лауреат премии Русской Православной Церкви «За преданность профессии», лауреат премии им. М. Шолохова, член Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

«Былинки» Александра Ракова критиками определены, как новый литературный жанр. Это небольшие по размеру художественные произведения, в которых автор высказывает свое мнение по всем, волнующим его вопросам современной жизни. Гармоничный сплав динамичной, бесстрашной публицистики, образной, исповедальной прозы и щемящей, возвышающей поэзии позволяют писателю не только успешно справиться с поставленной литературной задачей — рассказать в каждом случае о своем, христианском понимании исторического или личного эпизода жизни, но создать вполне законченное произведение, обретающее законное, оправданное место в поле православного миропонимания.

ПОБЕДА БЕД НЕ ОТМЕНИЛА

И опять о войне. Память о ней с годами превращается в пыльную страницу истории. Еще доживают век последние из воевавших, еще организует празднования Дня Победы местная администрация, еще отмечают начало снятия блокады Ленинграда возложением венков у Вечного огня, но это уже не праздники, это мероприятия, это повод выпить из армейской кружки и ненатурально взгрустнуть, показать далекий от правды фильм о войне по телевизору, устроить грандиозный фейерверк, послать ветеранам поздравления...

*Гляжу с надеждой фильмы о войне
который год —*

*хотя надежды мало, —
а вдруг расщедрятся,
а вдруг покажут мне
и ту войну, что жизнь мою ломала?*

Виктор Кочетков р. в 1923

Раньше меня возмущал этот плохо скрытый формализм, но постепенно пришло понимание: невозможно искренне отмечать событие, если в живых нет уже его участников. Второе, обидное. Нам столько десятилетий все невзгоды страны объясняли следствием Великой Отечественной войны, что разум перестал воспринимать военную фальшь. Это второе. И третье. Не может народ трех поколений жить только своим, пусть героическим, прошлым; заботы обычного человеческого бытия естественно заслоняют собой величайшие исторические события. И это нормально. Из героической обороны Севастополя в Крымскую войну 1854—1855 гг. в памяти сохранился безпримерной храбрости матрос-«охотник» Петр Кошка, который вытащил из котелка с кашей готовую взорваться мину; из русско-японской 1904—1905 гг. (убито 200 000 русских) — гренадера, насадившего на пикку сразу семерых японцев; из Гражданской 1918—1922 гг. (убито от 6 000 000 русских) — «Песню о Щорсе», которую я с превеликим удовольствием пел в школе и вне ее во втором классе:

*Шел отряд по берегу, шел издалека,
Шел под красным знаменем командир полка.
Голова обвязана, кровь на рукаве,
След кровавый тянется по сырой траве.
Эх, по сырой траве!*

Михаил Голодный †1949

Советско-финский «конфликт» 1940 г. (убито 400 000 русских) запомнился финскими снайперами-«кукушками» и «непробиваемой» линией Маннергейма.

*Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.*

*Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далеко шапка отлетела.
Казалось, мальчик не лежал,
А все еще бегом бежал,
Да лед за полу придержал...*

*Среди большой войны жестокой,
С чего — ума не приложу, —
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Промерзший, маленький, убитый,
На той войне незначимой,
Забывший, маленький, лежу.*

Александр Твардовский †1971

Русские солдаты победившей Отчизны не сомневались, что их героизм будет оценен по заслугам. Но страна лежала в руинах — и снова до 47-го ввели продуктовые карточки, перестали выплачивать «орденские» деньги, а после победного Парада в 1945 году следующий парад прошел лишь через 20 лет после Победы, в 1967 году. И жили победители несравнимо хуже побежденных, и эта обида не забывалась. А бесчисленные бетонные «скульптуры» солдата с автоматом в местах отдыха трудящихся, покрашенные многослойной «серебрянкой», только усугубляли обиду.

*Не могу я спектакли смотреть о войне,
А военные фильмы — тем паче:
Просыпается жалость такая во мне,
Что сижу пред экраном и плачу.
Кто войны не хлебнул, тем вовек не понять
Наших душ, бесконечно ранимых, —
В каждом фильме друзей мы хороним опять,
В каждой пьесе теряем любимых.*

Юрий Разумовский

Время затягивает любые раны: то, что болело у воевавшего поколения, у сынов перешло в память (потому что не позволяли забыть), а при нынешнем поколении у внуков война и вовсе улеглась в несколько строк школьного учебника.

Нельзя заставить народ жить только прошлым, нельзя лишать народ и будущего. Не зря лауреат Нобелевской премии писатель А. И. Солженицын назвал *сбережение народа* главной национальной идеей России.

*Когда гремят победно марши,
я не ликую и не злюсь.
Я становлюсь невольню старше,
да, старый — старше становлюсь.
С чего ж на празднике уныло
душа задумалась опять?..
Победа бед не отменила.
Вот так и надо понимать.*

Вячеслав Кузнецов

27 миллионов погибших — страшная цена Победы. Но если победа не приносит духовного раскрепощения, свободы, если страна и через 65 лет не может подняться на ноги, укрепить экономику, приумножить население, улучшить жизнь простых людей, — победой это можно назвать с большой натяжкой, — с горечью говорю я. Мы не постояли за цену, но цена эта оказалась для России непомерно высока...

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

*Не признающий тостов длинных,
солдат, медалями светясь,
расскажет о пути к Берлину
уже, наверно, в сотый раз.*

*И вдруг,
всю душу исповедав,
уронит голову на грудь.
Да! Велика была Победа.
А жизнь убитым не вернуть.*

Вячеслав Кузнецов †2004

ЗАБЫТАЯ ПЕХОТА

В лесах, в нехоженных болотах, в земле, истерзанной войной, лежит советская пехота, забытая своей страной. Она закончила движение в те трижды клятые года, не выйти ей из окруженья навстречу нашим никогда. Ей отступление не трубили, и вот, под соловьиный свист, — Забыли нас! О нас забыли! — кричит застреленный связист. Забыли те, забыли эти, поскольку всем не до того, и словно не было на свете из той пехоты никого. А там полки, бригады, роты! И каждый год в Победный День встает забытая пехота в пробитых касках набекрень. И пусть не чищены награды и ржа оружия на груди — она приходит на парады и марширует впереди. Ее солдаты как мессии грядущих дней твоих, моих. И все забыты... А России все не до них. Все не до них...

Лев Гаврилов, СПб

*«Если и страдаете за правду, то вы блаженны.
А страха их не бойтесь»
(I Петр, 3,14)*

На встрече с читателями газеты «Православный Санкт-Петербург» один известный питерский священник заявил: «Когда в деревне Петрищево Зоя Космодемьянская подожгла три дома у стариков и старух, ее крестьяне поймали, поколотили и отпустили. Но она сказала: «Я по приказу буду бороться с немцами и выгонять их на холод». За это и поплатилась, а потом мы раздули ее славу».

*Архивисты идут по следу
Битв кровавых, затертых дат.
Затоптали нашу Победу,
Очернили седых солдат.*

*И живущим могилы роя,
Клеветой застилают свет
Гуттаперчивые герои
Перестроечных громких лет.*

*Как злословят они умело.
Лживый бойко ведут рассказ.
Им бы раз побыть под обстрелом.
Под бомбежкой побыть хоть раз.*

*Им бы раз ползти по болоту
Мимо трупов, сжав автомат.
Может, поняли бы пехоту,
Не чернили седых солдат.*

Надежда Полякова, СПб

Зоя Космодемьянская

Сейчас правда о первой девушке — Герое Советского Союза, известна досконально. Рамки публикации не дают мне возможности остановиться на всех подробностях, но желающие сделают это без особого труда.

Поджоги в Петрищево — уже второе задержание Зои. Во время первого она с группой протянула трос поперек дороги, по которой в сторону Москвы мчались фашистские мотоциклисты, и у сбитого солдата забрала сумку с планами предстоящих боевых действий на подступах к столице. Напомню, что события происходили в трагическом для страны ноябре 1941 года. 17 ноября вышло постановление Сталина № 0428, в котором приказывалось «выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов и... заставить мерзнуть под открытым небом». Но мало кто знает, что в Петрищево располагалась

аппаратура германской радиоразведки, которая круглосуточно прослушивала и глушила переговоры советских командиров с войсками. С задачей уничтожения центра и справилась национальная героиня, а заодно сожгла дотла и армейскую конюшню врага, в которой на момент пожара находилось 200 лошадей.

Ее не хотели брать в разведшколу из-за происхождения: дед и прадед по отцовской линии были священниками. Петр Иоаннович Козьмодемьяновский, дед Зои, родился в семье священника Иоанна Козьмодемьяновского 22 августа 1872 года. Закончил Тамбовскую Духовную семинарию и служил псаломщиком Архангельской церкви села Большая Липовка Моршанского уезда, а в 1900 году был рукоположен епископом Тамбовским и Шацким Георгием (Орловым) во иерея Казанской церкви с. Крутец. В июне 1906 года о. Петр стал настоятелем Знаменской церкви в с. Осиновые Гаи. В 1918 году по Тамбовской губернии прокатилась волна репрессий против духовенства. Этот год стал годом трагической гибели о. Петра. Поводом для убийства стало его выступление на сельском сходе в защиту Церкви Христовой. Жестоко искалеченный и избитый представителями тогдашней власти, батюшка был вывезен за пределы села, расстрелян и брошен в Сосулковский пруд. Это произошло в праздник Успения Божией Матери. Лишь весной 1919 года пастухами было обнаружено тело о. Петра. По свидетельству очевидцев, «труп был совершенно неиспорченным». Похоронен он возле Знаменской церкви в Духов день. Семейство о. Петра к тому времени состояло из жены Лидии Федоровны и сыновей Анатолия (будущего отца

Зои) и Алексея, воспитанников начальных классов Тамбовской Духовной семинарии, и малолетних Александра и Федора.

Анатолий Петрович был вынужден бросить семинарию, стал работать в избе-читальне, сотрудничал с комбедом, женился на учительнице Любови Чуриковой. Вскоре родилась Зоя. Но беды не оставляли Козьмодемьяновских: выступив с критикой коллективизации, Анатолий Петрович с семьей «кулаков» был выселен в Сибирь, в с. Шиткино Енисейского округа. За них ходатайствует перед Н. Крупской старшая сестра Любви — Ольга Чурикова, и вскоре семья Козьмодемьяновских переезжает в Москву, но уже под фамилией Космодемьянских. Однако и здесь их преследуют несчастья: в 1933 году умирает отец Зои, а в 1940 Зоя тяжело заболела менингитом. Но умереть ей суждено было не от болезни, а смертью более страшной...

...Лишь через несколько месяцев в Кунцеве, где находилась разведшкола, узнали о трагедии. Сюда явился товарищ Зои по заданию Василий Клубков. После допроса он признался, что был взят в плен, выдал Зою, рассказал о разведшколе и был перевербован. А второй подонок Свиридов признался смершникам, что именно он выследил и доставил разведчицу к врагу. На вопрос, чем его отблагодарили за усердие, тот ответил: «Налили стакан вина...»

Для чего же немцы зверски пытали Зою, если предатель Клубков рассказал все, что знал? Зачем немцы в течение трех часов били Зою ремнями и палками, прижигали ее лицо спичками и несколько раз выводили босую на мороз? По свидетельству хозяйки дома, где все это происходило, девушка отказалась «узнать» Клубкова и себя называла Таней. И, несмотря на все издевательства, ни разу не попросила пощады.

На дубовой доске, что была ей конвейером пыток, не стонала она, и глаза не смотрели с мольбой. Кто ее укрепил? Кто ей дал этой силы избыток, эту власть над собой? Почему потемнел изувер, истязавший Зою, заглянув ей в глаза? Почему стало страшно ему? Почему, не дрожа, Зоя шла по морозу босой? Не дрожа! Почему? Как сумела она не издать ни единого стона в разъяренных когтях узколобого штурмовика? В смертный час почему, перед нею склоняя знамена, расступились века? Потому что века перед правдой должны расступиться. Зоя — это борьба, это русская доблесть и честь! В страшных муках ее есть и наших страданий крупица, наше мужество есть!

Борис Ковынев

29 ноября 1941 года Зою Космодемьянскую вывели на центральную деревенскую площадь, к виселице согнали жителей. На шею Зои повесили сумку с зажигательными бутылками и табличку, где было написано «Поджигатель домов». Мы доподлинно знаем ее последние слова, брошенные в лицо палачам: «Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов. Всех не перевешаете. Вам отомстят за меня!» И бросила в толпу: «Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь...» Больше месяца тело Зои провисело на площади — фашисты не разрешали его снимать. Пьяные солдаты искололи мертвую партизанку штыками. 12 января 1942 года в Петрищево вошла одна

Зоя Космодемьянская после казни

заяйка избы рассказала, что четыре гитлеровца опрокинули Зою на скамейку и одновременно поролли ремнями и резиновыми дубинками. Пойманный садист на вопрос, зачем он носил эти снимки в сумке, ответил, что собирался послать их своей невесте в Германию.

«...Дорогая мама! Как ты сейчас живешь, как себя чувствуешь, не больна ли? Мама, если есть возможность, напиши хоть несколько строчек. Вернусь с задания, так приеду навестить домой. Твоя Зоя»... Это строчки из последнего письма Зои Анатольевны Космодемьянской близким.

Прах Зои похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве, а на 86-м километре Минского шоссе установлен памятник, а в самом Петришево есть музей. Имя «Зоя» в переводе с греческого означает «жизнь». Вечная память!

Жги меня, страдание чужое, стань родною мукою моей. Мне хотелось написать о Зое так, чтоб задохнуться вместе с ней. Мне хотелось написать про Зою, чтобы Зоя начала дышать, чтобы стала каменной и злою русская прославленная мать. Чтоб она не просто погрузила, уронив слезинку на ладонь. Ненависть — не слово, это — сила, бьющий безошибочно огонь. Чтобы эта девочка чужая стала дочкой тысяч матерей. Помните о Зое, провожая в путь к победе собственных детей.

Мне хотелось написать про Зою, чтобы той, которая прочтет, показалось: тропкой снеговой в тыл врага сама она идет. Под шинелью спрятаны гранаты. Ей дано задание. Все всерьез. Может быть, немецкие солдаты ей готовят пытку и допрос. Чтоб она у совести спросила, сможет ли, и поняла: — Смогу. — Зоя о пощаде не просила. Ненависть — не слово, это — сила, гордость и презрение к врагу.

Ты, который встал на поле чести, русский воин, где бы ты ни был, пожалей о ней, как о невесте, как о той, которую любил. Но не только смутною слезою пусть затмится твой солдатский взгляд. Мне хотелось написать про Зою так, чтоб ты не знал пути назад. Потому что вся ее отвага, устремленный в будущее взгляд, — шаг к победе, может быть, полшага, но вперед, вперед, а не назад.

Мне хотелось написать про Зою так, чтоб задохнуться вместе с ней. Но когда в петле ты задыхалась, я веревку с горла сорвала. Может, я затем в живых осталась, чтобы ты в стихах не умерла?

Маргарита Алигер

ВЕЛИКАЯ НЕИЗВЕСТНАЯ...

Пусть роют щели хоть под воскресенье. В моих руках надежда на спасенье. Как я хотел вернуться в до-войны, предупредить, кого убить должны. Мне вон тому сказать необходимо: «Иди сюда, и смерть промчится мимо». Я знаю час, когда начнут войну, кто выживет, и кто умрет в плену, и кто из нас окажется героем, и кто расстрелян будет перед строем. И сам я видел вражеских солдат, уже заполонивших Сталинград, и видел я, как русская пехота штурмует Брандербургские ворота. Что до врага, то все известно мне, как ни одной разведке на войне. Я говорю — не слушают, не слышат, несут цветы, субботним ветром дышат, уходят, пропусков не выдают, в домашний возвращаются уют. И я уже не помню сам, откуда пришел сюда и что случилось чудо. Я все забыл. В окне еще светло, и накрест не заклеено окно.

Арсений Тарковский †1989

Когда началась вся эта куролесища перестройки, ошалевшие от свалившегося счастья свободы люди стали писать всяческие глупые и не очень предложения в самые высокие инстанции. Помню, один из патриотов — а с деньгами в стране тогда, как нас уверяли, было особенно туго — гласно предлагал выкопать многокилометровую трубу из цветного металла и продать за границу. Вопрос на полном серьезе обсуждался в центральной прессе.

Будучи человеком активным, я тоже написал в солидное министерство мое предложение о создании памятника погибшим в Великую Отечественную войну. Идея (я не расстался с ней и по сей день) его проста до чрезвычайности. Только недавно мы слышали настоящую цифру потерь Советской Армии в величайшем сражении века. Цифра убитых потрясла меня — 27 миллионов советских людей было загублено фашистами.

Пшеничное зернышко — олицетворение жизни на Земле; только пшеница растет во всех странах мира; крохотное пшеничное зернышко, возрастая, приносит множество семян в едином колосе. Вот это незамысловатая мысль и легла в основу моего «проекта». Вскоре я получил на официальном бланке Банка Идей СССР письмо, в котором сообщалось, что идея А. Г. Ракова зарегистрирована в Банке за номером таким-то. Сейчас-то вам смешно, но тогда я ощутил за себя чувство наподобие гордости.

Моя идея была очень проста: по центру перепаханного взрывами снарядов, окопами, траками танков, среди разбросанной тут и там побитой техники, стреляных гильз, заваленных блиндажей, грязных бинтов, пулеметов, винтовок, автоматов и всяческого другого военного мусора золотым кругом высится пшеничное поле, засеянное 27 миллионами зерен. Наверное, оно будет небольшим, это поле-памятник погибшим за Родину советским солдатам, но это будет *живая память* о них. Можно дотронуться до склонивше-

гося от спелости колоска, погладить его, помянуть погибшего отца, брата, мать... ощутить живое тепло заложенной в зерне жизни.

Огромные монументы в честь Победы — Мать-Родина на Малаховом кургане, сливающиеся в единое пятно имена погибших в зале Славы на Поклонной горе, высокие стелы с венчающими их пятиконечными звездами, почему-то устремленные в небо, могилы Неизвестного Солдата не дают человеку ни малейшего представления о том, сколько же людей мы потеряли за страшные годы фашистского нашествия. Тонны монументального бетона нависают и давят своей гигантской массой, вызывая желание поскорее убираться. Историки выяснили, что с Куликова поля вернулся живым каждый десятый ратник, а дружины было немногим больше 10 тысяч. Сколько вернулось домой в 45-м? А сколько умерло от ран после окончания войны?

И если вы думаете, что потери были восполнены, вы глубоко ошибаетесь: сегодняшнее положение страны есть отзвук Великой войны, которую мы, выиграв на поле брани, проиграли в борьбе за мир.

Я сознаю всю наивность моего «проекта»; да и память человеческая недолговечна. Но: **«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную»** (Ин.12, 24-25).

22 июня 1941 года — память Всех Святых; восход 4.43, заход 22.20; долгота дня 17.37.

Не танцуйте сегодня, не пойте, в предвечерний задумчивый час молчаливо у окон постоит, вспомните погибших за вас.

Вадим Шефнер

ОТЕЧЕСТВО — ПОНЯТИЕ СВЯЩЕННОЕ

Обращение Высокопреосвященнейшего Иоанна (Снычева), Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского в честь 50-летия Победы

«Отечество — понятие священное, ибо его даровал народу Сам Господь Бог, **«от Которого именуется каждое отечество»** (Еф. 3,15). А дар Божий надлежит хранить, как зеницу ока. Сильное Отечество — это слава народа, униженное и поруганное — его горечь и срам, защита — святой долг каждого насельника земли русской.

Великая Отечественная война явила миру пример поразительного единения народов России в святом отношении к Родине. Таджики и узбек, грузин и абхаз встали на защиту страны плечом к плечу с русским солдатом. У всех была одна Отчизна, одна к ней любовь и единое понятие о своем долге. Перед лицом смертельной угрозы иноземного порабощения были напрочь отвергнуты нудины лозунги о «проклятии патриотизма», «поражении собственного правительства» и прочие космополитические изуверские выкладки. Великая трагедия раскрыла глаза даже самым закоренелым русофобам и «общечеловекам», наследники которых, впрочем, и поныне пытаются внушить нам, что патриотизм — низменное, «животное» чувство. Люди, к которым пришла беда, каждым биением своего сердца ощутили, что во все времена, для любого народа защита своих рубежей считалась пер-

вейшей и священной обязанностью граждан, ибо никакой враг не приносит на штыках освобождение, он несет лишь смерть, разруху и рабство.

Вспомните: после оголтелой двадцатилетней борьбы обезумевших властей с «великодержавным шовинизмом» они вдруг вспомнили, что русский народ — это великий народ, что Советский Союз — это прежде всего Великая Россия. Газеты пестрели патриотическими призывами, вызывая к лучшим чертам именно русского народа; на экранах кинотеатров демонстрировались фильмы прежде всего о русской истории; и вновь примером для граждан нашей земли стали не робеспьеры и клары цеткины, а славные и громкие имена Димитрия Донского, Александра Суворова, Михаила Кутузова, Александра Невского с их непоколебимой верой: «Кто пойдет на нас с мечом — от меча и погибнет!»

Это единодушие и сплоченность людей, обретение своих корней, своих святынь и стали залогом нашей Победы.

Русская Православная Церковь с первых же дней войны подняла свой голос в защиту Родины. Сегодня мало кто знает, что уже 22 июня 1941 года митрополит Сергей (Страгородский) воззвал с церковного амвона: «Повторяются времена Батыя, Карла Шведского, Наполеона. Потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить наш народ на колени перед неправдой... принудить его пожертвовать благом и целостью Родины, кровными заветами любви к своему Отечеству.

Но не в первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед Родиной и верой, и выходили победителями. Не посрамят же славного имени и мы — православные, родные им по плоти и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью служить ему в тяжкий час испытания всем, чем каждый может...»

И во всех уголках земли Российской, где только сохранились храмы, звучали те же призывы.

«Война есть страшное и гибельное дело для того, кто предпринимает ее без нужды, без правды, с жадной грабительства и порабощения, — обращался к ленинградцам митрополит Алексий (Симанский), — на нем лежит позор и проклятие Неба за кровь и бедствия своих и чужих.

Но война — священное дело для тех, кто предпринимает ее по необходимости, в защиту правды и Отечества. Берущие оружие в таком случае совершают подвиг правды и, принимая раны и страдания и полагая жизнь свою за однокровных своих, за Родину, идут вслед мучеников к нетленному и вечному венцу. Потому-то Церковь и благословляет эти подвиги и все, что творит каждый русский человек для защиты своего Отечества. Она же, исполненная веры в помощь Божию правому делу, молится о полной и окончательной победе над врагом».

Патриотическая деятельность Церкви была хорошо известна Сталину, особенно по письмам с фронта. Он осознал насущную необходимость в перемене государственной политики в отношении Православия, тем более, что во время войны, несмотря на всю предыдущую травлю и репрессии, люди вновь потянулись в уцелевшие храмы, ибо большая, настоящая беда всегда очищает сердца и подсказывает верную дорогу...

Митрополит Иоанн (Снычев)

Сегодня, спустя полвека с памятной весны 45-го, всем нам, наследникам Великой Победы, надлежит прежде всего помнить, что она досталась нам благодаря народному единодушию и единению. Страшно представить, что было бы с нашей Родиной, если бы враг напал на Россию не летом 41-го, а, скажем, весной 95-го, когда все наше общество разобщено, разуверено, поделено на «суверенитеты» и пылает пожарами «горячих точек»...

Да и уберегли ли мы все то, что с таким трудом отстояли наши ветераны? Увы: сегодня русскую землю растаскивают у нас из-под носа безо всякой войны: миллионы русских «ближнего зарубежья» оказались в полоне, словно во времена татаро-монгольского нашествия. Еще немного — и мы, пожалуй, действительно, пригласим шведов хозяйничать под Полтаву и на

берега Невы, Нечерноземье отдадим потомкам Чингисхана, а Кремль поделим между поляками и французами — нам ведь родной земли не жалко?

А что же сами ветераны? Уберегли ли мы их самих — стяжавших нам Победу своим потом и кровью? Это сегодня мы произносим им теплые слова благодарности и дарим подарки — а вчера? а завтра?.. Защитники Российской земли нуждаются не в единовременных подачках, а в нормальной обеспеченной старости, и добиться этого — наша прямая обязанность, наш долг перед Родиной.

Из века в век во всех скорбях и бедах Церковь Русская была со своим народом, окормляя его любовью, воодушевляя на подвиг во имя Родины, вразумляя пастырским словом, назидая своим богатым духовным опытом. «О вождех и воинах, на поле брани за Отечество живот свой положивших» донныне ежедневно возносятся молитвы в тысячах храмах по всей России. «Во блаженном успении вечный покой» для тех, кто не пощадил жизни своей во имя любимой Родины, не устают молитвенно испрашивать тысячи священников за богослужением.

Без прошлого у народа и государства нет будущего. Здоровая историческая память — залог жизнеспособности нации и крепости Державы Российской. Забвение подвигов предков — тяжкий грех, грозящий нравственным одичанием и утратой совести. так пусть же всем павшим в той страшной войне, донныне назидующим нас своим героическим примером самоотверженности и жертвенности на полях сражений, всегда — отныне и до века — возглашается в наших сердцах, как в храмах Божиих, ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ, ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ, ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!.. Аминь».

Газета «Православный Санкт-Петербург»,
№ 5 (36), 1995

БЛАГОДАТЬ

*Церковь старая новой звонницей
Воссияла, как благодать.
Перестаньте, как над покойницей,
Над Россию причитать!*

*Перестаньте впадать в отчаянье!
Хоть прорехи, куда ни ткни,
И страшнее и окаяннее
У России бывали дни.*

*И ходила беда копытами
Да колесами по Руси.
И стонала она под пытками
Вся в лохмотьях, в крови, в грязи.*

*Пронеслась беда тяжелая,
Там — дымя над ней, там — пыля.
И лежала вокруг сожженная
И потоптанная земля.*

*Все мертво. Только пепел кружится.
Только ветер слепой. И вдруг...
Вдруг в каких-то сожженных кузницах
Еле слышное: тук да тук...*

*И березка зеленой свечкою
Вдруг затеплилась по весне,
И все громче с утра за речкою
Камнем чиркают по косе.*

*Даль не очень еще распахнута,
И рассвет еще жидковат,
Но земля кой-где распахана,
И стожки где-нибудь стоят.*

*Чуть еще — и завохчет курица,
Пес залает, и конь заржет.
Чуть еще — и такой по кузницам
На Руси перезвон пойдет!..*

*Будут сытаться искры под ноги,
Будет крепок в подкове гвоздь!
Ни друзья не поймут, ни вороги,
Что, откуда и как взялось?*

*И ударит звонарь по звоннице,
И поднимется в поле рать!
Словом, хватит, как над покойницей,
Нам над Родиной причитать!*

Игорь Ляпин

Стихи ДУХОВНЫЕ

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

«МОЛИТЕСЬ И МЫ ПОБЕДИМ...»

*Фрагмент поэмы
«Пяточка матушки Матроны»*

Николай Владимирович Переяслов — родился 1954 г. в г. Красноармейске Донецкой обл., работал шахтером, геологом, журналистом. В 1990-е годы преподавал историю русской словесности в Самарском епархиальном духовном училище. Секретарь Правления Союза писателей России, член Союза журналистов Москвы, Международной Федерации журналистов. Награжден медалью св. блгв. князя Даниила Московского. Автор книги «Река веры», нескольких поэтических сборников, а также романов и повестей. Работает помощником Мэра Москвы. Живет в Москве.

ВСЕРОССИЙСКАЯ СВЯТАЯ

Блаженная Матрона почилла 2 мая 1952 года.

4 мая в Неделю жен-мироносиц при большом стечении народа состоялось ее погребение на московском Свято-Даниловском кладбище.

Блаженная предсказывала: «После моей смерти на могилку мою мало будет ходить людей, только близкие, а когда и они умрут, запустеет моя могилка, разве изредка кто придет... Но через много лет люди узнают про меня и пойдут толпами за помощью в своих горестях и с просьбами помолиться за них ко Господу Богу, и я всем буду помогать и всех услышу».

8 марта 1998 года в неделю Торжества Православия по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Даниловском кладбище в Москве были обретыены честные останки подвижницы благочестия XX века блаженной старицы Матроны.

2 мая 1998 года Русская Православная Церковь прославила Матрону Московскую в лике святых. Ее мощи были торжественно перенесены в Свято-Покровский женский монастырь.

А в октябре 2004 года Архиерейский Собор Русской Православной Церкви причислил блаженную Матрону Московскую к лику общецерковных святых. По словам Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, если бы блаженная Матрона не помогала, не укрепляла бы верующих, то «оскудела бы тропина народная к раке с ее мощами, но люди идут из разных городов и весей, ибо получают молитвенную поддержку на своем жизненном пути».

День памяти святой отмечается 2 мая.

МОЛИТВА СВЯТОЙ МАТРОНЕ МОСКОВСКОЙ

*О, блаженная мати Матрона!
Спит в земле твоя бренная плоть.
А душа твоя нынче — у трона,
на котором сидит Сам Господь.
Посмотри своим взором чудесным,
сколь грехов мы скопили в запас.
Не бывать нам в чертогах небесных,
если ты не попросишь за нас.*

*Вознеси о нас, матушка, слово —
чтобы к Богу вернуться нам снова...*

ПОД МОСКОВСКИМ НЕБОМ

Московское утро прохладой
встречает далеких гостей.
Столица Матронушке рада,
скрывает ее от властей.

Бежит о ней слава повсюду,
везде ее любят и чтут.
Москва истомилась по чуду,
во всякой семье его ждут.
(За ним — и к Матроне идут.)

Властям это все непонятно,
им только б сажать да карать.
Дана резолюция внятно:
«Смутянку Матрону — убрать!

Москва — это символ порядка,
его эталон. Потому —
не может здесь жить тунеядка,
упечь ее срочно в тюрьму!...»

Летят по столице приказы,
шныряют сексоты¹ с утра.
Но так почему-то ни разу
не взяли ее опера.

Она же спокойно молилась,
почти не смыкая очей,
и, веря в Господнюю милость,
жила, не боясь «стукачей».

Бывало начнет собираться,
хозяевам скажет: «Пора!» —
и тут бесполезно стараться
оставить ее до утра.

К каким-нибудь новым знакомым
отправят ее на авто,
вдруг смотрят — милиция к дому
подкатывает... «Ну что?

Ведите к своей тунеядке,
сейчас мы ее упечем!...»
А люди ведут игру в прятки:
«О чем вы? Мы тут ни при чем!»

Стоят и руками разводят,
невинно глядят на гостей.
Те нервно по дому походят —
ну нет никого, хоть убей!

Уедут, всех взглядом пронзая.
А люди потом много дней
гадают: «Откуда же знает
Матрона, что едут за ней?..»

Но раз как-то — очень уж скоро
пришел участковый. Никто
не сбегал за таксомотором,
чтоб матушке вызвать авто.

¹ Сокращение от словосочетания «секретный сотрудник»: внештатные помощники советских органов правопорядка в 1920–1970-е годы, тайные осведомители ГПУ-НКВД-КГБ-МВД, доносчики или «стукачи». — (Н.П.)

Св. блаж. Матрона

Увидев Матрону в кровати,
он грозно сказал ей тогда:
«Ну что же, гражданочка, хватит
скрываться вам здесь от суда!

Готовьте вещички в дорогу!...»
А матушка, власть не кляня,
в ответ: «Коль угодно так Богу,
то что ж... Но взгляни на меня:

считай, что без ног, и слепая —
куда убегу, скажи, я?...
Но вижу: по дому ступая,
упала супруга твоя.

Коль хочешь спасти, то будь мудрым —
не медли, беги прямо в дождь.
А буду нужна я — ты утром
вот здесь же меня и найдешь.

Сейчас же — беги, что есть мочи,
пока она не умерла...»
И тот, побледнев сразу очень,
помчался, забыв все дела.

Влетел он, весь бел от испуга,
в квартиру, и видит — в углу

лежит без сознания супруга,
почти не дыша, на полу.

Схватил он ее — и в больницу,
спеша свое счастье спасти.
(Чуть позже он начал молиться
и в строгости душу блюсти.)

И, шаг совершая опасный,
пришел он к начальству, и там —
сказал: «Я ей счастьем обязан,
в обиду Матрону не дам!»

И, глядя на это, начальство
(ведь тоже все — русский народ!),
сказало ему: «Не печалься,
пускай она мирно живет.

Но пусть переедет куда-то,
чтоб слух о ней малость заглох.
К Никитским воротам, к Арбату,
на Сходню иль, может, в Загорск...»

Матроне не раз приходилось
сниматься с насиженных мест.
Но, веря в Господнюю милость,
покорно несла она крест.

При этом не просто терпела —
учила других не тужить,
лечила им душу и тело,
давала советы, как жить.

Шутила порой: «Вы держитесь
покрепче за пятку мою,
потянет меня Вседержитель —
и будем все вместе в раю!»

Кто жил рядом с ней, те дивились,
за нею следя в тишине,
как губы ее шевелились,
молитву творя и во сне...

...Вокруг же, Антихриста потчуя
плодами безбожных трудов,
десятками храмы-то отчие
сносились с лица городов.

Как будто случилось смещение
в умах у народа в те дни —
в тюрьму отправлялись священники,
считались врагами они.

И, слыша, как Русь вокруг корчится,
Матрона учила народ,
что время безбожия кончится,
и снова к нам вера придет.

Но эта дорога — не быстрая,
придется немало терпеть.
И храмы впоследствии выстроят,
и свечи в них будут гореть,

но прежде, чем богослужения
опять зазвучат по стране,
пройти суждено сквозь сражения
народу в священной войне.

Но немцам Москва не откроется,
ведь будут ее охранять —
покров Пресвятой Богородицы
и Божья небесная рать.
Бежать из Москвы не советую,
Молитесь — и мы победим.
Мы нашей молитвой заветною —
заслон для врага создадим...

(...Неведомо, кем нам оставлено
свидетельство это — о том,
что якобы видели Сталина,
к Матроне входившего в дом.

Верховный спросил у провидицы,
оставить Москву — или нет?
И как ей грядущее видится,
хотя бы на несколько лет.

В ответ она пухленьким пальчиком
вождя постучала по лбу:
«Не будь испугавшимся мальчиком,
возьми в свои руки судьбу.

Москву оставлять — дело гиблое,
ты силы и дух собери,
да русскими славными гимнами
с небес наших тучи сотри.

*Преставление св. блж. Матроны.
Клеймо иконы*

Осилишь врага богомерзкого,
на помощь к тебе уж спешат
войска под знаменами Невского —
они ход войны и решат.

Война — испытанье не легкое,
Но, как говорит мне Господь,
врага в его собственном логове
тебе суждено побороть...)

...Во время войны бесконечно
шли к матушке жены солдат.
Мол, жив ли мой муж иль навечно
остался, где залпы гремят?

И каждой она говорила —
кто жив, кто убит, кто в плену.
И каждой — иль веру дарила,
иль сил, чтоб осилить войну...

ЦАРСКАЯ ПАСХА

*Материал подготовлен
и составлен
Натальей Харламовой*

Наталья Олеговна Харламова —

в 1984 г. закончила ЛГУ. Работала научным сотрудником музея истории религии. Основное направление научной деятельности — история монашества. С 2008 г. — научный сотрудник музея Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии и научный консультант по экспозиционно-выставочной работе Валаамского монастыря. Имеет несколько сборников стихов и переводов древне- и новогреческой поэзии. В 2007 г. выпустила в издательстве «Яуза-Эксмо» исторический роман «300 спартанцев». Живет в Санкт-Петербурге.

Сегодня, воскрешая в памяти те далекие дни, когда Православный Царь вместе со своим народом славил Воскресшего Господа, мы в своем нынешнем сиротстве, снова хоть отчасти можем ощутить полноту этой великой радости. И будто Государь и его венценосная семья снова с нами. Впрочем, я верю, что они сегодня, и в самом деле, разделяют наше ликование. Святая Русь — земной отблеск Царства Небесного сияет не вечерним светом, «Святой Тихий, пришедший на запад солнца...» Не будем же унывать! Святая Русь воскресает вместе с Господом.

Ниже мы приводим подборку документов, рисующих пасхальные торжества последнего императора в различные годы царствования. Первый рассказ — о детских годах Николая II и о праздновании Святой Пасхи в семье Государя Александра Александровича и его супруги Марии Федоровны.

«Теперь нужно вспомнить и рассказать, как Аничков дворец встречал Святую Пасху¹.

В Страстную Пятницу с Императорского фарфорового завода привозилась груда фарфоровых прелестных яиц различных размеров. Эти яйца предназначались для христосования со всеми служащими во двор-

¹ *Илья Сургунов*. Детство императора Николая II (Царские дети. М., 2007. С. 88–93). Этот рассказ был записан автором во Франции в 1939 г. со слов Владимира Константиновича Олленгрена, который жил и воспитывался в Аничковом Дворце вместе с будущим Императором Николаем II и его младшим братом Георгием. Мать В. К. Олленгрена Анна Петровна (Диди), вдова с четырьмя детьми, выпускница и преподавательница императорского Смольного института была приглашена воспитательницей и учительницей чистописания к царским детям, а сын ее Владимир ровесник цесаревича Николая Александровича стал товарищем его детских игр и первых учебных занятий.

це. Большие яйца, очень дорогие, вероятно, получали лица, близкие к Августейшей Семье. Меньшие размеры полагались персоналу, обслуживавшему дворец. Начиная с Великого Четверга церковные службы происходили как и везде, то есть вечером — двенадцать Евангелий, которых мы, дети, не достаивали. Родители слушали их до конца. На увод детей из церкви разрешение у Родителей всегда испрашивала мать, и мы, признаться, бывали рады, когда она отправлялась за занавеску. (Царская Семья была отделена от остальных молящихся особой бархатной занавесью у правого клироса. В церковь же был свободный доступ для всякого служащего при дворце.) В Пятницу был вынос Плащаницы, на котором мы обязательно присутствовали. Чин выноса, торжественный и скорбный, поражал воображение Ники, он на весь день делался скорбным и подавленным и все просил маму рассказывать, как злые первосвященники замучили доброго Спасителя. Глазенки его наливались слезами, и он часто говаривал, сжимая кулаки: «Эх, не было меня тогда там, я бы показал им!» И ночью, оставшись одни в опочивальне, мы втроем разрабатывали планы спасения Христа. Особенно Ники ненавидел Пилата, который мог спасти Его и не спас.

Помню, я уже задремал, когда к моей постельке подошел Ники и, плача, скорбно сказал:

— Мне жалко, жалко Боженьку. За что они Его так больно?

Подскочил и Жоржик, и тоже с вопросом:

— Плавда, за что?

И до сих пор я не могу забыть его больших, возбужденных глаз.

Время до Воскресения дети переживали необычайно остро. Все время они приставали к маме с вопросами:

— Боженька уже живой, Диди? Ну скажите, Диди, что Он уже живой. Он уже ворочается в Своей могилке?

— Нет, нет. Он еще мертвый, Боженька. И Ники начинал капризно тянуть:

— Диди... Не хочу, чтобы мертвый. Хочу, чтобы живой...

— А вот подожди. Батюшка отвалит крышку гроба, запоет: «Христос воскрес», — тогда и воскреснет Боженька...

— И расточатся врази Его? — тщательно выговаривал Ники непонятные, но твердо заученные слова.

— И расточатся врази Его, — подтверждала мать.
— Я хочу, чтобы батюшка сейчас сказал: «Христос воскрес»... Вы думаете, хорошо Ему там во гробе? Хочу, чтобы батюшка сейчас сказал... — тянул капризно Ники, надувая губы.

— А этого нельзя. Батюшка тебя не послушается.

— А если папа скажет? Он — Великий Князь.

— И Великого Князя не послушает.

Ники задумывался и, сделав глубокую паузу, робко спрашивал:

— А дедушку послушается?

— Во-первых, дедушка этого не прикажет.

— А если я его попрошу?

— И тебя дедушка не послушается.

— Но ведь я же его любимый внук? Он сам говорил.

— Нет, я — его любимый внук, — вдруг, надувшись, басом говорил Жоржик. — Он мне тоже говорил.

Ники моментально смирялся: он никогда и ни в чем не противоречил Жоржику. И только много спустя говорил в задумчивости:

— Приедет дедушка, спросим.

На самом же деле любимицей Императора Александра Второго была маленькая Ксения. Приезжая во дворец, Император не спускал ее с колен, тетешкал и называл «моя красноносенькая красавица».

Несмотря на все недостатки воспитания, слишком оторванного от земли, теперь, с горы времен, мне это видно, что, несмотря на оторванность от живой жизни, дети оставались детьми и ничто детское им не было чуждо...

И потому, когда я сказал, что иду сейчас в мамину квартиру, где Аннушка красит яйца, — то впечатление было такое, будто гром ударил среди ясного неба!

Что такое: красить яйца? Как это так: красить яйца? Разве можно красить яйца? И в сравнении с этим любопытством чего стоили все писанки, изготовленные на Императорском заводе?

Вываться из царских комнат не так-то легко, и тут нужен был весь опыт приснопамятной Псковской улицы, чтобы выбраться в эту сложную и трудноодолимую экспедицию. Нужно было главным образом преодолеть бдительность мамы. На наше счастье, ее через посланца вызвала к себе М. П. Флотова на четвертый этаж. И не успела еще отскрипеть веревка лифта, как мы всей компанией пробрались в заветный коридор, встретив на пути одного только Чукувера, который нес к себе какие-то пакеты и не обратил на нас ни малейшего внимания.

Аннушка делала какую-то особенно прочную краску из лукового настоя, который разводила в глиняной миске. Вся мамина квартира пропахла луком, так что Ники даже осведомился:

— Чего это так в глаза стреляет?

Но когда он увидел, как обыкновенное белое яйцо, опущенное в миску, делается сначала бурым, а потом — красным, удивлению его не было границ. Аннушка, добрая девка, снизошла к нашим мольбам, засучила нам троим рукава, завесила грудь каждому какими-то старыми фартуками и научила искусству краски. И когда изумленный Ники увидел, как опущенное им в миску яичко выкрасилось, он покраснел от радости и изумления и воскликнул:

— Это я подарю мамочке!

Мать вернулась от Марьи Петровны, хватилась нас, безумно испугалась. Кинулись в сад — нас нет. В кухню — нас нет. Подняли всю дворню на ноги, поднялся шум, суматоха, и тут всех выручил Чукувер. Нас нашли, но в каком виде! И тут оба Великих Князя оказали бурное сопротивление: ни за что не хотели уходить из кухни Аннушки, — Жоржик даже брыкался. Разумеется, мне, как заводилровке, влетело больше всех. Влетело и Аннушке, а Аннушка огрызалась:

— Ну что ж, что царята? Дети, как и есть дети. Всякому лестно.

Забрав в руки плоды своего искусства, мы под стражей, с невероятно вымазанными руками, следовали на свою половину. Мать принимала валериановые капли, услужливо поднесенные целителем Чукувером. А для нас весь мир исчез. Важно было донести целыми и не раздавить яички, предназначенные то маме, то папе, то бабушке.

Начали мыть нам руки, принесли песок, но краска так и не отмылась до самой Фоминой.

Во время христосования отец Ники вдруг потянул носом и спросил:

— Что-то ты, брат, луком пахнешь, а? И тут заметил его неоттертые руки.

— А ну ты, Жорж? Ты, Володя? Понюхал всех. От всех несло луком.

— В чем дело?

Мать со слезами объяснила происшествие. Александр Александрович расхохотался на весь дворец.

— Так вы малярами стали? Молодцы! А где же ваша работа?

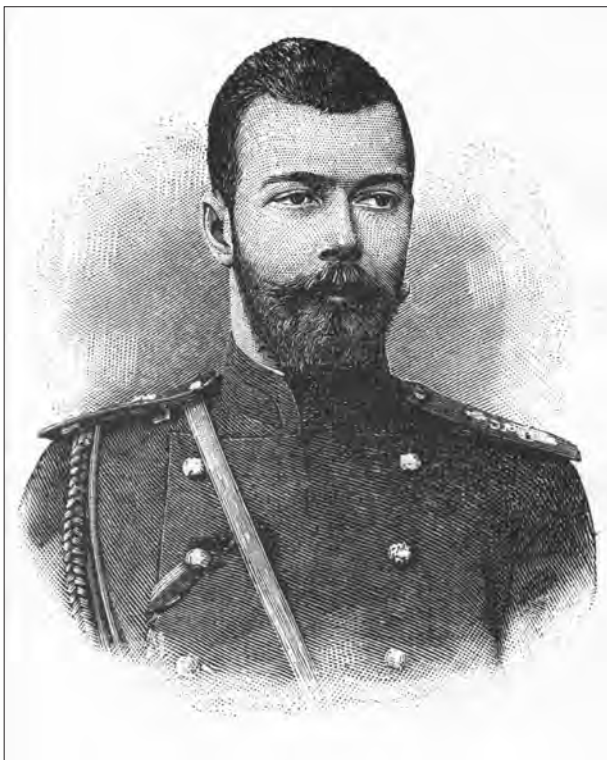
Мы бросились в опочивальню и принесли свои узелки.

— Вот это папе, это маме, это — бабушке. Александр Александрович развел руками.

— Вот это — молодцы, это — молодцы! Хвалю. Лучше всякого завода. Кто научил?

— Аннушка.

— Шаль Аннушке! И пятьдесят рублей денег. А вам по двугривенному. Сколько лет живу на свете — не знал, что из лука можно гнать краску!

*Его Императорское Величество,
Государь Император
Николай Александрович*

*Наследник Цесаревич Алексей
на палубе яхты «Штандарт», 1907*

лялись обратно в свои деревни, но имели право приезда во дворец, во-первых, в день Ангела своего питомца, а во-вторых, к празднику Пасхи и на елку, в день Рождества.

Во дворце хранились для них парчовые сарафаны и нарядные кокошники, и было в этом что-то от русских опер, от «Снегурочки». Сначала их вели к родителям, а потом к нам, детям...»

Пасха Христова, «праздников Праздник, Торжество из торжеств»! В эти дни особенно явственно чувствовалось единение Православного Царя и народа. Ликовала вся Россия. Не было ни равнодушных, ни посторонних — все были, «и званные, и избранные». И Русь Святая была единой семьей. Царь-отец и его многочисленные домочадцы — старшие и младшие (различные категории подданных) — все были — единое целое. Царь — в гуще людей. В эти дни всеобщего ликования, он снисходит со своей головокруговерхней высоты, с высоты власти, освященной миропомазанием и Божьим благословением, и соединяется в общей радости со своим народом. Царь христосует с духовенством, с офицерами охраны, высшими и нижними чинами, с казаками, представителями всех слоев, прибывающих в эти дни во дворец, чтобы принести поздравление своему Государю. После

И через несколько минут после его ухода нам принесли по новенькому двугривенному.

Большую радость и удовольствие доставлял нам приезд во дворец четырех нянек-кормилиц, пестовавших и самого отца, и его детей.

Я теперь отдаю себе отчет, что при невероятной смеси кровей в Царской Семье эти мамки были, так сказать, драгоценным резервуаром русской крови, которая в виде молока вливалась в жилы романовского дома и без которой сидеть на русском престоле было бы очень трудно. Все Романовы, у которых были русские мамки, говорили по-русски с простонародным налетом. Так говорил и Александр Третий. Если он не следил за собой, то в его интонациях, как я понял впоследствии, было что-то от варламовской раскатистости. И я сам не раз слышал его «чивой-то».

Выбирались мамки из истовых крестьянских семей и по окончании своей миссии отправ-

долгих и, как можно предположить, утомительных парадных торжеств, царь удаляется и тихо по-семейному в кругу самых близких людей скромно разговляется.

Многолюдность и пышность праздничных дней резко контрастирует с тихой уединенностью Страстной недели, когда венценосная семья целиком отдавалась молитве и посту. Ежегодно в Чистый Четверг вся семья причащалась Святых Даров, вечером все присутствовали на чтении 12 страстных Евангелий, после чего по обычаю уносили из храма в свои покои огонь, которым освещались все комнаты. В Страстную Пятницу Государь принимал участие в выносе Плащаницы, которую торжественно проносили по залам Зимнего Дворца. В субботу вся семья присутствовала на литургии, и весь остаток дня занималась последними приготовлениями к празднику и поздно вечером от-

правлялась к Пасхальной службе. Государь очень любил глубоко проникновенные службы последней недели Великого Поста, это было время молитвенного подвига Царской Семьи, и, наверно, единственная неделя года, когда все дела (кроме самых неотложных) откладывались; в перерывах между богослужениями Государь предавался размышлению и чтению».

В 1900 г. Царская Семья прибыла в Первопрестольную в канун Пасхальных торжеств. Вся Москва была охвачена ликованием по случаю приезда августейшей семьи:

«Приехав на Страстной неделе, Царь и Царица ежедневно присутствуют на богослужениях, причащаются Святых Таин. По словам Николая II, он, объединяясь в молитве со своими подданными, молится, чтобы Господь помог ему в служении России, к ее славе.

Около трех недель Император проводит в Москве, встречаемый при каждом появлении на улице громадными толпами. Люди стеной выстраиваются вдоль маршрутов его кортежа, простаивая порой долгие часы, чтобы выразить свой восторг. Пресса пестрит характерными заголовками: «Царь и Москва», «Царь и народ»... Газета «Русский листок», оценивая происходящее пишет: «Царь встречает Пасхальную заутреню в Кремле среди народа... Царь запросто христосуетя со своими слугами и с нижними чинами... Царь посещает митрополита... Так и кажется, что мы переживаем страничку из истории древней Патриархальной Руси, когда и жизнь была проще, и

*Императрица Александра
Федоровна с сыном, 1913*

люди больше любили друг друга... Есть что-то глубоко трогательное в этом возвращении к старине. Трогательное, а вместе с тем возвышающее душу и наполняющее ее верой в будущее».

Апофеозом становится пасхальное богослужение. «Еще в 9 часов вечера, — сообщают «Московские церковные ведомости», — вереницы празднично разодетой публики потянулись в Кремль...» Ровно в полночь, когда на площади появляется Крестный ход с иконой Воскресения Христова, подаренной собору Сергеем Александровичем², Государь с пышной свитой направляется в Верхоспасскую церковь. На нем, как в день коронации, преображенный мундир, на императрице шитое золотом белое русское платье и жемчужный кокошник. В древнем храме перед византийским образом Нерукотворного Спаса, привезенного в Россию Софией Палеолог в XV веке, они отстоят Светлую заутреню. Находящегося рядом с Царем Великого князя Сергея переполняет радость — кажется, в эту ночь воскресла сама Святая Русь!..

В начале апреля 1903 года Государь снова присутствует на праздновании Пасхи. И вновь огромный энтузиазм москвичей сопровождает пребывание помазанника Божия среди великих национальных святынь»³.

Ниже приводим несколько отрывков из дневниковых записей Государя, сделанных в разные годы, в пасхальные дни. (Тех, кто никогда не видел дневников Николая II, пусть не удивляет их краткость и сдержанность. Это обычный стиль его записей — несколько строк с перечислением основных событий дня):

1896

24 марта. Светлое Воскресение.

Легли спать около 4 час, утра, когда заря уже занималась. Спали до 8 ¹/₂. Утро было наконец свободное — без бумаг. В 11 ¹/₂ час. началось христосование со всеми людьми в Малахитовой; почти 500 человек получили яйца. Завтракали одни. Поехали с визитами по семейству, посетили т. Сани. Покатавшись по набережной, вернулись к чаю домой. После ванны дочка читал. В 7 ¹/₄ пошли к вечерне;

Затем обедали у Ксении и Сандро с д. Мишой. Дали ей наши подарки. Еще раз покатались, чтобы подышать воздухам.

25 марта. Понедельник.

День с утра был чудный и сравнительно теплый. В 10 ¹/₂ пошли к обедне, поздравили Ксению и затем отправились в Конно-Гвардейский манеж; Аликс с нею, а я с Сандро. После молебна полк прошел отменно два раза церем. м⁴. Затем были отнесены штандарты и по обыкновению зашли в помещение Лейб-эскадрона, где были выпиты здоровья всех и вся.

Вернувшись домой, закусили и сели завтракать в Концертной. Под конец разговора в Ротонде, назначил Валу Долгорукого флигель-адъютантом!

² Великий князь Сергей Александрович, дядя императора Николая II, был женат на Елизавете Федоровне, сестре императрицы.

³ Д. Б. Гришин. Трагическая судьба Великого князя, М., «Вече», 2008. С. 179–181.

⁴ Церемониальным маршем.

В 3 ¹/₂ ч. поехали кататься; гуляли в Аничкове. После чаю читал и писал. В 8 ¹/₂ поехали во франц. театр. Давали новую пьесу «Grosse fortune».

26 марта. Вторник.

Были обычные доклады. Завтракали в 12 ¹/₄ ч. потому что Аликс в час дня поехала на патриотический концерт. Она вернулась ровно в 2 ч. ко времени большого христосования в Концертной со всеми фельдфебелями, вахмистрами и пасхальными караулами. Очень скоро кончили эту процедуру и, переодевшись, поехали в Аничков.

Погода все улучшается; сидел у себя в кабинете с открытым окном! После прогулки катались. Читал до обеда. В 9 ¹/₂ отправились прокатиться еще раз. Возвращаясь домой, видели чудную яркую падающую звезду.

27-го марта. Среда.

После доклада Муравьева было последнее христосование с волостными старшинами и раскольниками. Завтракали в Малахитовой по случаю дня рождения Апапа⁵, с музыкой. После этого я должен был обозревать все карты Генерального штаба и также морские гидрографические работы, что заняло два часа с половиною. Немного покатался с Аликс, погода стояла отличная, народу и экипажей была пропасть. Читал. Обедали в 7 ч. с Катей (деж.), Поехали в «Аиду».

1904

28-го марта. Светлое Воскресение.

В церкви пришлось похристосоваться с 280 (чел.). Обедню отслужили скоро. В Малахитовой мы были в 2 ¹/₂ ч. Разгавливались⁶ с удовольствием. Лег спать около 4 час. Встали в 9 ¹/₂. День был ветреный, серый. В 11 ¹/₂ было большое христосование — около 730 чел. Под конец как всегда певчие пропели несколько светских вещей. Завтракал князь Орлов (деж.). Отвечал на телегр. и гулял. Долго сидели у детей, кот. все еще в кроватях.

1906

2-го апреля. Светлое Воскресение.

Ровно началась заутреня в полночь. Христосовался с царскосельским гарнизоном до штаб-офицеров включительно. Служба окончилась в 2 ¹/₄. Вернулись к себе и разгавливались семейно. Спал отлично до 10 часов. Утро было солнечное, потом пошел дождь. Большое христосование было от 11 ¹/₂ до 12 ³/₄ — 600 с лишком чел. После завтрака гулял. К 4 часам погода поправилась, но стало свежее. В 7 ¹/₂ пошли к вечерне Обедал дядя Владимир. Играл с Мишей на бильярде. Вечером покатались.

3-го апреля. Понедельник.

В 11 час. пошли к обедне в походную церковь. Завтракали д. Владимир и Андрей. В 2 часа в Большом дворце происходило христосование со сви-

⁵ Христиан IX, король датский (1813–1906), отец императрицы Марии Федоровны и дед Николая II.

⁶ Сохраняем орфографию подлинника.

тою, начальством и нижними чинами. Всего 850 чел. Окончилось в 3 ¹/₄. Погода была холодная и дождливая. Гулял. После чая принял Дурново. Обедали у Ольги и Пети.

1907

22-го апреля. Светлое Христово Воскресение.

В 12 ч. началась заутреня, а обедня кончилась в 2 ¹/₄. Вернувшись домой, разгавливались в Круглой зале. Спали до 9 ¹/₂. Все утро лил дождь и было свежо. Христосовался с 700 чел. Прослушали три вещи, спетые певчими. Завтракали семейно. Гулял с Дмитрием и разламывал лед на пруду. Погода поправилась. Читал. В 7 ¹/₂ пошли к вечерне. После обеда сидели вместе. Алике получила подарки к именинам. Разошлись рано после общего чая.

23-го апреля. Понедельник.

Сегодня празднование именин дорогой Алике имело пасхальный оттенок. За обедней стояли внизу. Затем я христосовался со свитой и Уланскими офицерами, Алике всем раздавала яйца. Завтракали в большой галерее. Гулял и раскалывал последние куски льда с Дмитрием. Погода стояла отличная. Пили чай у Мама, после чего она уехала в Гатчину. Читал. Показался на велосипеде. Обедал Шувалов (деж.). Катались вчетвером.

1914

6-го апреля. Светлое Христово Воскресение⁷.

После заутрени христосовался со всеми в церкви. Обедня окончилась без четверти два; пошли разгавливаться в столовую. Вернулись к себе около 3 час. Спал до 9 час. Утром холодный ветер дул с гор, днем он стих. В 11 ¹/₂ ч. внизу началось христосование — 512 чел. Завтракали со всеми. Аликс устала и прилегла до 5 час. Погулял с детьми и офицерами до Крестовой горы в Орианде, где посидели и отдохнули, любуясь видом. Пили чай с вкусной пасхой, молоком и маслом. Отвечал на телеграммы. В 7 ¹/₂ была вечерня. Обедал Никита. Вечер провели вместе.

7-го апреля. Понедельник.

Утром немного погулял. В 11 час. пошли к обедне. После завтрака — во дворе в 2 часа началось большое христосование со всеми нарядами в ночь на Пасху — 920 человек. Оно окончилось ровно в 3 ч. Сделал прогулку с детьми, Комар(овым) и Дрент(ельном) по виноградникам и к морю, откуда вернулись в моторах, к чаю. Начал читать бумаги. Погулял до захода солнца с Аликс. Погода стала теплее. Вечером занимался бумагами.

Эти краткие записи восполняются воспоминаниями тех, кому посчастливилось встречать Пасху вместе с венценосной семьей. Вот краткое описание, как императорская семья встречала Светлое Христово Воскресенье в Царском Селе в 1913 г, в знаменательный год трехсотлетия Дома Романовых.

⁷ В 1914 г. Императорская семья Пасху встретила в Крыму.

«Счастливы те, кто молился в эти великие для каждого верующего дни в храме, созданном Царским усердием и иждивением⁸, и мог едиными устами с Царем повторить исполненные вечной радости слова: Христос Воскресе! и Воистину Воскресе!

В Великий Четверг литургия началась в 9 часов утра в пещерном храме Преподобного Серафима... Когда приблизилось время приступить к Святой чаше, Царская Семья приложилась к местным иконам и сделала поклоны на все стороны света. Семья склоняют колена перед святой чашей, а затем подходят к причастию. Раздаются знаменательные, неизгладимые из памяти бывших в храме слова духовника: «Причащается раб Божий Благодетельнейший и Самодержавнейший Великий Государь Император Николай Александрович Честного и Святаго Тела и Крови Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа во оставление грехов своих и жизнь вечную». После Его Величества причащались Государыня императрица и Великие Княжны, а затем Государь поднял к чаше Своего Царственного Сына.

Каждый поймет, как многозначительно это причащение Русского Царя в военном храме и какими чувствами волновались сердца верных Царских слуг, переживавших вместе с Ним важнейшие минуты в жизни православного христианина.

В Четверг вечером чтение Страстных Евангелий происходило в Высочайшем присутствии в верхнем храме. Верные благочестивому обычаю, Августейшие Богомольцы донесли после служения огонь до дворца...

Наступил и радостный день Светлого праздника. В 11 часов 30 минут началась в верхнем храме полунощница. Зажженные лампы и паникадила и украшенные цветами местные иконы и иконы на солее у Царского места указывали, что торжественные минуты приближаются. Службу совершали: Протопресвитер военного и морского духовенства отец Георгий Шавельский, духовник Их Величеств отец Николай Кедринский, законоучитель Царских Детей отец Александр Васильев, настоятель Царскосельского Екатерининского собора отец Афанасий Беляев, соборное и придворное духо-

Пасхальное поздравление
Ее Величества и Августейших детей
на имя Т.Е. Боткиной, апрель 1918

⁸ Федоровский собор в Царском селе.

Пасхальная открытка Цесаревича

ственного полка и конвоя. За крестным ходом следовали Их Императорские Величества и Их Императорские Высочества. Чудесный вид представляло это церковное шествие: вся дорога до здания конвоя была окаймлена огнями молочного цвета; при выходе крестного хода из храма загорались красные огни, осветившие белый храм и все шествие розовым светом. Была дивная весенняя ночь, прозрачный воздух и бесчисленные звезды на темном небе дополняли картину, не виданную вековыми деревьями Царскосельского парка, черневшими в стороне дворца.

Медленно и торжественно двигаясь, крестный ход обошел вокруг храма и остановился у закрытых дверей. Приветно раздался радостный возглас: Христос Воскресе! — крестный ход вступил в церковь, и началась Пасхальная заутреня. В конце заутрени духовенство вышло из алтаря для христосования. Протопресвитер держал крест, остальные священнослужители имели иконы: Воскресенья, Николая Чудотворца, Святой Царицы Александры, Преподобного Серафима, Алексия Митрополита Московского. Их Величества изволили прикладываться к иконам и христосоваться с духовенством, а затем христосовались между Собою. Наследник Цесаревич Великий Князь Алексей Николаевич с Великою Княжной Анастасьей Николаевной отбыли вслед затем во дворец, а Их Величества с Великими Княжнами Ольгой Николаевной, Татьяной Николаевной и Марией Николаевной оставались до конца литургии. Все нижние чины полка и конвоя сплошной стеной стояли в храме до Царского места на солее.

На второй день Пасхи, в 10 часов 30 минут утра, совершена была полковым духовенством при участии полковых певчих литургия с крестным ходом, с остановками на трех сторонах храма. К службе изволил прибыть Государь Император с Августейшими Дочерьми. Высокие Богомольцы слушали литургию, следовали за крестным ходом и оставались в храме до конца богослуженья.

Так протекли дни Страстной и Пасхальной седмиц в Царскосельском Федоровском Соборе. Они навсегда запечатлелись в памяти бывших свидетелями этих богослужений и принесли отраду всем верующим русским сердцам. В них дивно сочетались заветные святыни Русского народа: ибо, с одной стороны, — в эти дни явилась вся сила и неземная красота Православия, а с другой — они были днями, когда Русский Царь молился, окруженный Своими воинами, присланными от всего воинства и всей Земли Русской.

венство. К самому началу изволили прибыть Их Императорские Величества с Августейшей Семей. По окончании полунощницы величественный крестный ход выступил из алтаря и двинулся вокруг храма. 6 хоругвей, 3 запрестольных креста, 3 запрестольные иконы и 3 иконы Воскресенья несли офицеры Соб-

Такие молитвенные подвиги и радостные события великих церковных праздников, как яркие светочи, освещают таинственные пути нашего Великого Отечества»⁹.

Где были те люди, которые христосовались с Государем, после февральского и октябрьского переворотов? Как сложились их судьбы? Кто-то погиб, кто-то закончил жизнь в лагерях, кто-то на чужбине, а иные делали успешно карьеру в новом советском государстве. Все же хочется верить, что в сердцах большинства из тех, кто молился вместе с Императором, и кому довелось с ним похристосоваться в этот светлый праздник, навсегда остались эти незабываемые минуты вместе с чувством благодарности и любви.

В 1916 г. император встречает Пасху в полевых условиях своей ставки вдали от семьи, в окружении генералов и офицеров штаба — тех, кто менее, чем через год предадут его. В своем дневнике император записывает:

7-го апреля. Четверг.

Очень теплый день. Пошел в 9.20 к обедне, за которой причащались Алексеев и многие из штаба. Погулял в садике, доклад был в 11 час. Завтракало и обедало мало народа. Читал. Сделал выезд на моторе по Гомельскому шоссе и прогулку в том месте, где гуляли с Алике и детьми и разводили костер. Служба 12 Евангелий продолжалась полтора часа. Вечером занимался.

8-го апреля. Пятница.

22-я годовщина нашей помолвки — второй год, что мы в разлуке в этот день. Был недлинный доклад. В 2 ¹/₂ пошел к выносу плащаницы. Погулял немного в садике под дождем. В 6 ч. была служба погребения; Алексеев, Иванов, Нилов и я вторично носили плащаницу. После обеда занимался.

9-го апреля. Суббота.

Ясный свежий день. После обедни доклад был непродолжительный. Днем выехал из города у станции беспров. телеграфа и оттуда пошел пешком полями, лесами и долинами левым плечом вперед и наконец вышел к Днепру у города и вернулся домой в 5 ¹/₄. После чая принял Рощаковского. Получил пасхальные яички от дорогой Алике и детей. Назначил Алексеева генерал-адъютантом. Читал до 11 час. Без ¹/₄ 12 час. началась полунощница.

10-го апреля. Светлое Христово Воскресение.

Обедня окончилась без 10 мин. два. Все собрались у меня, похристосовался с ними и затем разговелись. Ночь была ясная и прохладная. Встал в 9 ¹/₂ ч., через час началось христосование со штабом, управлениями, духовенством, городскими и местными высшими чинами граждан. Доклад был короткий. После завтрака сделал отличную прогулку на Штандарт[овой] двойке вниз

⁹ Федоровский Государев Собор в Царском Селе. Вып. I. Издание Федоровского Государева Собора. Б. г., стр. 93—95.

по Днепру ниже монастыря и обратно, частью на моторе. В 5 час. была вечерня. Пил чай и занимался. После обеда принял Лагиш[а] и Ланглуа. Читал до 11 час.

11-го апреля. Понедельник.

Чудный день. После обедни пошел к докладу. В 2 часа поехал к Быховским казармам, где около полковой церкви в березовой роще я христосовался с казаками и нижними чинами всех частей, стоящих в Могилеве — всего 860 чел. Около 4 ч. вернулся домой и, переодевшись, отправился вверх по речке пять верст и оттуда на двойке вниз. В 7 ч. приехал Георгий М[ихайлович] из объезда армий Западного и Северного фронтов. После обеда занимался до чая.

12-го апреля. Вторник.

Утро было серое и воздух значительно холоднее. В 10 час. вышел на двор и похристосовался с нижн. чин. Особого батальона и команды Штаба, кот. были в наряде в ночь на Пасху. Затем пошел к докладу, а в 12.30 уехал из Могилева. Гулял на остановках. Начал новую книгу «*The Rosary*»...

Из дневника Наследника Цесаревича Великого князя Алексея Николаевича за тот же 1916 год:

10 апреля Христос Воскрес!

Встал $1\frac{1}{2}$ 11. Христосовался со своими. Мама давала яйца всем. Завтракал с О., Т., М. и А. Вечером катался и был у Коли. Лег рано.

11 апреля.

Встал в $10\frac{1}{2}$. Гулял. Завтракал в 12 со всеми.

В 2 ч. были на Христосовании в Большом Дворце.

Христосовался с офицерами моих частей, атаманцами и [нрзб].

Потом пошли все в лазарет. Мама раздавала яйца. Был у Коли. В 5 ч. был собственный синема. Катался, был у Коли¹⁰.

Царский венец — терновый венец, и царская Пасха — через Голгофу к горнему Иерусалиму.

¹⁰ Цесаревич. Документы. Воспоминания. Фотографии. М., «Вагриус», 1998. С. 126.

Пасха 1917. Царское село. Выше приводилось описание торжеств в том же Царском Селе весной 1913 г. Прошло всего четыре года. Где верноподданные? где преданный любящий народ? Невольная аналогия: торжественный вход Господа в Иерусалим и «Осанна!», а спустя четыре дня: «Распни, распни Его!»

Царская семья — в заточении, подвергается унижениям, несносным требованием и притеснениям Керенского. Пасхальные службы проходят в присутствии конвоя, навязчивое присутствие которого станет постоянным в последние два года жизни царской семьи. По кратким, как обычно, записям в дневнике можно только догадываться, какие чувства владели Государем, сколько воспоминаний навевали эти светлые Пасхальные дни. И можно только поражаться выдержке и присутствию духа Императора и всей августейшей Семьи.

1917

28-го марта. Вторник.

Спал очень хорошо. Погода была теплая, дороги оттого стали еще хуже; погулял. В 11 час. пошли к обедне. У Ольги горло продолжает болеть, темп, дошла до 39,4, так скучно — еще недавно окончилась корь. Гулял и работал на островке с Т[атьяной]. В 6 $\frac{1}{2}$ ч. Анастасия пошла с нами к службе. Вечер опять провел с Татьяной и ночевал у себя.

30-го марта. Четверг.

Дул сильный ветер и днем разогнало тучи. В 10 час. пошли к обедне, за кот. много наших людей причастилось. Недолго гулял с Татьяной; сегодня происходили похороны «жертв революции» у нас в парке против середины Александровского дворца, недалеко от Китайского. Слышны были звуки похоронного марша и Марсельезы.

К 5 $\frac{1}{2}$ ч. уже все кончилось. В 6 час. пошли к службе 12 Евангелий, о. Беляев молодцом прочел их один. Вечер провел, как все последние.

31-го марта. Пятница.

Хороший солнечный день. Погулял с Татьяной до 11 час. В 2 часа был вынос плащаницы. Гулял и работал у паромы. В 6 $\frac{1}{2}$ пошли ко службе. Вечером исповедывались у о. Беляева.

1-го апреля. Суббота.

Забыл упомянуть, что вчера мы простились с 46 нашими служащими, которых, наконец, выпустили из Александровского дворца и к их семьям в Петроград.

Погода была хорошая, с сильным южным ветром. В 9 час. пошли к обедне и причастились Св. Христовых Тайн со свитой и остальными людьми.

Погулял до завтрака. Днем начали ломать лед по-старому у моста с ручейком; работали Татьяна, Валя и Нагорный. Поспал до обеда. Одарили друг друга яичками и фотографиями. В 11 $\frac{1}{2}$ пошли к началу полунощницы.

2-го апреля. Светлое Христово Воскресение.

Заутреня и обедня окончились в час 40. Разговлялись со всеми в числе 16 чел. Лег спать не сразу, т. к. плотно поел. Встал около 10 час. День

стоял лучезарный, настоящий праздничный. Утром погулял. Перед завтраком христосовался со всеми служащими, а Алике давала им фарфор. яйца, сохранившиеся из прежних запасов. Всего было 135 чел. Днем начали работать у моста, но вскоре собралась большая толпа зевак за решеткой — пришлось уйти и скучно провести остальное время в саду. Алексей и Анастасия вышли в первый раз на воздух. В 7 ч. в игровой комнате наверху была отслужена вечерня.

После обеда разошлись в 10 час; читал Татьяне вслух у себя. Лег рано.

3-го апреля. Понедельник.

Отличный весенний день. В 10 час. погулял с Валею Д[олгоруковым]. В 11 час. пошел с Т[атьяной] и Ан[астасией] к обеду. После завтрака вышел с ними и Алексеем в парк и все время ломал лед у нашей летней пристани; толпа зевак опять стояла у решетки и от начала до конца упорно наблюдала за нами. Солнце хорошо согревало. После чая разбирал массу полученных прежде открыток. Вечером наверху поиграл с Аликс в «мельницу», а затем у себя почитал Татьяне вслух.

4 апреля. Вторник.

Дивный весенний день — 12 в тени. Утром погулял почти час. Днем продолжали ломать лед, и толпа по-прежнему продолжала смотреть из-за решетки с улицы. Начал читать «Историю Византийской империи» Успенского, очень интересная книга. Вечер провел как последние.

Эти записи дополняют свидетельство из дневника Жильяра, воспитателя цесаревича Алексея Николаевича, от внимательного взгляда которого не ускользнули следы глубокой печали и волнения венценосной семьи:

Великая Пятница. 31 марта/13 апреля.

Вечером вся Семья исповедовалась.

Великая Суббота. 1/14 апреля.

Въ 9 ¹/₂ часов утра обедня и причастие. Вечером, в 11 ¹/₂ часов, все собираются к заутрени. У заутрени присутствует комендант дворца полковник Коровиченко, друг Керенского, и три офицера караула. Служба продолжается до двух часов, после чего все идут в библиотеку для обычных поздравлений. Государь, по русскому обычаю, христосуетя со всеми присутствующими мужчинами, включая коменданта дворца и караульного офицера, который остался при нем. Они оба не могут скрыть волнения, которое вызвало в них это непосредственное движение Государя. Потом все садятся за круглый стол для пасхального разговенья. Их Величества сидят друг против друга. Нас, с двумя офицерами, семнадцать человек. Великая Княжны Ольга и Мария отсутствуют, равно как и Алексей Николаевич. После сравнительного оживления, которое начало быстро падать, разговоры замирают. Ея Величество особенно молчалива. Грусть ли это, или усталость?

Светлое Христово Воскресенье, 2/15 апреля. — «Пасха».

Мы в первый раз выходили с Алексеем Николаевичем на террасу перед дворцом. Чудный весенний день. В семь часов вечера наверху, в детских

комнатах, происходить богослужение. Нас всего человек пятнадцать. Я замечаю, что Государь набожно крестится, когда священник поминает Временное правительство»¹¹.

Свою последнюю Пасху святые царственные мученики встретили в разлуке. Государь и Государыня с дочерью Марией были увезены из Тобольска 13 апреля, остальные члены царской семьи соединились с родителями в Екатеринбурге только 10 (23) мая. Знаменательно, что в Екатеринбург царственные узники прибыли на Страстной неделе, накануне Великой Среды. Этот день, когда Церковь вспоминает о предательстве Иуды, по удивительному совпадению пришелся на празднование 1 мая, которое отмечалось демонстрацией, музыкой и буйным весельем. Государь запишет в своем дневнике:

*18 апреля. Среда*¹²

По случаю 1 мая слышали музыку какого-то шествия. В садик сегодня выйти не позволили!

«Как встретила Светлый Праздникъ въ 1918 г. разлученная Царская Семья? В Екатеринбурге в ночь на Пасху, в комнате, занимаемой Государем, на столике, покрытом скатертью, поместили образа, и перед ним священник совершил пасхальную заутреню. Великая Княжна Мария Николаевна пела пасхальные молитвы»¹³.

«Пасха прошла грустно. Государыня часто плакала. Красноармейцы пьянствовали. Народ в Екатеринбурге глубоко сочувствовал Царской Семье, посылал подарки, красные яйца, куличи, но все с осторожностью. У простых людей была уверенность, что Царя, Царицу и Их Детей спасут»¹⁴.

Из дневника императора:

22 апреля. Светлое Христово Воскресение.

Весь вечер и часть ночи слышен был треск фейерверка, кот. пускали в разных частях города. Днем стоял мороз около 3°, и погода была серая. Утром похристосовались между собою и за чаем ели кулич и красные яйца, пасхи не могли достать.

Обедали и ужинали в свое время. Гуляли полчаса. Вечером долго беседовали с Украинцевым у Боткина.

23 апреля. Понедельник.

Встали поздно морозным серым утром. Второй раз взаперти провели именины дорогой Аликс, но этот раз не всей семьей. Узнали от коменданта, что Алексей уже выходил на воздух пять дней тому назад — слава Богу!

¹¹ П. Жильяр. Из воспоминаний об Императоре Николае II и его семье.

¹² По новому календарю 1 мая.

¹³ Письма Святых царственных мучеников из заточения. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, СПб., 1996, С. 315.

¹⁴ «Русская летопись», кн. 1, С. 153–154.

Гуляли и при солнце и при крупе. Мороз держался около 3—4°. Перед обедом хотели затопить камин в столовой, но повалил такой дым, что пришлось загасить огонь, а в комнатах стало прохладно.

Не менее грустно встретили Пасхальные дни оставшиеся в Тобольске Царские Дети, измученные тревогой о судьбе родителей, от которых все не было вестей. Жильяр запишет в эти дни в своем дневнике:

Понедельник 29 апреля. — Дети получили из Тюмени письмо от Государыни. Путешествие было очень тяжелое. При переправах через реки лошади погружались в воду по грудь. Колеса несколько раз ломались.

Среда 1 мая. — Алексей Николаевич встал. Нагорный перенес его до колесного кресла; его катали на солнце.

Четверг 2 мая. — Все нет известий с тех пор, как они выехали из Тюмени. Где они? Они могли бы уже приехать в Москву во вторник!

Пятница 3 мая. — Полковник Кобылинский получил телеграмму с извещением о том, что путешественники были задержаны в Екатеринбурге. Что же произошло?

Суббота 4 мая. — Печальный канун Пасхи! Все удручены.

Воскресенье 5 мая. — Пасха. Все нет известий.

Вторник 7 мая. — Дети наконец получили письмо из Екатеринбурга, в котором говорится, что все здоровы, но не объясняется, почему остановились в этом городе. Сколько тревоги чувствуется между строк!

Последняя русская царская Пасха отмечалась весной 1919 г. Императрица Мария Федоровна навсегда покидала Россию, свою вторую родину, где она оставила все самое дорогое. Тревожные революционные годы она провела вместе с дочерьми в Крыму во дворце Ай-Тодор. 25 марта (7 апреля) Мария Федоровна поднялась на борт английского судна «Мальборо», которое должно было увезти ее в Лондон. Лейб-казак императрицы Тимофей Ящик вспоминает об этом знаменательном плавании и удивительной Пасхальной ночи на борту английского военного корабля:

«Когда мы достигли Мальты, море стало спокойнее. У нас была слабая надежда, что нам удастся попасть на землю в пасхальную субботу, но этому не пришлось сбыться. Мы вошли в порт только утром на Пасху и поэтому вынуждены были провести пасхальную ночь в море. Пасхальная ночь — это большой праздник в православной церкви, и никто из тех, кто был на борту, не представлял, как можно пропустить его. Императрица решила, что мы должны быть все вместе в пасхальную ночь и сделать все самое наилучшее, что возможно в данной ситуации. Среди нас не было православного священника, но мы исходили из того, что у нас было желание отпраздновать Пасху, а это было самым важным.

И вот пришла пасхальная ночь — самая необычная пасхальная ночь, какую я когда-либо в жизни переживал. Нам предоставили самую большую каюту на борту. Она была красиво украшена картинами и настоящими свечами. В 11 часов вечера появились «прихожане». Вдовствующая императрица надела светлое, праздничное и очень красивое платье. Гофмаршалы были в своих парадных костюмах с бесчисленными орденами. Все мужчины были в мундирах, а дамы — в праздничных туалетах. Я сомневаюсь, что на

каком-нибудь еще английском военном корабле было столько великолепия на корабельной церковной службе.

При обычных обстоятельствах православная пасхальная ночь — великолепный и захватывающий праздник с шествием, пением псалмов, хоровыми песнями и многим другим. Конечно, нам пришлось сократить свои требования на борту «Мальборо». Прежде всего это коснулось псалмов. Один за другим мы начинали петь, но голоса были или слишком высокими или слишком низкими, и мы никак не могли попасть в такт. Нам не хватало органа, и некому было руководить хором. Гофмаршалы и дамы пробовали, но пение не получалось.

Тогда императрица позвала меня и сказала:

— Ящик, ты будешь запевать.

Я попытался отказаться, так как я никогда еще не пробовал себя в этом деле, но другого выхода не было. Я должен был вступить в должность псаломщика судовой церкви, не имея голоса, во всяком случае голос мой не был лучше, чем у всех кубанских казаков. И вот я поднял руки, как тот человек, что обычно дирижировал хором у нас в станице, и начал сам петь один из пасхальных псалмов, который в то время каждый ребенок в России знал так же хорошо, как датские девочка и мальчик знают датские рождественские псалмы. И произошло чудо: пение, которое до этого момента было неуверенным и нескладным, вдруг зазвучало.

И мы отпраздновали Пасху на английском корабле, который с каждым оборотом поршня уносил нас все дальше и дальше от нашей любимой России.

Императрица также позаботилась о вине, печенье, и крашенных яйцах, как это было в России. Это была пасхальная ночь, которую мы, бывшие на корабле, никогда, пока мы живы, не забудем. И, наконец, мы поздравили друг друга с Пасхой и похристосовались, троекратно поцеловав друг друга в щеки или в губы. Я поцеловал руку императрицы, ее величество поблагодарила меня за помощь в ведении праздника»¹⁵.

Наверно это символично, что последняя русская Царская Пасха происходила не на земле, но среди бушующих волн иной стихии. Будет ли еще когда-либо Царская Пасха украшением земли русской, ее величием и славой?

¹⁵ Т. К. Ящик. Рядом с императрицей. Воспоминания лейб-казака. СПб., 2007, изд. 2-е, стр. 83–84.

**Премия
им. АЛЕКСАНДРА
НЕВСКОГО за 2009 год**

**вручена
петербургскому
журналу
«РОДНАЯ ЛАДОГА»**

20 января 2010 года в Свято-Духовом Центре Александро-Невской Лавры состоялось ежегодное вручение Всероссийской литературной премии им. Александра Невского. Эта премия была учреждена Санкт-Петербургской Александро-Невской Лаврой шесть лет назад в нескольких номинациях. Основными критериями оценки представленных на конкурс материалов в первую очередь являются — высокий литературно-художественный уровень, духовная значимость, патриотичность, то есть традиционные русские культурные ценности. В торжественном зале Центра премию вручал епископ Выборгский Назарий, викарий Санкт-Петербургской епархии. Духовными связями и параллелями было проникнуто все мероприятие, традиционно происходящее в Крещенские дни и, как особо подчеркнул в своем слове епископ Назарий, вблизи мощей святого благоверного князя Александра Невского и могилы великого русского полководца Александра Суворова. Кажется промыслительным, что белоколонный зал, где состоялась церемония, с большой иконой Александра Невского, и низкой сценой, напоминающей солею, расположен в здании бывшей Свято-Духовой церкви, в которой отпевали Ф. М. Достоевского. Идея неразрывной связи русской литературы с Русской Православной Церковью, с многовековым духовным опытом русского народа, с русским воинством в этот вечер наиболее полно выразилась и в представленном на

Вручение премии журналу «Родная Ладога»

конкурс творчестве, и в ярких выступлениях награжденных. В 25 градусный мороз почти заполненный зал Свято-Духова культурного Центра являл свидетельство особого внимания петербуржцев к этому нерядовому событию в культурной жизни города.

Ведущий и организатор вечера, член жюри конкурса, поэт, публицист Андрей Грунтовский рассказал об истории премии им. Александра Невского, об особенностях предложенных на конкурс работ, почти все из которых отличались высоким духовно-нравственным и художественным уровнем. Член жюри, петербургский поэт Валентин Голубев представил победителей в номинации поэзия. Среди награжденных известные поэты из Самары Диана Кан и Ев-

*Выступление
Епископа Выборгского Назария*

Выступление А. Н. Крутова

Выступление Н. М. Коняева

гений Семичев, поэтесса из Москвы Марина Котова, петербургский поэт Владимир Скворцов. Ведущий петербургский прозаик Николай Коняев подробно и тепло охарактеризовал творчество победителей в номинациях проза, публицистика, критика, журнальное издание, особенно отметив вклад в современную русскую литературу выдающегося прозаика и публициста Владимира Крупина. В числе награжденных также Николай Пересторонин (г. Киров), Валентин Степашкин (Саров), Александр Ужанков (Москва), Сергей Каширин (Санкт-Петербург), Борис Костин (Санкт-Петербург), Сергей Буковский (Украина, Киев). Среди журналов премией отмечены публицистический журнал «Русский дом» (Москва), главный редактор Александр Крутов, и литературно-художественный журнал «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), главный редактор Андрей Ребров.

Литературно-художественный и культурно-просветительский журнал «Родная Ладога» издается с начала 2007 года. В январе 2010 года вышел первый в этом году, а по счету

одиннадцатый номер журнала, который, как говорит главный редактор Андрей Ребров, «в нынешнее, сложное время в противодействие утрате народом духовно-нравственного потенциала, ставит своей задачей публикацию материалов, способствующих национальному возрождению, восстановлению исторических связей, возвращению страны на путь закономерного самобытного развития». Название журнала не определяется территориальной ограниченностью, а свидетельствует о необходимости объединения творческих сил Северо-Запада, России

Выступление В. Н. Крупина

в целом и в будущем всего русского мира. Журнал «Родная Ладога», надеясь на возможность воцерковления русских людей через культуру, публикует материалы, проникнутые национальными духовными идеями, веря в то, что это поможет различным слоям народа России и, в особенности, молодежи и научной и творческой интеллигенции приблизиться к храму, а в идеале — вернуться в свой исторически родной духовный дом, Русскую Православную Церковь. С помощью литературных материалов высокого художественного уровня, прозы, поэзии, публицистики, философии журнал ставит своей целью способствовать воплощению в жизнь поставленных задач.

В редакционный совет журнала входят известные писатели, православные, общественные и культурные деятели, такие как Н. Нарочницкая, В. Крупин, С. Девятов, Ю. Кублановский, Н. Бурляев, руководитель академического Кубанского казачьего хора, н.а. В. Захарченко, архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов) и мн. др., публикуются такие писатели и общественно-политические деятели, как В. Распутин, Ю. Бондарев, В. Белов, Е. Примаков, Д. Рогозин, В. Никонов, Л. Ивашов, С. Кургиян, А. Дугин, М. Леонтьев, А. Пушкин, И. Глазунов, Е. Чавчавадзе, В. Ганичев, В. Лихоносов, Ч. Кирвель (Беларусь) и др. В 2009 г. на страницах издания были опубликованы статьи Президента РФ Д. А. Медведева и Премьер-министра В. В. Путина. Журнал «Родная Ладога»

по форме и содержанию сохраняет традиции толстых литературных журналов. Он распространяется по региональным писательским организациям, православным храмам, учебным заведениям, фондам и общественно-политическим организациям России и зарубежья.

Почетная премия им. Александра Невского, являющаяся кроме признания еще и степенью оценки литературного издания, заставляет всю редакцию, в состав которой входят: главный редактор, поэт, секретарь Союза писателей России, член Императорского Православного Палестинского общества, член Высшего творческого Совета Союза писателей Союзного государства (Россия, Белоруссия) Андрей Ребров, зам. главного редактора, поэт, литературный критик Валентина Ефимовская, ответственный секретарь, поэт, Владимир Марухин, шеф-редактор электронной версии Николай Станкевич, — с особой ответственностью подходить к дальнейшей творческой работе по созданию журнала «Родная Ладога», имеющего потенциал занять в будущем свое историческое место в духовном поле русской культуры.

Николай Станкевич

ВОЕННЫЙ ЛЕНИНГРАД

*Фотографии
Ленинграда
времен Великой
Отечественной
войны*

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТР ПЕРЕПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРОВ, УВОЛЬНЯЕМЫХ В ЗАПАС (ВЦПО)

ВЦПО создан постановлением Правительства Российской Федерации № 58 от 30 января 1992 года во исполнении распоряжения Президента Российской Федерации № 66-рп от 27 октября 1991 года.

В 2007 году при ВЦПО создано Негосударственное образовательное учреждение «Всероссийский центр переподготовки офицеров, увольняемых в запас» (НОУ «ВЦПО») E-mail: nouvcpo@mail.ru

НОУ ВЦПО (Всероссийский центр переподготовки офицеров, увольняемых в запас) проводит набор слушателей (для всех желающих)
Лицензия А № 306336 от 15.07.2008 г.

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ

- КОМПЬЮТЕР ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ-**
Срок обучения – 32 часа, 2 недели – 3200 руб.
- МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ-**
Срок обучения – 72 часа, 4 недели – 5000 руб.
- СОВРЕМЕННЫЕ КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ-**
Срок обучения – 120 часов, 5 недель – 8000 руб.
- ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ-**
Срок обучения – 72 часа, 3 недели – 5000 руб.
- УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ФИРМЫ-**
Срок обучения – 72 часа, 3 недели – 5000 руб.

Для военнослужащих и членов их семей скидка 20% по окончании выдается документ государственного образца

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПЕРЕПОДГОТОВКА

- НАЛОГИ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ (В МЕНЕДЖМЕНТЕ И ЭКОНОМИКЕ)-**
Срок обучения – 324 часа, 25 недель – 19000 руб.
- ГОСУДАРСТВЕННОЕ МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ-**
Срок обучения – 520 часов, 25 недель – 19000 руб.
- СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ В ОРГАНИЗАЦИИ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА И АУДИТА (НА ПРЕДПРИЯТИЯХ И ФИРМАХ)-**
Срок обучения – 522 часа, 25 недель – 19000 руб.
- РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ-**
Срок обучения – 500 часов, 24 недели – 23000 руб.

Для военнослужащих и членов их семей скидка 20% (кроме русского языка)
По окончании выдается документ государственного образца

Метро «Чистые пруды», 3 мин. пешком
ул. Мясницкая, д.40/16, 6-й этаж, м.610
т.623-60-21, 623-51-98 www.nouvcpo.ru

При ВЦПО открыт АНО ВПО «Институт менеджмента, экономики и инноваций», (Лицензия: Серия А № 00031), который обеспечивает подготовку специалистов с высшим образованием на факультетах:

- Управления
- Экономике
- Информационных технологий
- Заочного обучения
- Дополнительного образования

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ИНСТИТУТ МЕНЕДЖМЕНТА, ЭКОНОМИКИ И ИННОВАЦИЙ

Лицензия на право ведения образовательной деятельности № 000311 от 01.11.2008 г

Все формы обучения. Сокращенные сроки обучения.

Диплом о высшем профессиональном образовании.

Фиксированная оплата за весь период обучения.

Льготы при обучении для студентов (военнослужащие, участники боевых действий, инвалиды и др.)

Институт круглогодично осуществляет набор студентов на следующие направления и специальности:

- Бухгалтерский учет, анализ и аудит
- Финансы и кредит
- Государственное и муниципальное управление
- Менеджмент организации
- Прикладная информатика (в менеджменте, в экономике)

Бакалавры:

- Менеджмента
- Экономике
- прикладной информатики

Специалисты:

- Менеджер
- Экономист
- Информатик-менеджер
- Информатик-экономист

Сроки обучения: - на базе среднего (полного) образования – 5,5 - 6 лет

- на базе среднего профессионального образования – 3,5 – 5,5 лет

- на базе высшего образования – 1,5 – 3,5 лет

Формы обучения: ОЧНАЯ, ОЧНО-ЗАОЧНАЯ, ЗАОЧНАЯ, ГРУППЫ ВЫХОДНОГО ДНЯ

Приёмная комиссия расположена по адресу:

101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 40, строение 16.

м. Чистые пруды, м. Тургеневская, м. Сретенский бульвар

Тел. 623-51-98; 625-81-15

Адрес в интернете: <http://www.nouvcpo.ru>

E-mail: nouvcpo@nouvcpo.ru

Учредители:
Андрей РЕБРОВ
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Контактные телефоны редакции:
8(911) 836-00-06
8(921) 311-31-87 (В. В. Ефимовская)

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. В. В. Ефимовской

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://www.rodnaya-ladoga.ru>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
196158, Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 81, кв. 70.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Корректор *Г. А. Ильина*
Дизайн обложки *Г. Ю. Алкаева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Макаровой*

Подписано в печать 01.04.2010 г. Формат 70x100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 25,0.
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в типографии ООО «СРП «Павел» ВОГ»
196620, СПб. — Павловск, ул. Коммунаров, 16.